АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

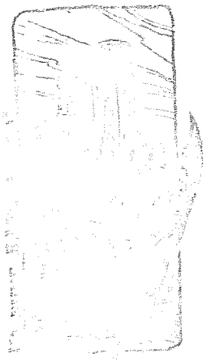
15

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ, АРХИТЕКТУРЕ
И СТРОИТЕЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ
МОСКВА—1963

АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ СССР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

15

Редакционная коллегия
Н. И. БРУНОВ, П. Н. МАКСИМОВ (гл. редактор), А. Г. ЧИНЯКОВ, И. В. ЭРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ, АРХИТЕКТУРЕ
И СТРОИТЕЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ
Москва — 1963

ЧЕРНИГОВСКИЕ КАМЕННЫЕ КНЯЖЕСКИЕ ТЕРЕМА XI в.

ХОЛОСТЕНКО Н. В.

Строительная деятельность в X—XIII вв. в древнем Черниговском кремле была большей, чем это было известно ранее.

Исследования 1950—1958 гг. открыли два гражданских здания XI в. и башнеобразное сооружение с проездом XII в. Установлено также местоположение «нового двора» (В. А. Богусевич), на территории которого исследованы остатки Благовещенского собора и Михайловской церкви (Б. А. Рыбаковым).

На основании раскопок установлено, что черниговский князь Мстислав (1022—1036 гг.) выстроил свою резиденцию и начал строительство Спасского собора на месте сгоревших поселений VIII—IX вв. Довольно мощные слои остатков этих поселений и лежащая на них строительная прослойка времени Мстислава прослеживаются на большой территории к западу и северо-западу от Спасского собора, охватывая также территорию Борисоглебского собора. Эта прослойка является хронологическим репером для последующих наслоений. Разрез раскопа у башни Спасского собора (рис. 1) показывает, что фундаменты башни углублены на 1,1 *м* от современного ей уровня земли и местами перекрывают углубленные части жилищ древних поселений. Открытые на этой территории гражданские здания по размерам значительно меньше, чем Киевские дворцовые княжеские сооружения [1].

Исследованная часть застройки кремля Чернигова, на которой открыты гражданские сооружения (рис. 2), напоминает дворы князей и крупных феодалов, дошедших до нас в народных преданиях, песнях и былинах[2]. Количество построек двора определялось могуществом и знатностью феодалов. Конкретным примером застройки подобного двора, правда не княжеского, а как предполагает П. И. Засурцев, знатного княжеского дружинника, может служить двор-усадьба, открытая в Новгороде раскопками экспедиции Арциховского[1]. Размер этого двора 1200 *м*^{2}. На нем обнаружены остатки шести построек, в том числе большого, очевидно, двухэтажного дома размером 13×10,2 *м*. Представление о размерах дворов князей и крупных феодалов может дать реконструкция центра кремля Киева, выполненная В. А. Богусевичем[2].

Дальнейшие исследования выяснят количество и размеры застройки Черниговского княжеского двора, но и найденные на нем остатки гражданских зданий представляют большой интерес.

Двухкамерный терем был открыт под Борисоглебским собором во время ремонтно-реставрационных работ. При исследовании первоначального пола (на 1,7 *м* ниже пола XIX в.) в северном нефе обнаружены склепы XVII и XVIII вв., возвышавшиеся на 60—80 *см* над первоначальным полом (рис. 3). Расчистка между ними открыла кладки, более древние, чем Борисоглебский собор, лежавшие непосредственно под плитами первоначального пола. Обследование показало, что гробницы XVII и XVIII вв. расположены между степами, образованными этими кладками, а частично и на них. Поэтому гробницы мешали определению конфигурации и взаимосвязи этих стен. Захоронения были перенесены[3]. В результате этого открылась сохранившаяся часть северной стены, а также части западной, восточной и средней стен древнего здания (рис. 4). Его север-

---

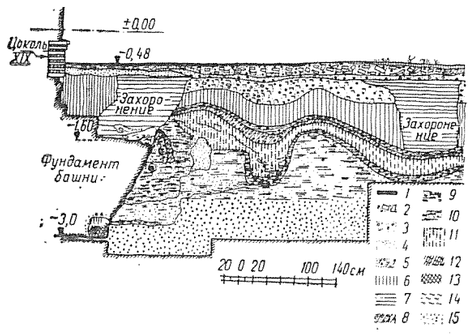
[1] М. К. Каргер. Княжеские дворцы древнего Киева. Ученые записки Ленинградского университета. Л., 1955, стр. 67.

[2] С. К. Шамбинаго. Древнерусские жилища по былинам. Сборник в честь В. Р. Миллера. М., 1900, стр. 133.

[1] П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции», II. М., 1959, стр. 956, рис. 1—12.

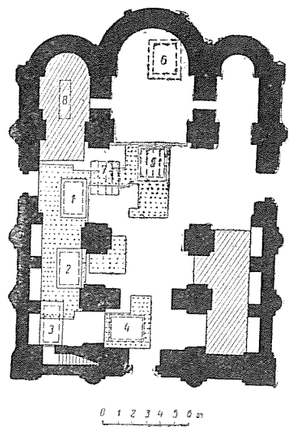
[2] В. А. Богусевич. Про феодальні двори Києва XI—XIII ст. Археологія, XI. Київ, 1957, стр. 14.

[3] Останки гробницы 1 и гробницы 2 перенесены в северную апсиду. Захоронение 3 повернуто.

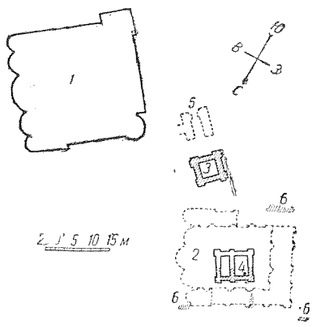
1. Разрез раскопа у башни Спасского собора

1 — асфальт; *2—3* — слой строительных остатков XVIII—XIX вв.; *4* — песок; *5* и *6* — культурные напластования после постройки собора; *7* — захоронения; *8* — розоватый слой XI в.; *9* — горелый слой; *10* и *11* — слои остатков поселений; *12* — пережженная глина; *13* — перегнившее дерево; *14* — глинистый слой; *15* — лёсс

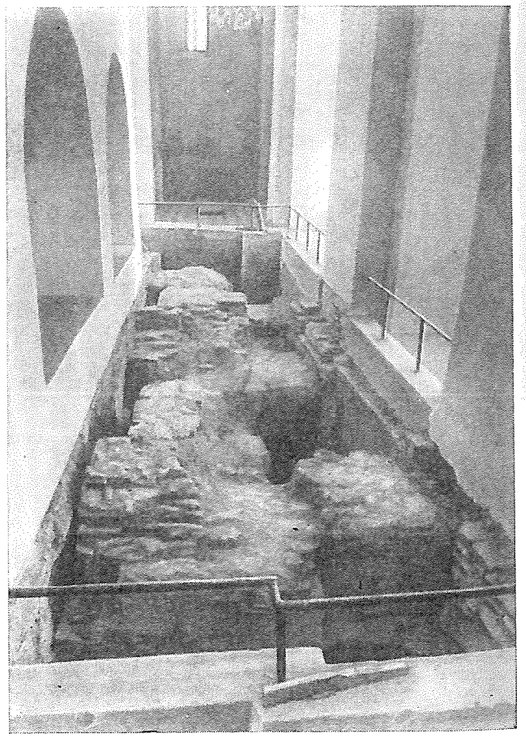
3. Схема расположения гробниц и границ раскопов внутри Борисоглебского собора

1 — гробница Феофана — епископа Черниговского (XVIII в.); *2* — гробница Лазаря Барановича — епископа Черниговского (XVII в.); *3* — неизвестная гробница XVII в.; *4* — гробница в деревянном срубе XVII в.; *5* — захоронения в колодах (невскрывавшихся); *6* — кирпичная гробница семьи польского феодала (XVII в.); *7* — захоронения XVIII в.; *8* — место переноса останков гробниц *1* и *2*. Заштрихованные части — подвалы XVIII и XIX вв.

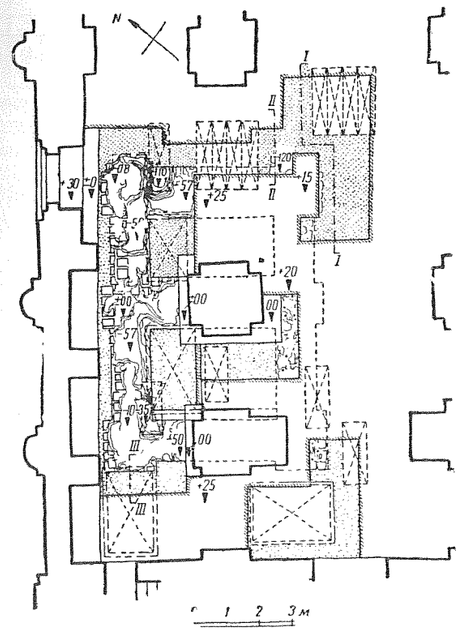
2. План части кремля с открытыми сооружениями

1 — Спасский собор; *2* — Борисоглебский собор; *3* — однокамерное сооружение; *4* — двухкамерное сооружение; *5* — башня с проездом XII в.; *6* — развалы древних кладок, обнаруженные разведочными шурфами

4. Общий вид северного нефа после раскопок

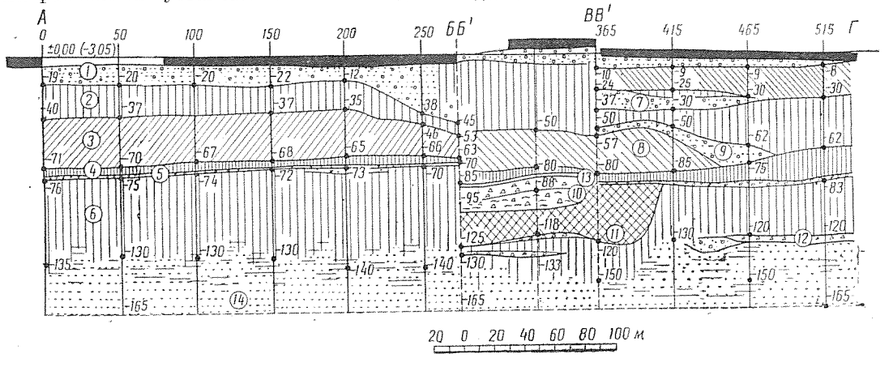
ная стена лежит почти параллельно северной стене собора, с небольшим отклонением на восток (на 27—30 *см*). Для определения общей конфигурации сооружения были заложены раскопы в центральном и поперечном нефах собора в местах, свободных от первоначального пола. Один раскоп был заложен параллельно восточной стене обнаруженного здания, с поворотом на южную сторону, второй — в нартексе против западного портала, третий — между

5. План раскопов двухкамерного сооружения

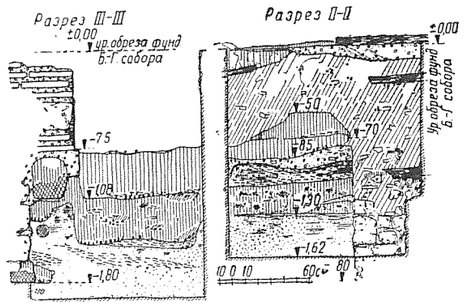
северо-западным пилоном и пилоном нартекса, в месте возможного продолжения средней стены. Этими раскопами установлены юго-западный и юго-восточный углы здания и внутренняя часть южной стены в месте ее примыкания к средней стене (рис. 5). Разрез (*I—I*) показывает, что к востоку и югу продолжения сооружения не было. Здесь ясно видна стратиграфия напластований, характерная для всей территории: под полом собора планировочный слой, ниже — культурные напластования за период строительства собора, затем слои сгоревших поселений и материковый лёсс (рис. 6). Обрез фундамента открытого здания (разрезы *II—II* и *III—III*) лежит в тех же слоях, что и обрез фундамента Спасского собора. Это указывает на близость времени их сооружения (рис. 7) [1]. Обрез фундаментов Борисоглебского собора на 70—75 *см* выше обреза фундамента вновь открытого здания. Глубина фундаментов последнего 1,1—1,15 *м*. Они прорезают основные слои остатков поселений и входят в материковый лёсс. Сложены фундаменты из рваного камня (песчаник, кварцит). Местами кладка расклинена мелким камнем и кусками кирпича. Положена она на крепком цемяночном растворе розоватого цвета. В основании положены деревянные субструкции, в частности, брус большого сечения был помещен под выступ пилястры параллельно фасаду (разрез *III—III*). Этот прием близок к системе конструкций башни Спасского собора.

[1] В верхнем слое земли, примыкающем к обрезу фундамента, найдены фрагменты керамических сосудов X в.

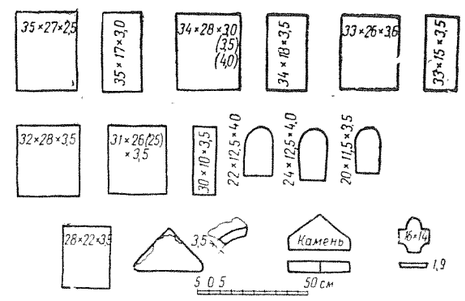
6. Раскоп в центре храма

1 — песок с мелким кирпичным боем; *2* — черный слой с древним кирпичным боем и строительными остатками; *3* — завал желтого кирпича с розоватым раствором; *4* — черный уплотненный слой с перегаром и черепками; *5* — пролитый слой раствора с мелким кирпичным боем; *6* — темно-серый переходящий в пестрый почвенный слой; *7* — светлый прослоек (с известью); *8* — бой светло-желтый с белым раствором; *9* — мелкий кирпичный бой; *10* — «печина» — печеженная глина с угольками; *11* — темная земля с золой, угольками и черепками посуды VIII—X вв.; *12* — темный прослоек с угольками; *13* — серый песок с золой и мелким кирпичным боем XI в.; *14* — лёсс в верхней зоне с серыми прослойками

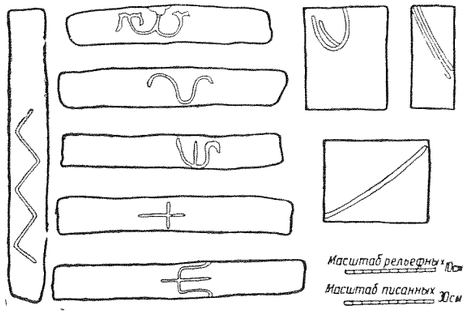

7. Раскоп двухкамерного сооружения. Разрезы II—II и III—III

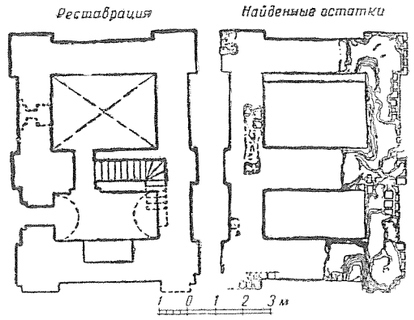
Стены выложены смешанной кладкой из слоев камня, перемежающихся с тремя-четырьмя рядами кирпичной кладки, положенной по системе с западающим рядом. Раствор кладки стен аналогичен раствору кладки фундаментов. Соотношение частей раствора (по данным лабораторных анализов) 1 : 0,5. Толщина швов кладки 2,5—3,5 *см*. Расстояние между выступающими рядами кирпича 9—12 *см*. Основные размеры кирпичей: 36×28×2,8—3,2; 35×27×2,5—3; 33×26×2,5—3,5 *см* и половинки к ним для перевязки — 36×18×2,5—3; 35×18×3; 33×15×2,5—3 *см*. Кирпичи делались из глины каолинового типа и имели после обжига светло-желтый или палевый цвет. Углубления между выступающими рядами кирпичей и плоскостью слоев камня как снаружи, так и на внутренней поверхности стен покрыты заглаженной розоватой штукатуркой. Толщина стен: внешней — 1,2—1,23 *м*, внутренней — 1,57 *м*. Из кладок остатков стен, раскопов и расчисток между стен отобран сортамент кирпичей, из которых было выложено сооружение. В него кроме кирпичей указанных выше размеров входят кирпичи от сводов размером 31×26×3—3,5; 30×10×3,5 *см*, полукруглые кирпичи от полуколонок шириной 12,5 и 11,5 *см*, треугольные донышки и диагональные кирпичи размером 28×22×3 *см* от городошного орнамента, часть каменной базы колонны, керамические (без поливы) плитки пола в форме щита толщиной 1,9 *см* со срезанными под углом бортиками (рис. 8) [1]. На кирпичах видны выпуклые (рельефные) и вдавленные (писанные пальцем по сырой глине) знаки (рис. 9).

8. Сортамент кирпичей двухкамерного здания

9. Образцы кирпичей с метками

10. Планы остатков и реставрации двухкамерного здания

Особенностью клеймения кирпичей этого сооружения является то, что часто рельефные знаки ставились на двух ребрах, причем разные, например на одном в виде трезубца (княжеского знака), а на другом — типа гончарного клейма или знака собственности. Если первый знак можно принять за знак заказчика, привлекшего мастера к данной работе, то второй, вероятнее всего, является знаком мастера-кирпичника. В этом они отличаются от гончарных знаков (см. рис. 9) [1]. На некоторых кирпичах совмещались по этому же принципу вдавленный и рельефный знаки. Двойные метки на кирпичах характерны для обоих теремов XI в. и редко встречаются на последующих сооружениях Чернигова. Следует при этом указать, что и на открытом сооружении знаков с двойными метками встречено не более чем 25% от всех клейменых кирпичей.

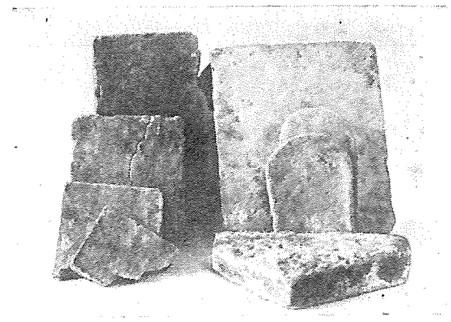
В результате проведенных исследований стало возможным составить сводный план остатков, который показывает, что открытое сооружение представляет собой прямоугольное в плане здание, двухкамерное, размером 9,8×6,5 *м*. Снаружи оно имело угловые пилястры, сделанные по ширине стен, и пилястру по оси средней стены (рис. 10, справа). Пилястры выступают на 27 *см*. Стены местами сохранились на 60—70 *см* выше обреза фундамента.

Стены были еще раз повреждены захоронениями XII—XIII вв., которые клались под первоначальный пол собора. Эти захоронения уничтожены при возведении склепов XVII—XVIII вв., у стен которых сложены разрозненные кости из них. В раскопах вблизи остатков стен найдены фрагменты сводов. Фрагменты имеют клинчатые швы раствора и с нижней стороны — остатки фресковой росписи по двухслойной штукатурке. Фрески выполнены корпусной техникой по заглаженной поверхности второго, более тонкого слоя штукатурки. Сохранившиеся части стен, их фрагменты, фрагменты сводов и отдельные кирпичи носят следы пожара и последующего разрушения металлическими инструментами. Куски кладки открытого здания с фрагментами фресок и отдельные кирпичи с приставшими к ним кусками раствора обнаружены в кладке фундаментов Борисоглебского собора и в подсыпке под его пол. Они отличаются от кладок собора по толщине и размерам, а также по приставшему к ним розоватому раствору, в то время как кладка Борисоглебского собора выполнена на белом растворе.

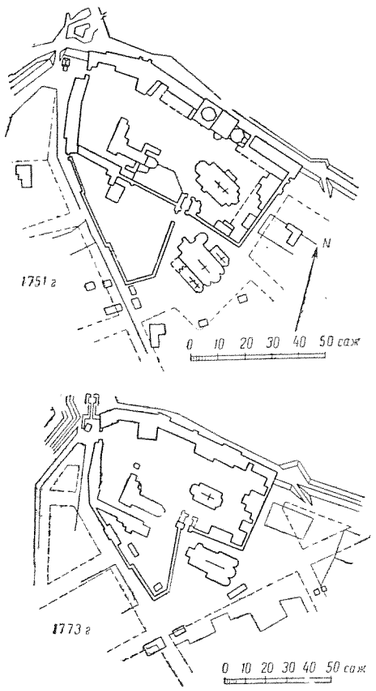
Другое каменное сооружение обнаружено к югу от Борисоглебского собора под существующей водосвятной беседкой XX в. (рис. 2). При

[1] Плитки пола подобной формы найдены В. В. Хвойко в Белгороде (пол многокамерного деревянного здания ниже храма XII в.), в Софии Киевской (XI в.), Успенском соборе Елецкого монастыря и Коложской церкви в Гродно.

[1] По вопросу о значении знаков, в частности гончарных, на изделиях древней Руси имеется ряд мнений. См. раб. А. Л. Монгайта. Рязанская земля. М., 1961, стр. 284—290.

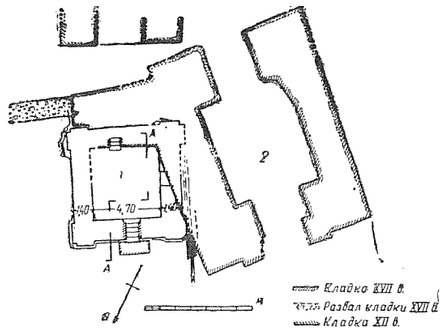
11. Образцы строительных изделий двухкамерного здания

12. Выкопировки из плана Чернигова 1751 и 1773 гг.

изучении сохранившихся старых планов Чернигова обращает внимание башнеобразное сооружение с проездом, показанное на плане 1751 г. (рис. 12), встроенное в ограду Борисоглебского

собора. На плане 1773 г. оно показано пунктиром, а на последующих не показано вовсе. Перенос абриса его плана (по чертежу 1751 г.) в натуру и раскопки, сделанные в этом месте, показали, что это сооружение относится к началу XVII в. Мощность фундаментов и стен указывает на башнеобразную структуру, возможно, что здесь была надвратная церковь с колокольней. На Елецкой иконе (XVII в.; рис. 13) имеется изображение Черниговского кремля, на котором справа от собора стоит башнеобразное сооружение, возможно в какой-то степени отражающее формы нашего раскопанного сооружения XVII в. (рис. 14). Проведенные исследования остатков здания показали, что оно частично выстроено на более древнем сооружении,

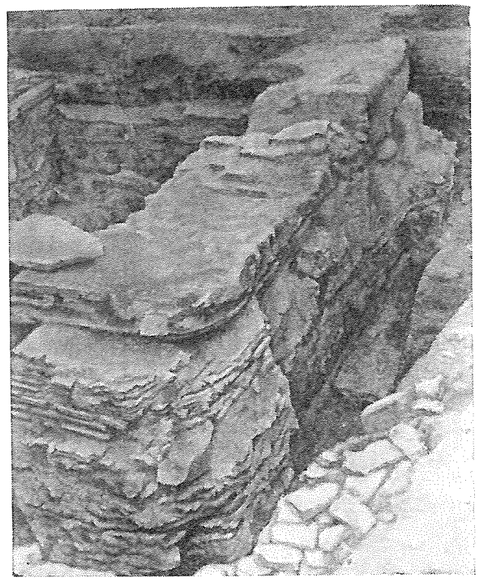
14. План найденных сооружений при раскопах однокамерного здания

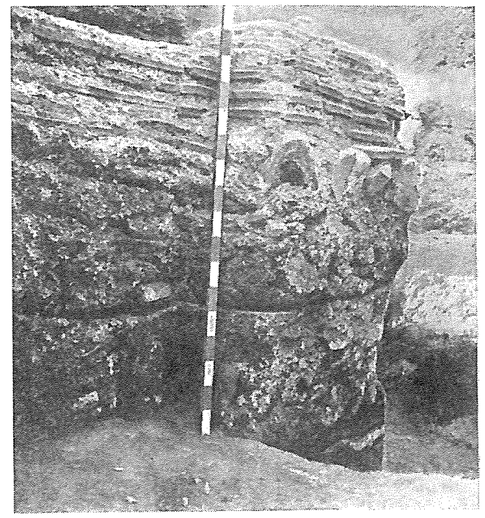
13. Фрагмент иконы Елецкого собора (XVII в.)

остатки которого находились ниже уровня земли (во время возведения здания XVII в.). Само здание XVII в. было разобрано вместе с другими сооружениями Борисоглебского монастыря в XIX в., и над ним в начале XX в. была построена существующая беседка-водосвятница. От древнего здания сохранились фундамент и нижние части стен, достигающие местами высоты до 60 *см*. Западная и частично южная стены встроены в мощные кладки основания здания XVII в. Само древнее здание использовано было как подвал здания XVII в. Для этого в его северной и южной стенах и фундаменте были высечены узенькие лестницы, и по грунту подвала сделан глиняный пол. Поверх древней кладки был сделан свод XVII в., служивший перекрытием подвала. При разрушении здания в XIX в. этот свод провалился, а подвал был завален остатками керамической и стеклянной посуды и кафельных печей XVII и XVIII вв. Исследованиями и раскопками, проведенными в 1950 и 1951 гг., установлено, что древнее сооружение представляет собой однокамерное здание с наружными габаритами 7,5×7,5 *м**. По углам здания поставлены пилястры по ширине стен. Под пилястры сделаны в фундаментах соответствующие выступы (рис. 15). Фундаменты углублены на 1,15—1,2 *см* от современной им поверхности земли. Обрез фундаментов лишь немного выше уровня слоя древних поселений, чем обрез Спасского собора и двухкамерного здания, но значительно ниже обреза фундамента Борисоглебского собора. Фундаменты основаны на мощном горелом слое толщиной 10—15 *см* (рис. 16). На разрезе видны стратиграфия напластований и их примыкание к стенам здания (рис. 17). Здесь слой *4* соответствует уровню земли во время строительства Борисоглебского собора. Слой *5* образовался за период начала постройки до ее разрушения. Слой *6* — прослойка, образовавшаяся во время строительства. Слой *9* — розоватая прослойка времени строительства Спасского собора.

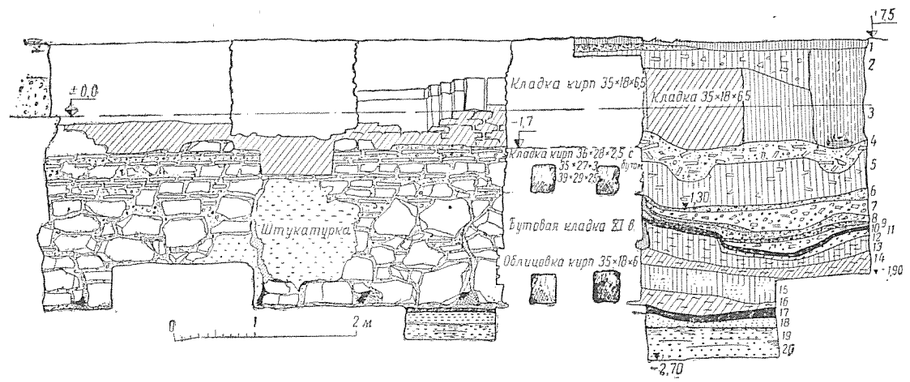
* В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. «Краткие сообщения института археологии», 1. 1952, стр. 32.

15. Северная часть открытого однокамерного сооружения в процессе раскопок

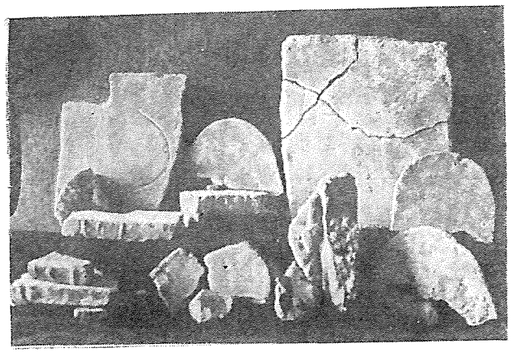

16. Фрагмент угла нижних частей открытого однокамерного здания

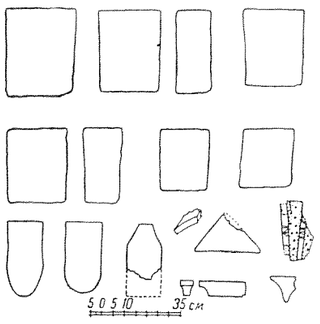

17. Разрез по раскопу однокамерного сооружения

1, 2, 3 — слои после разрушения сооружения; *4* — развал кладки при разрушении здания; *5* — культурные напластования, образовавшиеся после постройки; *6* — строительная прослойка времен сооружения; *7-8* — культурные напластования, образовавшиеся за время между строительством Спасского собора и этого здания; *9* — строительная прослойка времени сооружения Спасского собора; *10* — земля со строительными остатками; *11* — горелый слой; *12, 13, 14, 15, 16, 17* — слои остатков древних поселений; *18, 19* — почвенный слой с культурными остатками; *20* — лёсс

18. Образцы фрагментов и кирпичей однокамерного здания

19. Сортамент кирпичей однокамерного здания

Фундамент состоит из двух слоев. Нижний слой сделан в крепленной траншее, верхний — в некрепленной и имеет неровные поверхности кладки, местами расширяющиеся в верхней части. Сложен фундамент из колотого камня и дикаря (подъемного материала), какой вкладывался в раствор и расклинивался мелким камнем и кусками кирпича. Верхняя его часть, особенно на западной стороне, сложена из слоев камня, проложенных одним-двумя слоями кирпичей. Эта кладка на западной стороне применена также и в стене. В основании фундаментов помещен ростверк из двух продольных и из поперечных брусьев. Последние положены по три-четыре равными промежутками в пролете между пилястрами и по два в выступах под пилястры. Размеры брусьев, по обмерам оставшихся от них каналов, 22×16 и 22×18 *см*. По верхнему ряду кирпича фундаментов положено по два продольных бруса по периметру стен размером каждый 22×18 *см*. Брусья ростверка связывались между собой медными штырями. Ширина стен здания 1,4 *м*. Сохранившиеся остатки стен сложены частью смешанной, частью порядовой кладкой без западающих рядов. Снаружи поверхность кладки стен и пилястр была покрыта штукатуркой-затиркой. Основные размеры кирпичей: 39×28×2,5; 36×28×2,5—3,0; 35×27×2,5 *см*; половинки к ним — 35×27×3,0; 36×28×2,5 и 33×15×2,5—2,7 *см*. Кирпич светлого, желтоватого цвета, сделан из каолинового типа глин, таких же, какие применены и для кирпичей двухкамерного сооружения. Раствор кладки — светлого, желтовато-розового цвета, с цемянкой в мелкой фракции, весьма крепок. В изломе поверхность раствора глянцевая. Швы кладки 3—4 *см*. Лабораторные исследования кирпича показали его прочность 332 *к/см*^{2}. Соотношение частей раствора 1 : 0,6 (одна часть извести на 0,6 части наполнителя)[1].

Около стен в раскопах обнаружено мало развала кладки. Кирпичи, куски раствора и кладки этого здания найдены в подсыпке под пол южного нефа Борисоглебского собора и у его южной стены, а также в кладке фундаментов его южных пристроек. В развалах кладок найдены кирпичи от полуколонок шириной 16 и 16,5 *см*, кронштейны арочных карнизов высотой 7 *см* и длиной 20 *см*, фрагменты арочек и сердечек от этих же карнизов, фрагменты сводов и арочных перемычек (рис. 18 и 19).

На кирпичах этого здания обнаружены метки и притом в большем количестве, чем в двухкамерном. Здесь также имеются кирпичи с двойной меткой как выпуклыми знаками, так и сочетанием выпуклого с вдавленным. Здесь больше, чем в первом здании, встречается сочетание писаных меток с рельефными (рис. 20). В общем же рельефных меток собрано больше, чем писаных по сырой глине. Они состоят как из одного знака или рисунка, так и из нескольких, обычно поставленных в строчку, с интервалами между отдельными знаками. Знаки найдены в виде черт, букв Кириловского и Глаголического письма, пиктограмм и монограмм. Особенно интересны многозначные метки. В них знаки, повторяющиеся в разных сочетаниях, поставлены в строку (рис. 21). Возможно, что в них отразилась манера древней письменности, сохранившаяся по традиции, свойственной ре-

[1] Исследования лаборатории силикатов Киевского политехнического института.

месленной среде в условиях феодального строя, оберегавшей секреты своего ремесла[1]. В форме и манере изображения многих знаков отразилась техника резьбы по дереву, когда выдолбленность делалась ножом двумя прямыми ударами навстречу друг другу, это придавало знакам некоторую клинообразность (рис. 22).

Наружные стены были покрыты штукатуркой-затиркой, местами сохранившейся на дошедших до нас частях. Верхние части стен были расписаны крупным декоративным орнаментом, выполненным корпусной техникой в интенсивных тонах — красном и черном. Об этом свидетельствуют найденные в развале фрагменты штукатурки-затирки как в виде отдельных кусков, так и на фрагментах кладки. Внутри здание имело фресковые росписи по двухслойной штукатурке в виде растительного орнамента в зеленоватых и коричневатых тонах. Найдены также фрагменты керамических плиток пола с поливой черного и желтого цвета.

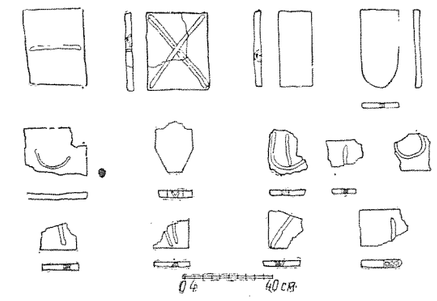
В западной стене древнего здания сохранилась нижняя часть первоначального дверного проема шириной 76 *см*. Фасадную часть этой стены открыть не удалось из-за большого массива примыкающей к ней кладки XVII в. В 12—15 *м* от западной стены разведочным раскопом была вскрыта известковая яма, верх которой лежал в уровне обреза фундамента открытого здания. Очевидно, она была сделана для его строительства.

О светском назначении открытого здания косвенно свидетельствуют и вещи, найденные у его стен: женские гребни, стеклянные браслеты, ножи с костяными ручками, фрагменты стеклянной и керамической, в том числе с поливой, хозяйственной посуды и, особенно, большое количество шиферных пряслиц. Шесть пряслиц со знаками и надписями найдены у его восточной стороны. Некоторые из знаков на пряслицах близки к знакам на метках кирпичей.

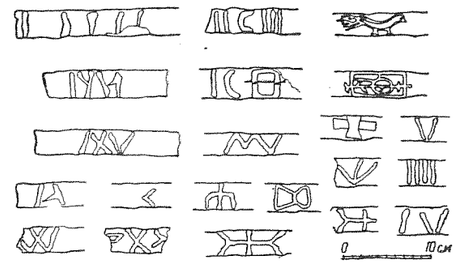
Трещины в фундаментах и стенах, проходящие через места выгнивших связей, наряду с другими данными (месторасположением здания и техникой кладки), побудили нас в предварительном сообщении об исследованиях этого здания[2] связать его с историческими сведениями

[1] О возможном отражении в древнерусских метках древней славянской письменности говорит и Н. А. Константинов, указывая на близость отдельных знаков с кипрскими графемами. «Народные резные календари». Сб. Музея антропологии и этнографии. XX. М.—Л, 1961, стр. 84—113.

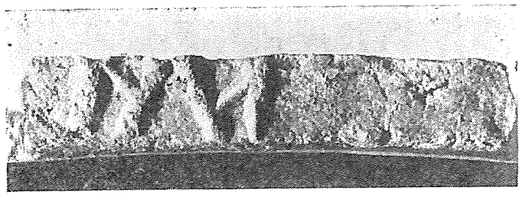
[2] См. указ. раб. Н. А. Константинова.

20. Образцы кирпичей с двойной системой мечения

21. Образцы меток кирпичей однокамерного здания

22. Кирпич с рельефным знаком (однокамерного здания)

о тереме, в котором умер Давид Святославич (1123 г.). Неизвестный автор XII—XIII вв. рассказывает в «Слове о князьях», что при смерти Давида Святославича «...расседеся верх теремцю...»[1]. Однако использование остатков разрушенных двухкамерного и однокамерного

[1] О. І Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1949, стр. 41.

сооружений при строительстве Борисоглебского собора и то, что собор строился на выровненной после их разрушения территории и после строительства капитально не перестраивался и дошел до нас в сравнительно хорошо сохранившемся виде, показывает, что разрушения обоих сооружений произошли одновременно и перед постройкой Борисоглебского собора[1].

Данные стратиграфии и строительной техники показывают, что двухкамерное сооружение весьма близко по времени к строительству Спасского собора. Его крещальню, построенную вслед за собором[2], следует отнести к периоду после сооружения двухкамерного здания. Однокамерное сооружение, также близкое этому времени, следует отнести к периоду после строительства крещальни, т. е. к 50—60-м годам XI в. Следы сильного пожара и повреждений на обоих зданиях указывают на чрезвычайное происшествие в жизни Чернигова, случившееся до постройки Борисоглебского собора и до смерти Давида Святославича. Оно произошло в Чернигове в конце XI в. В период острой борьбы за Чернигов между Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем, Мономах покинул город[3]. Покидая Чернигов в 1096 г., он оставил за собой горящий княжеский двор.

Размеры и тип планировки обоих открытых в Чернигове зданий находятся под влиянием деревянного зодчества и современного им массового жилья, основными элементами которого были четырех- и пятистенные срубы. Однотипными с нашими сооружениями являются жилища феодалов, открытые археологическими раскопками в древнерусских поселениях и городах X—XIII вв., например жилище «знатного человека», обнаруженное В. В. Хвойко в Белгороде, размером 7,1×4,2 *м**, двухкамерное жилище там же в огороде Давиденко размером 6,75×4,45 *м* с печью в каждой камере[4], жилище феодала-землевладельца в замке вощенского городища на Смоленщине (раскопки В. В. Седова) размером 6,5×5 *м**, дом боярина, открытый раскопками Рыбакова во Вщиже, размером 14×6,5 *м*** и, особенно пятистенные дома дружинников-феодалов на усадьбе-дворе Новгорода, последовательно сменявшие друг друга во времени[1].

Для однокамерного здания близки по габаритам однокамерные дома, открытые раскопками в Чернигове, Старой Рязани, Старой Ладоге и Новгороде[2], а также двухэтажный жилой дом феодала в Галиче, открытый раскопками в 1951 г.[3].

Из аналогичных каменных зданий укажем на близкий по размерам и планировке терем Анциферовичей в Новгороде (размер 9,5×7,7 *м*)*** и близкий по общему габариту башню-терем Гродненского кремля[4], которая в приводимой таблице дается в реконструкции. Интересно также отметить, что южная пристройка к Михайловской церкви Выдубецкого монастыря в Киеве, открытая М. К. Каргером и определяемая им как гражданская постройка, также по размерам (10,6×7 *м*) и структуре плана близка нашему двухкамерному зданию[5].

Такого же типа постройки, традиционные для жилищ славянских народов, характерны и для соседних южных и западных славянских народов. В частности, почти точной аналогией нашему двухкамерному зданию и башне-терему Гродненского замка являются некоторые из средневековых домов Праги, относящиеся ко времени между 1180 г. и серединой XIII в.**** Особенно близок двухкамерный дом размером 10,1×8,8 *м* (рис. 23)*****. Схемы планов некоторых из указанных аналогичных построек сведены в таблицу, где они сопоставлены с нашими

[1] Аналогичный случай заложения храма на месте гражданского здания отметила Новгородская летопись: «Заложи Владыко Василий церковь камену... где теремець был» (Новгородская 1-я летопись под 6849 годом).

[2] М. Макаренко. Чернігівський Спас. Археологічні досліди року — 1923. Київ, 1929.

[3] Повесть временных лет., 1 .М.—Л., 1950, стр. 160 (Поучение Владимира Мономаха).

* Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко. М., 1911, стр. 17.

[4] Там же.

* В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960, стр. 60, рис. 27.

** Б. А. Рыбаков. По следам древних культур — Древняя Русь. М.1953, стр. 107.

[1] См. указ. раб. П. И. Засурцева, стр. 263, 264; рис. 11, 12.

[2] Там же, стр. 283, рис. 10/4.

[3] В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнего Галича у 1951 р. Археологічні памятки УССР, V. Киев. 1953, стр. 28.

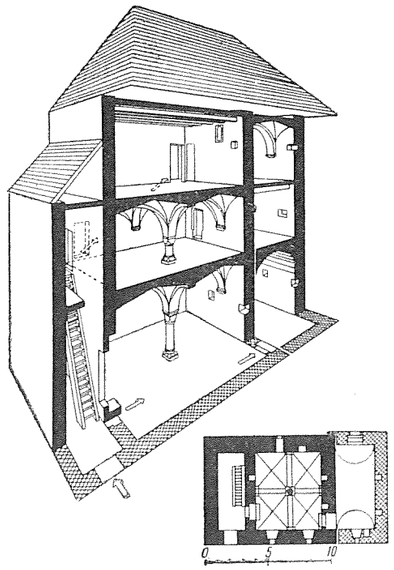
*** Труды Новгородской археологической экспедиции. 1 (МИА, 55), М. 1956, стр. 61, рис. 11.

[4] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41. М., 1954, стр. 120, рис. 73.

[5] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 162—163.

**** Чертежи выполнены по материалам W. Mencl. Praha Přédromanská a románska, в кн. «Praha Románska», R., 1948, рис. 49, стр. 116.

***** Там же, рис. 50.

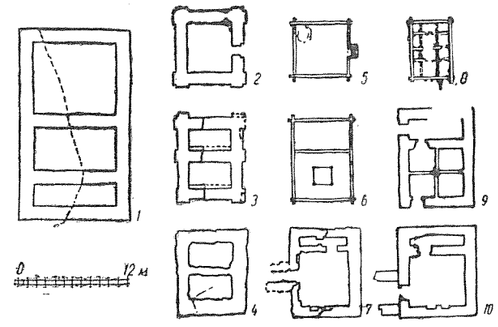

23. Романский жилой дом в Праге (в подвале ратуши старого города сохранился нижний его этаж)

Черниговскими сооружениями (рис. 24). Можно более конкретно определить значение каждого из наших сооружений в застройке княжеского двора и в связи с этим более точно определить его планировку и объемно-пространственную структуру, что поможет связать найденные нижние части зданий и их фрагменты.

Письменные свидетельства, приведенные выше, говорят о многочисленных постройках, размещавшихся на дворах князей и крупных феодалов. Само понятие феодального жилища в древнерусском языке выражалось во множественном числе — термином хоромы. В деревянном зодчестве хоромы состояли из ряда срубов, каждый из которых предназначался для определенных потребностей княжеского двора или двора феодала, его семьи, или для жилищ челяди, ремесленников, обслуживающих такие дворы, или для хозяйственных нужд. Срубы либо ставились самостоятельно и связывались переходами или они помещались впритык друг к другу. В условиях феодального строя жилища феодалов должны были носить оборонный характер как во внешних ограждениях дворов, так и в отношении самих жилищ. Одна из их частей была укреплена сильнее других и делалась в виде самостоятельной постройки типа башни или в виде возвышения на жилом корпусе. В обычных условиях она в древней Руси использовалась для личных покоев князя или феодала или для женской половины семьи и носила название терем (тером, трем) теремк, теремьц[1].

Наиболее древнее упоминание о таком сооружении имеется в летописи, в рассказе о расправе Ольги над древлянскими послами. Археологические исследования открыли подобную постройку, например во Вщижском замке[2]. На рисунках рукописей и миниатюрах также имеется ряд изображений княжеских дворов, хором и теремов. Как отметил Д. С. Лихачев, эти рисунки и миниатюры XI—XIII вв.[3] «...иллюстрируют главным образом те положения, которые связаны с церемониалом и которые необходимо упомянуть по этикету. Посажение князя на стол, въезд его в город, победа над врагами — все эти действия изображены предельно лаконично — Войско изображено условной группой, город — воротней башней, мирные перегово-

24. Сравнительные схемы планов

1 — киевский терем у Десятинной церкви (реставрация по материалам В. В. Хвойко); *2* — однокамерный Черниговский терем; *3* — двухкамерное сооружение Чернигова (реставрация); *4* — терем Анциферовичей (по Арциховскому); *5* — жилой дом Старой Ладоги (X в.); *6* — жилой дом из Неверского раскопа в Новгороде (X в.); *7* — башня-терем в Гродно (по Воронину) — реставрация; *8* — дом феодала в Галиче (по Гончарову); *9—10* — романские жилые дома Праги (из подвала ратуши и по Целешней ул.)

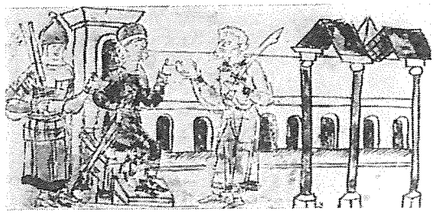
[1] Пример связи понятия терем с высотным зданием приводит Срезневский из рукописи Георгия Амартола: «...и обрет дом аки тером высок...» Н. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. II. Спб., 1895, стр. 952.

[2] Б. А. Рыбаков. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 106 и 107.

[3] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1953, стр. 42.

ры — трубачами и т. д. ...» Однако персонажи и антураж, данные очень обобщенно, наделяются реальными чертами, при этом наиболее им свойственными и характерными особенностями. В этом отношении они документальны, это показывает сравнение отдельных изображений лиц и предметов с данными археологии и сохранившимися предметами того времени[1].

Одна из миниатюр Радзивиловской летописи иллюстрирует следующее событие: «Володимер же, то слышав, вошед в двор терем о тень..., седе ту с дружиною своею»[2]. На ней изображен Киевский княжеский двор, на котором показано одно здание типа открытой около Десятинной церкви гридницы и другое в виде башни-терема (рис. 25). На другой миниатюре той же летописи, изображающей события 1193 г., показан княжеский двор во Владимире в виде двух,

25. Миниатюра Радзивиловской летописи — княжеский двор в Киеве

очевидно наиболее характерных его построек — прямоугольного здания хором и другого — башнеобразного. Интересно реалистическое изображение хором на миниатюре из этой же летописи (л. 124) при описании морового поветрия в Полоцке. Здесь хоромы имеют глухой первый этаж, очевидно используемый для хозяйственных целей, с окованной дверью в арочном проеме, и второй жилой этаж, освещенный большим арочным проемом.

Из древнеболгарской архитектуры X в. следует привести для сравнения с Черниговскими постройками башню «пирг» в комплексе малого Мадарского дворца[3]. Ее размеры 6×6,5 *м*, толщина стен 80 *см*, а той, в которой расположена лестница, 1,3 *м*. Сама лестница имеет ширину 50 *см*. Стены сложены из камня с прослойками в 1—2 ряда кирпича. Кладка напоминает кладку однокамерного терема. Кирпичи имеют размеры 39—40×26—22×3,5—4 *см*.

Из зодчества волжских булгар приведу дворец феодала в Суваре, относящийся к X в. или к началу XI в.[1]. Он дает пример сочетания двухэтажного корпуса с башнеобразной частью. Дворец стоял в центре города (городища) на пересечении двух дорог. Размер прямоугольного корпуса 7×4 *м*, башни — 4×3,5 *м*. Вокруг зданий были отмостка и какие-то пристройки, от которых остались следы деревянных столбов. Стены здания были сложены из кирпича размером 36×25×5, 26×26×5, 22—21×21,5×5 *см* и половинок к ним для перевязки.

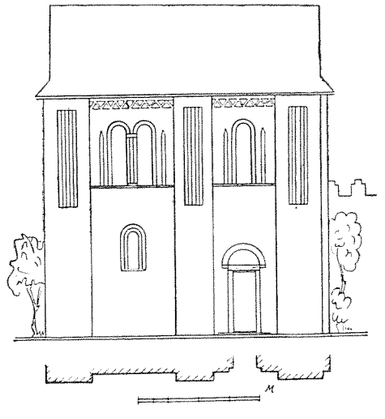
Приведем дворец в Мангупе XIV в.*. Основные его части — двухэтажный корпус и башня, сооруженная позднее корпуса. Размер прямоугольной двухэтажной части 10,5×8 *м*, квадратной башни — 6,8×6,5 *м*. Нижний этаж двухэтажного корпуса использовался под хозяйственные помещения, второй — под зал, перекрытый цилиндрическим сводом. Стены внутри были покрыты фресками. Все данные сведены в таблицу.

Наименование построек	Однокамерные	Двухкамерные
Черниговский терем	—	9,8×6,5
То же	7,5×7,5	—
Терем Анциферовичей в Новгороде	—	9,5×7,7
Гродненская башня-терем	—	10×7,5
Мадарская башня-пирг	6,3×6	—
Дворец в Суваре	4×3,5	7×4
Мангупский дворец	6,8×6,5	10,5×8

Двухэтажное здание в Чернигове имеет наружные стены толщиной 1,2—1,23 *м*, толщина внутренних стен 1,57 *м*, однокамерное — толщиной 1,4 *м* при меньших общих габаритах сооружения в плане и при более мощных фундаментах. Это дает основание считать, что первое здание имело меньшую этажность, чем второе, и было башнеобразным. Данные раскопок и приведенные аналогии позволяют реконструировать планировку первого здания с внутренней лестницей в средней, более толстой стене (см. рис. 10, слева). В ней размещается лестница обычного для древнерусских сооружений размера. Первый этаж был, очевидно, хозяйственный и, вероятно, имел небольшие высоко поставленные окна и одну входную дверь. О хозяйственном назначении первого этажа говорят также найденные внутри у средней стены плитки пола, не покрытые поливой. В развалах найдены фрагменты поливных плиток, очевидно от пола второго этажа. Найденные фрагменты сводов говорят о том, что перекрытие первого этажа было сводчатым. Двухкамерный терем был по своей архитектуре близок Спасскому собору в Чернигове (рис. 26), но некоторые детали сближают его с Успенским собором Елецкого монастыря в Чернигове, например, фрагменты орнамента «городок». Остатки арочных перемычек с нишками указывают на окна, типичные для этого времени. Полукруглые кирпичи от полуколонок близки по размерам к полуколонкам у окон закомар и к висячим полуколонкам окон над северным порталом Спасского собора. Полуколонки последнего фланкируют окна и имеют конусообразные завершения. В тереме они могли находиться только во втором этаже. Найденная половинка базы восьмиугольного столба вероятнее всего принадлежит междуоконному столбу сдвоенного окна второго этажа (большого помещения), фрагменты городкового пояса, аналогичного карнизу купола Елецкого собора (последний несколько большего размера), показывают, что такой пояс был на Черниговском тереме. Вернее всего, что он был расположен под карнизом.

Покрытие прямоугольного в плане здания естественно реконструировать в виде двухскатной кровли с двумя фронтонами на узких сторонах. Хоромы Полоцка дают пример такого завершения. Найденные небольшие фрагменты свинцовых листов и его потеки на кладке указывают, что кровля была свинцовая. Схематическая реконструкция внешнего вида двухкамерного здания в Чернигове (рис. 27) суммирует все эти данные и основывается в отношении пропорции фасада на аналогии со Спасопреображенским Черниговским собором.

Найденные фрагменты второго сооружения, особенно части арочного карниза и городкового пояса, и характер кладки стен сближают его с такими сохранившимися памятниками Чернигова, как Успенский собор Елецкого монастыря и Борисоглебский собор. В древнерусских миниатюрах и рисунках часто встречаются изображения зданий на княжеских дворах (рис. 28), среди них много трехэтажных. Изображение башни княжеской резиденции в Вышгороде на миниатюре «Жития Бориса и Глеб

27. Северный фасад двухкамерного сооружения (реконструкция)

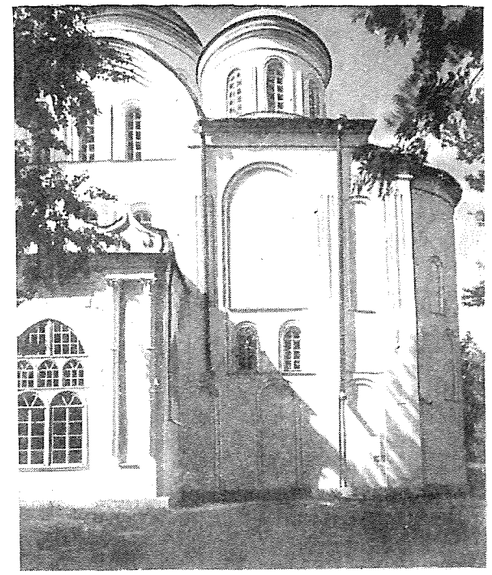
[1] Сравнения с предметами обихода, обуви, одежды, даны в соответствующих разделах: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948. Верена Хан. Профани намјештај на нашој средњовековној фресци Музеј примечена уметности. Б., 1955, стр. 7—53.

[2] Повесть временных лет, 1950.

[3] Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1950, стр. 58, 59; рис. 54, 55.

[1] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1954. стр. 245—255.

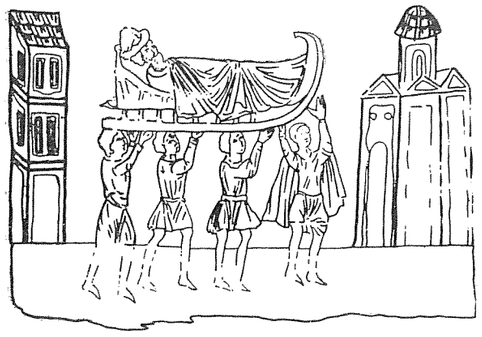
* А. Л. Якобсон. Дворец. Археологические памятники юго-западного Крыма. МИА, 34, М.—Л., 1953. стр. 390; рис. 1, 2.

26. Фрагмент южного фасада Спасского собора в Чернигове

28. Примеры покрытий башнеобразных сооружений по древнерусским миниатюрам

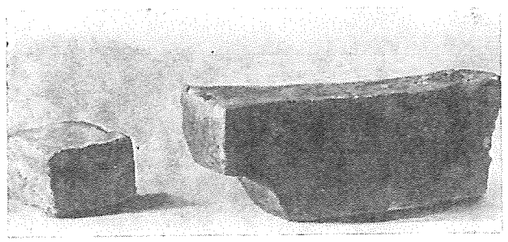

29. Миниатюра из «Жития Бориса и Глеба»

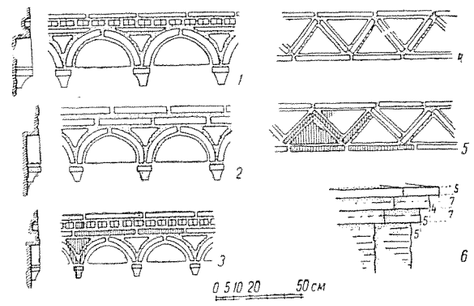
ба» XIV в. (рис. 29) [1] может дать представление о наружном облике Черниговского однокамерного здания. На миниатюре показано трехэтажное здание, фланкированное по углам пилястрами, с окнами, обрамленными нишками, и с поэтажным членением. Крыша, очевидно, покрыта свинцовыми листами. Миниатюры Радзивиловской летописи дают примеры разных покрытий: закомарное на всех фасадах, шатровое и двухскатное. Большая часть изображенных зданий имеет шатровые кровли.

Мощность стен дает основание реконструировать открытое здание трехэтажным. Первый этаж имел одну входную дверь, перекрытую, вероятно, арочной перемычкой с глухим тимпаном, низ проема сохранился. Остатки сводов говорят о наличии сводчатых перекрытий хотя бы в нижнем этаже. Фрагменты арочных перемычек и фрагменты наружных росписей ука-

[1] История культуры древней Руси, 1. М.—Л., 1948, стр. 305, рис. 199.

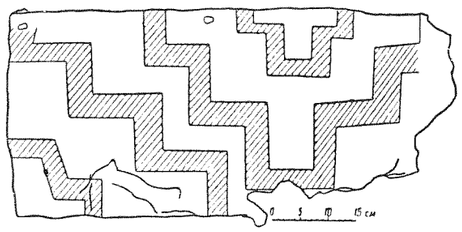

30. Фрагменты арочного карниза однокамерного терема — кронштейн и зубчик

31. Реконструируемые элементы однокамерного терема и их аналоги:

1 — арочный пояс Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове; *2* — арочный карниз Борисоглебского собора в Чернигове; *3* — реконструируемый арочный карниз однокамерного терема; *4* — орнаментальный пояс на барабане Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове; *5* — реконструируемый пояс однокамерного терема; *6* — карниз пилястры Ильинской церкви в Чернигове (штриховкой показаны найденные фрагменты однокамерного терема)

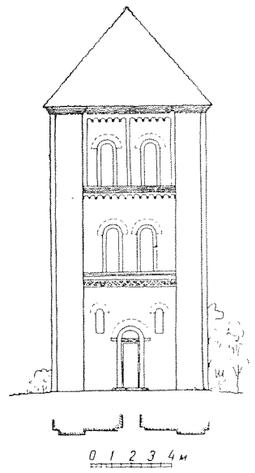

32. Свинцовый лист крыши здания с проездом XII в. (у Спасского собора в Черниговском кремле)

зывают на арочные окна с возможной росписью их снаружи, аналогично найденным фрагментам таких наружных росписей на притолках и нишах окон Кирилловской церкви в Киеве, выполненных также красной и черной красками[1]. Арочные пояса восстанавливаются по найденным фрагментам, они несколько меньше, чем такие же пояса Успенского собора Елецкого монастыря и Борисоглебского собора (рис. 30); они помещаются в двух верхних этажах, а над первым этажом — пояс городкового орнамента. Завершение пилястр и стен, возможно, было сделано аналогично карнизу Ильинской церкви в виде трех рядов кирпича, навсающих друг над другом (рис. 31). Крыша восстановлена шатровой, что наиболее логично, такой, какой изображается на рисунках и миниатюрах и наиболее часто упоминается в письменных источниках[1].

Многочисленные упоминания об узорчатых

[1] Н. В. Холостенко. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве. «Памятники культуры», 2. М., 1960, стр. 14, рис. 7.

33. Реконструкция западного фасада однокамерного терема

и золотых крышах теремов находят себе подтверждение в находке свинцового кровельного листа с орнаментом, нанесенным углубленной графьей, и, судя по некоторым признакам, имевшего золочение (рис. 32). Лист этот был найден при раскопках расположенного невдалеке от этого сооружения башнеобразного здания с проездом, датируемого концом XII в.[2]. Небольшие фрагменты кровельных листов, найденные у стен нашего сооружения, не дают возможности судить о деталях его кровли.

Все это послужило материалом для моей схематической реконструкции однокамерного сооружения (рис. 33).

Дальнейшие исследования Черниговского княжеского двора обещают дать новые данные о мало пока исследованном гражданском зодчестве Древней Руси.

[1] Интересно, что шатровую крышу имеет модель теремца-башенки, найденной на раскопках в Новгороде. «Труды Новгородской археологической экспедиции». МИА, 55. М., 1956, стр. 38, рис. 20.

[2] В. А. Богусевич. Раскопки в Чернигове. «Краткие сообщения института Археологии», 4. Киев, 1955, стр. 10.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФРАГМЕНТЫ СТАРОЙ РЯЗАНИ

ВАГНЕР Г. К.

»Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город»

В. Г. БЕЛИНСКИЙ. Письма.

К концу XII началу XIII в. древнерусское зодчество вступило в очень важный и интересный период своего развития. В ряде городов — Чернигове, Смоленске, Пскове, Новгороде, а также во Владимиро-Суздальской земле зодчие при строительстве больших храмов отказываются от византийской крестовокупольной системы и связанной с ней кубической композиции. Они вводят такие конструктивные приемы, которые дали возможность придать архитектурным композициям динамичный башнеобразный вид. Процесс этот имел глубокие народные корни, а само оживление его было связано с ростом национального самосознания, сознания единства русской земли, особенно страстно выраженном в «Слове о полку Игореве» [1]. Как видно из перечисления городов, формирование нового направления в развитии древнерусской архитектуры происходило в основном уже не на юге, а в средней полосе Руси. Не случайно, что после того, как Русь пережила первое наиболее тяжкое столетие татаро-монгольского ига и когда на историческую сцену выступила Москва, то за образец первого Успенского собора Кремля (1326 г.) был, по-видимому, взят Георгиевский собор Юрьева-Польского[2], бывший последним достижением владимиро-суздальского зодчества. Обращение к этому памятнику основывалось, конечно, не только на его высоких индивидуальных качествах, но и на осознании того, что именно это направление в архитектуре было тогда наиболее общезначимым. Для изучения истоков зодчества Москвы, следовательно, нельзя ограничиваться указанием только на владимиро-суздальское наследие.

Как это ни странно, но зодчеству Рязани — одного из наиболее близких к Москве крупных старых городов, не повезло. Правда, все три храма Рязани, названные в древних письменных источниках[1], хотя и исчезли давно с лица земли, но хорошо известны в науке по раскопанным фрагментам: фундаментам, фундаментным рвам, белокаменным и кирпичным остаткам. К ним присоединяется дошедшая до нас тоже в остатках фундаментов небольшая церковь соседнего с Рязанью Ольгова городка. Только за послереволюционное время об архитектуре древней Рязани писали Г. Ф. Корзухина, А. И. Некрасов, А. Л. Монгайт, Н. Н. Воронин и др.[2] И все же ее интереснейшие памятники до сих пор остаются в некотором отношении неразгаданными. В их наименованиях, архитектурной характеристике и датировке нет установившегося мнения. Поэтому, естественно, хочется внести возможные уточнения во все эти вопросы.

* * *

Раскопанный в 1836 г. Д. Тихомировым первый храм древней Рязани, судя по остаткам фундаментов, представлял большой (длина 30 *м*, ширина 20,7 *м*) шестистолпный собор, особенностью которого было наличие крещальни в южной части нартекса[1]. В храме было открыто много погребений, частично, по-видимому, княжеских, почему Д. Тихомиров определил собор как Борисоглебский, считая его палладиумом Рязани[2]. В 1926 г. у этого собора А. В. Городцовым были открыты притворы[3], доследованные в 1948 г. А. Л. Монгайтом[4].

Г. Ф. Корзухина первая указала на сходство открытого в 1836 г. собора с Успенской церковью Елецкого монастыря в Чернигове, причем имелась в виду не только крещальня, но и техника кладки из плинфы без скрытых рядов[5]. Исходя из этого сходства, а также из того факта, что Рязань в XII в. входила в черниговскую епископию, Г. Ф. Корзухина считала рязанский собор посвященным тоже Успению богородицы, датировала его серединой XII в., видя в нем первый каменный храм Рязани[6].

Произведенные за последние годы новые исследования Успенской церкви Чернигова еще более сближают ее с рязанским собором. К. Н. Афанасьев установил некоторые общие черты в пропорциональном построении обоих памятников[7]. Н. В. Холостенко открыл у черниговской церкви три притвора, аналогичные рязанским[8]. Вместе с тем подробное археологическое обследование черниговского памятника позволило Н. В. Холостенко датировать его рубежом XI—XII вв. и отнести ко времени княжения в Чернигове известного Олега Святославича, — «Горыславича» — князя тьму-таракаского, черниговского и рязанского[1].

Хорошо известно, что в конце XI в. Олег Святославич и его брат Ярослав Святославич появляются в муромо-рязанских землях, доставшихся им по отцовскому разделу, но еще фактически не освобожденных от притязаний мономаховичей. Олег вскоре вернулся на юг, но Ярослав Святославич остался здесь княжить. После смерти Олега (1115 г.) и Давида (1123 г.) Святославичей Ярослав оказался старшим в роде и переехал в Чернигов. Со смертью в 1125 г. Владимира Мономаха Ярослав остался старшим из рода Игоревичей и надеялся, видимо, занять киевский стол. Но Ярослав не только не занял его, но был изгнан племянником Всеволодом Ольговичем из Чернигова (1127 г.), вернулся в муромо-рязанские владения, где и умер в 1129 г.[2]

Казалось бы, вся эта историческая ситуация является достаточным основанием для того, чтобы датировать рязанский «двойник» Успенской церкви Чернигова примерно тем же временем, во всяком случае первой четвертью XII в. Но этих данных оказывается недостаточно. Энергичный Олег Святославич слишком быстро промелькнул в истории рязанской земли, его деятельность здесь развернулась исключительно на ратном поле. Ярослав же рисуется чрезвычайно бледной фигурой, не оставившей следа в истории[3]. Кроме того, до смерти Ярослава в 1129 г. Рязань как город, по-видимому, не играла заметной роли в муромо-рязанской земле. Ее рост начинается после выделения рязанщины в самостоятельную княжескую волость, т. е. после смерти Ярослава, когда Рязань досталась сыну Ярослава Ростиславу[4].

Существуют также черты отличия между черниговским и рязанским памятниками. В рязанском соборе не было ленточных фундаментов, которые есть у церкви Елецкого монастыря[5]. В отличие от изолированного нартекса черниговского храма нартекс рязанского собора открыт внутрь. При соразмерности отдельных частей храмов зодчие пользовались различными исходными величинами. Например, в черниговском соборе модулем является меньшая сторона

---

[1] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Института истории искусств». М., 1952, стр. 260.

[2] К. К. Романов. О формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, 44, М., 1955, стр. 14.

[1] Борисоглебская площадь упомянута под 1194—1195 гг. (ПСРЛ, т. 1, СПб., 1846, стр. 173), Успенский собор — под 1237 г. («Русский временник», ч. 1, стр. 113, 116) и Спасская церковь — под 1258 г. (ПСРЛ, т. 1, стр. 203). После разрушения домонгольской Рязани в 1237 г. город уже не возродился и постепенно превратился в село, известное под названием Старая Рязань. Столицей княжества стал Переяславль-Рязанский. В настоящей статье под Рязанью имеется в виду домонгольская Рязань.

[2] Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. Сб. аспирантов ГАИМК, I. Л., 1929, стр. 69—82; А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936, стр. 76—77; А. Л. Монгайт. Архитектура Старой Рязани в свете последних археологических раскопок. В кн.: М. Ильин. Рязань, М., 1954, стр. 7—38; его же, Старая Рязань, МИА, 49, М., 1955, стр. 76—97; История русского искусства, т. 1. М., 1953, стр. 391—395.

[1] Д. Тихомиров. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844, рис. III.

[2] Д. Тихомиров, Указ. раб., стр. 6—7. Мнение о том, что именно Борисоглебский собор был главным собором Старой Рязани, вероятно, восходит к известному сказанию о рязанском епископе Василии, в котором рязанская епископия названа «борисоглебской»; Г. К. Вагнер. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского, ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л, 1960, стр. 170.

[3] А. А. Мансуров. Старая Рязань. Рязань, 1927, стр. 23.

[4] А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 году, Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. VI, № 5, М., 1949, стр. 454—463; План собора см. А. Л. Монгайт, Старая Рязань. МИА, 49, М., 1955, рис. 44.

[5] Г. Ф. Корзухина. Указ, раб., стр. 70—73.

[6] Там же, стр. 73—77.

[7] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 89—95.

[8] Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. Памятники культуры (Исследование и реставрация), III. М., 1961, стр. 57—58.

[1] См. указ. раб. Н. В. Холостенко, стр. 65—67.

[2] ПСРЛ, т. 1, стр. 130—131.

[3] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1, изд. 3, Спб., стр. 359—361.

[4] Д. И. Иловайский. История рязанского княжества. М., 1858, стр. 24.

[5] Н. В. Холостенко. Указ. раб., стр. 53. У черниговской церкви под фундаментом были еще деревянные лежни.

подкупольного четвероугольника, а в рязанском — бо́льшая. Различно соразмерны алтарные и боковые нефы, а также толщина стен и столбов[1]. В результате рязанский храм только в общих пропорциях плана воспроизводит черниговский образец. Но как раз именно эта черта была наиболее общей для памятников домонгольского зодчества.

А. Л. Монгайтом отмечено обширное введение в кирпичную кладку рязанского собора белого камня. Из белого камня, по-видимому, были сложены и стены крещальни[2]. Перед нами уже не та «смешанная кладка», которая характерна для киевского зодчества XI в. Это скорее нечто промежуточное между киевской «смешанной кладкой» и владимиро-суздальской белокаменной техникой кладки[3]. По-видимому, строительство собора раскопок 1836 г. происходило в условиях, когда Рязань в своей культурной жизни была тесно связана не только с Черниговом, но и с Владимиро-Суздальским княжеством. Это имело место во второй половине XII в. Таким образом, есть основания считать, что рассматриваемый памятник был не первым храмом Рязани и посвящался не Успению.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» об Успенской церкви Рязани говорится как о «великой»[4]. Между тем храм, раскопанный в 1836 г. Тихомировым, был не самым большим сооружением столицы рязанской земли. Самым большим и действительно великим был каменный собор, остатки которого были раскопаны А. Л. Монгайтом в 1949 г.[5]. Это здание имело в длину 31,6 *м*. По своей длине оно лишь на 3,9 *м* уступало Великой Успенской церкви Киево-Печерской лавры, которая, как известно, являлась образцом для многих городских соборов новых «феодальных столиц» Руси XII в. А. Л. Монгайт был совершенно прав, назвав открытый им собор Успенским[6], и приходится удивляться, что это мнение не закрепилось в научной литературе. Название постройки, конечно, важно не само по себе, а с точки зрения тех данных, которые оно может содержать для датировки. Первые или главные храмы Киева и городов периферии Киевской Руси посвящались преимущественно Успению богородицы. Но разумеется, что для датировки еще важнее архитектурные и археологические данные. С этой точки зрения собор, раскопанный А. Л. Монгайтом, несомненно предшествует собору раскопок 1836 г. «Великие» размеры постройки ближе к традициям зодчества Киевской Руси эпохи Ярослава Мудрого. С течением времени эти традиции утрачивались, если не считать наметившегося в конце XII в. своеобразного их возрождения, выразившегося преимущественно в обстройке старых соборов галереями[1]. Собор раскопок А. Л. Монгайта имел такую существенную особенность, как ленточные фундаменты[2]. Ленточные фундаменты — обязательный признак ранних памятников зодчества Киевской Руси. Отказ от ленточных фундаментов происходит в Киеве в конце XI—начале XII вв.[3], на периферии, конечно, — несколько позже. Было бы странным, что в более раннем сооружении зодчие отказались от ленточных фундаментов и открыли нартекс внутрь, а в более позднем — поступили наоборот. Это тем более было бы странно, если учесть, что в черниговской Успенской церкви — образце рязанского храма раскопок 1836 г. — были и ленточные фундаменты[4] и отделенный нартекс.

Следует учесть также и другие интересные детали техники кладки раскопанного А. Л. Монгайтом собора — небольшая толщина кирпичной плинфы, равная 3,5—4 *см*, более характерна для киевского зодчества XI в., нежели XII в., когда толщина плинфы возрастает до 4,5—5,5 *см*[5]. С другой стороны, кладка собора, раскопанного А. Л. Монгайтом, имела слои раствора, равные по толщине слоям плинфы[6]. К сожалению, по остаткам памятника неясно, применялись ли в кладке скрытые ряды плинфы через один ряд или кладка была равнослойной, равно как неизвестно, чередовались ли с рядами плинфы ряды из камня. Чередование скрытых рядов плинфы через один и применение смешанной кладки — характерная черта киевского зодчества конца X—XI вв.[7] В конце XI в. уже встречается кладка без камня, т. е.

[1] К. Н. Афанасьев. Указ. раб., стр. 89—95.
[2] А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. стр. 463.
[3] Там же.
[4] «Воинские повести древней Руси». М.—Л., 1949, стр. 9.
[5] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1951, стр. 18.
[6] Там же, стр. 20.

[1] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА 11. М.—Л., 1949, стр. 90—91.
[2] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани, стр. 18.
[3] М. К. Каргер. Древний Киев. т. II. М.—Л., 1961, стр. 226—227.
[4] Н. В. Холостенко. Указ. раб., стр. 52.
[5] История русской архитектуры. М., 1956, стр. 35.
[6] А. Л. Монгайт. Указ. раб., стр. 19.
[7] М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 91, 180—181. 293, 330—331, 360.

из одной плинфы[1], но смешанная кладка, а также скрытые ряды плинфы в некоторых случаях сохраняются до начала XII в.[2]. Известны случаи (редкие), когда применение скрытых рядов производится при отказе от смешанной кладки[3]. Как бы то ни было, но очень толстые слои раствора в кладке рязанского собора, раскопанного А. Л. Монгайтом, представляют более традиционную особенность строительной техники[4], нежели применение камня в кладке собора раскопок 1836 г.

Наконец, следует остановиться и на такой особенности раскопанного А. Л. Монгайтом собора, как отделенный от храма и сильно развитый нартекс. Последний по глубине почти равен подкупольному звену храма. Вместе с широким западным нефом это образует очень равномерное продольное членение внутреннего пространства по образцу базилик. Такие особенности характерны для некоторых ранних памятников киевского зодчества[5] и для тех, которые продолжают эту традицию[6]. Интересно отметить, что подобная планировка очень характерна для болгарского зодчества[7].

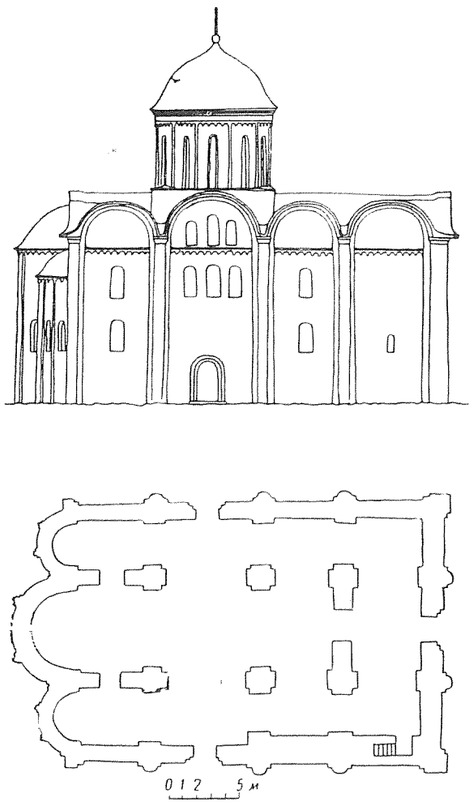
Все сказанное позволяет признать раскопанный А. Л. Монгайтом собор первым большим каменным общественным сооружением Рязани. Когда же он мог быть построен?

А. Л. Монгайт, исходя из сходства планов раскопанного им памятника с Борисоглебским собором в Смоленске (1145—1146) и из тесного сближения Рязани с Смоленском в середине 50-х годов XII в., высказался в пользу того, что приблизительно этим временем и следует датировать Успенский собор Рязани[1]. Но отмеченное сближение Рязани с Смоленском относится не только к середине 50-х годов XII в., оно характерно почти для всего времени княжения в Рязани Ростислава Ярославича (1129—1155), начавшего долголетнюю тяжбу с крепнущим Владимиро-Суздальским княжеством. В этой борьбе Ростислав опирался не только на Смоленск, но и на Киев. Ростислав развил, видимо, энергичную строительную деятельность. С его именем связывается основание крепостного городка Ростиславля на Оке[2]. В 1155 г. Ростислав Ярославич умер. Следовательно, постройку Успенского собора нужно отнести к концу 40-х началу 50-х годов, т. е. приблизить ее ко времени сооружения смоленского Борисоглебского собора.

Однако все это не означает, что в Успенском соборе отражены особенности смоленской архитектуры. К ним можно отнести лишь фасадные полуколонки, которые, впрочем, были уже у Успенской церкви Елецкого монастыря, а еще раньше — в Софии Киевской и в зодчестве Болгарии[3]. Очень большой нартекс Успенского собора развивает ранние киевские традиции, тоже находящие аналогию в зодчестве Болгарии. Увеличение нартекса привело к децентрализации главы Успенского собора, оказавшейся сильно сдвинутой к востоку. Возможно, что в целях уменьшения этой децентрализации нартекс собора был понижен, как это было в церкви Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке[4]. Однако для подтверждения высказанного мнения достаточных данных нет. При реконструкции Успенского собора Рязани (рис. 1) высота храма (до основания купола) приравнена к длине храма без нартекса, как это было у шестистолпных соборов удлиненного плана[5]. Основание главы расположено на высоте, равной ширине храма[6]. Аркатурный поясок реконструируется на основе найденных А. Л. Монгайтом лекальных кирпичей[7]. Окон-

[1] М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 372.
[2] Собор Михайловского (Дмитриевского) Златоверхого монастыря. М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 281.
[3] Церковь Спаса на Берестове, там же стр. 390.
[4] Н. И. Брунов. О некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. «Архитектурное наследство», 2. М., 1952, стр. 3—6.
[5] Например, церковь св. Георгия в Киеве (1037). К. Н. Афанасьев. Указ. раб., рис. 109.
[6] Например, церковь на усадьбе Киевского художественного института. М. К. Каргер. Указ. раб., рис. 140. Ср. также Благовещенскую церковь в Витебске (История русского искусства, т. 1, стр. 317) и другие памятники.
[7] Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство, София, 1958, рис. 97, 167, 170, 204, 211, 216 и др. Большой нартекс был необходим в ранний период христианизации Болгарии и Руси, когда в нартексе должно было размещаться большое число «оглашенных». Большой нартекс можно рассматривать так же, как отголосок базиликальности, распространенной в раннем болгарском зодчестве.

[1] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани, стр. 21.
[2] Д. И. Иловайский. Указ. раб., стр. 31.
[3] М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 156—157, рис. 47; Н. Мавродинов. Указ. раб., рис. 167, 170.
[4] Н. И. Брунов. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926, стр. 3.
[5] Например, Георгиевский собор Юрьева монастыря в Каневе (1144 г.). К. Н. Афанасьев. Указ. раб., стр. 100.
[6] Там же.
[7] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. стр. 24.

1. Успенский собор. План (по А. Л. Монгайту и К. Н. Афанасьеву) и реконструкция

ные проемы показаны без археологического обоснования. Публикация столь гипотетической реконструкции все же имеет значение, поскольку никаких попыток в этом направлении не делалось.

* * *

Вернемся теперь к собору раскопок 1836 г. Как уже упоминалось, исследованиями А. В. Городцова (1926 г.) и А. Л. Монгайта (1948 г.) установлено наличие у него трех притворов, придающих храму крестообразный план. Однако осталось неустановленным, одновременны ли притворы храму или пристроены позже. А. Л. Монгайт отмечает, что о поздней пристройке притворов можно говорить «почти уверенно»[1]. Если это так, то возникает вопрос, почему при воспроизведении черниговского «образца», т. е. Успенской церкви Елецкого монастыря, имевшей три притвора, в Рязани разбили строительный процесс на две очереди: сначала воспроизвели центральную часть храма, а потом уже и притворы? Странен также отказ от фасадных полуколонок, имеющихся у черниговской церкви. Ответить на эти вопросы мы пока со всей очевидностью не можем, но во всяком случае это обстоятельство является лишним аргументом в пользу высказанного выше мнения, что рязанский храм был построен после черниговского не сразу. За этот промежуток вследствие исторического развития отпала необходимость в отделении нартекса от основного помещения, крещальня же сохранила свое значение. Произошли изменения и в строительной технике.

Следует отметить очень большую толщину плинфы рязанского храма, достигающую 6,67 *см**. Такая толщина плинфы даже для первой половины XII в. необычна.

Строителем нового собора Рязани скорее всего был князь Глеб Ростиславич (1155—1177), претендовавший если не на первенство, то на равное положение с владимирскими князьями. Известно, какую громадную роль в политических взаимоотношениях русских князей в XII в. играл культ Бориса и Глеба. К нему апеллировали все князья, добивавшиеся какого-либо преимущественного положения.

В междукняжеских усобицах, когда культ Бориса и Глеба использовался для подкрепления идеологических позиций каждой из соперничающих сторон, развернулось широкое строительство Борисоглебских храмов. Они строятся в киевском Вышгороде, на реке Льте, в Чернигове, Смоленске, во владимиро-суздальской Кидекше, в Новгороде и в Рязани, топографически и хронологически отражая развитие междукняжеской борьбы. Для Рязани 60-е годы XII в. были периодом подготовки к борьбе за сохранение своей независимости от Владимиро-Суздаля. В это время Рязань еще выступает вместе с Владимиро-Суздалем против половцев и волжских болгар. Но постепенно отношения обострялись, причем Рязань, естественно, должна была искать союзников, прежде всего в том же Смоленске и Чернигове. Переплетение чернигово-смоленских и владимиро-суздальских аспектов рязанской политики и отразилось в архитектуре собора, раскопанного Д. Тихомировым в 1836 г.

[1] А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 году, стр. 463.

* А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 78.

В наименовании именно этого собора Борисоглебским не приходится сомневаться. Воплощая в себе все напряжение политической жизни 60-х годов XII в., будучи патрональным храмом князя Глеба Ростиславича, он естественно стал главным княжеским собором Рязани. Это видно по многочисленным княжеским погребениям в его склепах, по топографическому расположению храма на набережной, в княжеско-боярской части города[1], а также по богатому декору постройки резным белым камнем с включением изображений львов[2], вероятно княжеской эмблемы, как об этом можно судить по владимиро-суздальским аналогиям[3].

Фрагменты белокаменной резьбы происходят, по-видимому, от оформления порталов Борисоглебского собора[4]. Сейчас невозможно сказать, от каких именно порталов — внутренних, т. е. порталов самого собора, или от порталов его притворов. К сожалению, нельзя сказать ничего нового и о времени сооружения притворов. Если они возникли одновременно с храмом[5], то следует зафиксировать факт появления белокаменной резьбы в рязанской архитектуре одновременно с появлением ее во Владимире. Если же они более поздние, то вопрос о резьбе нельзя решить столь определенно.

Независимо от того, была ли эта резьба на притворах или на порталах собственно храма, ни сама резьба, ни притворы не могут быть отнесены за счет влияния кавказской архитектуры. Во-первых, притворы были уже в Успенской церкви Чернигова, в церкви Спаса на Берестове[1], в постройках Переяславля[2]. Во-вторых, все эти постройки, взятые вместе с рязанским Борисоглебским собором, гораздо ближе к болгарской строительной традиции, нежели к северокавказской. Северокавказские храмы выстроены из дикого камня без прослойки его кирпичом. Кирпич применялся лишь в сводах. Притворы у некоторых храмов, по-видимому, были открыты во внешнее пространство, т. е. не имели замыкающих внешних стен[3]. Применение белокаменной резьбы носит узко локальный характер[4]. В болгарском зодчестве уже в X в. встречаются храмы с тремя притворами, построенные в технике смешанной кладки и с широким применением белокаменной резьбы[5]. Культура домонгольской Руси развивалась в тесной взаимосвязи с болгарской, и нет ничего удивительного в том, что в архитектуре было немало точек соприкосновения[6]. Растительный орнамент на белокаменном блоке Борисоглебского собора[7] тоже очень близок мотивам, распространенным в орнаментике балканских славян. В частности, он почти полностью воспроизводит сербско-македонскую систему орнамента[8].

Схематическая реконструкция внешнего вида Борисоглебского собора Рязани с притворами (рис. 2) основана на чертах сходства рязанского памятника с Успенской церковью Чернигова[9], реконструкцию которой недавно опубликовал Н. В. Холостенко[10]. Так как в Рязанском соборе подкупольные столбы заметно раздвинуты по продольной оси, то пропорции барабана главы получились более приземистыми, нежели у черниговского памятника. В перекрытиях притворов боковые закомары опуще-

[1] А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани, КСИИМК, вып. XIV, М., 1952, стр. 108.

[2] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., стр. 78, прим. 44.

[3] А. В. Арциховский, Древнерусские областные гербы, ученые записки МГУ, вып. 93, М., 1946, стр. 54. Применение образа льва в качестве эмблемы владимирских князей, конечно, не могло быть монополией последних. Интерес к гербовым эмблемам в виде льва, барса характерен для тех сил феодальных обществ, которые становятся во главе централистских движений средневековья. Рязанские князья не имели материальных возможностей равняться с владимирскими, но это не означает, что у них не было подобных желаний.

[4] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., стр. 79; А. Л. Монгайт, Старая Рязань, стр. 85, прим. 14; стр. 94.

[5] Отсутствие перевязки в кладке притворов и стен храма не может служить доказательством в пользу разновременного сооружения храма и притворов. Такой перевязки не было в кладке южного притвора церкви Спаса на Берестове в Киеве, одновременного с основной частью храма (М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 386). Однако все же с отмеченным обстоятельством следует считаться.

[1] М. К. Каргер. Указ. раб., стр. 386—389.

[2] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. СА, XV., М.—Л., 1951, стр. 62.

[3] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., стр. 81; Храм в Лыхнах (Материалы по археологии Кавказа, вып. IV., М., 1894, стр. 16, рис. 4), а также Зеленчукский храм. Исследованиями В. А. Кузнецова установлено, что у южного и северного притворов зеленчукского храма внешних (параллельных храму) стен не было. Для древнерусского зодчества такой прием совершенно необычен.

[4] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., стр. 82.

[5] Н. Мавродинов. Указ. раб., стр. 164—166.

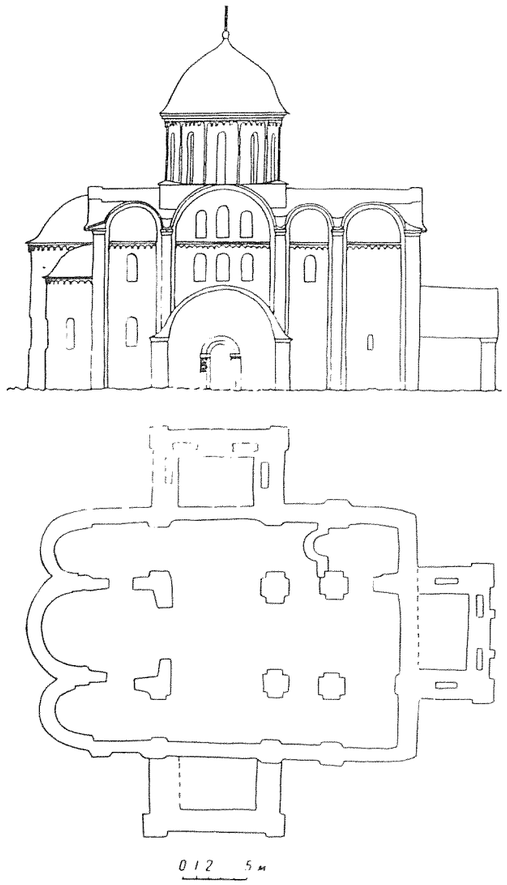
[6] Н. И. Брунов. Указ. раб., стр. 3—41.

[7] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., рис. 6.

[8] Загорка Іану. Орнаменти фресака из Србије и Македоније од XII до средине XV века. Београд, 1961, табл. XXIII, рис. 143.

[9] К. Н. Афанасьев. Указ. раб., стр. 89—95.

[10] Н. В. Холостенко. Указ. раб., стр. 62. стр. 8.

2. Борисоглебский собор. План и реконструкция

ны, так как для реконструкции их у нас нет никаких данных. Белокаменная резьба до дальнейших исследований условно показана на наружных порталах.

Сходство рязанского Борисоглебского собора с церковью Елецкого монастыря не означает, что архитектура рязанского памятника всецело зависит от черниговской архитектурной школы. Как уже отмечено, в черниговской архитектуре XII в. развивались такие черты, которые были общими и для киевского, и для переяславского зодчества. В первую очередь имеются в виду притворы. Возможно, что притворы были и у первого суздальского собора Владимира Мономаха[1].

С последней четвертью XII в. связано интересное явление в архитектуре крупнейших городов Руси. Соперничающие князья обстраивают свои старые соборы галереями с целью придать соборам более величественный вид, напоминающий киевские соборы эпохи процветания Киевской Руси. Так было во Владимире Залесском, Смоленске, Галиче[2]. Вероятно, притворы рязанского Борисоглебского собора тоже отражали этот процесс. В 80-х годах XII в. черниговские князья и епископы принимали активное участие в примирении рязанских князей с владимирскими. Двухцветные кирпичи Борисоглебского собора Рязани очень близки двухцветным кирпичам Благовещенского собора Чернигова (1186 г.)[3]. Очевидно, они происходят от притворов Борисоглебского собора. Последний, таким образом, становился в один ряд с центральными сооружениями столиц крупнейших княжеств.

Белокаменная резьба до ее блестящего развития во Владимиро-Суздале была в зодчестве Чернигова и Вщижа[4]. Таким образом, и здесь рязанский Борисоглебский собор отражал формирование более общезначимого архитектурного направления, свидетельствующего о своеобразной консолидации взглядов русских людей, и прежде всего зодчих, на красоту архитектуры. Очень важно, что этот процесс протекал во взаимодействии с южно-славянской архитектурой.

* * *

Третий каменный храм Рязани, раскопанный А. В. Селивановым в 1888 г.[5], представлял собой более центрическую постройку. Он имел в плане квадрат, осложненный тремя притворами и пятью апсидами[6]. Основная часть имела три апсиды, и по одной апсиде было у боковых притворов. Тем самым последние превращались в приделы. Такая развитая и законченная композиция не могла появиться без какой-либо подготовки, поэтому храм этот естественно не предшествовал Борисоглебскому, а следовал за ним. Для него остается название Спасского[1].

[1] История русского искусства, т. 1, стр. 343.
[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 90—91.
[3] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 79, прим. 6.
[4] Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 79.
[5] А. Селиванов. Отчет о раскопках в Старой Рязани, ТРАУК, т. III. Рязань, 1888, стр. 159—164.
[6] А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани, рис. 55.

О технике кладки Спасского храма мы знаем очень мало. Он был сложен из плинфы, но, по-видимому, не имел белокаменных деталей, что, впрочем, утверждать категорически нельзя. Остатки фигурных кирпичей[2] позволяют предполагать фасадные полуколонки и традиционный аркатурный поясок.

Для датировки храма важно сходство его плана с планом Георгиевского собора Юрьева-Польского (1230—1234)[3]. Наличие у рязанского памятника пяти апсид вместо трех апсид Георгиевского собора[4] не может служить признаком более поздней даты. Датировку Спасского собора можно обосновать исходя только из событий рязанской истории, да и то в значительной степени предположительно. К 1198 г. В. Н. Татищев относил отделение Рязани от черниговской епископии[5]. Вероятно, этот важный исторический акт и был ознаменован строительством нового собора.

Из того, что в «Сказании о рязанском епископе Василии» рязанская епископия называется Борисоглебской, еще не следует, что кафедральным был Борисоглебский собор или что третий храм, построенный в конце XII в., был Борисоглебским. В Сказании прямо говорится, что рязанская епископия называлась «Борисоглебское одержание ради града Мурома святому князю Глебу»[6], т. е. имелось в виду, что Борисоглебский храм был главной святыней Мурома. Конечно, рязанский епископ мог сделать уже построенный ранее княжеский Борисоглебский собор местопребыванием одновременно и своей епископской кафедры, как это было в Чернигове[7]. В пользу такого мнения говорит то, что после разорения Рязани Батыем и с возвышением Переяславля-Рязанского в качестве новой столицы княжества в нем прежде всего был построен кафедральный Борисоглебский собор[1]. Спасский собор Рязани скорее всего был своего рода княжеским мавзолеем; в нем, как и в Борисоглебском соборе, производились захоронения князей.

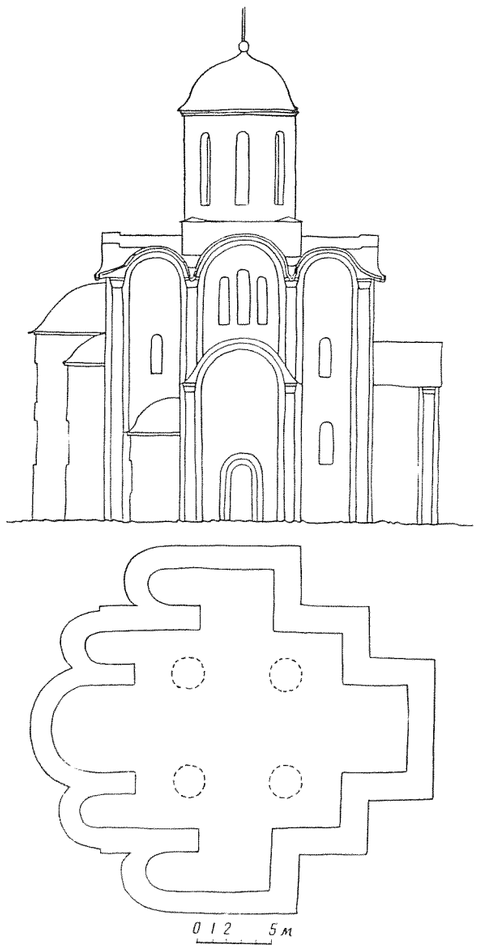
Приобретение Рязанью церковной самостоятельности произошло при содействии великого киевского князя Рюрика Ростиславича — «Буй-Рюрика» («Слово о полку Игореве»), которому рязанский князь Ярослав Глебович приходился зятем[2] «Приятелем» князя Рюрика Ростиславича — известным зодчим Петром Милонегом была построена в Чернигове Пятницкая церковь[3]. Конструктивная система этого выдающегося памятника во многом перекликается с конструкцией Свирской церкви в Смоленске (1191—1194 гг.), построенной по заказу брата Рюрика Ростиславича — князя Давида[4]. Свирская же церковь довольно близка по плану к рязанскому Спасскому собору. Ее боковые апсиды, хотя и включены в общий прямоугольник плана, но объемно выделены из куба здания, фасады которого сохраняют, таким образом, троечастность[5]. Третья, восточная пара столбов Свирской церкви не самостоятельна, так как представляет по существу отрезки восточной стены. По размерам планов смоленский и рязанский памятники тоже близки[6]. Все сказанное позволяет предполагать, что и Спасский собор Старой Рязани представлял вертикально подчеркнутую башнеобразную композицию, тем более, что такую композицию, по-видимому, имел Георгиевский собор г. Юрьева-Польского[7]. Можно поставить вопрос о возможной причастности к постройке смоленского и рязанского соборов зодчего Петра Милонега, для уточнения чего нужны, конечно, еще дополнительные изыскания. Отметим пока, что пятиапсидность Спасского собора имеет аналогию в

[1] А. Л. Монгайт. Раскопки в старой Рязани, стр. 90.
[2] А. Селиванов. Указ. раб., стр. 161.
[3] Г. Ф. Корзухина. Указ. раб., стр. 76. Рязанский храм на 4 *м* длиннее и на 2 *м* шире Георгиевского собора.
[4] Правильнее, впрочем, говорить о четырех апсидах Георгиевского собора, так как надо учитывать апсиду Троицкого придела, где была гробница князя Святослава Всеволодовича.
[5] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, т. III. М., 1774, стр. 329.
[6] Памятники старинной русской литературы. Вып. 1, Спб., 1860, стр. 236.
[7] Так было, например в Чернигове, где княжеский Спасский собор был и кафедральным. М. Макаренко., Чернігівський Спас, Київ, 1923, стр. 59, прим. 57.

[1] Г. К. Вагнер. Указ. раб., стр. 168.
[2] Д. И. Иловайский. Указ. раб., стр. 76.
[3] П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове, в кн. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.—Л., 1948, стр. 32—33.
[4] История русской архитектуры. М., 1956, стр. 62—63; П. Д. Барановский., Указ. раб., стр. 34, прим. 33.
[5] Уже после того как настоящая статья была написана, раскопками М. Алешковского и С. Подъяпольского установлено, что притворы Свирской церкви имели апсиды. Это еще более сближает памятник с Спасским собором Старой Рязани.
[6] Неточность совпадения может объясняться приблизительностью промеров плана Спасского собора А. В. Селивановым.
[7] Н. Н. Воронин. Указ. раб., стр. 300, 301.

Спасском же соборе Чернигова, где она образуется за счет пристройки двух усыпальниц, вполне сопоставимых с боковыми приделами рязанского храма. Эта редкая особенность лучше всего могла быть известна зодчему, работавшему в Чернигове, т. е. Петру Милонегу.

Для реконструкции архитектурных форм Спасского собора Старой Рязани данных одной только Свирской церкви недостаточно. Нужно учитывать архитектурные формы и других памятников аналогичного характера. Георгиевский собор г. Юрьева-Польского в своей верхней части дошел до нас в переделке XV в.; Пятницкая церковь Новгорода еще достаточно не изучена, по крайней мере нам неизвестны ее высотные пропорции. Поэтому нужно учитывать особенности композиции церкви Покрова на Нерли, основной объем которой был тоже осложнен добавочными[1]. Для пропорций церкви Покрова характерно подчеркивание вертикали. Общая высота памятника (до основания купола) равна удвоенной длине без апсид[2]. Почти то же самое видим в Свирской церкви, общая высота которой равна удвоенному расстоянию от западной стены четверика до внутренних стен апсид[3]. Видимо, такое построение вертикальных пропорций было в конце XII — начале XIII вв. характерным именно для четырехстолпных храмов башенного типа, так как почти так же соразмерены пропорции Пятницкой церкви Чернигова[4] и церкви в Перынском скиту близ Новгорода[5]. Для композиции перечисленных памятников характерно приравнивание высоты четверика (а для памятников с пониженными углами — высоты пят центральных закомар) к внутренней длине здания (до апсид, до центра апсиды или полностью с апсидой). Уровень подпружных арок находится на высоте, равной удвоенной стороне подкупольного квадрата со столбами. Высота барабана равна половине общей длины с апсидой. Такое соразмерение частей постройки существенно отличается от системы Дмитриевского собора во Владимире. В то же время оно находит

3. Спасский собор. План (по А. В. Селиванову) и реконструкция

отклик в пропорциональном построении Успенского собора в Звенигороде. Все сказанное позволяет дать хотя бы схематическую реконструкцию Спасского собора Старой Рязани (рис. 3). Общая высота его приравнена к удвоенной внутренней длине без апсид. Высота четверика[1] приравнена к внутренней длине до

[1] Н. Н. Воронин. Покров на Нерли. «Советская археология». 1958, № 4, стр. 70—95, рис. 2, 14, 20.
[2] К. Н. Афанасьев. Указ. раб., стр. 140.
[3] Для определения пропорций Свирской церкви использованы реконструкция П. Д. Барановского (История русского искусства, т. 1. М., 1953, стр. 324) и анализ плана, произведенный К. Н. Афанасьевым, см. указ. раб., стр. 156—157, стр. 96.
[4] История русской архитектуры. М., 1956, стр. 60.
[5] Анализ произведен по реконструкции Р. Кацнельсон. Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода. «Архитектурное наследство», 2. М., 1952, рис. 2 и 16.

[1] Четверик Спасского собора мог иметь и пониженные углы, как в Свирской церкви, но поскольку этого нельзя утверждать, нами принят обычный вариант.

центра апсиды (как в церкви Покрова на Нерли и в Свирской церкви). Высота барабана позволяет предположить, что он был поставлен на постамент, имевший, возможно, кокошники. Фасадные полуколонки показаны на основании найденных А. В. Селивановым фрагментов лекального кирпича. Для определения высоты притворов и расположения оконных проемов нет никаких данных, поэтому они условно показаны аналогично Свирской церкви. Горизонтальные членения отсутствуют.

Спасский собор еще более, чем другие старорязанские памятники приближается к тому архитектурному идеалу, который формировался в творческих исканиях зодчих конца XII — начала XIII вв. и который можно назвать общерусским идеалом, поскольку он выразился в архитектуре Чернигова, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Юрьева-Польского, а, возможно, и в архитектуре других городов. Ошибочный взгляд на зодчество Старой Рязани, как на какой-то отголосок кавказской архитектуры, был своего рода тормозом для включения Спасского собора в этот процесс. Между тем его место именно здесь, что определяет значение рязанского зодчества в подготовке будущего московского искусства. Спасский собор, по-видимому, был предшественником Георгиевского собора Юрьева-Польского.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРЕВЯННОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

БОРИСЕВИЧ Г. В., ТЮРИН В. П., ЧИСТЯКОВ Г. П.

В результате многолетних раскопок в Новгороде накопился обширный материал, дающий возможность проследить изменение планировки части города в течение всей его истории и попытаться реконструировать древнюю городскую жилую застройку.

В почве Новгорода хорошо сохраняется дерево. Остатки всевозможных деревянных сооружений: настилов мостовых, частоколов, — встречались при земляных работах. Раскопки на Неревском конце начались в 1951 г., и общая площадь раскопанной территории к настоящему времени превысила 10 тыс. $м^2$. Толщина культурного слоя местами равна 7 *м*. Через весь раскоп, с севера на юг, проходит мостовая древней Великой улицы, которую пересекли, в пределах раскопа, улицы Холопья и Козьмодемьянская. Настилы мостовых возобновлялись через каждые 25—30 лет, по мере нарастания культурного слоя. За время с середины X до конца XV в. они возобновлялись 28 раз, при этом новый настил ложился непосредственно на предыдущий. Мостовые в большинстве случаев имеют хорошую сохранность. Настилы точно повторяли рельеф местности. Благодаря этому весь культурный слой удалось расчленить на 28 ярусов[1].

К мостовым примыкали усадьбы или дворы. Границы усадеб определились в самом начале застройки и часто оставались неизменными на протяжении длительного времени. Результаты раскопок дают представление о быте древних людей и общественном положении хозяев каждой усадьбы. Планы домов определяются с большой точностью, а по комплексу находок в каждом срубе определяется функциональное назначение почти каждой постройки.

Но археология не дает объемного решения застройки, хотя и встречаются детали конструкций: курицы, охлупни, остатки дверных и оконных косяков[1]. Они схожи с деталями сохранившихся до наших дней деревянных построек Севера, значительная часть которого входила некогда в состав владений Великого Новгорода.

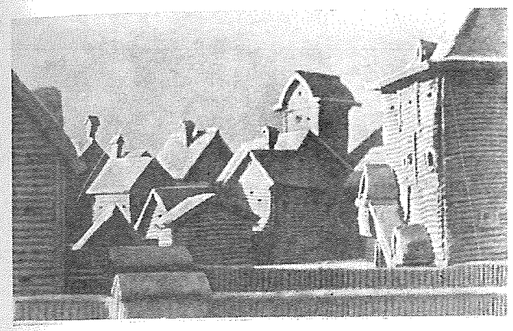
Жилая часть северного дома имеет много общего с остатками домов, обнаруженных при раскопках: планировка комнаты, местоположение печей и дверей, в некоторых случаях членение фасадов и конструкции. Однако механическое перенесение типов построек из этнографического материала исключается из-за большого разрыва во времени, а также потому, что характер городской застройки отличен от деревенской, а планировка северного жилого дома является конечным результатом развития, обусловленного климатом и хозяйственной деятельностью деревенского жителя.

Для обоснования реконструкций приходится использовать дополнительные источники, раскрывающие назначение, конструкции и архитектурно-художественную композицию жилого дома. Это иконография, упоминания о древней архитектуре в памятниках древней письменности и былинах, прикладное искусство. Только комплексное использование всех материалов и учет общего развития каменной и деревянной архитектуры позволят дать с наибольшей достоверностью образ древнего города (рис. 1).

Изображения городов в русской живописи встречаются (рис. 2), начиная с XIII—XIV вв. В этом случае даются в стилизованной форме высокая крепостная стена с башнями, немного возвышающимися над ней. Иногда из-за стены видна глава храма, колокольня и один высокий дом, символически означающие застройку. В иконах XVI в. встречаются уже более точные изображения городов с документальным показом архитектуры. На одной иконе

[1] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции». МИА, 55. М., 1956.

[1] П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции». МИА, 65. М., 1959.

1. Общий вид застройки XIV в. на Неревском конце. Реконструкция

с житием Иисуса Христа, находящейся в Новгородском историко-художественном музее, показан фрагмент городской стены с угловой кирпичной башней, а над стеной видны крыши домов и две высокие деревянные повалуши. Одна повалуша покрыта бочкой, а другая увенчана шатром. Данное изображение легло в основу реконструкции застройки XIV в.

Изображения зданий на более ранних иконах обладают большой условностью и стилизацией. Древний художник не стремился показать развернутую картину города, а рисовал лишь отдельное сооружение, которое выражало собой целое. Условный, обобщенный характер этих изображений затрудняет их использование в реконструкциях. Но все же в них отражается основной архитектурно-художественный образ реальных сооружений, современных этим изображениям. Они помогают восстановить и некоторые детали, например, форму и конструкцию окон, дымников, крылец и многое другое.

Большое внимание при реконструкции древнего города уделялось покрытиям криволинейного очертания типа бочки. Завершения зданий шатром или бочкой, наличие повалов, различные уклоны кровель, показ отдельных деталей и фрагментов сооружений в значительном количестве встречаются уже в ранних изображениях. На боковых фасадах домов художник разбивает здание на этажи, а на торцовом фасаде рисует дверь во всю высоту дома. Окна и двери иногда бывают нарисованы в обратной перспективе.

Велико значение изображений архитектуры в живописи для воссоздания цвета в городском ансамбле. Все здания в миниатюрах строго определенного цвета. У всех крыши окрашены либо в красный, либо в зеленый, либо в желтый цвет, и по своей цветовой гамме они близко приближаются к покраске дворца в Коломенском. В эти же цвета были окрашены некоторые церкви Севера, так, в церкви Успения 1774 г. в Кондопоге были зеленая бочка с красными подзорами и желтый шатер[1]. Все эти факты говорят о едином подходе к цветовому решению архитектуры художников-иконописцев ранних периодов и зодчих более позднего времени, а следовательно, о существовании богатого, насыщенного красками древнего города.

Первое упоминание о Новгороде относится к 859 г., но археологические данные говорят о нем как о городе лишь с X в. На берегах Волхова возникают поселения, экономически отличные от деревень и содержащие в себе элементы будущего города. Новгород начала X в. представляется нам как ряд поселений, еще не сложившихся в единый организм средневекового города. Количество крупных поселений было равно количеству концов города (рис. 3), которых первоначально было четыре; пятый, Загородский, влился в город позднее.

Неревский конец — место раскопок — упоминается в летописях раньше, чем другие концы: в четвертой Новгородской летописи — с 1067[2], а в первой — с 1172 г.[3]. Раскопки показали, что в ранний период он был заселен плотнее, чем другие концы (рис. 4). На материке у пересечения Великой улицы и будущей Козьмодемьянской было найдено жертвоприношение из девяти чаш, совершенное, вероятно, главами девяти больших семей, пришедшими на территорию будущего города. На этом месте был поставлен жертвенник-святилище первых поселенцев. Его форму нам подсказала найденная в раскопке модель здания X в.[4]

Предполагается, что отдельными семьями были построены девять усадеб, из которых четыре были раскопаны. Сама застройка в то время была, вероятно, однотипна. Усадьбы имели почти равные земельные участки. Языческая жертва являлась как бы символом былого единства общин.

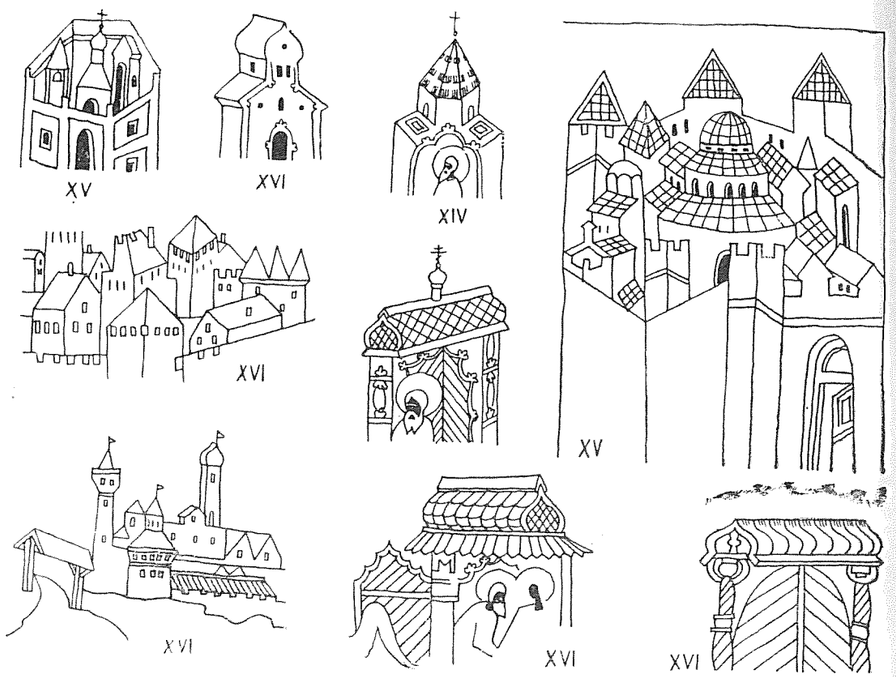
Первая усадьба (рис. 5—6) в плане представляет почти правильный прямоугольник, и

[1] С. И. Забелло, В. Н. Иванов, П. Н. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, стр. 115.

[2] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, стр. 583.

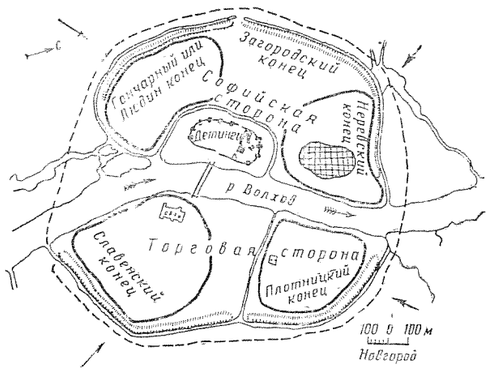
[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 34, 222.

[4] А. В. Арциховский. Указ. раб., стр. 37—38, рис. 19—20.

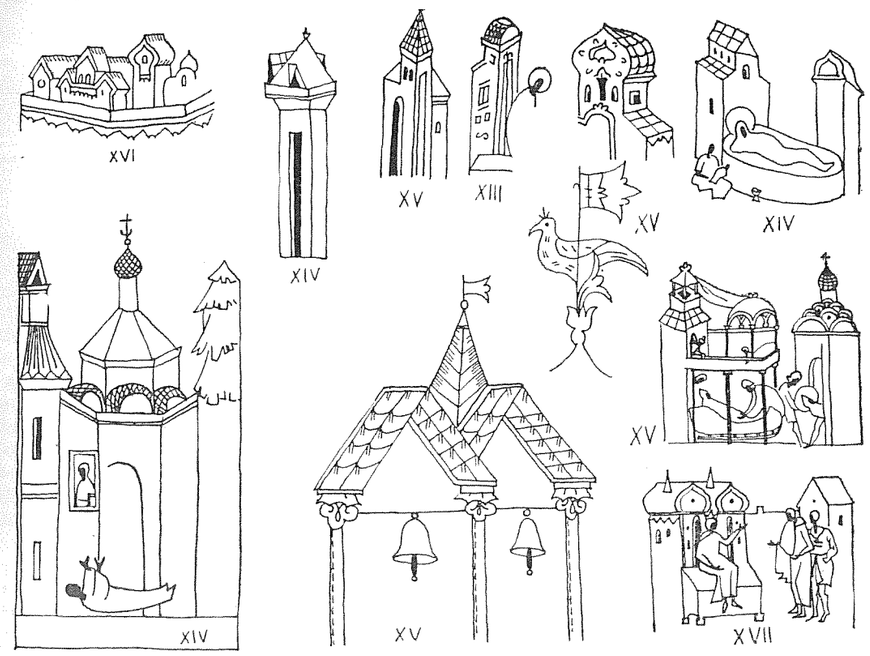
2. Изображения древней архитектуры в живописи

ее ворота выходят на Великую улицу. Величина и характер застройки являются типичными для усадеб этого периода. Пять построек свободно расположены по периметру. Все главные фасады домов были обращены внутрь. Характер такой планировки подчеркивает замкнутость усадьбы.

3. Схема образования древнего Новгорода

Остановимся теперь на разборе каждой постройки в отдельности. В правом северо-восточном углу усадьбы находится изба с прирубленными сенями. По вертикали изба состояла из трех основных частей. В климатических условиях Новгорода был неизбежен подклет, служащий хозяйственным этажом, где располагались различные мастерские, кладовые, хранилища. Над ним находилась жилая часть — клеть с печью и сенями. Сени, судя по плану, довольно развиты, они могли служить также и летней спальней. Все помещения освещались волоковыми оконцами. Чердак в своей средней части мог использоваться как светелка. Такая схема дома является наиболее вероятной и хорошо известна из этнографического материала. В древней живописи подобная схема дома отражалась уже в XIII в. На территории усадьбы находились различные хозяйственные постройки. Все они были одноэтажными, но различными по высоте, в соответствии со своим назначением. Одна из построек, самая крупная, имела подклет и могла быть мастерской. Двери были приподняты над землей. Крыши хозяйственных построек реконструировались с разными уклонами, что подчеркивает их архаический характер.

К сеням дома приставлен сруб, который реконструирован нами как башня. Под этим срубом имеется мощная система подкладок, предназначавшаяся для распределения нагрузки на грунт. Большинство новгородских деревянных сооружений было без фундаментов и ставилось прямо на землю. В исключительных случаях применялись обнесение участка под дом одним или двумя венцами и утрамбовка насыпанного в них грунта[1], а в предполагаемой башне были применены подкладки под весь нижний венец.

Вторая усадьба, находящаяся в северном углу раскопа, насчитывала четыре постройки. Среди них самым большим сооружением был жилой дом с примыкающей к нему башней, по размерам ничем не отличающийся от аналогичных сооружений первой усадьбы.

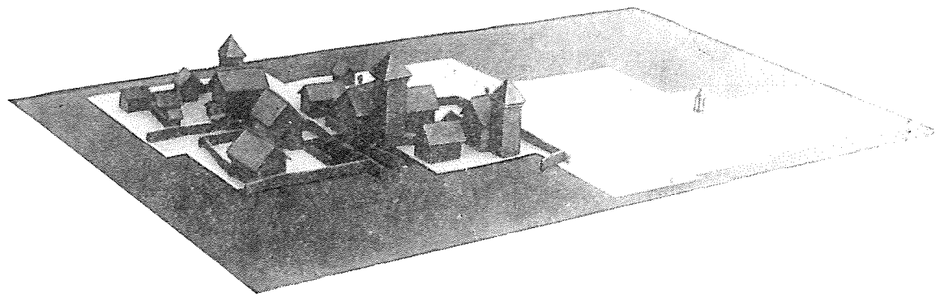
Такой двухэтажный дом и башня, находящиеся на третьей усадьбе, вскрыты не полностью.

На четвертом дворе стояли два одинаковых по размерам дома. Стоящие отдельно и не огороженные два дома, вероятно, являлись еще не сформировавшейся усадьбой.

В первых реконструкциях мы делали варианты без башен. На основе археологических планов создавались в городе усадьбы и дома, ничем не отличающиеся от простейших домов и бань, которые встречаются в деревнях. Возникало противоречие между сложным планом усадеб и довольно примитивным объемным решением. В то время, к которому относились эти реконструкции, русское деревянное зодчество уже имело большие художественные и инженерные достижения: существовала София «о 13 верхах»[1], возникла сложная сеть дренажных

[1] П. И. Засурцев. Указ. раб., стр. 265.

[1] ПСРЛ, Указ том, стр. 583.

4. Общий вид застройки и жертвенник X в. Реконструкция

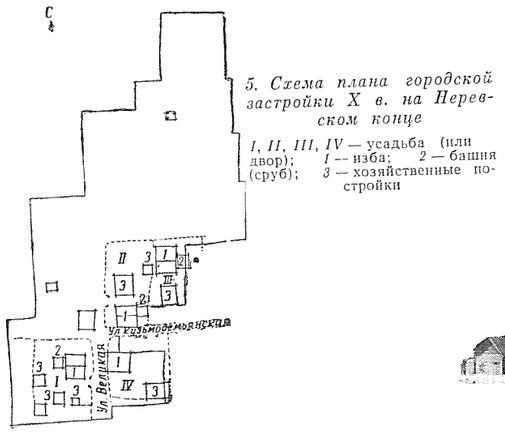
сооружений на Ярославовом дворище[1], существовал мост через Волхов.

Поэтому большое внимание уделялось появлению башен на укрепленных дворах. Башня предназначалась для военных и хозяйственных целей. И. Е. Забелин, ссылаясь на древних авторов, говорит, что башня имела три помещения для хранения ценностей, расположенных одно над другим, и холодный верх для обороны и дозора. На трех усадьбах повторяется один и тот же планировочный прием: рядом с большим домом к сеням пристраивается маленький сруб-башня. Такое повторение говорит о жизненной необходимости башен в усадьбах.

Возникновение города Новгорода было связано с выгодным экономическим и стратегическим местоположением. Появление громадного города в X в., занимавшего значительную территорию, позволяет предположить поселение общинами, пришедшими со стороны со своей строительной культурой. Исследования археологов различных форм поселений указывают на то, что в XII—XIII вв. в лесной полосе тип небольших укрепленных поселений — «городищ» (места поселения рода или небольшой семьи) исчезает. Взамен его появляются неукрепленные селения, деревни, и вместе с тем в это время наблюдается появление того, что можно назвать укрепленным двором или замком. Это сочетание неукрепленных поселений и укрепленных отдельных дворов весьма характерно для данного момента[1].

Появление башен связано с возникновением самого города, когда они имели оборонное значение. Они защищали не только от внешних врагов, но и от горожан. В последующие периоды башни остаются лишь на дворах крупных

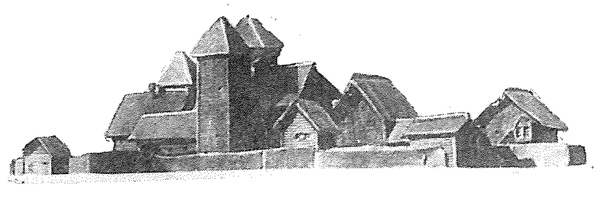
[1] А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, вып. XL. М. 1951.

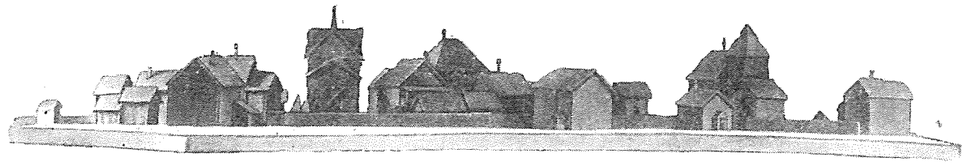
5. Схема плана городской застройки X в. на Неревском конце

I, II, III, IV — усадьба (или двор); *1* — изба; *2* — башня (сруб); *3* — хозяйственные постройки

[1] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 125.

6. Застройка X в. Реконструкция

7. Общий вид застройки XII в.

феодалов и, постепенно изменяясь, принимают облик теремов и повалуш. О существовании башен-веж, входящих в состав городских хором, говорит Лаврентьевская летопись, когда речь идет об уничтожении города Искоростеня. «И тако возгарахуся голубиници, ово клети, ово вежи, овли одрины и не бе двора идеже не горяще»[1].

Русский город имел при всем своем своеобразии много общего с городами Западной Европы и Востока. Развивался он по общим с ними законам, поэтому наличие башен внутри усадьбы или двора не является исключительно русской чертой. На Балканах феодальные усадьбы укреплялись «кулами», в Средней Азии — «кешками», а в Закавказье это были родовые башни. Их сохранилось особенно много в Сванетии. В итальянском городке Сан Джиминьяно до настоящего времени сохранилось много башен. Подобным образом выглядели Флоренция, Сиена, Болонья и многие другие итальянские города.

Существование башен, входящих в застройку дворов, может быть, оказало влияние и на каменную архитектуру. Так, к основным объемам были пристроены башни у Софийского собора и соборов Антоньева и Юрьева монастырей в Новгороде. Башни, называемые теремами, были у Успенского и Дмитриевского соборов во Владимире[2]. Название «терем» прямо указывает на гражданское происхождение башен. На иконе XV в. «Праздников» Софийского собора (Новгородский историко-художественный музей) нарисована башня-терем, пристроенная к дому с четырехскатной крышей. Тип и силуэт дома взяты художником из окружающей жизни, но при воссоздании его на иконе живописец трактует его в соответствии с канонами иконописи: дверь вытянута во всю высоту дома и показана в обратной перспективе.

Тип дома, сначала дом-вежа, потом теремдом, был устойчивым на Руси и дошел вплоть до XVII в., в чем не трудно убедиться, обратившись к Сигизмундову плану Москвы 1610 г.

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л., 1926, стр. 59.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 392.

* * *

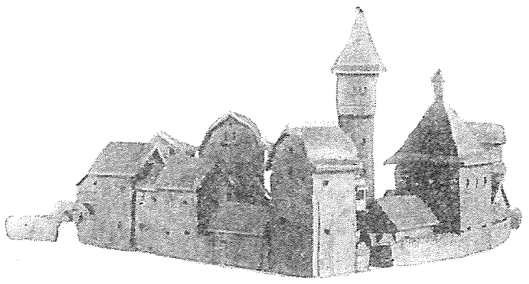
К XI в. Новгород стал развитым феодальным городом со сложным административным управлением и развитой архитектурно-планировочной структурой, включающей в себя концы, торг, кремль, пригороды и села. В это время там наблюдается интенсивная общественная жизнь, происходит укрепление боярства и верхушки ремесленников. Застройка города становится неоднородной.

Появляются богатые усадьбы, увеличиваются размеры построек, упорядочивается планировка, в усадьбах появляются элементы благоустройства. К XII в. усадьбы достигли своих предельных границ (рис. 7). Особенно выделяется в это время усадьба, расположенная к югу от перекрестка мостовых Великой и Холопьей улиц. Главный дом усадьбы площадью около 100 $м^2$ располагался в глубине двора, и к нему со стороны улиц шли вымостки. Этот дом, вероятно, имел два жилых этажа и подклет. Высота дома, которая в древности была синонимом красоты, определила и довольно сложное его покрытие, в середине которого находился дымник. Три других огромных жилых дома располагались в северной и южной сторонах усадьбы. В юго-западном углу была маленькая изба

8. Схема плана усадьбы XIII в.

1 — двухэтажный амбар; *2, 3, 4* — жилые дома; *5* — повалуша; *6* — жилой дом с лавкой; *7* — одноэтажный амбар; *8* — жилой дом с мастерской; *9* — коптильня; *10* — жилой дом; *11* — одноэтажная хозяйственная постройка; *12* — жилые дома

9. Усадьба XIII в. Реконструкция

и рядом поварня. Кроме того, в углу усадьбы были отодвинуты пять других жилых и хозяйственных построек. Нельзя сомневаться, что это была боярская усадьба.

Период XI—XII вв. является периодом строительства самых больших домов в Новгороде. В каменном зодчестве в это время строят также большие по размерам и очень сдержанные по архитектуре церкви. Это подсказало создать фасады домов XII в., делать их аскетически простыми и суровыми.

В последующие периоды эта усадьба разорялась и возрождалась вновь. К началу XIII в. она достигла наивысшего предела по количеству построек в ней. В середине XIII в. (рис. 8, 9) планировка усадьбы резко изменилась. Постройки, находящиеся на ней, отодвинулись к периметру, центр двора оставлен пустым. Всего на усадьбе находилось четырнадцать построек. Со стороны улицы Великой и Холопьей располагались въездные ворота. Поставленные близко друг к другу дома с фасадами, обращенными внутрь двора, подчеркивали замкнутый характер всего комплекса. Количество жилых и хозяйственных построек на этой усадьбе одинаково, но по размерам жилые постройки в несколько раз превосходили хозяйственные и были развиты в высоту.

В юго-восточном углу усадьбы расположены две постройки (см. рис. 8), из которых постройка *1* была хозяйственной, вероятнее всего амбаром. Под ее основанием были подкладки, поэтому она реконструирована как двухэтажная с галереей над входом. Постройка *2* также имеет систему подкладок, которая позволяет реконструировать этот дом как двухэтажный, с печью в углу. По направлению половиц в доме вход реконструировался со стороны амбара. Крыльцо ведет на второй этаж.

Следующий комплекс состоял из трех построек *3, 4, 5*.

Постройка *3* была жилой, примерно такой же, как постройка *2*.

Стоящие рядом с домом столбы свидетельствуют о существовании очень развитого крыльца. В этом доме, очевидно, жил владелец усадьбы. Поэтому мы выделяем дом покрытием бочкой. Материалом для этого покрытия служил лемех, который археологи находят уже в слоях XIII в. Наличие этого материала говорит о возведении в это время покрытий криволинейного очертания. Постройка *4*, по археологическим данным, предполагается двухэтажной, она значительно скромнее дома владельца усадьбы. Мы считаем, что этот дом был соединен переходом с постройкой *5* — повалушей. Повалуша среди всех других построек выделялась особенно мощными подкладками при очень малых размерах в плане. С западной стороны к повалуше примыкала небольшая пристройка.

В юго-западном углу усадьбы стояла самая большая постройка *6* — дом размером 9×9 *м*. В плане он делился на три части. Под стенами были подкладки, что указывает на базиликальный тип, часто встречающийся в древней живописи. В нижнем этаже находилась лавка, в связи с чем мостовая Великой улицы расширялась у западного фасада этого дома. Постройка *7* была, на основании археологических данных, одноэтажным амбаром. Постройка *8* с огромной печью в середине и с вымосткой, ведущей к ней, с мастерской в нижнем этаже и жилым верхом имела, вероятно, шатровое покрытие с дымником в центре. Постройка *9* — небольшая одноэтажная коптильня. Постройка *10* располагалась у самого перекрестка Великой и Холопьей улиц. Это жилая постройка с нижним хозяйственным этажом, возможно с покрытием в виде бочки, имела рядом одноэтажное хозяйственное сооружение — постройку *11*. Остальные постройки усадьбы *12*, *13*, *14* представляют собой трехкамерные комплексы (изба—сени—клеть).

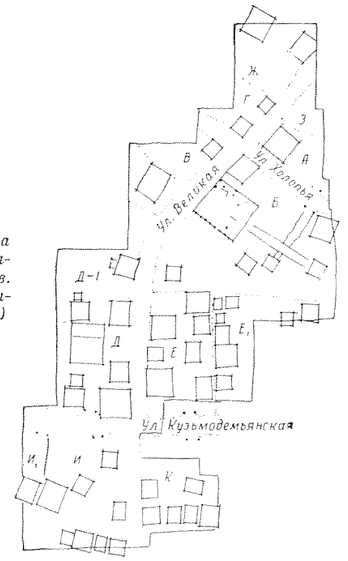
При такой тесноте застройки усадьбы дома должны были расти вверх и не могли быть одноэтажными. Об этом говорит и разнообразие построек в отношении их размеров, конструктивных приемов и функционального назначения. Если усадьба X в. была началом развития, а усадьба XII в. была феодальной усадьбой, которая служила только одному владельцу, то

усадьба XIII в. представляет пример типично городской усадьбы с различным по составу населением. Очевидно, некоторые постройки владелец сдавал в наем. Это было время татарского нашествия, когда в Новгород волной хлынули беженцы.

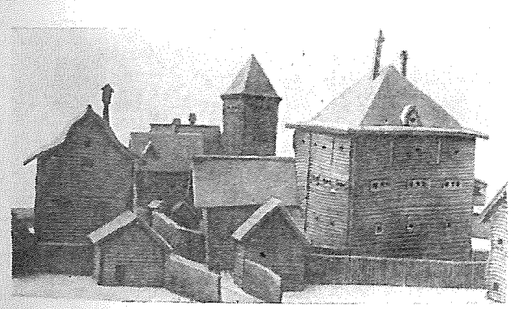
* * *

Перейдем к застройке города конца XIV в. и начала XV в. — времени расцвета Новгорода.

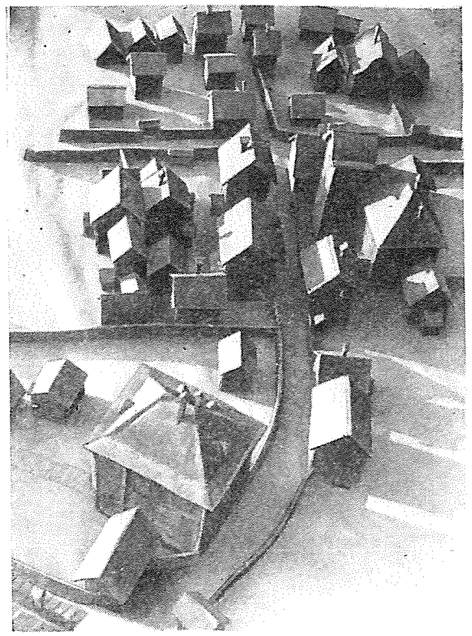
После татаро-монгольского нашествия Новгород становится центром культурной жизни древней Руси, сюда едут большие художники, здесь строятся великолепные каменные церкви.

10. Схема плана городской застройки XIV в. (буквами обозначены усадьбы)

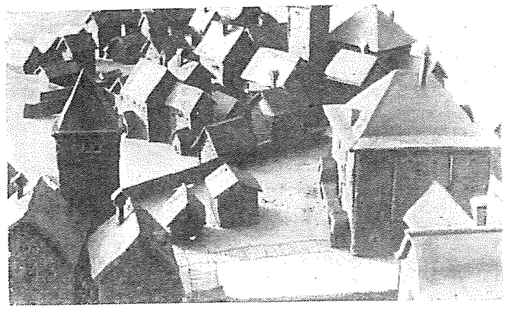
11. Усадьба Б

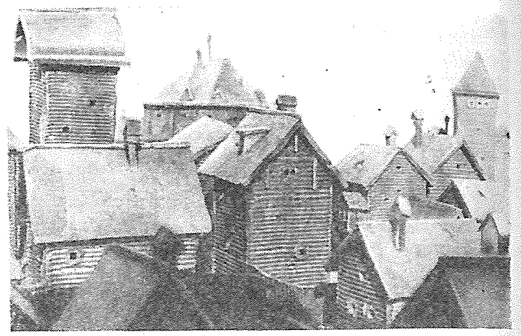
12. Общий вид застройки XIV в. Реконструкция

В это время на больших усадьбах появляются дворцы крупных феодалов. В застройку (рис. 10, 11, 12) входят две крупные феодальные усадьбы, из которых одна принадлежала семье новгородского посадника Онцифора. Другой владел боярин, судя по содержанию найденной там грамоты, который имел вотчину в Карелии. Время возникновения этих усадеб относится археологами к 80—90 годам XIV в.

Самая большая усадьба (*Б*), находящаяся в северо-восточном углу раскопа, занимала площадь около 1500 *м*². Улица Великая на месте расположения этой усадьбы поворачивает на восток и, пересекаясь с Холопьей улицей, придает усадьбе своеобразное трапециевидное очертание. Ворота усадьбы выходили на Холопью улицу и немного отступали в глубь усадьбы. Примыкавший к воротам частокол в этом месте закруглялся в сторону ворот, образуя маленькую площадку для заезда саней. Такие же скругления прослеживаются и на углах усадьбы в месте пересечения улиц. Делались они для удобства поворота. На месте ворот были найдены два больших столба. Можно предположить,

13. Дворец на усадьбе Б и окружающая застройка

15. Фрагмент застройки XIV в.

14. Усадьба Д

что ворота этой усадьбы отличались от ворот на других усадьбах большим размером и, возможно, были украшены резьбой и живописью. Эти ворота реконструированы в простых и рациональных формах. Два столба перекрывал двухскатный навес из теса с довольно массивными охлупнями. От ворот идет вымостка в направлении к небольшому срубу, который, несомненно, был основанием одноэтажного хозяйственного сооружения. Рядом с ним стоит еще один дом, реконструированный так же, как хозяйственная постройка. Вымостку, идущую от ворот в направлении, параллельном Холопьей улице, пересекает другая вымостка, которая в месте пересечения идет поверх первой (рис. 13). На западном конце первой вымостки находилось весьма крупное сооружение, стоящее на столбах размером 16×18 *м*. В месте, где кончалась вымостка, стояло четыре столба, что позволило реконструировать здесь крыльцо, вернее, площадку крыльца, врубленного в стену и ведущего на второй этаж в сени. Подклет, судя по археологическим находкам, частично был жилой, а частью вмещал кладовые. Сохранившиеся в основании столбы говорят о том, что это было сравнительно высокое здание. Конструктивно на эти столбы ложились срубы, жестко связанные между собой перегородками, совсем так же, как в развитом карельском доме. Этот дом принадлежал богатому боярину и служил ему жилищем. Судя по его размерам, это не было обычное жилище, вероятнее всего это был деревянный дворец с очень сложным внутренним устройством. Особых находок, позволяющих ясно представить себе назначение частей дома, здесь было найдено мало. Предполагается, что во время пожара на Неревском конце в 1394 г. все ценные вещи были из дома

16. Застройка XIV в. на Неревском конце с близлежащими церквами

вынесены. Поэтому данный вариант реконструкции этого дома (рис. 11) основывается на других, косвенных источниках. Если подклет, состоящий в плане из ряда мелких помещений, не вызывает особых сомнений, то второй и третий этажи этого сооружения, а также его внутренний функциональный строй реконструировались на основании ряда аналогий среди сохранившихся жилых сооружений и на основании описаний. Среди многих вариантов реконструкций планов этих этажей выбран тот, который делит план на сени и избу. Сени и изба второго этажа делились еще на несколько помещений, как это видно на планах ряда сохранившихся трапезных и палат. Эти сооружения относятся к XVI и XVII вв. Однако, если учесть, что планы каменных домов продолжали развивать традиционную схему деревянных жилых домов, то деревянное сооружение такого рода в конце XIV и в начале XV в. в Новгороде вполне возможно.

Третий этаж дворца тоже разделен на две большие части, из которых самая большая служила, вероятно, приемной залой. Отсюда вытекает членение фасада третьего этажа. Выше третьего этажа находился чердачный полуэтаж, а затем — покрытие. Стропильный характер покрытий в данном случае определяется величиной перекрываемой площади. Форма его достаточно проста и утилитарна. По бокам покрытие могло иметь слуховые окна. С южной стороны дворец имел еще одно пристроенное крыльцо. Это крыльцо выходило в ту часть двора, где стояла баня — маленькое сооружение на столбах, рядом с которым археологи нашли деревянные корыта и бочку, обставленную шайками.

Вымостка от главного входа во дворец к востоку вела к повалуше — высокой, квадратной в плане башне, возможно, с шатровым покрытием. Башня на усадьбе, кроме хозяйственных функций, имела и оборонительное назначение. В городе, где антагонизм между горожанами и феодальной знатью был особенно острым, строительство таких башен было необходимой мерой. С башней связан большой жилой дом, имеющий покрытие бочкой. Рядом, при въезде на усадьбу, стоит еще один дом, более скромный по размерам и архитектуре. Крыльцо этого дома находится в непосредственной близости от ворот. На углу усадьбы при пересечении улиц Великой и Холопьей найдена постройка, которая имела хозяйственное назначение.

Дома на рассматриваемой усадьбе по сравнению с домами окружающих ее других усадеб стоят более свободно. Вымостки усадьбы повторяют перекресток больших улиц и образуют правильный крест — две композиционные оси, на которые нанизываются основные постройки. Стремление к упорядоченности в планировке является отличительной чертой этого комплекса и делает его главенствующим среди стихийной застройки остальных усадеб.

Второй значительной усадьбой (*Д*), находящейся в юго-западном углу при пересечении улиц Великой и Козьмодемьянской, является усадьба новгородского посадника Онцифора. Раскопана она не полностью, но на раскопанной части находились основные сооружения этой усадьбы, среди которых выделяется большой дом владельца усадьбы с примыкающей к нему повалушей. Эта башня выходит непосредственно на улицу Великую.

Такую композицию дома и башни-повалуши можно встретить в усадьбах X в. Существование ее в XIV в. на богатой усадьбе вполне закономерно и является продолжением древнего строительного приема. Башня имела, возможно, покрытие бочкой, которое можно видеть на изображениях Новгорода в живописи XIV—XVII вв. Такие башни находим также и на Сигизмундовом плане Москвы, достаточно древнем документе с вполне реальными изображениями деревянной архитектуры, часть которой восходит к XVI в. Ворота усадьбы выходят на Козьмодемьянскую улицу. Характерно, что на самую большую и оживленную улицу города Великую ни одни ворота ни этой, ни других усадеб не выходят, что говорит о разумной планировке и застройке городской территории. Рядом с воротами стоят три дома, которые имели хозяйственное назначение. Из них дом, выходящий на угол усадьбы в месте пересечения двух улиц, имел жилой верхний этаж. Крыльцо большого дома выходит на маленькое пространство двора усадьбы. Предельная затесненность двора свидетельствует о том, что это был жилой комплекс. Его жилая часть была сконцентрирована к улице Великой.

Изучение усадеб на Сигизмундовом плане Москвы показывает, что часто между двумя параллельными улицами располагались усадьбы, а в центре между ними находились огороды или сады. Ближе к огородам располагались хозяйственные постройки, а иногда и хозяйственные усадьбы. Поэтому можно говорить с полным основанием о средневековом русском городе как о городе, в котором было много зелени. В этом нас убеждают также изображения Новгорода на рисунках из альбома Мейерберга. Для того чтобы наглядно представить себе древний Новгород, недостаточно видеть лишь его жилые постройки, необходимо иметь в виду зелень, которая окружала их.

Остальные раскопанные усадьбы этого периода представляют усадьбы более мелкие и бедные. Их хозяева зависели от более могущественных соседей, поэтому вся застройка этой части города представляла собой некоторое единство. Эта организация носила название конца. Каждый конец имел свой орган управления — кончанское вече, а также свои культурные центры во главе с кончанской церковью. Последние находились на Неревском конце, на композиционных осях улиц Козьмодемьянской и Холопьей.

На западном конце Холопьей улицы стояла Тихвинская церковь. В пятидесяти метрах от перекрестка Великой и Козьмодемьянской улиц находилась церковь Саввы. От этого перекрестка до кремля по Великой улице было всего 280 *м*. Перечисленные выше церкви не сохранились. Правда, фундаменты одной из них — церкви Саввы — были раскопаны археологами, но в нашу задачу не входит документальная реконструкция этих церквей. Поэтому мы ограничимся общей характеристикой синтеза деревянных и каменных сооружений средневекового русского города (рис. 15, 16). Среди довольно плотной городской застройки на том месте, где стояла церковь, также образовывалась своего рода усадьба — место, отгороженное от других примыкавших к ней усадеб, на котором находились постройки и службы, связанные с церковью.

На плане Пскова, изображенного на иконе Сретения из часовни Владычного креста, представлены такие церковные усадьбы. В центре их стояла церковь, а по периметру были расставлены жилые и хозяйственные постройки, среди которых были довольно крупные. Поэтому постройки на других усадьбах и на церковной усадьбе закрывали стены церкви, иногда доходя до верхней части наружных стен.

Церковные сооружения были композиционными центрами в городе, они контрастировали цветом и фактурой материала с общей застройкой. Включенные в реконструкцию деревянной жилой архитектуры каменные церкви помогут представить синтез дерева и камня в общем облике древнего Новгорода.

Работа выполнена в Научном студенческом обществе Московского архитектурного института совместно с Новгородской экспедицией института археологии АН СССР.

Реконструкция и макеты выполнены авторами.

СОБОР СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ В ЯРОСЛАВЛЕ
(исследование и реставрация)

КАРАВАЕВА Е. М.

Преображенский собор Спасского монастыря — древнейший из сохранившихся памятников архитектуры Ярославля. Перестроенный заново после пожара 1501 г. в 1516 г.[1], он занимал одно из ведущих мест в ансамбле города на въезде в Ярославль по московской дороге у переправы через Которосль. Величие соборного здания вполне соответствовало значению и богатству Спасо-Ярославского монастыря — одного из крупнейших монастырей России.

Внешний вид собора сильно изменился от многочисленных перестроек (рис. 1, 2). Такие части древнего здания, как восточные главы, западное крыльцо и северное гульбище были разобраны до основания. Сохранившийся остов здания был обезображен растеской окон и безжалостным уничтожением почти всей профилировки, которая была сбита при подготовке стен под штукатурку.

Главным источником сведений о соборе являются монастырские описи и рапорты о починках. Часть этих материалов опубликована в церковно-исторических описаниях монастыря, составленных во второй половине XIX в.[2].

Историко-архитектурное изучение источников и самого здания началось только в советское время в 1919 г. Отчеты о первых исследованиях, проведенных Ярославской реставрационной комиссией с 1919 по 1930 гг., хранятся в Историческом музее в Москве и еще не публиковались[3].

Собор в течение веков должен был постоянно сохранять свою главенствующую роль в ансамбле монастыря. Именно поэтому с ростом окружающих зданий объем собора увеличивали надстройками и пристройками. Это характерно для развития многих монастырских ансамблей. Поэтому разборку поздних пристроек следует вести очень осторожно, не упуская из вида требований ансамбля, т. е. не снимая тех наслоений, которые объединяют разновременные элементы.

Сейчас, после реставрации сохранившихся элементов в нижних частях соседней Входоиерусалимской церкви и восстановления северной паперти собора, восточный фасад этого комплекса сооружений дает некоторое представление о том окружении, в котором находился собор на протяжении XVII—XVIII вв. (рис. 3). Примыкающие здания служат соединительным звеном между древнейшим храмом Ярославля и множеством посадских церквей ярославской строительной школы XVII в.

Архивный материал дал новые сведения и о назначении северной паперти. Здесь была «книгохранительная палата». Несмотря на многочисленные пожары, которые приносили большие повреждения монастырским каменным зданиям, так как крыши до конца XVII в. оставались деревянными, в книгохранительнице во времена архимандрита Ионыя до 1788 г. сохранялись древние рукописи, в том числе пергаментные, перечисленные в нескольких описях[1].

Письменные источники, дополненные натурными исследованиями, дают довольно подробную историю соборного здания. Предшественник нынешнего собора был построен еще до нашествия татар.[2] То немногое, что сохрани-

[1] «Освящена бысть сия церковь в лето 7024 (1516) при благоверном Великом князе Василие Ивановиче всея России при архиепископе Вассиане, а поставлена бысть архимандритом Ионою» (надпись над входом в собор).

[2] Нил (архиепископ), Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, изд. II, 1869 г., Владимир (иеромонах), Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. М., 1881: Ярославль, 1913.

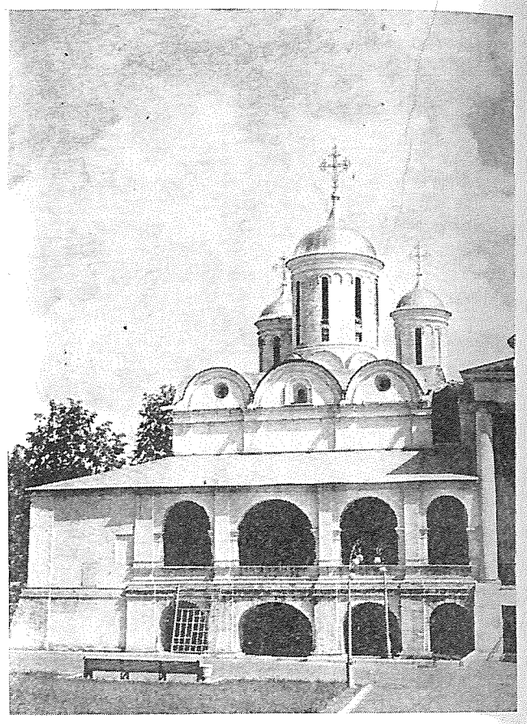
[3] ГИМ, ОПИ, ф. 99 (И. А. Тихомирова), д. № 3, 10, 11.

[1] ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. № 2620, лл. 94—104; ГИМ, ОПИ, ф. 65, д. № 86069, арх. 1790, л. 74; Е. М. Караваева. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. «Труды отдела древнерусской литературы», вып. XVI. М.—Л., 1960.

[2] ПСРЛ, т. 1. М.—Л., 1927, стр. 439, 447.

1. Преображенский собор с запада до реставрации

2. Вид собора с запада после реставрации

лось от собора XIII в., дает представление о величии и красоте домонгольских построек в Ярославле. Раскопки показали, что собор XIII в. был больше и богаче, чем существующий[1]. Фундаменты древнейшего здания с востока и севера выступают наружу за пределы существующих стен, а найденные в земле образцы плинф и осколки белого камня, украшенного резьбой, позволяют поставить это здание в один ряд с его знаменитыми ровесниками — соборами Суздаля и Юрьева-Польского.

Можно предположить, что Преображенский собор 1216—1224 гг., как и многие современные ему храмы, имел притворы. Во всяком случае, в житии Федора Ростиславича под 1299 г. упоминается притвор, где умирающий князь принял иноческий чин[1]. Трудно представить себе, что в тяжелое время между нашествием Батыя и смертью Федора мог быть построен новый собор, да еще с притворами[2]. Вероятнее всего, что собор XIII в. достоял до XVI в., когда началась его перестройка, или во всяком случае, до перестройки, связанной с «обретением мощей» Федора и его сыновей в 1463 г., иначе мощи были бы открыты раньше[3].

Перестройка собора в 1506—1515 гг.[4] почти совпадает по времени с окончанием строительства Архангельского собора в Московском Кремле (1508). Его архитектура оказала влияние на Преображенский собор, и это заметно с первого взгляда. Круглые окна закомар, орнаментированные откосы порталов, завершение внутренних столбов, устройство угловых водометов, наружная галерея, а также близость кирпичных профилей к белокаменным прототипам — все это говорит о свободном применении новшеств, завезенных в Россию Алевизом и использованных ярославским мастером (рис. 4).

Есть основание предполагать, что строительство Преображенского собора возглавляли московские мастера, присланные в Ярославль для перестройки городского Успенского собора после великого пожара 1501 г.[1]

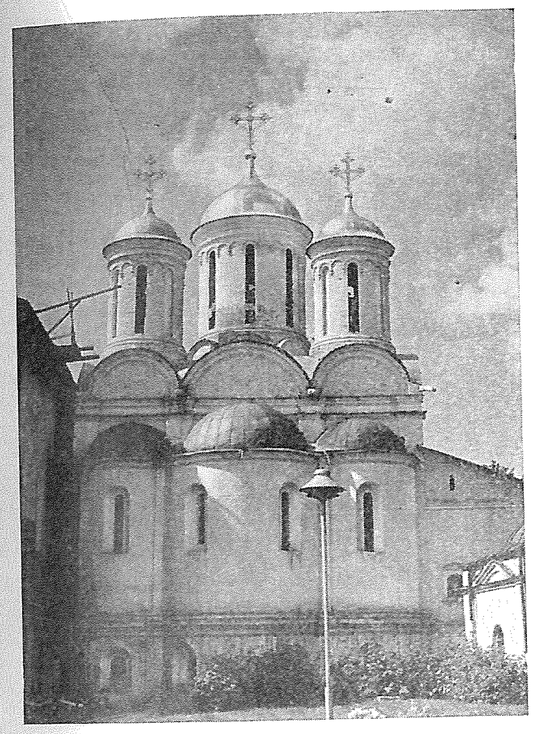
Все крупное строительство в начале XVI в. уже велось по указу и на средства московского князя, причем в каждом городе, как показывают многие примеры, главный городской собор в случае возобновления строился с пятью главами, остальные с тремя и с одной. Так, в Суздале трехглавый собор в кремле был в 1528—1530 гг. перестроен в пятиглавый[1], а в Покровском монастыре в 1510—1518 гг. и в Ризположенском до 1550 г. заново выстроены трехглавые соборы[2].

Если многие соборы крупных московских монастырей оставались одноглавыми (собор Чудова монастыря в Кремле 1501 г., Собор Рождественского монастыря 1505 г. и др.)[3], то трехглавие Преображенского собора связано с особым положением Спасского монастыря в Ярославле, как главного монастыря в городе. Значение Спасского монастыря не падает и при Грозном. Для росписи собора в 1563 г. присылаются московские мастера, которые работают вместе с ярославцами[4].

За четыре столетия с XVI по XX в. собор претерпел значительные перестройки. Причинами этих перестроек были не только разрушения осажденного монастыря в Смутное время[5], пожары и ураганы. Многие перестройки были обусловлены развитием архитектурного ансамбля монастыря и ростом городской застройки, в которой собор должен был оставаться композиционным центром.

Уже в начале XVII в. собор оброс пристройками с юга и с севера. Входо-иерусалимская церковь, построенная в XIII в. с юга от собора, в 1619 г. была заменена двумя церквами[6]. В конце XVII в. была с севера пристроена паперть. Открытая аркада западной галереи была переделана в закрытую паперть с окнами вместо арок, а крыльца получили характерную для XVII в. форму с кружальными окнами. Возможно, что формы глав и покрытий изменились, так как все тесовые крыши погорели в великий пожар 1658 г. Горел и верх собора[7].

Как видно из описи 1691 г.*, Преображен-

3. Преображенский собор с востока после реставрации

[1] Раскопки производились в 1958 г. под руководством М. К. Каргера.

[1] Библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 1, д. 326, л. 214.

[2] Тогда было два восстания против татар. ГПБ. Отдел рукописей. ф. IV, № 596, т. 1, л. 82; ПСРЛ., т. 1, М.—Л., 1927, стр. 476.

[3] ГАЯО, ф. 231, д. 5729, л. 39 об.

[4] ГИМ, ОПИ, ф. 99, д. 11, 19 л. 1.

[1] ГАЯО, ф. рукописей, д. 1031, л. 78.

[1] Иоасаф (иеромонах), Церковно-историческое описание Суздальских достопамятностей. Чугуев, 1857, стр. 98.

[2] Н. Н. Воронин. Владимир-Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958, стр. 221, 222, 240.

[3] А. Н. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв. 1936, стр. 236.

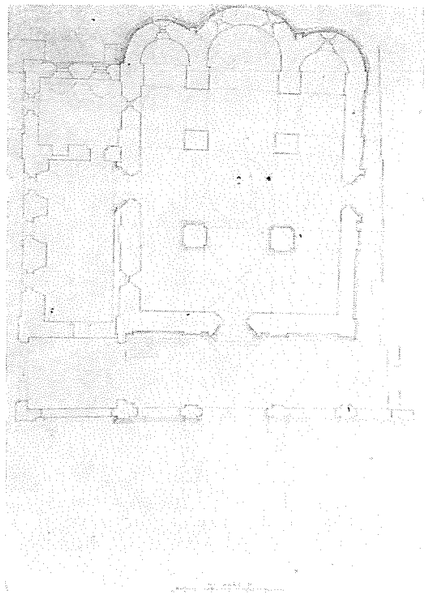
[4] «а подписана при архимандрите Ефреме, а подписывали мастера московские Ларион Леонтьев сын, да Третьяк, да Федор Никитины дети, Ярославцы Афонасий да Дементей Сидоровы дети». Надпись на северо-западном столбе собора с южной стороны.

[5] ГИМ, ОПИ, ф. 99, № 10, л. 13.

[6] Исследование Э. Д. Добровольской 1958—1959 гг.

[7] ГПБ. Отдел рукописей, ф. IV, д. 465, 1844.

* Библиотека Ярославского государственного педагогического института, ф. рукописей, д. 1202.

4. План. Обмер Е. Г. Ефремова

ский собор сроднился по своему облику с приходскими церквами XVII в.; их приделы, паперти и крыльца превращали каждую церковь в группу объемов со сложным силуэтом. Опись 1691 г. — самая ранняя известная опись собора. Она зафиксировала собор с тремя главами до перестроек начала XVIII в.

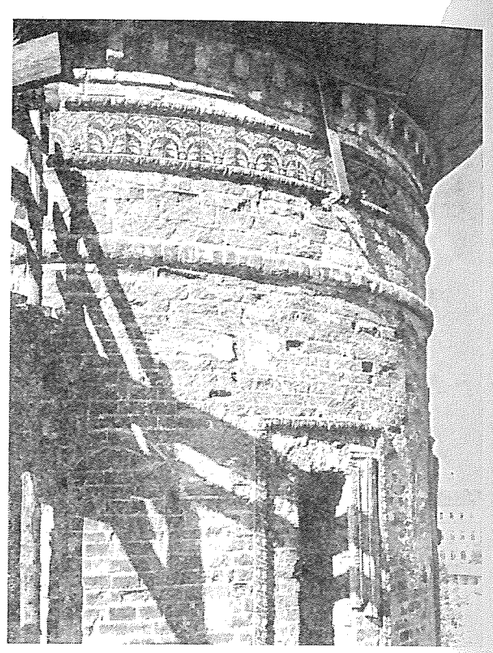
Первые описи XVIII в., составленные в 1701* и 1709 г.**, не дают новых сведений о Преображенском соборе, но уже в описи 1727 г.*** собор значится одноглавым. Судя по найденному в надкладке центрального барабана кирпичу с фресковым слоем, можно предполагать, что центральный барабан был надложен сразу же после разборки малых глав. Новый изразчатый декор барабана тоже принадлежит началу XVIII в., что видно по характеру рельефных многоцветных изразцов (рис. 5).

Изразчатые наличники окон барабана доведены до поверхности четырехскатной крыши. Это доказывает, что переделки, связанные с новым декором барабана и его надстройкой, были вызваны изменением формы покрытия. Края

* ЦГАДА, ф. 237, оп. 3, № 13, лл. 8—29.

** Ярославский краеведческий музей, ф. рукописей № 998.

*** ГИМ, ОПИ, ф. 65, № 86069, арх. 1790, л. 2.

5. Центральный барабан с надстройкой XVIII в.

четырехскатной крыши опираются на прямой карниз из белокаменных надгробных плит[1], венчающий накладку над закомарами. На многих плитах сохранились даты, самая ранняя из них 1623, самая поздняя 1693 г. Таким образом, можно утверждать, что переделка верхней части всего собора проводилась в один строительный период не раньше 1693 г. и не позднее 1727 г. Однако надгробную плиту 1693 г. не могли сразу употребить в строительство да и в описи 1709 г. ничего не сказано о переделках. Это дает возможность уточнить предполагаемый период, доведя его до 18 лет — с 1709 по 1727 г.

К 1791 г., через сто лет после первой описи 1691 г., весь Спасский монастырь был превращен в архиерейский дом, переведенный сюда из Ростова[2]. Это событие совпало с реконструк-

[1] Найденные в карнизе надгробные плиты представляют большой художественный и исторический интерес. Они пополнят наши сведения о знатных ярославцах XVII в. (Зубчаниновы, Жеряпины, Никитиных и др.), многие из которых жертвовали деньги на строительство церквей.

[2] ГАЯО, ф. 231, д. 9081, 1791; ф. 232, оп. 1, т. 1, № 561, 1791.

цией Ярославля по вновь утвержденному регулярному плану. В Спасском монастыре в это время было продано большое количество древних икон и драгоценностей, а полученные деньги употреблены на капитальный ремонт зданий и замену тесовых крыш железными[1]. Одновременно была подновлена и соборная живопись. О характере этого подновления можно судить по сохранившемуся контракту с подрядчиком — ярославским купцом Петром Дмитриевым Кропиным. «Как в церкви, так и в алтаре письмо смыть суслом или пивом начисто и в коих местах окажутся сашины, царапины или смыто и слинняло оное, снова возобновить и свет везде навести вновь... около лиц венцы и короны в ризах мученических, латы и кресты, и главы на церквах по стенам, и другие места неприличию вызолотить самым добрым, двойным золотом по мере первого. Также пояса вызолотить таким же золотом с тушевкою»[2].

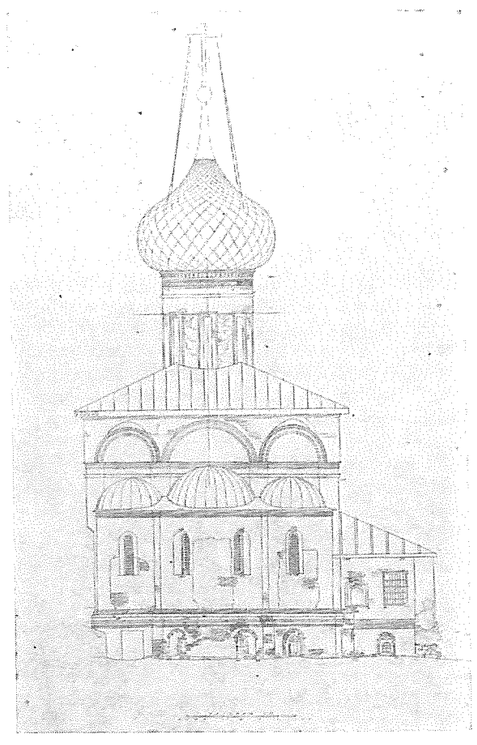
Облик монастыря после перестроек XVIII в. сохранил нам рисунок губернского землемера Сергеева, относящийся к 1802 г.[3] Этот рисунок особенно ценен тем, что благодаря ему мы можем получить представление о соборе в его прежнем окружении. Он высится среди шатров святых ворот и звонницы, рядом с маленькими церковками, пристроенными с юга.

Несколькими годами позже начинается последний цикл изменений и перестроек. В 1811 г. с востока был пристроен новый алтарь[4], в 1814 г. на целый аршин растесаны окна[5], в 1817 г. заново перестроено западное крыльцо[6], а в 1830 г. с юга от собора вместо старых маленьких церквей построено громоздкое здание церкви Чудотворцев. Тогда же устроена новая соборная глава, выкрашенная в синий цвет и украшенная золочеными звездами (рис. 6).

В 1918 г. собор подвергся обстрелу во время белогвардейского мятежа, а с 1919 г. начались первоочередные работы по реставрации, проводимые Ярославской реставрационной комиссией до 1930 г. За этот период были выполнены такие работы, как восстановление профиля закомар, разборка пристроенного в 1811 г. алтаря и другие. Одновременно было сделано несколько эскизных проектов реставрации собора[7].

Со времени учреждения Ярославской специальной научно-реставрационной производственной мастерской работы по собору возобновились в 1953 г. Под руководством архитектора Е. Г. Ефремова была расчищена от закладок западная галерея, разобрано западное крыльцо 1817 г., восстановлена профилировка междуэтажного пояска западной и алтарной части. Одновременно с этими работами производился обмер, и было сделано несколько вариантов проекта реставрации. Однако работа над проектом не была доведена до конца, так как многие существенные вопросы реставрации оставались спорными и нуждались в подтверждении.

В конце 1957 г. работа над проектом была поручена автору этой статьи. Реставрационные работы в первую очередь были проведены на северной паперти XVII в., находившейся в аварийном состоянии. Основными вопросами проек-

6. Восточный фасад. Обмер Е. Г. Ефремова

[1] ГАЯО, ф. 231, оп. 1, т. III, № 8761.

[2] ГАЯО, ф. 231, № 6902, 1780, л. 12, 12 об.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 168, д. 6, 1802.

[4] ГАЯО, ф. 232, оп. 1, д. 1430, 1811.

[5] ГИМ, ОПИ, ф. 99, д. 10, л. 13.

[6] ГАЯО, ф. 232, оп. 1, т. II, д. 1536.

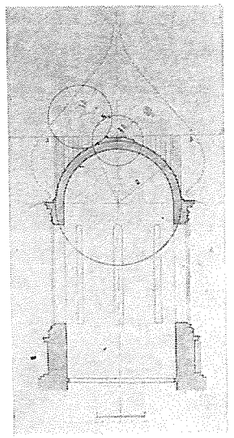
[7] Д. М. Агафьин. Обмер и проект реставрации Преображенского собора, 1918—1921; Э. Д. Добровольская. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля (1918—1921). «Краеведческие записки», вып. IV, Ярославль, 1961, стр. 180.

та оставались: выяснение уровня карниза центрального барабана и установление формы центральной главы. Без решения этих вопросов бессмысленно было заменять надстройку XVIII в. вымыслом XX в. Поскольку зондированию барабана мешал изразчатый декор, было решено обратиться сначала к аналогиям, чтобы сделать последующее натурное исследование более целеустремленным.

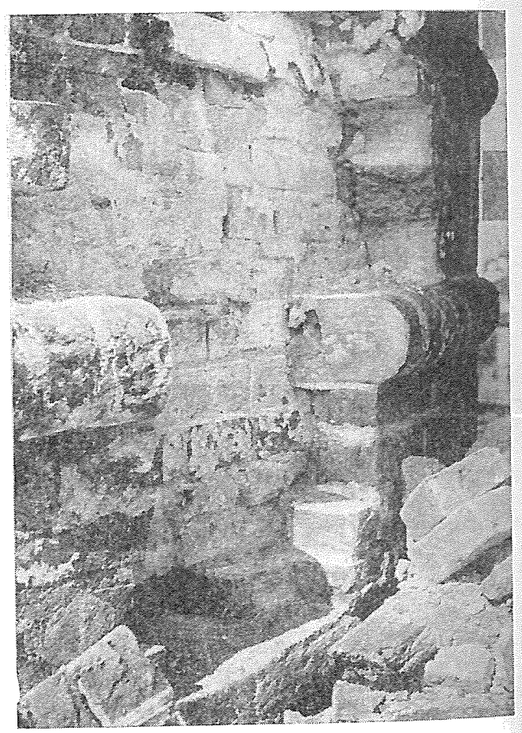
Хотя соборные храмы XVI в. изучены еще далеко недостаточно, чтобы дать их полный сравнительный анализ, все же можно установить, что многие из них имеют общую геометрическую схему построения. Собранные нами обмеры семи соборных глав XV—XVI вв. показали, что все они имеют сферическую форму, причем центр сферы в главах, относящихся к началу XVI в., лежит приблизительно на уровне верхнего ряда карниза (собор Рождественского монастыря в Москве 1501—1505 гг.*, собор Даниилова монастыря в Переславле-Залесском 1523 гг.**). В ранних памятниках центр несколько спущен (Троицкий собор Троице-Сергиевской лавры, внутренняя глава XV в.***, собор Чудова монастыря в Московском Кремле 1501 г.****, а в поздних — несколько приподнят по отношению к верхнему ряду карниза (собор Пафнутьева монастыря в Боровске конец XVI в.*****

Геометрическое построение глав XVI в. подтверждается следами применения циркуля. След циркуля хорошо сохранился на обмазке главы Троицкого собора Даниилова монастыря в Переславле Залесском. Этот след прочерчен, видимо, гвоздем на конце веревки, закрепленной в вершине свода, радиусом, равным $^2/_5$ радиуса сферы и образует нечто вроде полярного круга, выше которого начинается веерообразная выстилка из тщательно подтесанного кирпича, образующая шлемовидное завершение над сферой (рис. 7).

Подобным же образом проходит граница перехода от сферы к шлемовидному завершению в главе Антипьевской церкви в Москве XVI в.******, хотя эта глава почти вдвое меньше

7. Глава Троицкого собора Даниилова монастыря в Переславле Залесском. Циркульное построение

8. Зондаж центрального барабана Преображенского собора

главы Троицкого собора в Переславле. В этих двух главах сохранились остатки шлемовидного завершения, которое тоже построено по кружалу с точным геометрическим сопряжением кривых, образующих сферу и шлем, причем радиус кривой шлема в обоих случаях равен $^1/_2$ радиуса сферы. Приведенные примеры показывают, что некоторые приемы построения форм в храмах XVI в. могли быть общими. Между тем все упомянутые храмы внешне очень различны.

Аналогии подсказали место размещения карниза центральной главы Преображенского собора. Зондажи, сделанные в надстройке барабана на уровне центра сферы хорошо сохранившегося купола, обнаружили закрытую облицовкой XVIII в. пяту купольного свода и под ней ряды срубленного карниза (рис. 8).

Профилировка карниза была восстановлена с помощью метода, примененного еще в 1920-х годах И. А. Тихомировым для восстановления архивольтов закомар. Последний заметил, что все фигурные кирпичи в профилях собора формованные, а не тесаные. При этом каждый профиль получен из отдельной формы, а не путем закладки разных вкладышей в одну и ту же форму. Поэтому кирпичи различного профиля отличаются по своим сечениям, т. е. длиной, шириной и высотой (рис. 9). Эта технологическая особенность изготовления фигурного кирпича для данного здания дает возможность узнавать профиль по остаткам карнизных кирпичей в кладке. Для этого достаточно примерить найденные в забутовке остатки валиков, гуськов, выкружек к сечению обрубленного кирпича в каждом ряду сбитого карниза.

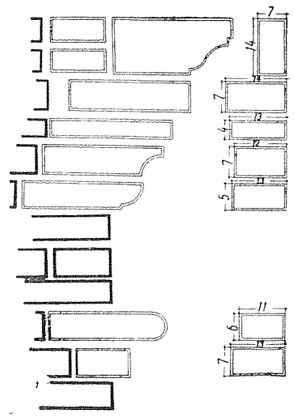
Наибольшую трудность представляла собой реконструкция разобранных в XVIII в. восточных (малых) глав. Здесь была использована модульная система маховых саженей, обнаруженная В. И. Балдиным при обмерах Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры[1]. В Преображенском соборе маховая сажень, лежащая в основании столбов, укладывается целое число раз в высоту собора: от пола до основания центрального барабана 6 раз, до верха карниза центрального барабана 10 раз (рис. 10).

Применялось ли модульное построение при определении высоты малых барабанов? В пятиглавом храме конца XVI в. в Вязёмах, если верить схематическим обмерам В. В. Суслова, верхняя линия карниза малых барабанов лежит на высоте 10 маховых саженей от пола, а центрального — на высоте 12 саженей от пола (пропорции Вязёмского храма отличаются стройностью).

Если предположить, что верх карниза малых барабанов Преображенского собора в Спасском монастыре тоже отстоял на целое число саженей от пола храма, тогда при высоте центрального барабана 10 саженей от пола высота малых барабанов могла быть равной девяти саженям от пола, так как при восьми саженях малые барабаны слишком сплющиваются. Это предположение нашло некоторое подтверждение в натуре, хотя малые барабаны и были разобраны до цоколя. В нижних рядах кладки малых барабанов на уровне цоколя с внутренней стороны (при разборке поздних сводиков над отверстиями барабанов) были обнаружены фрески с изображением ног пророков (рис. 11). В каждом барабане сохранились остатки четырех пар ног. Это определило число окон в малых барабанах, здесь оказалось четыре окна, а не восемь, как в центральном барабане.

По размеру и форме ног, изображенных на фресках малых барабанов ясно видно, что фигуры, которым принадлежали эти ноги, совпадали по масштабу с аналогичными фигурами праотцов в центральном барабане, где они сохранились во весь рост. Это позволяет реконструировать высоту фигуры по остаткам ног, а по высоте фигуры — приблизительную высоту малого барабана.

Если предположить, что фигуры в большом и малом барабане размещались одинаково по отношению к подкупольному валику, то положение подкупольного валика определится положением фигур. При этом способе реконструкции подкупольный валик получается на 32 *см* ниже девятой сажени от пола. Дальнейшее понижение валика невозможно, так как иначе он врезался бы в надпись или в верхнюю часть фигуры.

9. Реконструкция карниза центрального барабана

* Обмер А. С. Фуфаев. Музей АСиА СССР, разд. V, № 2052/5—14., Уточненный обмер главы сделан бригадой А. А. Афанасьева в 1959 г.

** Обмер Е. М. Караваевой и Е. А. Кривулина. Архив ЯСНРПМ.

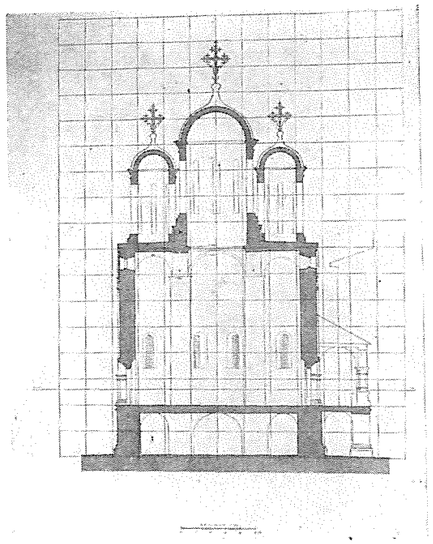
*** Обмер В. И. Балдина. Экспозиция Загорского музея.

**** Обмер П. Н. Максимова. Музей АСиА СССР, разд. V, № 506.

***** Обмер О. К. Губаревича, Архив ЦНРМ.

****** Обмер Л. А. Давида. Музей АСиА СССР, разд. V. № 2148—2169.

[1] Маховая сажень здесь равна 177,5 *см*. В. И. Балдин. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. «Архитектурное наследство», вып. 6. М., 1956, стр. 21—56.

10. Модульное построение Преображенского собора

Таким образом, спорным остается отрезок высоты малого барабана в 32 *см*. Однако вполне возможно, что расстояние между верхом фигуры и подкупольным валиком в малом барабане могло быть больше, чем в большом, потому что в большом барабане фигуры праотцов расположены в верхней части простенка, а низ барабана расписан поясными изображениями в кругах. В малом же барабане стоячие фигуры начинаются от подбарабанного пояска и могли быть дополнены верхним ярусом изображений или более развитой надписью.

Поэтому было решено довести малые барабаны до линии девятой сажени от пола, так как опустить верхнюю часть барабана со сводом за счет простенка легче, чем надложить барабан с перекладкой аркатуры, карниза и свода.

Вопрос о высоте малых барабанов остается открытым и должен быть доработан путем изучения пропорций трехглавых храмов, а также путем зрительной проверки на месте в ракурсе в сочетании с позакомарным покрытием и шлемовидными главами.

Пропорции малых глав в трехглавых храмах XVI в. кажутся неустоявшимися. Трудность пропорционирования заключается в том, что восточные главы плохо видны со стороны главного западного фасада. С запада с ближних точек зрения (внутри монастырской ограды) трехглавый собор выглядит одноглавым. Видимо, поэтому в последующих памятниках барабаны малых глав стали строить в таких вытянутых пропорциях, как, например, в соборе Ризположенского монастыря в Суздале [1].

Возможная неточность (в 32 *см*) в определении высоты малых барабанов искупается теми преимуществами, которые получает интерьер собора от восстановления световых барабанов — главного источника света в соборе (рис. 12). Кроме окон в барабанах собор освещается маленькими круглыми окнами, устроенными в закомарах, но и эти окна были заложены еще до росписи собора в 1563 г., так как фреска писана по закладке окон. Северные окна, выходившие, видимо, на открытое тульбище, тоже были заложены во время пристройки северной паперти в XVII в., а с запада и с юга окон в этом уровне быть не могло, так как галерея здесь всегда была двухъярусной. Правда, в западную галерею были прорублены окна в начале XVIII в., но на их месте ранее, видимо, не было окон, иначе незачем было бы пробивать их [2].

Между кровлей южной и западной галерей и подзакомарным пояском до XIX в. были какие-то окна, которые в XIX в. растесывались в высоту и в ширину, но эти окна могли быть тоже не первоначальными. Решению этого вопроса может помочь только тщательное изуче-

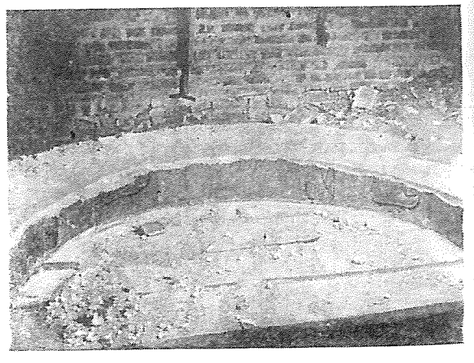

Рис. 11. Остатки фресок в основании малого барабана

[1] См. указ. раб. Н. Н. Воронина, стр. 221, рис. 97.
[2] ГИМ, ОПИ, ф. 99, 1709, д. 11, л. 25.

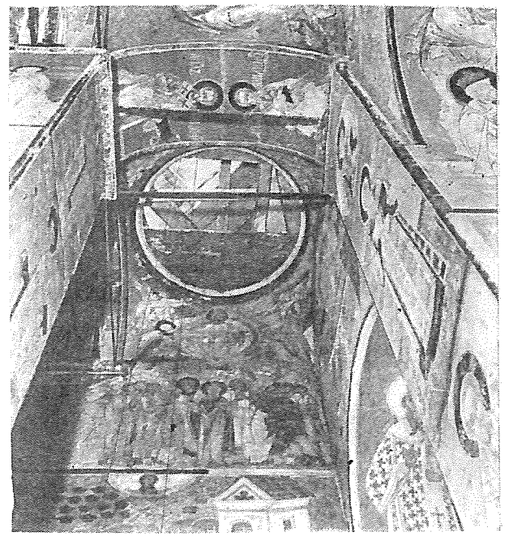
ние фресковой росписи изнутри и системы перевязки в кирпичной кладке снаружи рядом с краями растесанных окон. Кроме того, должны быть изучены все изображения собора, имеющиеся на фресках. Несмотря на условность, эти изображения могут указать положение старых окон на местах поздних проемов.

Примером использования находок для реконструкции архитектурных форм может служить попытка расшифровать найденный в 1958 г. в земле к северу от собора кусок белокаменной раковины (рис. 13). Эта раковина, золоченая внутри, с удивительно гибкими линиями резьбы, вызвала сначала недоумение. При виде ее прежде всего на память приходит московский Архангельский собор, но там раковины занимают все поле закомар, а эта так мала, что и кокошник под барабаном она не могла бы заполнить (диаметр раковины не более полуметра).

Данные для расшифровки назначения раковины дает аналогия Архангельского собора в московском Кремле, где подобная раковина была использована для украшения ниши в горнем месте. Это предположение подтверждается раскрытием остатков горнего места в Преображенском соборе в ноябре 1959 г., а также тем обстоятельством, что центральная апсида Преображенского собора имела не три, а только два окна. Следовательно, в центре могла быть ниша, украшенная раковиной. Сама ниша не сохранилась, так как в 1811 г. здесь была прорублена дверь в новый алтарь, пристроенный снаружи. Эта дверь ниже соседних окон, так что, если бы она была прорублена на месте центрального окна, то верх его сохранился бы. Кроме того «убрусы», изображенные на фреске алтаря, размещены так, что они как бы уступают место в центре для какой-то архитектурной формы.

Архитектура Преображенского собора продолжает собой развитие традиционного типа трехглавого храма, по-новому осмысленного и декорированного под влиянием новых построек московского Кремля. Эти новые черты ясно видны при сопоставлении Преображенского собора с трехглавым собором Покровского монастыря в Суздале, построенным почти в то же время, в 1510—1518 гг. [1] В основе обоих зданий лежит обычная четырехстолпная трехапсидная схема плана. Оба храма подняты на подклет и окружены с трех сторон гульбищами.

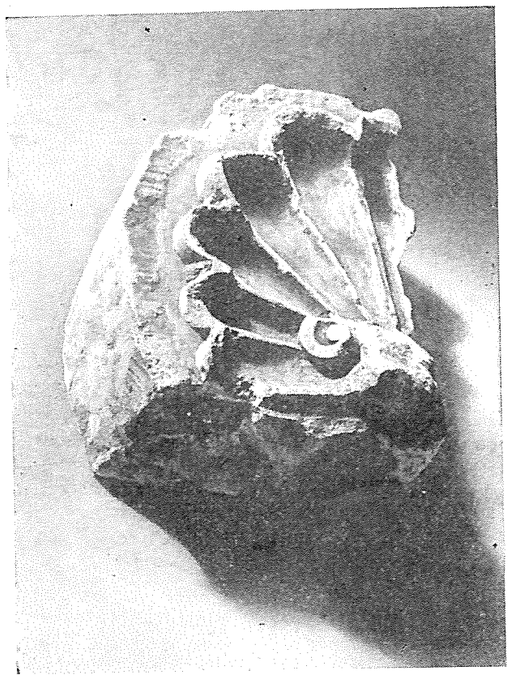
[1] См. указ. раб. Н. Н. Воронина, стр. 240, 241, рис. 108.

12. Основание малого барабана. Вид изнутри

Таким образом, оба монастыря получали дополнительное пространство для погребений, что служило основным источником вкладов. Однако одни и те же элементы в разных зданиях решались по-разному. В Покровском соборе нижний ярус гульбища почти глухой. Он прорезан только маленькими окнами в глубоких нишах и угловыми арками северо-западного и юго-западного углов. Эти арки служили входами на лестницы, которые вели к порталам храма. Аркада второго яруса имела килевидные завершения, поднимающиеся гребнями над кровлей гульбища.

В Преображенском соборе оба яруса западной и южной галерей представляли собой открытые аркады, а северное гульбище, видимо, было открытым (одноярусным), судя по расположению северных окон собора. Арки гульбища не имели архивольтов. Нижний ярус аркады отделялся от верхнего пояском, а верхний завершался карнизом. Крыльца не были укрыты под свод гульбища, а примыкали снаружи. Западное крыльцо вело по продольной оси храма к западному порталу (остатки этого крыльца найдены в земле при рытье траншей в 1958 г.). Южное крыльцо примыкало к южной галерее собора и вело к западному порталу Входоиерусалимской церкви. Это крыльцо час-

13. Осколок белокаменной раковины

тично сохранилось в подклетах нового здания церкви Ярославских Чудотворцев.

Пространство между крышей гульбища и закомарами в Покровском соборе занято аркатурным поясом, в котором как в богатой оправе темнеют щелевидные окна, а в Преображенском соборе это пространство оставлено без всякого декора. Закомары истолкованы по-разному. В Покровском соборе они являются продолжением стены, оставлены глухими и завершены килевидными архивольтами. Даже устои утонения стены под закомарами ничем не декорированы. Карниз оставлен только над лопатками, поэтому он теряет значение карниза, превращаясь в опору для водомета и сходящихся над ним архивольтов.

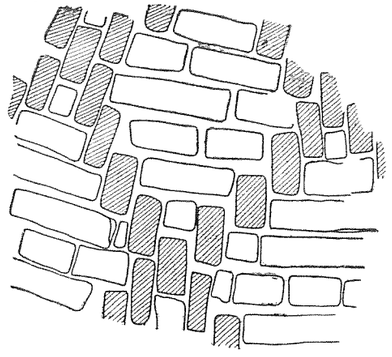
В Преображенском соборе закомары отрезаны сплошным карнизом. В шести закомарах, не освещенных восточными барабанами, устроены круглые окна, а в центральной западной — кнот. Архивольты не имеют ни килевидных завершений, ни гребней. Верхний ряд архивольта совпадает с выстилкой поверхности сводов. Таким образом, закомары вместе со сводами и главами образуют четко отделенную несомую часть здания.

Трехглавые храмы, обращенные главами на восток, всего выразительнее с восточной стороны. Здесь гульбища обрываются, и апсиды открываются на всю высоту. Над ними возвышаются придвинутые вплотную к восточной стене храма барабаны малых глав. За малыми четырехоконными барабанами виднеется большой восьмиоконный барабан, поднятый на постамент с кокошниками (см. рис. 2).

Общие по схеме восточные фасады производят разное впечатление за счет небольших отклонений в пропорциях и разного подхода к декорировке. В восточном фасаде Покровского собора ось симметрии выражена сильнее, и декор не членит, а просто украшает стену, подчеркивая ее массивность. Членение стены лопатками не нарушает монолитности, так как центральный барабан заметно шире среднего прясла стены и зрительно опирается на весь храм.

В Преображенском соборе симметрия была нарушена соседними церквами, одна из которых уже во время постройки собора влияла на его композицию, что видно хотя бы по положению южного крыльца и гульбища. Симметрия собора смягчалась с востока отсутствием центрального окна в алтаре и в подклете под алтарем. Кроме того, большой барабан по диаметру соответствует центральному прясле стен. Поэтому части храма становятся самостоятельнее. Это выражено и в декоре. Карниз под закомарами, цоколи и карнизы барабанов отделяют и завершают каждый элемент здания.

В целом Преображенский собор отличается от Покровского расчлененностью, соразмерностью частей, в то время как для Покровского собора характерны большая монолитность, замкнутость, сознательное подчеркивание толщины стен декором.

14. Кладка купола

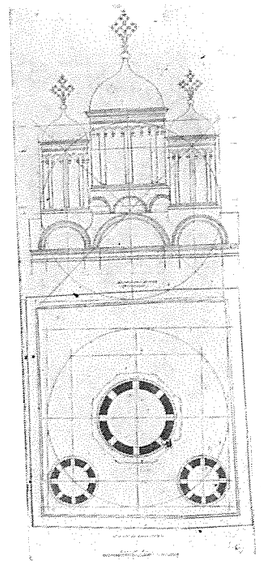
Преображенский собор является образцом геометрической точности и глубокой конструктивной обоснованности, проявленных как в общем построении, так и в каждой линии профиля. Барабаны сложены строго по циркулю, с подтеской ложков по кругу. Кокошники и аркатура прочерчены из определенных центров, причем швы в аркатуре доведены местами до 2—3 *мм*.

Кирпич для каждого профиля был сформован специально нужной высоты. Кроме того, чтобы избежать однообразия, вносимого размерами кирпича, многие профилированные кирпичи установлены так, что они образовывали вместе с нижележавшим рядом один элемент профиля. Так, например, четвертной валик, сливаясь с выкружкой, образовывал вместе с ней большой гусек, полувалик с полочкой устанавливался так, что полочка не нависала над предыдущим рядом. Установка фигурного кирпича заподлицо с предыдущим маскировала шов и делала профиль независимым от высоты кирпича.

Этот принцип противоположен позднейшему отношению к единому модулю кирпича, который превратился в XVII в. в художественное средство. Поэтому П. А. Тихомиров подозревал даже, будто мастера XVI в. использовали более древний фигурный кирпич не по его прямому назначению[1]. В действительности этот прием свидетельствует о привычке мастеров работать с камнем.

Едва уловимые глазом тонкости обработки профилей выявляются только при снятии шаблонов. Так, оказалось, что одинаковые профили цоколя в подклете, в галерее и в основании барабанов сложены из одинаковых формованных кирпичей, но изменением величины швов и выносов постепенно облегчены от нижнего к верхнему. На цоколе барабана выносы более резкие, а швы тоньше, чем на цоколе галереи и подклетов.

[1] ГИМ, ОПИ, ф. 99, д. 3, л. 47.

15. Циркульное построение глав

К сожалению, нетронутые переделками фрагменты сохранились только случайно в самых незаметных местах. Поэтому о художественных особенностях здания легче судить по его интерьеру с уцелевшей росписью, которая мастерски связана с архитектурой своим масштабом, композицией и приспособлена к особенностям освещения.

Роспись собора еще почти не изучена, но и здесь с каждым днем раскрывается изобретательность мастеров. Прежде всего обращает на себя внимание центральная композиция Преображения. Она размещена на двух по-разному освещенных поверхностях. Светлая фигура Христа в голубоватом ореоле озарена сиянием отраженного света на поверхности свода, а темные силуэты апостолов, падающих с горы, погружены во мрак на затененной вертикальной стене. Этот почти театральный прием освещения проливает свет на сущность сюжета.

Недавно раскрытые остатки фресок в нижней части малых барабанов никогда не подвергались подновлениям и поэтому особенно выразительны. На глубоком зеленом фоне — смуглые ноги в сандалиях. Живописец применил здесь контурную тень, которая черной полосой огибает пяту каждой ноги сбоку и заходит книзу. Такая тень одинаково правдоподобна при дневном свете из окон барабана и при свечах паникадил снизу. Линии контура местами сливаются с теневыми. Фигуры как бы врезаны в стену (см. рис. 11).

В росписях Преображенского собора нет ни нестроты, ни показного богатства, ни суетливости, так ярко отразивших на ярославских фресках XVII в. характер жизни крупного торгового города. В то же время ни одна фигура не кажется застывшей или стоящей праздно. Каждое изображение показано в действии. Ной несет модель ковчега. Авель поднял на руки ягненка. Их движения сдержанны и не проявлены так откровенно, как в росписях XVII в., где ветер раздувает складки одежд с узором местных набоек, Ной загоняет по бревенчатым сходням волжской пристани разноцветных зверей в ковчег, груженный бочками, и весь строй росписи проникнут деловой поспешностью.

В архитектурном отношении,

как и в росписи, Преображенский собор отличается особой строгостью и четкостью. Следует отметить, что художественное мастерство здесь неразрывно связано с высоким техническим мастерством. Ювелирная точность профилировки, тонкие своды, правильно отражающие свет из узких окон и придающие звуку человеческого голоса силу и величие, хотя в стенах храма не найдено ни одного голосника, — все это говорит о большом накопленном опыте, неожиданном в тот период, когда тип соборных зданий еще не устоялся, а новостройки московского Кремля только начали влиять на местные традиции.

Преображенский собор относится к тем сооружениям начала XVI в., где новаторство сочетается со вполне зрелой формой. Открытая аркада галереи, занесенная из Италии в Ярославль, выполнена так уверенно, что не кажется чуждой в северном пейзаже. Здесь нет эскизной условности ни в толковании масштаба, ни в использовании материала, как это можно наблюдать, например, в храме села Дьякова под Москвой, который кажется пробной моделью деревянного храма в камне.

Внешнее впечатление изящества усиливается и углубляется при ознакомлении с конструкциями. Удивительно, что одним из красивейших фрагментов здания является кладка купола, который никто, кроме самих мастеров, не мог видеть под шлемом главы (рис. 14). Весь купол пятиметрового диаметра выложен узорной плетенкой из убывающих к вершине свода ромбов, образующих каркасную сетку тычковых кирпичей, направленных длинной стороной по радиусу купола. Заполнение ромбов состоит из двух слоев кирпичей, направленных длинной стороной по горизонтальным касательным.

Интересно, что этот рисунок сети ромбов через 15 лет получил новые качества художественной формы в шатре знаменитого Вознесенского храма в селе Коломенском. Ромбовидная кладка, мешающая распространению трещин в любом направлении, наглядно передает идею преодоления тяжести легким каркасом. Поэтому она перешла из конструктивной формы в художественную.

Общая слаженность здания объясняется, возможно, применением модульной и циркульной системы построения. Она применена в плане размещения глав (рис. 15). Если из центра большого барабана прочертить окружность через центры малых барабанов, то описанный квадрат коснется внешней поверхности цоколя малых барабанов. Система последовательно чередующихся окружностей и вписанных в них квадратов, известная еще в архаической Греции, использовалась русскими мастерами вплоть до конца XVII в., например, в построении орнамента на изразцах. Она придавала кристаллическую четкость композиции.

Следует отметить, что модульная и циркульная системы применялись не в ущерб живописности, как иногда считают. Так, аркада западной галереи состоит из циркульных арок с приподнятыми центрами, но пролеты арок различаются по величине, постепенно убывая от середины галереи к углам. Да и весь трехглавый храм со смещенными к востоку малыми главами кажется не застывшим, а плывущим. Живописность архитектурных форм усиливалась и тем, что с юго-востока к собору примыкала Входоиерусалимская церковь 1218 г., которая в начале XVII в. была перестроена и получила трехглавую форму с одноглавым приделом Ярославских Чудотворцев. Переходы, гульбища и крыльца соединили эту сложную группу с двухшатровой звонницей и одностолпной трапезной. На фоне желтовато-розовой побелки[1] выделялась расписанная внутри западная галерея, подчеркнутая глубокой тенью днем и озаренная заходящим солнцем в вечерние часы. Высоко поднятые главы блестели шлемами и крестами. Еще светлее и торжественнее казался собор во главе каменных зданий монастыря среди безбрежного деревянного города. Ярославль в XVI—XVII вв. занимал второе по величине место после Москвы[2].

[1] Побелка осталась на кирпичах от кладки малых барабанов, осколки которых попали в забутовку позднего карниза.

[2] «По количеству населения в конце XVII в. он (Ярославль) занимал второе место в стране, уступая лишь Москве. В 1678 году в Москве имелось 4845 дворов, в Ярославле 2236». И. П. Козлов. Ярославль. Путеводитель. Ярославль, 1956, стр. 10.

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ ГОСТИННОГО В КОЛОМНЕ

МИХАЙЛОВСКИЙ Е. В.

Успенский собор города Коломны, Воскресенская церковь и церковь Николы Гостинного стояли в свое время на центральной парадной площади города. Ее северную сторону занимали великокняжеские хоромы, существовавшие там со времен Дмитрия Донского и заново обстроенные при Иване Грозном. На этой площади собирались начальники войск перед походом на великую Куликовскую битву, праздновалась победа по возвращении оттуда. Здесь собирались для обсуждения своих дел горожане Коломны.

Расположение церкви Николы Гостинного на главной площади древнего города позволило при обследовании памятников архитектуры Коломны отнести эту церковь к группе самых значительных зданий, а проведенное исследование ее дало неожиданные и исключительные по научной ценности результаты.

Церковь Николы Гостинного (рис. 1), датируемая 1848 г.[1], имеет сейчас вид постройки эпохи позднего, деградирующего классицизма, все недостатки которого здесь усугублены провинциальной ремесленной трактовкой его форм. Даже в работах, специально посвященных памятникам архитектуры Московской области, и именно городу Коломне, в статьях[2] или книгах[3] этот памятник обычно игнорировался.

В брошюре Н. Иванчина-Писарева, изданной в 1843 г., церковь Николы Гостинного упоминается, однако, как уже существующая[4]. Вместе с тем в одной газетной статье середины XIX в. время постройки интересующей нас церкви отодвигается в XVII в. и приводится даже дата — 1641 г.[1] (однако точность этой даты не доказана).

Эти данные явились дополнительным стимулом для подробного обследования церкви Николы, что, впрочем, было весьма затруднено условиями ее современной эксплуатации (в церкви размещена фабрика) и внутренней застройкой помещений.

Исследования в натуре показали прежде всего, что основная часть церкви, т. е. центральная призма и примыкающая к ней с востока апсида, сложена из кирпича древнего образца и должна быть отнесена ко времени, значительно более раннему, чем середина XIX в. Апсида вместе с тем, хотя и принявшая под слоем штукатурки форму полукружья (в плановом очертании), сложена как многогранник (рис. 2), что тоже является бесспорным указанием на древность постройки и отклоняет возможные предположения, что в XIX в. был лишь использован кирпич от какого-либо древнего разобранного сооружения. Это же подтверждал и анализ раствора, взятого из глубинных слоев кладки.

Трапезная часть церкви оказалась построенной целиком из кирпича XIX в. и по всем признакам никакого отношения к древней постройке не имеет, примыкая к ней без органической связи.

Промеры основной части церкви, затрудненные современной застройкой интерьера, показали, что древняя часть здания представляет собой в плане почти квадрат со сторонами внутри 7,02×6,87 *м*. Большая толщина стен (1,2 *м*), при незначительных размерах всей постройки указывает на то, что и в древности храм был бестолпным. Место западного портала теперь заняла широкая арка, очевидно растесанная при устройстве трапезной. Северный и южный порталы тоже, вероятно, растесаны и сейчас

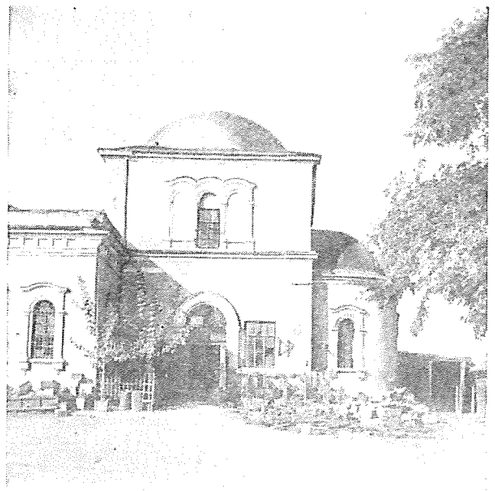
[1] О. П. Булич. Коломна. 1928, стр. 58.

[2] Н. В. Султанов. Памятники древнего зодчества в Коломенском и Бронницком уездах Московской губернии. «Зодчий», Пб, 1883, стр. 50—53 и др.

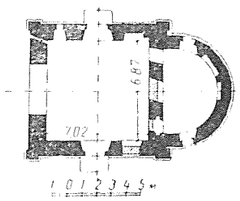
[3] А. И. Некрасов. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии, город Коломна. М., 1928, и др.

[4] Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, стр. 147.

[1] Н. Волков. Описание Коломенского уезда Московской губернии. Московские Губернские Ведомости, 1861, № 13, часть неоф., стр. 142.

1. Церковь Николы Гостинного в г. Коломне. Современный вид

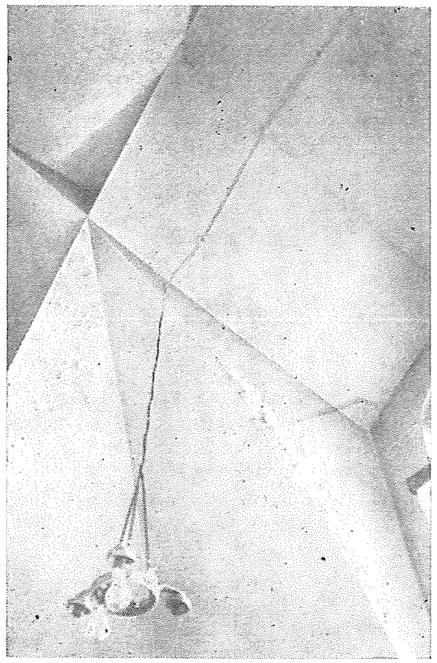

2. План церкви

воначальные размеры (0,8 *м* по ширине), а со стороны церкви заложен. В апсиде имеются сейчас два больших, очевидно растесанных, окна с севера и с юга, из которых северное сейчас заложено.

Снаружи и внутри стены оштукатурены. Алтарная апсида гладкая, без выступов, а на углах основного здания имеются широкие пилястры (0,92—0,97 *м*), идущие во всю его высоту. По центру верхней части северной и южной стен имеется по одному окну, которые либо пробиты, либо растесаны из более узких древних проемов, что можно было бы установить лишь широким зондированием, невозможным в условиях современной эксплуатации здания. Основная часть церкви перекрыта сферическим куполом, на котором до приспособления здания под фабрику стоял барабан с главой.

Обследование сводов церкви, которая сейчас разделена на два этажа, дало еще более значительные результаты. Трапезная перекрыта несколькими лучковыми, бесспорно новыми по своему характеру сводами, в основной же церкви сферическому куполу ее крыши не соответствовала конструкция внутри здания. Церковь оказалась перекрытой сомкнутым сводом, расположенным значительно ниже сферического купола, так что пяты этого свода находятся приблизительно на уровне междуэтажного профилированного пояса на фасаде.

3. Интерьер. Своды церкви

украшены декором XIX в. Не исключена возможность вскрытия их древних, под уровнем пола, остатков при более детальном исследовании церкви, когда это позволят условия ее эксплуатации.

В нижней части здания сейчас есть два окна. Одно широкое, к востоку от южного портала, является результатом позднейшей пробивки стены или растески древнего проема. Ему отвечает на северной стене ниша той же ширины (1,45 *м*). Другое окно узкое (0,91 *м*), расположено на северной стене к западу от портала. Вероятно и оно прорублено позднее.

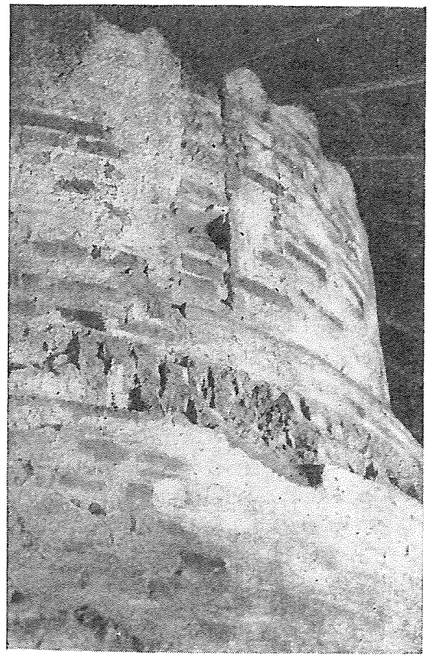
Из основного помещения в апсиду церкви ведут три установленных обычаем проема, из которых центральный и северный растесаны, а южный сохранил со стороны алтаря свои пер-

Оказалось также, что сомкнутый свод перерезан четырьмя крестообразно расположенными распалубками шириной 2,22 *мм* (боковые стенки их, вероятно, растесаны). Распалубки перекрыты вспарушенным плоским сводиком и доходят до верха сомкнутого свода, образуя в его вершине квадратное, теперь заделанное отверстие (рис. 3). Это типичный крещатый свод, который не применялся в нашем культовом строительстве с конца XVII в. Верхние окна северного и южного фасадов оказались размещенными в центрах распалубок.

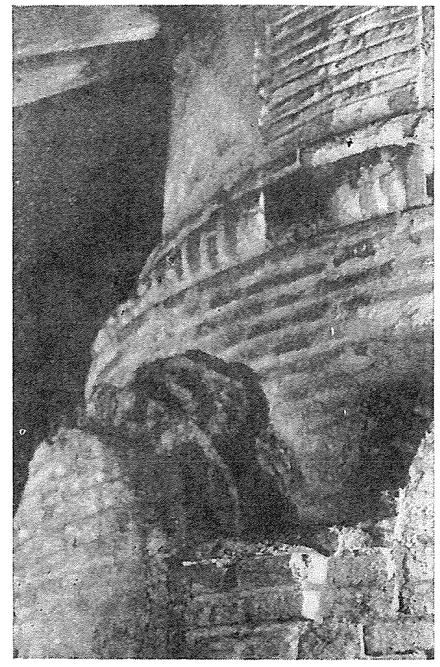
Не только нижние части стен церкви Николы Гостинного сохранились от первоначальной древней постройки, но сохранился, в сущности, весь древний храм на всю его высоту, за исключением главы.

При значительной разнице в уровнях расположения сферической части крыши и сомкнутого свода возникло предположение, что между ними могли сохраниться элементы первоначального убранства церкви.

После вскрытия кровли сферического купола на верхних частях крещатого свода был обнаружен стоящий на высоком пьедестале круглый кирпичный барабан старой главы, верхняя часть которого была обрезана сферическим куполом современной крыши (рис. 4). Барабан, как и его основание, оказался сложенным из того же кирпича древнего размера, который был обнаружен в стенах нижней части церкви. Основание барабана украшено восемью килевидными кокошниками (рис. 5). Обрамляющие их профили сбиты, но на некоторых кокошниках они частично сохранились (рис. 6) и их можно реконструировать. Цокольная часть барабана венчается кирпичным валом с отступающей полкой над ним. Кронштейны из кирпича (полка, четвертной вал, полувал) поддерживали теперь утраченные водоме-

4. Барабан древней главы церкви, скрытый под кровлей

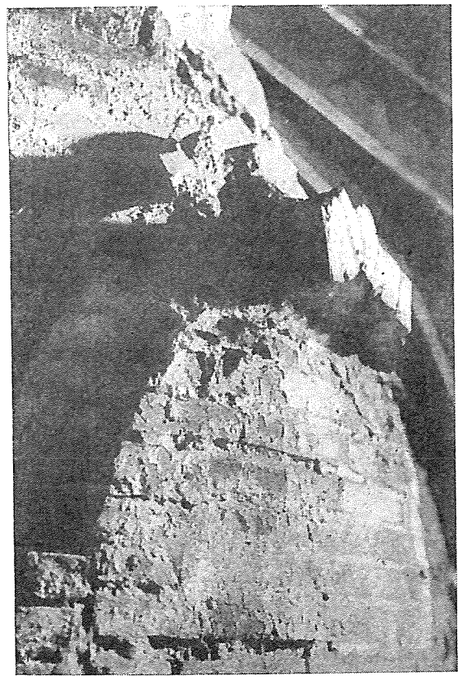

5. Кокошники в основании древней главы церкви

ты, находившиеся между кокошниками (рис. 7).

Барабан главы сейчас глухой. В нем, однако, отчетливо видны места заделок, выполненных иной кладкой и, несомненно, прикрывающих ранее существовавшие здесь окна. Заделки эти, расположенные равномерно по кругу, начинаются почти от основания барабана. Верхние границы заделок срезаны кровлей существующего сейчас покрытия. По осям распалубок крещатого свода, т. е. по главным осям здания, расположены заделки с равномерной по высоте шириной 18—19 *см*. По диагональным осям расположены более широкие заделки, тоже равномерной по высоте ширины, равной приблизительно 60 *см*.

По главным осям барабана были, очевидно, первоначально расположены узкие, щелевидные окна с обычным полуциркульным завершением. По-видимому, существовали первоначально такие же щелевидные окна и по диагональным осям. Позднее они, вероятно, были растесаны и обращены в широкие окна, в то время как ок-

6. Кокошник на северной стороне главы церкви

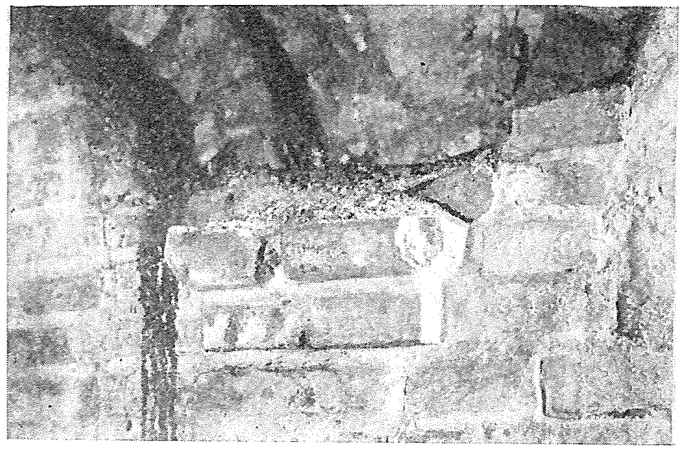
на, расположенные по главным осям, были заложены. При переделке здания в XIX в. барабан древней главы оказался под крышей. При этом, возможно, были заложены и более поздние широкие окна.

Барабан древней главы не имел, по-видимому, никаких украшений, кроме белокаменного карниза превосходной тески. Остатки этого карниза, разобранного скорее всего при устройстве в 1848 г. сферического купола, во множестве сохранились на древних сводах церкви. Особенно замечательно, что карниз этот состоял из классических обломов — полка, каблучек и полка (рис. 8). Не исключена возможность, что это была лишь поддерживающая часть карниза, верхние обломы которого утеряны.

Особенности барабана главы характерны для посадских храмов XVI в., бесстолпных и обычно перекрытых крещатыми сводами. В одних случаях (церковь в Старом Ваганькове и др.) фасады завершались трехлопастным покрытием, что отчасти соответствовало композиции свода. В других случаях (церковь Покрова в бывшем селе Покровском и др.) углы таких церквей надкладывались, и они завершались рядами кокошников с главой в центре.

В церкви Николы Гостинного нет признаков закладки пазух над угловыми частями свода (рис. 9). Стены, возвышающиеся сейчас над угловыми частями, как и над шелыгами сводов распалубок более поздние. В них хотя и встречается кирпич основного размера, использованного в церкви, но вперемешку с кирпичом других размеров. Отсюда возникало предположение, что церковь Николы была первоначально перекрыта по системе трехлопастного завершения стен.

Снаружи только западная и восточная стены в их верхних частях лишены сейчас на значительных участках штукатурки. Проведенное на этих стенах исследование показало, что на южной части западной стены и на такой же части восточной стены сохранились швы стыка древней кладки боковых полукружий трехлопастного завершения с новой накладкой углов здания. На западной стене такой стык имеет вид глубокого равномерного по ширине углубления, начинающегося несколько выше междуэтажного карниза, на расстоянии 72 *см* от угла здания (рис. 10). Стены второго этажа здесь не имеют пилястр по углам. Расстояние шва от угла здания соответствует, учитывая неизбежное завершение закомар, обычному пространству, необходимому для размещения углового водомета. От этого места шов, без каких-либо

7. Кронштейн на северо-западной стороне древней главы церкви

признаков штрабления поднимается влево вверх по плавной кривой, образуя характерную дугу полузакомары трехлопастного завершения. Довольно точно определяются даже точка стыка этой кривой с центральной закомарой и начало последней. Выше линия шва испорчена штраблением и перевязкой с новой кладкой, в которой, хотя и встречается кирпич основного размера, но преобладает кирпич 29×13,5×8 *см* (в нижних частях).

Первоначальное здание примыкает к группе церквей с трехлопастным завершением фасада и одной главой (церковь на Старом Ваганькове в Москве и др.). Очень существенной и крайне интересной особенностью церкви Николы Гостинного было наличие в ней белокаменного карниза на барабане главы и, по-видимому, такого же белокаменного завершения на закомарах фасадов[1].

Таким образом, церковь Николы Гостинного можно считать почти полностью сохранившимся замечательным памятником древней архитектуры города Коломны, он лишь обстроен с одной стороны и искажен надкладкой стен и поздним штукатурным декором XIX в. (рис. 11).

Обращаясь к древним описаниям города, мы находим в дневнике путешествия антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в. (1655 г.), составленном Павлом Алеппским, много страниц, посвященных Коломне, и среди них описание церкви Николы Гостинного в ее еще не искаженном виде. Уже первые впечатления Павла Алеппского в Коломне связаны с этой церковью: «Внутри крепости..., — пишет он, — пять... каменных церквей и монастырь девичий... Первая церковь благолепная, с куполами; крыша ее крестообразна, ибо ее стены имеют с каждой стороны вид трех арок, из коих средняя выше остальных двух; церковь эта во имя св. Николая...»[1].

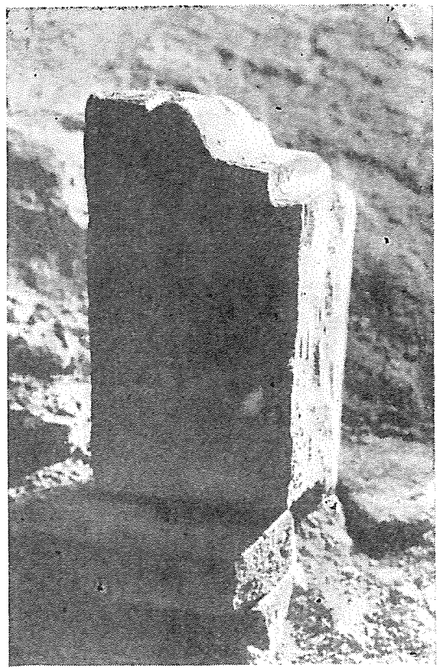
О том, что здесь идет речь именно о дошедшей до нас церкви, свидетельствует второй отрывок, где подтверждается, что церковь чрезвычайно мала: «Накануне праздника св. Николая мы слушали малое повечерие в церкви, что внизу соборной... и так как церковь мала, то большая часть народа стояла вне ее...»[2]. Церковь Николы Гостинного, действительно, расположена по склону холма, особенно отчетливо выраженного к востоку от собора, где она стоит.

Можно реконструировать первоначальный облик церкви Николы Гостинного и присоединить ее к списку очень немногих сохранившихся

[1] Если бы на закомарах были первоначально кирпичные архивольты, то их не стали бы разбирать, а попросту срубили бы их выступающие части, что уменьшило бы объем надкладки.

[1] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. 1897, вып. 2, стр. 146.

[2] Там же, стр. 187, 188.

8. Фрагмент белокаменного карниза древней главы церкви

9. Своды церкви (вид сверху)

ся церковью этого редкого оригинального типа (рис. 12). О ее первоначальных высоких художественных достоинствах говорит уже стройность ее пропорций. Здание может быть на надежных основаниях реставрировано в своем первоначальном облике в натуре, так как для этого в ней сохранились все необходимые данные[1].

* * *

Дата памятника, приведенная в указанной выше статье Н. Волкова (1641 г.), не кажется правдоподобной. Она не вяжется с общими особенностями здания и является запоздалой.

Необходимо вкратце коснуться вопроса об эволюции церквей с крещатыми сводами.

На здания этого типа впервые обратил внимание В. В. Суслов, который во время научной экскурсии, организованной Седьмым Археологическим съездом, совместно с А. М. Павлиновым и Н. В. Никитиным обследовал церковь Спаса в Ростовском кремле. Он отметил ряд других церквей этого типа и очень верно указал на рубеж XV—XVI вв. как на время их возникновения[1]. В. В. Суслов подметил несколько случайный характер сочетания в них сомкнутого свода с четырьмя центрально расположенными распалубками и трехлопастной ложной аркой — эффектной декоративной формой завершения фасадов, лишь приблизительно соответствующей конструкции[2]. В. В. Суслов, однако, упускал из поля зрения другие варианты церквей, перекрытых крещатыми сводами. А. М. Павлинов привлек к рассмотрению также и памятники поздней стадии развития храмов с крещатыми сводами (старый собор Донского монастыря в Москве, придел Василия Блаженного в Покровском соборе в Москве) и поставил их в один ряд с памятниками, отмеченными Сусловым, придав тем самым законченность всей проблеме в целом[1].

Ф. Ф. Горностаев, подхватив мысль Павлинова, тоже объединяет различные варианты церквей с крещатыми сводами в одну группу. Вместе с тем он делает попытку наметить эволюцию типа, объясняя наличие трехлопастного завершения влиянием новгородских и псковских строителей, а появление на храмах этого типа кокошников — московским влиянием[2].

М. В. Красовский не прибавил ничего нового к разработке темы, рассматривая два варианта храмов с крещатыми сводами раздельно и не относя их к одной категории явлений, хотя и отмечая в том и другом случае новизну и оригинальность приема решения сводов[3].

Несмотря на появление отдельных работ, освещающих вопросы, связанные с храмами, перекрытыми крещатым сводом[4], проблема эволюции типа в дальнейшем не получила разработки.

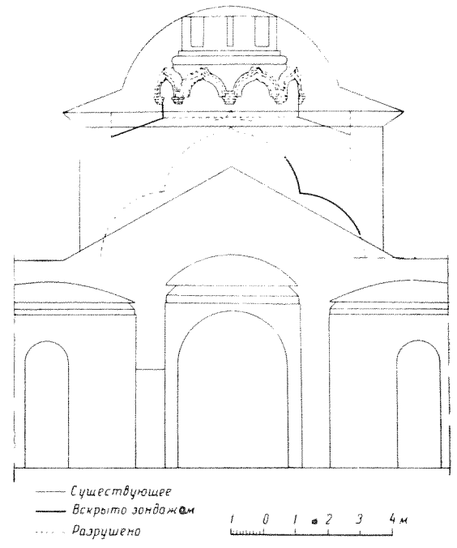
А. Г. Чиняков[5], рассматривая церкви с трехлопастным завершением фасада и церкви, завершенные рядами кокошников в хронологическом порядке, о церкви Покрова в Рубцове, например, говорит, что в ней продолжены традиции русского зодчества XVI в. Храмы с крещатыми сводами, увенчанные рядами кокошников, интерпретируются как поздний этап эволюции. Та же идея отражается и в подборе иллюстраций, в которых церковь Трифона в Напрудной слободе и церковь в селе Юркино, завершенные трехлопастной кривой и относимые здесь к началу XVI в., помещены на одной таблице с церковью Покрова в Рубцове, перекрытой кокошниками и датированной 1619—1627 гг.

Изменения композиции храмов с крещатыми сводами на протяжении XVI—XVII вв. легко проследить на известных сохранившихся зданиях.

Храмы этого типа, по-видимому, возникли на рубеже XV—XVI вв. Хотя первая документально подтвержденная дата постройки такой церкви относится к церкви Благовещения в Старом Ваганькове (1514 г.), построенной Алевизом, все же нет оснований считать его создателем подобного типа церквей, так как возможно, что первые из них относятся к последним десятилетиям XV в.

Основой эффектного и выразительного архитектурно-художественного образа подобных

10. Шов в верхней части западной стены церкви, определяющий границу надкладки стены над угловой полузакомарой

11. Западный фасад древней церкви

[1] На чертеже реконструкции церковь изображена с двумя главами (вторая на апсиде). Это сделано на основе указаний Павла Алеппского. Вопрос может быть уточнен исследованиями в натуре.

[1] В. В. Суслов. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889, стр. 5—16.

[2] Там же, стр. 7.

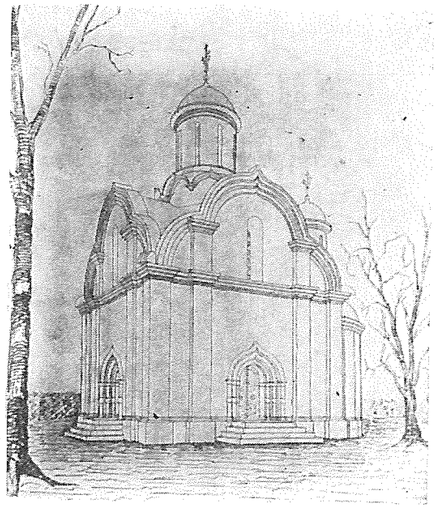
[1] А. М. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 148.

[2] Ф. Ф. Горностаев. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. И. Э. Грабарь. История русского искусства. М., б/г, том 2, стр. 119.

[3] М. В. Красовский. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911, стр. 169—170 и 253—260.

[4] Например, Л. А. Давид. Церковь Трифона в Напрудном. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVII вв». М., 1947, стр. 33—54.

[5] История русской архитектуры. М., 1951, стр. 74, 92. В этой книге данный вопрос является частным, а все изложение подчинено строгой хронологической схеме.

12. Первоначальный вид церкви Николы Гостинного. Реконструкция

зданий является сомкнутый свод, перерезанный четырьмя распалубками по главным осям постройки.

Сомкнутый свод здесь был применен для перекрытия одного из наиболее древних и устойчивых типов русских храмов, известных с начала XIII в. (если не с самых истоков русской архитектуры), квадратных в плане, с четырьмя столбами внутри, с лопатками на углах, с одной апсидой и одной главой. В этих древних храмах применялась для завершения фасадов трехлопастная кривая — тоже древнейшая и излюбленная художественная форма русской архитектуры. Такова была церковь Николы на Липне в Новгороде, исследованная П. Н. Максимовым[1].

На рубеже XV—XVI вв., т. е. накануне пересмотра старых традиций и создания новых и оригинальных художественных форм в архитектуре, сомкнутый свод, получивший широкое распространение в связи с развитием новых идей в русском зодчестве того времени, использовался в освященном традицией древнем типе культовых зданий. Для его органичного слияния со структурой такого здания потребовалось лишь прорезать центральную часть каждой лопасти свода распалубкой. Возникла композиция исключительно эффектная и выразительная, определившая собой и новую архитектурно-художественную форму интерьера[1].

Общий для XVI в. в России процесс творческой переработки древних художественных форм коснулся также другой архитектурной конструкции — ступенчатых арок, выявленных на фасаде, которые послужили основой для разработки новой формы многослойных рядов кокошников, венчающих храм в основании его главы (сравнить церковь в селе Острове Московской области и т. п.). Кокошники, возникновение которых, как декоративной формы, тоже уходит к первым векам развития монументальной архитектуры в России, и в XVI в. использовались как элемент чистой декорации, без органической связи с конструктивной сущностью постройки.

В рассмотренных нами храмах с крещатыми сводами в основании главы обычно помещался один круговой ряд кокошников. В сопоставлении с трехлопастной кривой завершения фасада эта композиция невольно наталкивала на мысль о возможности переработки ее в многослойные ряды кокошников, для чего требовалось лишь поднять угловые части трехлопастной кривой, превратив ее в ряд закомар. Это и было сделано во второй половине XVI в. в приделе Василия Блаженного при Покровском соборе на Рву на Красной площади в Москве (1588 г.), вероятно, первой постройке этого видоизмененного, нового типа.

[1] П. Н. Максимов. Церковь Николы на Липне близ Новгорода. «Архитектурное наследство». 1952, № 2, стр. 103. В дальнейшем этот мотив завершения получил очень широкое распространение, о чем свидетельствуют не только сохранившиеся здания, в частности новгородской архитектуры, но и различные изображения таких зданий в миниатюрах рукописей и на иконах.

[1] Высказывались предположения о развитии крещатого свода из слияния цилиндрического свода центрального нефа и двух цилиндрических сводов боковых нефов русских средневековых церквей новгородского типа (В. В. Суслов. Указ. раб.). Вряд ли имеет смысл прибегать к таким искусственным гипотезам, так как сомкнутый свод, как доказал П. Н. Максимов, был известен как уже законченная форма русским строителям по крайней мере с XIII в., хотя и использовался чрезвычайно редко. Еще более искусственной является попытка генетически связать крещатые своды с перекрытиями из перекрещивающихся арок, известными в кавказских и среднеазиатских постройках. (Л. А. Давид. Указ. раб., стр. 53). Использование сомкнутого свода в его новой конструктивно-художественной форме позволило убрать из здания внутренние столбы, почти не меняя его размеров, что отвечало новым художественным веяниям в русском зодчестве (сравнить размеры церкви Николы Гостинного в Коломне и церкви Николы на Липне близ Новгорода), придавая исключительную цельность и слитность интерьеру храма.

Процесс развития русского зодчества привел к постепенному превращению храмов с крещатыми сводами и трехлопастным завершением фасадов в храмы с такими же сводами, перекрытые рядами кокошников. Новая декоративная форма в известной мере, хотя и не вполне, отвечала конструктивным особенностям крещатого свода — его распалубка, теперь несколько суженная, легко вмещалась в центральный кокошник нижнего ряда.

Промежуточная форма типа придела Василия Блаженного (где, может быть, и не было третьего, среднего ряда кокошников) продержалась еще некоторое время. В церкви Антипия в Антипьевском переулке в Москве, вероятно 80-е годы XVI в., есть третий промежуточный ряд. Новая форма храмов с крещатыми сводами получила свое окончательное выражение в постройках типа старого собора Донского монастыря в Москве (1593 г.).

В древнем типе храма с четырьмя столбами внутри трехлопастное завершение фасадов точно отвечало конструкции здания — цилиндрическому своду в центре и двум полуцилиндрическим сводам над угловыми помещениями. В храмах с крещатыми сводами только средняя часть трехлопастной кривой отвечала распалубке свода. За боковыми полукружиями находились назухи угловых частей сомкнутого свода. Трехлопастная кривая превратилась в чисто декоративную форму. Поэтому она так легко уступила свое место другой декоративной форме — многослойным рядам кокошников. Отмерла внешняя форма древнего типа, исчезла его конструкция, изменилось внутреннее пространство, получили затем изменение и другие характерные черты. Крещатый свод, придавший в конце XV — начале XVI в. новую выразительность древнему традиционному типу храма, утерял свое значение вместе с исчезновением этого типа здания, тем более что с введением многослойных рядов кокошников средние распалубки свода сохранились лишь рудиментарно. Крещатые своды использовались все реже и постепенно уступили свое место новым конструкциям и формам.

Почти все известные нам церкви, перекрытые крещатым сводом и завершенные на фасадах трехлопастной кривой, относятся к концу XV и к XVI в. Это церковь Трифона в Напрудной слободе в Москве (ранее датировалась XVI в., а теперь относится к концу XV в.)[1], церковь в селе Юркине Московской области (начала XVI в.), церковь Исидора в городе Ростове (1566 г.) и др.

Все церкви, перекрытые рядами кокошников, относятся к концу XVI и к XVII вв. Это старый собор Донского монастыря в Москве (1593 г.), церковь Покрова в Рубцове в Москве (1626 г.) и др.

Единственным важным исключением в этой общей последовательной картине развития типа является церковь Спаса на Сенях в ростовском кремле с очень поздней датой (1675 г.), завершенная древней и ставшей уже в тот период анахронизмом трехлопастной кривой. Это исключение объясняется, однако, стремлением митрополита ростовского Ионы Сысоевича, строителя этой церкви, вернуть городу Ростову его былое величие и славу и, в частности, восстановить его «древний кремль» путем постройки ансамбля зданий митрополии. Специфика задания породила архаичные черты[1]. В церкви Спаса на Сенях это получило выражение в использовании наиболее древней формы храма с крещатыми сводами, т. е. храма с трехлопастным завершением верха[2].

По-видимому, в церкви Николы Гостинного датировка XVII веком, как и 1848 годом, может относиться лишь к перестройке здания, сооруженного в XVI в. Это подтверждается и материалом, из которого церковь построена. Кирпич, использованный для стен, своеобразен — 27—28×12—13×5 — 5,5 *см*. Высота десяти рядов кладки равна 76 *см*, т. е. толщина горизонтального шва составляет около 2 *см*. Это говорит о древности здания. Кирпич сходного размера встречается даже в памятниках XIV в. В памятниках XVI в. он широко известен. Среди них можно указать: Китайгородскую стену в Москве[3], церковь Никиты за Яузой в Москве[4],

[1] История русской архитектуры. Изд. 2-е, М., 1956, стр. 108.

[1] Это, в частности, заметно в использовании в других церквах деталей, заимствованных из ростовского Успенского собора XVI в., в котором в свою очередь повторены особенности древней постройки XIII в.

[2] Желая использовать художественный эффект интерьера, строитель ростовской митрополии применил крещатый свод также в церквах Иоанна Богослова и Григория Богослова, где также использована архаическая переходная форма типа — завершение тремя в ряд стоящими закомарами.

[3] 1536 г.: кирпич — 32×15×5 *см*. См. П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI века. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12. М., 1949.

[4] XVI в.; кирпич—22×10—11×4,7—5,2 *см*. См. М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12. М., 1949.

Покровский собор на Рву[1], докладки XVI в. в древней церкви Перынского скита в Новгороде[2]. В памятниках XVII в. такой тонкий кирпич в средней полосе России уже не встречается.

Накладка углов церкви Николы Гостинного произведена из смеси кирпича такого же размера и кирпича 29×13,5×8 *см*, т. е. типичного кирпича XVII в. В местах, где использован тонкий кирпич (быть может, взятый от разобранной главы над алтарем) в связи с использованием в кладке толстого кирпича высота десяти рядов достигает 82 *см*, что подтверждает неодновременность этой добавочной кладки с кладкой основных частей храма. Столь существенная переделка храма в XVII в., при которой посводное покрытие с трехлопастным завершением было заменено четырехскатным покрытием с горизонтальным карнизом и устранена глава над алтарем, повлекла за собой, возможно, новое освящение церкви, что послужило в дальнейшем основанием для отнесения ее в некоторых документах к XVII в., хотя приводившаяся в них дата (1641 г.), очевидно, не очень точна.

Обратимся к сохранившимся документам. В делах Поместного приказа Архива феодально-крепостнической эпохи сохранилась подлинная приправочная писцовая книга города Коломны 7086 г. (1578) дьяка Герасима Мартемьянова. В ней перечислены все церкви города, а для более значительных действующих дано подробное описание их инвентаря и утвари. После тщательного и подробного описания имущества Успенского собора в кремле города Коломны в указанной писцовой книге в строку помещены следующие сведения: «...У Николы чюдотворца у Зараского за олтарем на колоколнице колокол благовесной болшой, да на Николе чюдотворце на Зараском пять колоколов да часы боевыя болшия с перечасьем а на чесех два колокола перебойных, а у чсов цка, а на цке круг, а мимо грядущея числьлы указывает рукою...»[3].

[1] 1555—1560 гг.; кирпич — 21,2—22×10—13×4,5—5,5 *см*. См. В. Гридин. Фасонный кирпич XVI—XVII вв. «Сообщения лаборатории керамической установки Академии архитектуры СССР», вып. 1. М., 1940.

[2] Кирпич — 27×13×5 *см*, швы 1,5—2 *см*. См. Р. А. Кацнельсон. Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода. «Архитектурное наследство», вып. 2. М., 1952.

[3] ЦГАДА, ГАФКЭ. Поместный приказ. Дело № 200. Писцовая книга города Коломны (Подлинная приправочная), 1578, л. 28 об. 29.

Этот текст требует комментария. Прежде всего следует обратить внимание на то, что он дан в строку, без какого-либо выделения из предыдущего описания утвари, инвентаря и всего, что относится к собору. Однако в следующем затем описании других церквей дьяк Мартемьянов начинает их с абзаца. Следовательно, данный текст указывает на принадлежность чего-то в нем упомянутого к собору. Собор, по-видимому, не имел колокольни, и смысл приведенного выше текста сводится к перечислению колоколов, которые обслуживали соборную службу. При этом указание «за олтарем» означает за алтарем собора, где действительно стоит церковь Николы Гостинного.

Следует обратить внимание на то, что титул «Никола чюдотворец Зараский», относящийся к церкви, обозначающей конкретную церковь, повторяется в тексте дважды. Первый раз говорится о колоколе на колокольнице у Николы Зараского, а второй раз о наличии пяти колоколов и часов на Николе Зараском. Таким образом, в одном случае (во втором), несомненно, имелась в виду церковь типа «под колоколы». Совершенно очевидно, что на церкви типа «под колоколы», типа весьма распространенного в древнерусской архитектуре (в том числе и в XVI в.), не могло быть еще никакой дополнительной звонницы, да и возле такой церкви не стали бы строить «колокольницу». Следовательно, здесь речь идет о **двух** церквах одного и того же посвящения. Об этом говорит и грамматика текста, так как если бы повторение титула «Никола Зараский» имело лишь риторическое значение, во втором случае обязательно стояла бы частица «же», т. е. было бы написано: да на Николе-**же** чюдотворце на Зараском, что не имеет места в действительности.

Это толкование текста подтверждается перечнем коломенских церквей у Павла Алеппского, который после приведенного ранее описания интересующей нас церкви говорит: «Третья церковь, маленькая, но весьма красива, *также* во имя св. Николая (курсив — *Е. М.*). В ней второй алтарь во имя мученика Антипия...»[1], указывая, таким образом, на наличие в коломенском кремле двух церквей во имя св. Николая.

Из приведенного текста писцовой книги ясно, что обе церкви стояли в непосредственной близости от собора, раз их колокола использовались для соборной службы, что подтверждает

[1] См. указ. «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию», стр. 146.

и Павел Алеппский. Одна из этих церквей, та, у которой была «колокольница», стояла при этом, как указано, «за олтарем» собора. Это указание конкретизирует их различное местоположение.

Далее в тексте писцовой книги приводится описание утвари «ружной» церкви «Николы чюдотворца Зараского, что под колоколы», что полностью согласуется с выводами нашего комментария. При этом в писцовой книге упоминается о наличии в этой церкви придела. Как мы видели выше, и Павел Алеппский указывает на наличие придела в этой второй церкви Николая, что убеждает нас в том, что речь в обоих случаях шла об одних и тех же зданиях[1].

Частая в древних текстах подмена выражения «Зарайский» выражением «Зарасский», причем есть основание считать, что и сам город назывался в древности именно «Зарасск»[2], а также очевидность после объяснения Н. Иванчина-Писарева того, что церковь Николы Гостинного в действительности имела посвящение в честь Николы Зарасского[3], не оставляют сомнений в том, что одна из упомянутых в писцовой книге XVI в. Никольских церквей и была интересующей нас церковью. Особенности описания и указанного там местоположения позволяют вместе с тем выделить конкретную церковь, которая идентична интересующему нас зданию.

В писцовой книге дьяка Мартемьянова при дальнейшем перечислении церквей Коломны всегда отмечается, если церковь была деревянная, и особенности ее постройки: «Церковь Петра Чюдотворца, древена, клетцки...», «Церковь Ильи Пророка, древена, клетцки...», «Церковь Христовы мученицы Параскевы, древена, клетцки...» и т. д. Вместе с тем при описании церквей, о которых мы знаем, что они были каменные, дьяк Мартемьянов обычно не указывает материал: «В городе-ж на Коломне церковь соборная Успение Пречистые Богородицы, Донская, а в церкве образы...», «Ружная церковь Николы чюдотворца Зараского, что под колоколы[1], а в ней строенье...» и т. д. Отсутствие в писцовой книге дьяка Мартемьянова указания на материал интересующей нас церкви подтверждает, что церковь Николы Гостинного была на современном ее месте каменной уже в XVI в.

Составитель писцовой книги, не упускавший случая упомянуть об утвари разных церквей города, ничего не говорит о церкви Николы Зарасского, которая в тексте больше не приводится. Он указывает лишь на наличие на ее звоннице большого колокола. Следовательно, церковь была пуста.

Учитывая положение церкви в центре города и особую чтимость ее посвящения, это было бы непонятным, если не вспомнить своеобразного состояния города Коломны в 70-х годах XVI в. Этот некогда цветущий город, славившийся своей торговлей, город, через который подходили к Москве важнейшие торговые пути с Востока, в котором великие князья московские останавливались и жили в специально отстроенном дворце, праздновали свои свадьбы, устраивали турниры, город, служивший преддверием столицы для всех послов и путешественников с юга и востока, город, богатый и густо заселенный, с середины XVI в. начал приходить в совершенное запустение. В той же писцовой книге ее составитель жалуется: «А про руги тех храмов сыскати не по чему... а про пустые церкви сыскати неким, сторожильцы вымерли и того неведомово по колку к тем церквам государева жалованья попом и дьяконом руги шло, выпросити некого...» Это отчасти объяснялось нашествием Девлет Гирея, который, возвращаясь в 1571 г. от Москвы, разорил Коломну. Отчасти это объяснялось голодом и мором начала 70-х годов XVI в. Важнейшая же причина, оказавшая влияние на уменьшение населения не одной только Коломны, состояла в том, что после резкого выдвижения вперед южной и восточной границ государства в 50-х годах XVI в. на юг направился мощный поток переселенцев, служилых и ратных людей из северных местностей и городов Московского государства. Опустение города превращались при этом из центров народнохозяйственной жизни в центры чисто административные, в которых замирала даже торговля.

По той же писцовой книге в Коломне на посаде в 1578 г. было только 30 тяглых дворов

[1] Особенности существующей сейчас соборной колокольни, стоящей к северо-западу от собора, нижняя часть которой, по-видимому, относится к XVI в., а также сохранявшиеся на ней до 20-х годов нашего века древние механизмы колокольных часов (см. О. П. Булич. Указ. раб., стр. 85, прим. 1) наводят на мысль, что церковь св. Николы «что под колоколы», перестроенная в XIX в., была первоначально на месте этой колокольни.

[2] Сравнить, например, Патриаршую или Никоновскую летописи. ПСРЛ, XIII/I, стр. 68, 138, 143 и др.

[3] Н. Иванчин-Писарев. Указ. соч., стр. 147.

[1] Термин «ниже под колоколы» относился к типу каменных церквей.

и около 600 дворов пустых, а на рынке «пустых 33 лавки с третью, да прилавок, да 139 мест лавочных, да три полка пустых да 38 мест полковых...» Поэтому составитель писцовой книги отмечает в Коломне так много пустых церквей, обветшавших и не покрытых крышей. Поэтому пустовала и церковь Николы Зарасского.

Отсутствие в церкви Николы утвари говорило о том, что церковь пустовала уже значительный срок. Наличие же на ее колокольнице «большого» колокола свидетельствовало о значительном в свое время внимании к ней, как и о длительном сроке ее существования до запустения. Суммируя все эти данные, можно отнести церковь Николы Гостиного (ранее церковь Николы Зарасского) приблизительно к 30-м годам XVI в.

В начале 30-х годов XVI в. в Коломне заканчивалось грандиозное строительство великолепной каменной крепости, чрезвычайно близкой по своим архитектурным формам крепостным сооружениям Московского кремля[1]. Коломенская крепость, вероятно, строилась под руководством Алевиза Нового, с именем которого, как указывалось выше, связывается постройка церкви Благовещения в Старом Ваганькове. В ней барабан главы аналогичен барабану главы церкви Николы Гостиного. Это, как и наличие в нашей церкви «фряжских» белокаменных деталей, дает возможность связывать дату ее постройки с периодом указанного крупнейшего строительства в городе Коломне.

Совершенство кирпичной кладки в церкви Николы Гостиного также говорит о том, что она строилась в первой трети XVI в. В период строительства крепости в Коломне были организованы местные кирпичные заводы, выпускавшие кирпич исключительной прочности, образцы которого мы видим в сохранившихся башнях ее кремля. В 50-х годах XVI в., когда была, например, построена Успенская церковь Брусенского монастыря в кремле города Коломны, искусство выделки кирпича значительно упало. Кирпич Успенской церкви (1552 г.) плохо обожжен и весьма непрочен.

Следует пожелать, чтобы реставрация сделала этот выдающийся памятник архитектуры доступным для обозрения всех интересующихся русским искусством и любящих его.

[1] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, № 362, описание Коломны (на нем. яз.). Указана дата окончания строительства крепости 15 августа 1530 г.

Обмеры и реконструкции выполнены автором

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КРЫПЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

МОРОЗКИНА Е. Н.

Сложение ансамбля Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря относится к яркой и трудной эпохе окончательного объединения Руси.

Присоединение Пскова к Москве не завершилось актом 1510 г. Это был длительный процесс образования централизованного государства. В своей политике московское правительство опиралось на различные слои населения, в том числе на псковских «черных людей» и на псковское духовенство, стараясь привлечь их на свою сторону. Это объясняется той позицией, которую занимали монастыри Пскова в эпоху объединения. Ярким выражением ее явилась формула старца Елеазарова монастыря Филофея: «Москва — третий Рим». Оппозиция во Псково-Печерском монастыре возникла позже.

Псковские монастыри не пострадали после 1510 г. в экономическом отношении. Напротив, они получили крупные земельные пожалования от Василия Иоанновича, Иоанна Грозного, а затем и Федора Иоанновича. Укрепление центральной власти шло одновременно с усилением феодализма[1].

* * *

Крыпецкий монастырь возник во второй половине XV в., первоначально как пустынь. Он основан выходцем из чужих земель Саввой. Предание утверждает, что Савва был серб[2]. Н. Серебрянский считает родиной Саввы «Литовскую Русь»[3]. По своим взглядам Савва был нестяжателем. Местность, в которую он ушел, очень напоминает избранную главой нестяжателей — Нилом Сорским пустынь близ Ферапонтова монастыря.

В 1487 г. был официально основан мужской монастырь «по совету с посадниками, боярами и всем псковским народом на вече». Ему была дана крепостная грамота на землю с уставом монастырского строения. Тогда же через болота и мхи построил псковский князь Ярослав Васильевич Оболенский мост на протяжении 3—4 верст. Первый храм монастыря был деревянным[1].

В 1557 г. построен ныне существующий каменный собор. Это событие отмечено псковской летописью: «В лето 7065.... того же лета совершена бысть церковь в Крыпецком монастыре святого апостола и еуангелиста Иоанна Богослова игуменом Феоктистом каменна»[2].

Дальнейшая история памятника связана с одним из эпизодов Ливонской войны: в 1581 г. литовский отряд был отбит от стен монастыря. Этот эпизод в житии Саввы описан как «чудо» (см. рис. 4).

В XVII в. в монастыре пребывал «во иночестве» Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащекин — крупный сановник царя Алексея Михайловича, начальник Посольского приказа. Возможно, что строительство этого времени зависело от его присутствия.

В начале XVIII в. монастырь восстанавливался после длительного запустения.

Перестройка ансамбля в начале XIX в. связана с деятельностью друга Г. Р. Державина митрополита Евгения Болховитинова, оставившего нам «Историю княжества Псковского». Монастырь неоднократно горел. Это вызывало его ремонты и перестройки[3]. Во время Великой

[1] Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1958.

[2] В Псковском музее хранится сербское евангелие XV в. из этого монастыря.

[3] Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 310.

[1] Филиал ГАПО, ф. 39, оп. 1, св. 415, д. 1251; Клировая ведомость, 1915, лл. 19, 19 об.

[2] Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, стр. 236.

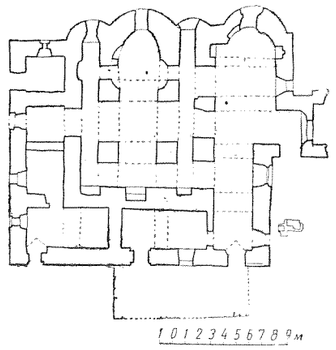
[3] Клировая ведомость 1915 г. упоминает о большом пожаре, случившемся в 1782 г. «от варения монашествующей братией к празднику Иоанна Богослова квасу».

юга — придел. Подклет служил основанием для гульбища (рис. 5, 6 и 7).

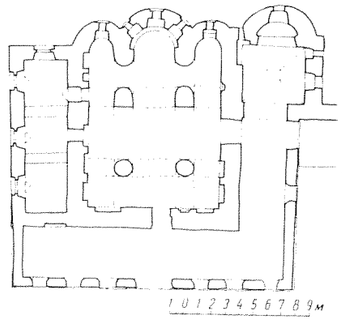
Произведенные обследования и зондажи дали возможность установить, что все части собора построены одновременно.

Центральная часть собора была занята холодной церковью во имя Иоанна Богослова, давшей название всему монастырю — Иоанно-Богословский Крыпецкий (рис. 8 и 9). Под ней в подклете в XIX — начале XX в. находилась теплая церковь во имя пяти мучеников: Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. Верхний этаж придела был посвящен Савве Сербскому — патрону основателя монастыря. Нижний — Савве Крыпецкому, фактически служил его усыпальницей: по преданию Савва был похоронен здесь, у южной стены[1].

[1] По описям XVI, XVIII и XIX вв.

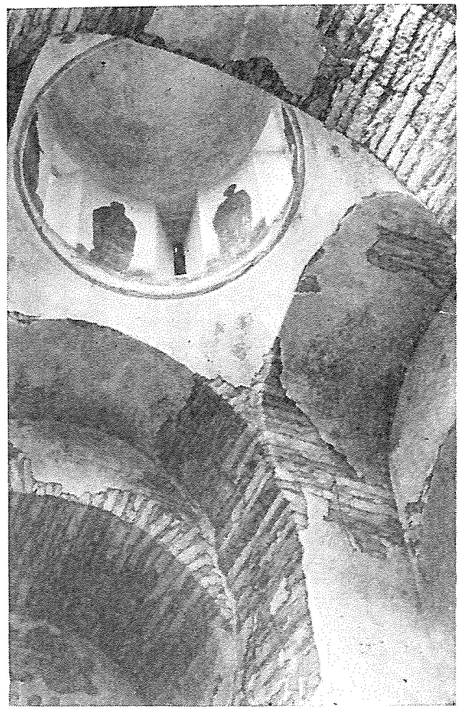
5. План I этажа собора

6. План II этажа собора

7. Вид собора с северо-западного угла — со стороны ризницы

8. Центральная часть собора (церковь Иоанна Богослова), своды

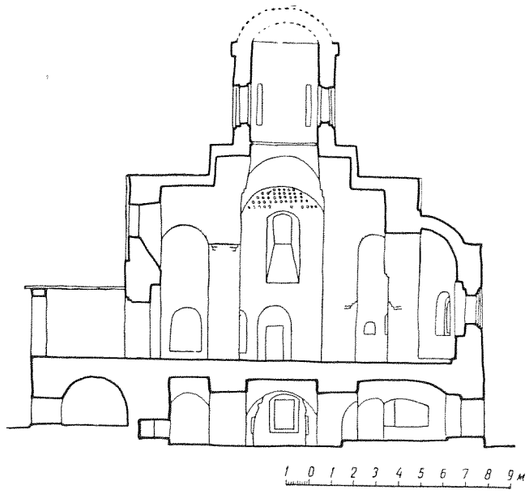

9. Церковь Иоанна Богослова. Западный столб

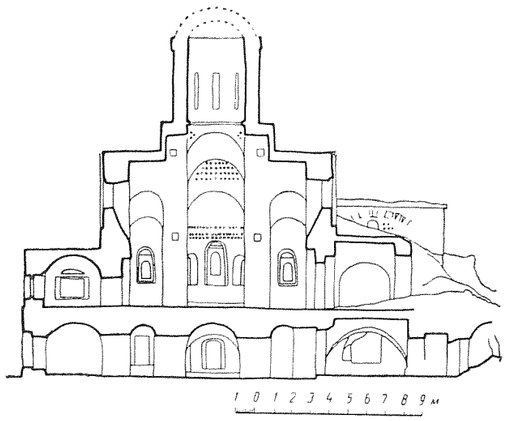
Основные конструкции собора — повышенные подпружные арки в церкви Иоанна Богослова (рис. 10 и 11) и крестовый свод с врезанным основанием глухой главы в приделе. В течение веков собор претерпел ряд изменений. Его первоначальное покрытие было позакомарным или, скорее всего, лощицовым, как изображено на иконе. Это хорошо видно, несмотря на то, что верхние части стен были утрачены в связи с устройством четырехскатной кровли. Угловые лопатки нигде не надложены. Сохранились камни, которые лежали в основании полукружий, завершавших стену (рис. 12). Наверху центральных лопаток видны места водометных камней. Особенно ясно они видны на южном и западном фасадах.

Гульбище первоначально было открытым. Оно огибало юго-западный угол собора, открывая его со стороны главных монастырских ворот (рис. 13). Перекрыты были только проходы в собор — по центру западной и южной стен. Южный свод уцелел. Над западным порталом остался след срубленного свода. По бокам портала видны пяты арок, которыми средняя часть открывалась в стороны. На гульбище вели две широкие лестницы, расходившиеся от юго-западного угла. В результате раскопок были обнаружены фундаменты этих лестниц, идущие вдоль западного и южного фасадов. На стенах под сбитой штукатуркой сохранились линии ступеней (рис. 14, 15). Выше них плита обгорела по форме лестницы, так как ступени были покрыты досками, сгоревшими в один из пожаров (такие доски найдены у лестницы колокольни). Ниже идет неровная поверхность стены с выбоинами и участками, заложенными кирпичом: здесь были сбиты сами ступени и своды, несущие лестницу.

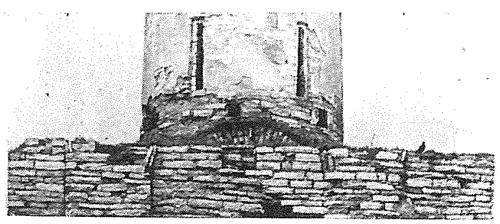
На западной стене виден след примыкания опорной стенки верхней лестничной площадки

10. Продольный разрез собора

11. Поперечный разрез собора

12. Завершение стен собора

и соответствовавшие ей отверстия выгоревших связей. Лестничная площадка с южной стороны собора сохранилась, к ней примкнула переходная галерея, ведущая в трапезную. У начала подъема на западную лестницу находится большая плоская ниша для иконы, позднее заложенная кирпичом. С другой стороны угла, у начала южной лестницы, был вход в подклет.

Нам не удалось обнаружить никаких следов древнего покрытия гульбища и лестниц. Однако у строителей собора мысль о нем была. Это видно из того, что лопатки, членящие фасад, соединяются на значительной высоте, оставляя нижнее поле стены гладким. Такое поле в Пскове рассчитывалось на пристройку (на той же высоте соединены лопатки северного фасада — над сводом ризницы). Следовательно, предполагалось, что под этой линией пройдет кровля гульбища.

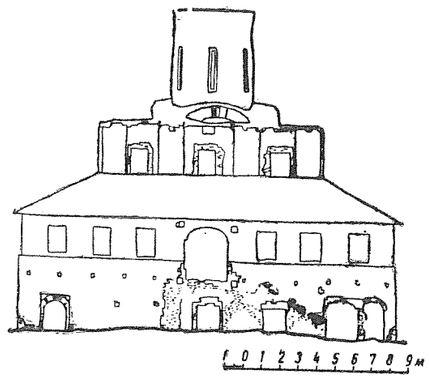
В какой-то период жизни памятника гульбище и лестницы действительно получили деревянное покрытие на столбах. Это подтверждается тем, что при раскопке фундаментов лестниц открыты сгнившие основания деревянных столбов: у начала каждой лестницы по одному столбу с наружной стороны[1]. Возможно, что первое покрытие гульбища на деревянных столбах возникло в XVIII в., так как оно соответствует по форме главе собора, которая, видимо, относится к XVIII в.

В начале XIX в. лестницы были сломаны (в одном из отсеков подклета сняли свод и устроили внутреннюю лестницу). Над парапетом гульбища сделали кирпичную надстройку, превратив его в закрытую галерею. На месте уничтоженных лестниц вдоль южной и западной стен подклета пробили новые проемы. Вход в нижнюю церковь передвинули на западную стену, устроив его по оси придела и снабдив тамбуром. Одновременно были растесаны и обложены кирпичом верхние окна. Под ними видны нижние части более узких древних проемов, утопленных в кровлю гульбища. Первоначальную форму сохранили окна алтарных апсид (рис. 16 и 17). Такую форму мы знаем только

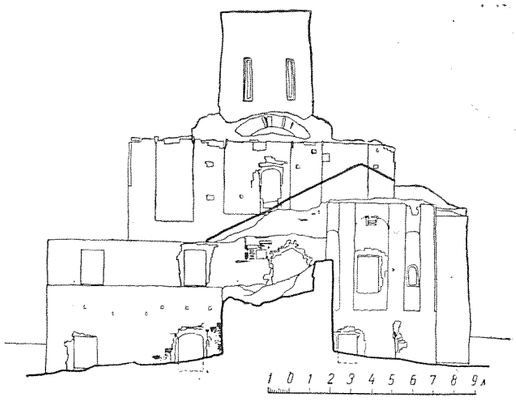
[1] Для заделки первой кровли гульбища могла служить штраба, проходящая вдоль всего западного фасада собора, в которой лежит прогон нынешней кровли, и расположенные над ней на южном поле стены две неглубокие выбоины (северная часть стены в этом месте перекладывалась). Хорошо видно, что они, как и штраба, выломаны в плите стены, а не выложены в ней. Следовательно, их нельзя отнести к изначальному устройству кровли.

13. Вид собора с юго-запада

14. Западный фасад собора (виден след лестницы)

15. Южный фасад собора (виден след лестницы)

16. Восточный фасад собора

у окон собора Елеазарова монастыря. Она необычна для Пскова.

Придел имел восьмискатную кровлю, как это показано на иконе. На южной стене его можно рассмотреть три полукружия, соединявшие верха лопаток. Вверху среднего из них заметна ниша для иконки, заложенная плитой. Этот рисунок, повторяет линию закомар собора и связывает покрытие главного объема с приделом, но он является декоративным (то же мы видим у придела церкви Василия на горке в Пскове). Придел не мог быть покрыт по этим закомарам: шелыга свода, примыкающая к внутренней поверхности стены, на 35 *см* выше шелыги средней закомары.

Тщательное обследование верхней части стен дало возможность убедиться, что свод является первоначальным. След сгоревшего щипцового покрытия придела в виде темной треугольной полосы сохранился на южной стене собора. Апсида придела была надстроена. Традиционный пояс украшений на верху апсиды повторяется дважды, причем нижний пояс заделан заподлицо со стеной[1].

Первый этаж придела был двухстолпным и имел устройство, видимо, сходное с трапезной церковью монастыря. В начале XIX в. столбы были сломаны, своды переложены, стены облицованы кирпичом[2]. Тогда же южная стена собора, отделявшая придел от центрального помещения подклета, была пробита и превращена в опорные столбы. Эти новые столбы облицованы кирпичом, они смещены по отношению к центральным.

[1] Надстройка апсиды могла быть вызвана изменением покрытия придела и самого собора, его новой главой, увеличивающей общую высоту.

[2] Приходо-расходная книга монастыря за 1822 г. Филиал ГАПО, ф. 496, оп. 1, д. 4, л. 9 об. Говорится об уплате 10 р. за сломку двух столбов и сводов и устройство новых сводов.

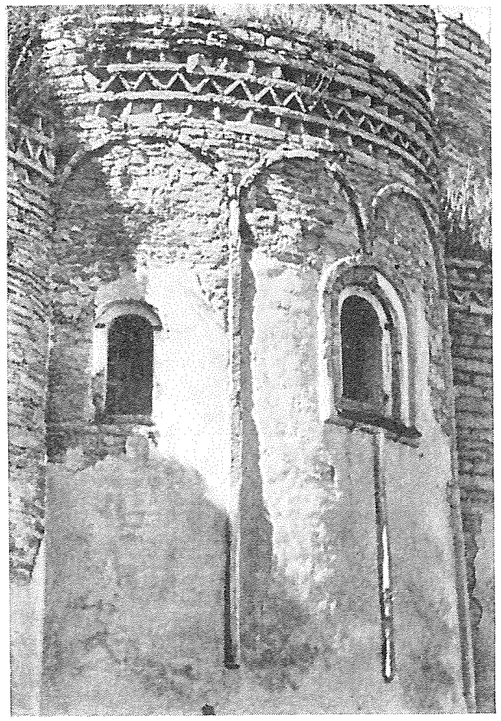
Теплая церковь пяти мучеников, занимавшая среднюю часть подклета, была устроена именно в это время. В описях XVI и XVIII вв. о ней не упоминается, а в документах XIX в. она именуется приделом (это указывает на ее вторичность). Ее помещение отвечает требованиям культа: с левой стороны от окна находится ниша для жертвенника; затесненное алтарное пространство расширено за счет стески внутренних углов столбов. Однако под сбитой штукатуркой обнаружено, что стесанные углы выровнены кирпичом. Ниша жертвенника также устроена из кирпича. Печи находились в грубо выломанных нишах, их кирпичные дымоходы вделаны в лопатки собора. Это говорит о позднем переустройстве, которое нужно отнести к началу XIX в.

Помещение ризницы вытянулось вдоль северной стены собора. Внутренними стенами оно делилось на три отсека. Западный выходил на гульбище и был отделен глухой стеной, средний и восточный соединялись между собой дверью. В них можно было попасть только через алтарную часть собора (подобное устройство ризницы мы видим у собора Елеазарова монастыря). В XIX в. внутренние перегородки были сняты. В центре северной стены собора, в одной из ниш для сидения, был пробит новый ход.

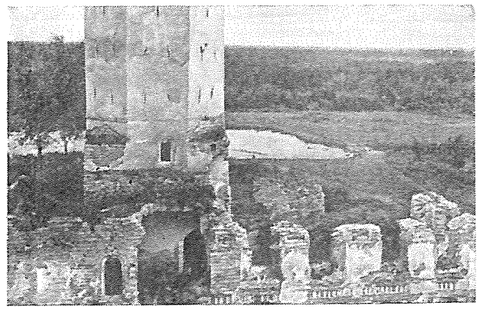
Трапезная. В документах XIX в. трапезная именовалась настоятельским домом. Она представляла собой двухэтажную постройку, первый этаж которой обратился сейчас в полуподвальное помещение, а второй сильно разрушен. Трапезная выстроена одновременно с колокольней и составляет с ней единый блок (рис. 18). Колокольня первоначально была столпообразной церковью, а затем дважды надстраивалась (рис. 19 и 20). В описи монастыря 1584—1587 гг. значится как каменная трапезная, так и церковь при ней Успения Богородицы, над которой расположен придел во имя Иоанна Списателя лествицы[1]. На иконе Саввы Крыпецкого изображены здание трапезной и примыкающая к нему столпообразная церковь.

Собственно трапезная занимала второй этаж и представляла одностолпную палату, перекрытую крестовыми сводами (рис. 21, 22). В настоящее время сохранились ее полуразрушенные стены, стоящие без покрытия. На внутренней их поверхности хорошо виден рисунок срубленных сводов и пяты арок. Опись XVI в. упоминает о столбе. Первый этаж трапезной перекрыт двумя цилиндрическими сводами.

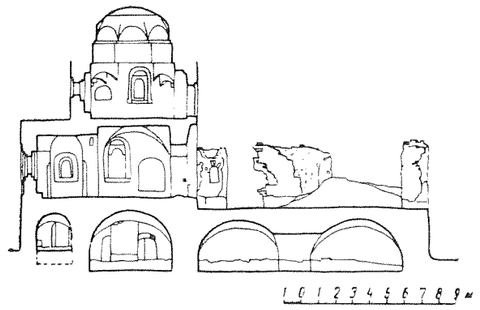
[1] ЦГДА, ф. 1209. Поместный приказ. Переписная книга Псковского уезда № 830 за 1584—1587 гг. в копии XVIII в., л. 442 об. (о существовании этой книги мне любезно сообщил научный сотрудник Псковского музея Л. А. Творогов).

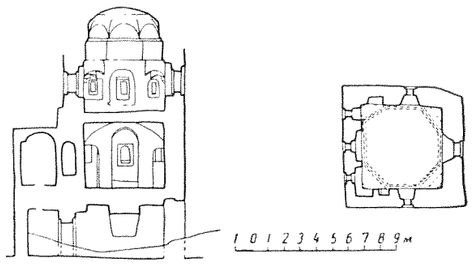
17. Фрагмент восточного фасада собора

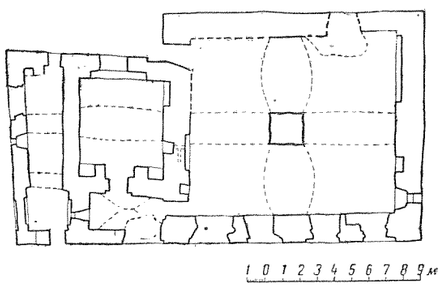
18. Трапезная

19. Продольный разрез трапезной

20. Поперечный разрез трапезной; план III яруса колокольни

21. План I этажа трапезной

Они лежат на подпружных арках, которые опираются на центральный столб (см. рис. 19). Согласно описям XVI и XVIII вв., здесь была пекарня.

С южной стороны, обращенной к озеру, трапезная имела ряд дополнительных помещений. По тем же описям можно видеть, что в первом этаже в число их входила поварня, а во втором — келарская. Выходящая к озеру южная стена некогда была внутренней, отделявшей их от трапезной палаты[1]. Под грудой кирпича удалось обнаружить углы фундамента этой части трапезной. Один из углов лежит против торца восточной стены, имевшей продолжение к озеру, другой — выступает за западную стену. Видимо, здесь, в юго-западном углу, находилась главная лестница, ведущая в трапезную. Она была обращена в сторону собора. В описи XVI в. упомянуто, что над входом висел колокол.

Вторая, «черная», лестница была устроена с противоположной стороны, сбоку колокольни; она выходила в сторону озера. Сохранились гнезда от заделки балок деревянного крыльца. Здесь, под верхним дверным проемом, превращенным в XIX в. в окно, удалось откопать арочную дверь первого этажа. Симметричная ей дверь, выходящая в нижние сени, пробита в XIX в. В начале XIX в. своды второго этажа были разобраны, весь он переделан под настоятельские покои, а трапезная переместилась на первый этаж.

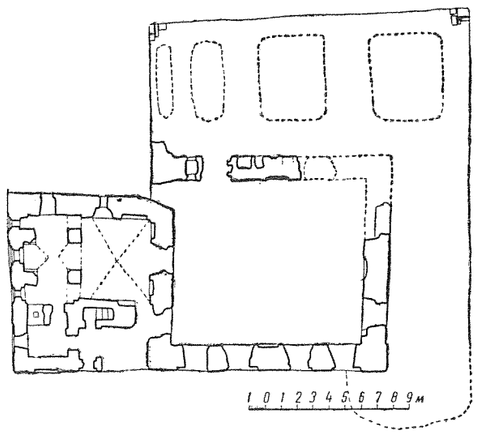
Колокольня. Мощный столп колокольни вырос в результате двукратной надстройки над древней столпообразной церковью. Он представляет собой тип восьмерика на четверике (рис. 23). Внутренними членениями он делится на пять ярусов. К первому и второму ярусам примыкают дополнительные помещения. Первый ярус колокольни использовался в хозяйственных целях. В клировой ведомости 1915 г. значится, что здесь был ледник. Однако первоначально этот отсек обогревался: он был связан с системой отопления трапезной[2].

Вдоль восточной стены вытянулось узкое помещение, служившее основанием для алтаря трапезной церкви. Оно отделено от других помещений глухой стеной; имело два дверных проема, расположенных по торцам. Его северная часть была отгорожена внутренней стенкой, след которой можно легко обнаружить. При раскопке пола в этом месте найдено большое количество древесного угля, возможно, что здесь было его хранилище. Этот отсек имеет единственное сообщение с сенями в виде лаза или маленького оконца, через которое мог подаваться уголь. Когда устроили каменный переход, двери этого отсека, так же как и двери сеней, сдвинули к западу. Все основные помещения первого этажа связаны конструктивно: своды их лежат на подпружных арках, примыкающих друг к другу в виде распорок в продольном направлении. Сени имеют сомкнутый свод (рис. 21).

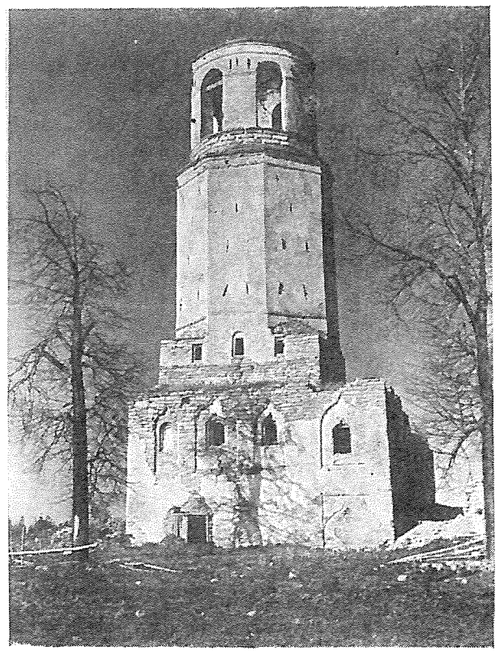
Второй ярус колокольни занимает трапезная церковь. С севера от нее расположены маленькая ризница и сени (см. рис. 22). Церковь двустолпная, перекрыта крестовым сводом. Ее алтарь не полукруглый, а прямоугольный, поэтому снаружи алтарная стена похожа на стену терема (рис. 24). В западной части церкви устроены ниши для сидения, напоминая этим собор монастыря. Первоначально сюда можно было попасть только через трапезную палату[1]. Трапезная церковь была теплой. Между ней и ризницей находится большой арочный проем, в котором была печь; вверху сохранился выложенный в плите дымоход. Рядом с этим проемом была единственная дверь, ведущая в ризницу.

[1] В стене имеются шкафчики-ниши со штрабами для полок. Ее единственное окно, расположенное в восточном углу, выходило во внутреннее помещение и служило для раздачи пищи, оно имеет форму шкафчика в стене, открытого с обеих сторон. Рядом с ним в стене зияет вертикальный пролом в два этажа. Сбоку от него сохранились три стенки древнего дымохода. В этом месте в обоих этажах находились печи. В первом этаже это была хлебная печь, к которой мог примыкать очаг поварни. На 22-м клейме иконы Саввы Крыпецкого именно в этом месте изображен дымник.

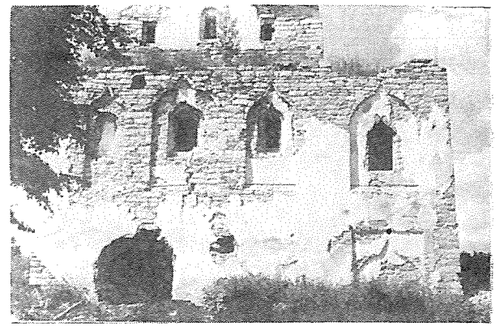
[2] Отопление было смешанное: печное и калориферное.

22. План II этажа трапезной

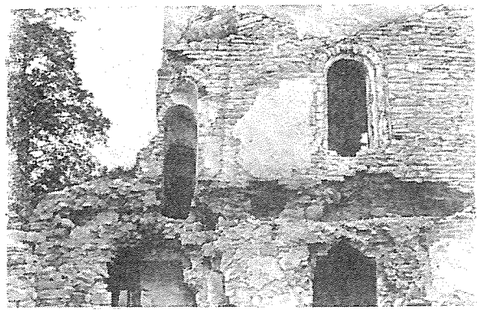
23. Колокольня, вид с востока

24. Алтарная стена трапезной церкви

[1] Дверной проем, ведущий в сени, поздний; он пересекает нишу для сидения; плита на боковых его сторонах выломана.

Под штукатуркой в ризнице обнаружен след широкой деревянной полки, вроде стеллажа, занимавшей всю северную стену (подобную полку можно видеть в ризнице собора Елеазарова монастыря). Верхние сени выходили на галерею, соединявшую трапезную с собором. Из сеней двери вели направо — в трапезную, прямо — на лестницу, которая шла на третий этаж.

25. Фрагмент западной стены колокольни

В третьем ярусе колокольни была церковь Иоанна Лествичника, упраздненная с устройством над ней колокольни. В пределах этого яруса осуществляется переход от четверика к восьмерику при помощи консолей и выступающих друг над другом арочек, перекинутых через углы. Стены завершаются в виде полукруглых лопастей. Помещение перекрыто красивым плоским куполом (см. рис. 19, 20).

Интересно, что лестница не подходит непосредственно к дверному проему третьего этажа. Она выходила на своды второго этажа трапезной. Туда же открывался дверной проем церкви Иоанна Лествичника. В настоящее время с уничтожением этих сводов лестница повисает в воздухе, и проем ведет «в никуда» (рис. 25).

Это дает основание предположить, что первоначально трапезная имела деревянный третий этаж, уничтоженный одним из очередных пожаров. Он мог быть использован как покои настоятеля монастыря (для жилых построек того времени характерно устройство деревянного этажа на нижних каменных). В таком случае верхняя церковь служила домовой церковью настоятеля. Это объяснение делает целесообразным устройство двухъярусной церкви.

Снаружи хорошо видна линия надстройки четвертого яруса колокольни. Проемы, в которых висели колокола, сейчас заложены кирпичом и заштукатурены.

Возможно, что первая надстройка произошла в XVII в. и колокольня получила покрытие в виде невысокого шатра с главкой.

Опись XVIII в. говорит о главе, умалчивая о шатре, следовательно, он был невелик, и далее упоминает о ветхих русских часах, которые висели на колокольне[1]. Вероятно, те же часы висели в XVI в. на деревянной звоннице[2].

Обращает на себя внимание, что юго-западный угол четверика выше других. Это произошло потому, что необходимо было устроить вход на надстроенную колокольню. Угол надложили и сделали в нем арочный проем, который хорошо виден под отставшей штукатуркой. К нему вела наружная деревянная лестница.

В начале XIX в. все проемы четвертого яруса заложили и надстроили пятый ярус — круглый, из кирпича. Теперь колокольню покрыли по столичному образцу: куполом с высоким шпилем. В клировой ведомости 1920 г. есть дата этой надстройки — 1820 г.[3] Тогда же уничтожили наружную лестницу. Для того чтобы попасть на колокольню, был пробит купол третьего яруса и сделана приставная лестница.

Галерея. Между трапезной и собором проходила двухэтажная соединительная галерея, в настоящее время почти полностью утраченная. Этот элемент ансамбля, завершавший с юга монастырскую площадь, появился с самого начала[4]. В описи XVI в. значится: «да промеж церкви и трапезы переход на столбах»[5]. Надо полагать, что переход этот был деревянным.

На иконе Саввы Крыпецкого на этом месте изображена пятипролетная каменная звонница. Переход мог осуществляться и через нее.

В натуре хорошо виден угол звонницы. Между ним и выступом собора, на котором была площадка южной лестницы, образовался перепад. Между двумя зданиями проходит вертикальный шов (рис. 5).

[1] «На Успенской трапезной церкви колокольня каменная круглая осьмиугольная крест на главе железной на ней девять колоколов часы железные русские ветхие». ЦГДА, ф. 217, оп. 3, опись 1764 г., л. 18.

[2] «Да подле церкви Ивана Богослова колокольница деревянная, а на ней двои колоколы да третие колоколы зазвонные да под колоколицей часы». ЦГДА, переписная книга Псковского уезда № 830, 1584—1578 гг., л. 448 об.

[3] Филиал ГАПО, ф. 39, оп. 1, св. 415, д. 1215, л. 3.

[4] В месте примыкания галерей к трапезной соответственно меняется характер междуэтажного пояса последней.

[5] ЦГАДА, переписная книга Псковского уезда № 830. 1584—1587 гг., л. 443.

Когда столпообразная церковь трапезной была превращена в колокольню, звонницу перестроили в галерею. Опись 1764 г. говорит уже о наличии каменной переходной галереи[1].

Стены галерей примыкали в трапезной без перевязки, заслоняя и перерезая архитектурные элементы: красивую нишу-кнот с килевидным завершением; пояс между первым и вторым этажами и арочный проем первого этажа. Здесь между звонницей и трапезной был устроен каменный переход.

Клировая ведомость 1915 г. описывает переходную галерею как двухэтажный каменный дом, выстроенный из плиты. В верхнем этаже его имелись коридор, соединявший настоятельские покои (т. е. трапезную) с собором, и две кельи, а внизу находились монастырские житницы[2].

По углублениям в руинах соединительной галереи можно предположить, что в первом этаже она имела четыре отсека. В 1957—1959 гг. еще существовал один отсек нижнего этажа галерей — ближний к собору. Он был перекрыт сводом, имел вход с запада и окно на восток. В 1960 г. свод его рухнул или был разобран.

Над руинами этого отсека виден остаток помещения второго этажа с заложенным оконным проемом.

Ограда. До середины XIX в. ограда монастыря была деревянная. Такой она изображена на иконе. В описи XVIII в. значится: «Вокруг того монастыря ограда деревянная на 180 саженях крыта тесом».

В 1817—1820 гг. монастырь собирал добровольные пожертвования на новую ограду[3].

Клировая ведомость монастыря за 1920 г. сообщает, что в 1817 г. построена деревянная ограда с шестью башнями[4]. Быть может, они повторили шесть древних башен?

В 1861 г. выстроена кирпичная ограда с тремя башнями[5]. Она не сохранилась.

* * *

Подводя итоги, можно различить три основных периода развития ансамбля Крыпецкого монастыря.

Первый период завершился к концу XVI в., когда все основные постройки были осуществлены в камне. Ансамбль монастыря представляется мне таким.

От главных ворот собор раскрывался с угла, стоящий на высоком подклете, окруженный открытым гульбищем, которое обрамляли расходящиеся от угла две широкие лестницы. На самом углу выделялось красочное пятно иконы.

Собор завершался зубчатой короной щипцовой кровли. На кресте главы блестел золотой голубь[1].

Вправо от ворот, вдоль озера, протянулась трапезная палата; она ограничивала монастырский двор с юга. Заднюю стенку двора составляла мощная пятипролетная звонница, расположенная между собором и трапезной; форма ее зубцов отвечала щипцовой кровле собора (рис. 29).

Звонницу фланкировали крыльца собора и трапезной. Глава собора и главка столпообразной церкви, замыкавшей трапезную, закрепляли два угла площади. Третий угол, около входа, отмечала маленькая звонничка над главной лестницей в трапезную. Лестница эта шла вдоль торцовой стены, выдвинувшейся к воротам, но была повернута в сторону собора. На него смотрели и парадные окна трапезной.

Собор раскрывался к воротам; весь ансамбль — на площадь и к собору.

Площадь была вымощена великолепными каменными плитами[2].

Второй период охватывает вторую половину XVII и XVIII в. Собор получил новую фигурную главу и четырехскатную кровлю; гульбище и лестницы — деревянную кровлю на столбах. Столпообразная трапезная церковь была надстроена и превращена в колокольню, покрытую невысоким шатром с главкой. Звонница перестроена в двухэтажную галерею, соединявшую собор и трапезную.

Третий период связан с перестройками 1820—1822 гг., осуществленными при Евгении Болховитинове. Все здания ансамбля были перелицованы на классический образец.

Наружные лестницы собора уничтожены. Гульбище получило надстройку с фронтончиком в центре и превратилось в закрытую галерею, колокольня — цилиндрический верх, увен-

[1] ЦГДА, ф. 217, оп. 3, опись 1764 г.; л. 1 об.

[2] Филиал ГАПО; ф. 39, оп. 1, св. 415, д. 1215, лл. 10 об. и 11.

[3] Книга собора этих пожертвований хранится в филиале ГАПО в г. Великие Луки.

[4] Филиал ГАПО, ф. 39, оп. 1, св. 415, д. 1215.

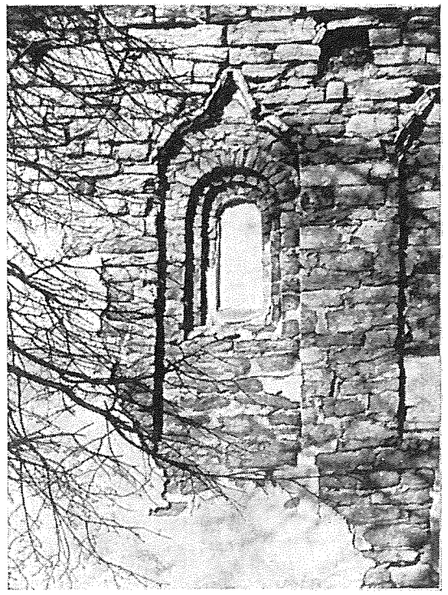
[5] Там же.

[1] «А на кресте голубчик позолочен а под крестом яблоко золочено». ЦГДА, Переписная книга Псковского уезда № 830, 1584—1587 гг. (в копии XVIII в.), л. 428.

[2] На глубине 1 *м* обнаружены плиты размером 170×75×14 *см*.

26. Фрагмент северной стены трапезной

27. Юго-восточное окно трапезной

чанный куполом со шпилем. Все переделки этого времени осуществлены в кирпиче[1].

Хочется упомянуть еще о самом раннем времени строительства монастыря, относящемся к середине XVI в., когда уже существовали каменные собор и трапезная, но между ними был деревянный переход на столбах и стояла деревянная звонничка с часами.

* * *

Сложение и развитие ансамбля Крыпецкого монастыря, памятника псковской архитектурной школы, шло в русле общерусского зодчества. Композиция двух церквей — холодной и теплой с колокольней между ними — издревле известна на Руси. Яркий пример позднего времени — ансамбль Воскресенского монастыря в Угличе (1674 г.) — особенно близок к изображению Крыпецкого монастыря, данному на иконе: две церкви соединены звонницей.

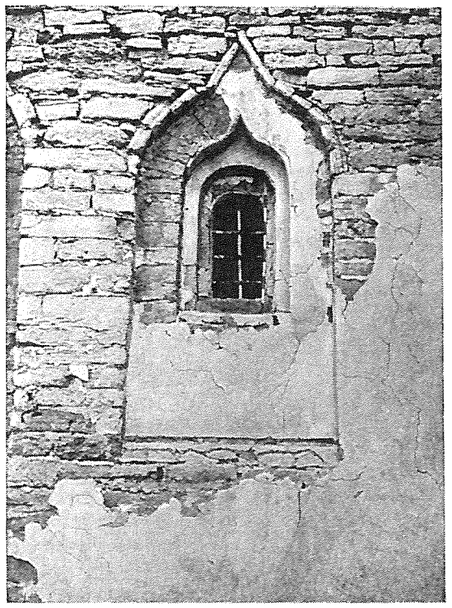
Переходы, связывающие здания в единый блок, — древнерусский прием, заимствованный из жилой архитектуры. Он перешел на строительство монастырей, в состав которых входили не только культовые здания, но и жилой комплекс и «общественные столовые» — трапезные. Переходы, связывающие основные здания Соловецкого монастыря, относятся к 1640 г.; соединены переходом собор и трапезная Вяжищинского монастыря близ Новгорода (1680—1700 гг.), здания Ростовского кремля и другие. Но из памятников псковского зодчества, кроме Крыпецкого монастыря, до нас не дошло ни одного ансамбля, использовавшего этот прием.

Исключительный интерес представляет здание трапезной Крыпецкого монастыря со встроенной в нее башенной церковью, превратившейся в колокольню.

Сохранились только две древние псковские трапезные: Крыпецкого и Мальского монастырей (XV в.). Последняя находится в еще более разрушенном состоянии, чем крыпецкая. В восточной части она имела также трехъярусную столпообразную церковь.

Обследование руин мальской трапезной привело меня к заключению, что и здесь над двумя сохранившимися этажами был третий этаж, которому соответствовал третий ярус столпообразной церкви.

[1] Представление об этом периоде дает фотоснимок Кампрада, 1871 г. Библиотека имени В. И. Ленина. ОРК. Псков. Виды.

28. Северо-восточное окно трапезной

30. Реконструкция монастыря
а — в середине XVI в.; *б* — в начале XVIII в.

Такой тип трапезных был распространен не только в Пскове. Трапезная Соловецкого монастыря, построенная в 1557 г., имела столпообразную церковь (придел находился над основным помещением)[1].

[1] ГИМ. Отд. древних рукописей, ф. Вахромеева Н. Житие Зосимы и Савватия, 90-х годов XVI в. Выходная миниатюра с изображением Соловецкого монастыря; летописец Соловецкий, арх. Досифеи. М., 1883. Приводится в диссертации М. В. Щепкиной «Лицевые царские рукописи времени Феодора Иоанновича и Бориса Годунова». М., 1945, стр. 78. Существует предположение, что Преображенский собор Соловецкого монастыря строили псковичи. Не они ли явились и авторами трапезной?

29. Реконструкция монастыря в конце XVI — начале XVII в.

Выполненные в псковском материале простые и очень красивые детали трапезной Крыпецкого монастыря, развивают московский мотив килевидных арок (рис. 26, 27 и 28). Соединение московских форм, местных традиций и материала дало новое художественное качество. Следующим этапом на этом пути явились окна дома Яковлева в Пскове.

Собор Крыпецкого монастыря выстроен из местной плиты в псковских народных традициях: повышенные подпружные арки, декор барабана и апсид повторяет большинство памятников Пскова.

Покрытие собора не является традиционным псковским — на восемь скатов, но мы знаем случаи позакомарного (или пощипцового) покрытия у некоторых псковских памятников — это церкви Василия на горке (1413 г.), Михаила Архангела (1338 г.) Жен мироносиц (1546 г.), собор Мальского монастыря (XV в.)[1].

Однако есть нечто новое, существенно отличающее собор Крыпецкого монастыря от остальных памятников Пскова. Это высокий подклет, составляющий первый этаж, который является основанием для гульбища, и мощный разворот двух лестниц, раскрывающий парадный угол собора. Такой композиции не знает ни один памятник Пскова. Это крестовые своды предела, так же как и своды трапезной церкви. (Обычно в придельных церквях в то время псковичи делали ступенчатые своды).

Из памятников Пскова к собору Крыпецкого монастыря ближе всего церковь Василия на горке (1413 г.), вошедшая в XIX в. в подворье Крыпецкого монастыря. Их роднит сочетание повешенных подпружных арок, круглых западных столбов на всю высоту и посводного покрытия. Но Василий на горке не обладает монументальностью собора Иоанна Богослова[2].

Из других памятников, естественно, напрашивается сравнение Крыпецкого собора с собором Елеазаровского монастыря (1482 г.). У них одинаковые основные конструкции, сходные мощные объемы, есть общее в деталях; сводик над верхней площадкой крыльца под колоколенкой Елеазаровского собора очень напоминает свод церкви Иоанна Лествичника, над которым была надстроена колокольня Крыпецкого монастыря.

Но собор Елеазаровского монастыря имел обычное покрытие на восемь скатов; его несущие столбы квадратны в плане, паперть закрытая.

И церковь Василия на горке, и Елеазаровский собор являются предшественниками собора Крыпецкого монастыря.

Изучение ансамбля Крыпецкого монастыря дает основание сделать следующий вывод: перед нами уникальный памятник псковского зодчества, который является одним из узловых моментов в его развитии. В нем скрестился замечательный опыт псковского архитектурного наследия с новыми веяниями, пришедшими из Москвы, т. е. осуществилась связь псковского, локального, с общегосударственным (рис. 29, 30, *а*, *б*).

В дальнейшем развитии зодчество Пскова пошло именно по этой линии, получившей, однако, два разветвления. С одной стороны, — это Троицкий собор 1699 г., повторяющий целиком московские формы. С другой, — ряд памятников XVII—XVIII вв., в которых новые веяния органически сочетались с древними местными традициями.

Архитектурный ансамбль Крыпецкого монастыря, созданный в 1557 г., т. е. в годы укрепления и расцвета Русского государства, последовавшие за взятием Казани и Астрахани, накануне Ливонской войны, является крупным вкладом в сокровищницу общерусского зодчества.

Мощный собор на высоком постаменте, обнесенный открытым гульбищем, выражает подъем народных сил времени окончательного объединения Руси.

Обмеры выполнены автором, схема реконструкции автора и Г. Борисевича

[1] Эти памятники не сохранили своего первоначального покрытия, но остались камни, лежавшие в основании закомар, над которыми могли быть надстроены щипцы. Подобное покрытие было у Троицкого собора 1365—1367 гг.

[2] Василий на горке в отличие от собора Крыпецкого монастыря является приходской церковью.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ РЕШЕНИЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В КАМЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ XVI—XVII ВЕКОВ

ШТЕЙМАН Г. А.

Одной из интереснейших конструктивных проблем, с которыми сталкивались русские зодчие XVI—XVII вв., была проблема создания вертикальных сооружений.

Встречаясь в различных видах общественных зданий, вертикальные композиции применялись особенно широко при сооружении культовых зданий. Имея большую высоту, эти сооружения вполне могли быть названы «высотными» по сравнению с общими масштабами возводившихся в ту эпоху зданий.

Помимо своего утилитарного назначения они нередко носили мемориальный характер и строились в честь тех или иных событий. В таких зданиях зодчий, желая подчеркнуть важность сооружаемого объекта, выделял один из элементов — увеличивал его высоту и тем создавал доминирующее его положение над остальным сооружением. Это был либо основной куб храма, вытянутый вертикально вверх при помощи того или иного конструктивного приема, либо колокольня, стоящая отдельно от храма, или, наконец, сооружение, совмещающее в себе обе функции — основного куба храма и колокольни, так называемая «церковь под колоколы».

Русские мастера блестяще, с большой изобретательностью, сооружали такие «высотные» здания, применяя при этом разнообразные конструктивные приемы. Некоторые из них получили широкое применение и, постепенно совершенствуясь, были использованы в последующие эпохи. Другие примеры встречаются только в отдельных сооружениях и являются уникальными примерами русского народного мастерства и изобретательности.

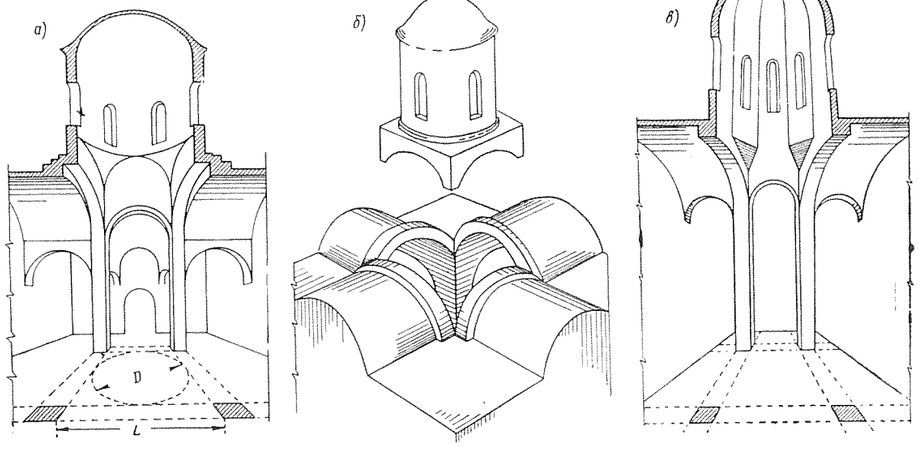
Собрать и систематизировать различные конструктивные приемы построения вертикальных «высотных» сооружений, выявить такие решения, которые нашли применение в ряде памятников последующих эпох, — такова была цель данной работы.

Один из наиболее распространенных приемов построения вертикальной композиции состоял в том, что центральный объем в виде круглого или граненого барабана, завершенного куполом или шатром, поддерживался четырьмя опорами. В зависимости от размеров барабана в плане применялись различные способы его связи с опорами. Если диаметр барабана D равнялся расстоянию между опорами L, то венчающий объем, занимая все центральное пространство, мог либо опираться на систему ступенчатых подпружных арок [как, например, в соборе Богоявления Авраамиева монастыря в Ростове (1553 г.; рис. 1, *а*)], либо стоять непосредственно на сводах, усиленных арками. В этом случае подпружные арки располагались или сверху сводов (церковь Спаса на Песках в Ростове, XVII в.; рис. 1, *б*), или выступали снизу, как это видим в Успенском соборе Валдайского Иверского монастыря (1656 г.; рис. 1, *в*)[1].

Однако диаметр венчающего барабана часто был значительно меньше расстояния между опорами. В таком случае барабан устанавливался на систему сводов *а*, имевших часто наклонную шелыгу. Это улучшало освещенность центральной части. Такое опирание центрального барабана мы встречаем в церкви Михаила Архангела в Ярославле (1657—1682 гг.; рис. 2), в Воскресенском соборе города Романова-Борисоглебска (1652—1670 гг.) и в ряде других памятников.

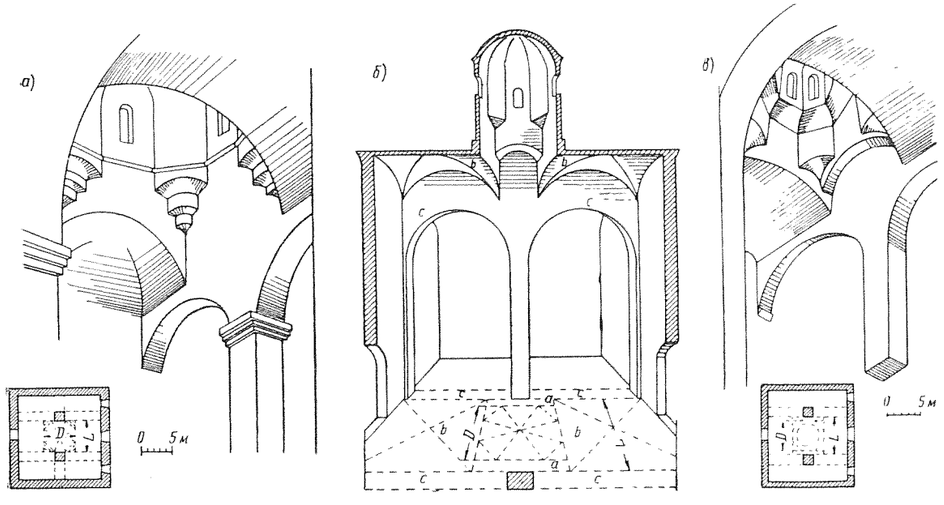
Завершающий вертикальную композицию объем, имевший обычно форму восьмигранного или круглого барабана, служил не только для освещения внутреннего пространства. Иногда он использовался для размещения звонницы. В этом случае барабан отделялся от центрального пространства сводом и вся композиция получала название «церковь под колоколы». Одним из ранних примеров такого использования завершающего объема может быть Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря (1476—1477 гг.).

[1] Леонид. Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ея патриарший период. Сб. «Рус. Истор. Библиотека», т. 5. П., 1878, стр. 16.

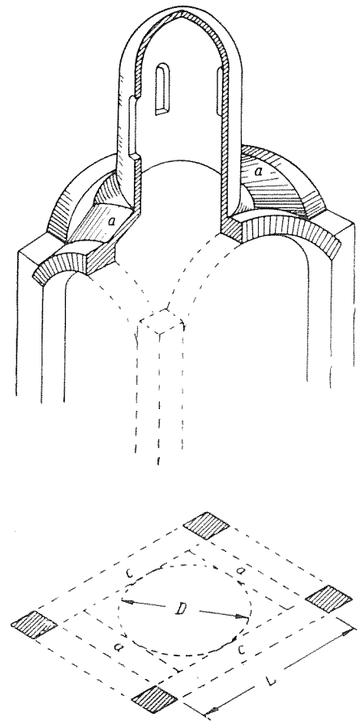
1. Способ опирания барабана на подпружные арки

а — Ростов Ярославский. Собор Богоявления Авраамиева монастыря. Барабан опирается на ступенчатые подпружные арки; *б* — Ростов Ярославский. Церковь Спаса на Песках. Центральный барабан опирается на подпружные арки, лежащие выше сводов; *в* — Успенский собор Валдайского Иверского монастыря. Центральный барабан опирается на подпружные арки, лежащие ниже сводов

3. Установка венчающего барабана по оси двух колонн

а — Суздаль. Собор Васильевского монастыря. Ширина восьмерика *D* равна расстоянию между колоннами *L*; *б* — Великий Устюг. Собор Гледенского монастыря. Ширина восьмерика *D* меньше расстояния между колоннами *L*; *в* — Сольвычегодск. Благовещенский собор

2. Ярославль. Церковь Михаила Архангела. Центральный барабан опирается на систему сводов а, перекинутых между подпружными арками с

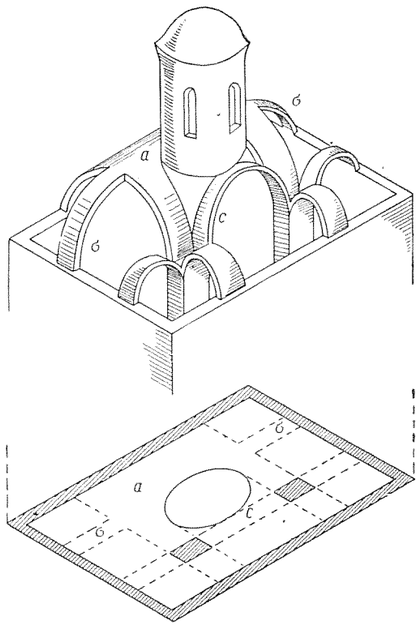
Второй прием образования вертикальной композиции появился в XVI в. и в дальнейшем применялся в ряде архитектурных памятников. Прием этот состоит в том, что храм из четырехстолпного превращается в двухстолпный и венчающий вертикальный объем в виде четверика или восьмерика ставился по оси двух столбов. При этом могло быть два основных решения: первое — если расстояние между колоннами L было равно ширине венчающего четверика D, то последний опирался двумя своими сторонами непосредственно на арки, идущие по колоннам, а две другие стороны его лежали на сводах, перекинутых между арками. Такой случай мы имеем в соборе Васильевского монастыря в Суздале (1669 г.; рис. 3, *а*), второе — если ширина четверика D была меньше расстояния между колоннами L, то все стороны четверика опирались на систему взаимно-перпендикулярных сводов *а* и *б*, перекинутых между арками *с*. Подобное решение видим в Троицком соборе Гледенского монастыря в Великом Устюге (1659 г., рис. 3, *б*), в Лазаревской (1667 г.) и Воскресенской (1719 г.) церквах города Суздаля и в Благовещенском соборе Сольвычегодска (1560—1579 гг.). В последнем примере в более позднее время венчающий объем усложнен путем постановки друг на друга двух постепенно уменьшающихся восьмигранных барабанов, завершенных сомкнутым сводом (рис. 3, *в*).

В этих примерах двухстолпных покрытий внутренние опоры стоят посредине храма, деля его по оси запад—восток на две равные части. Иногда зодчий, желая расширить центральную часть, резко сдвигал оставшиеся два столба к западной стене, оставляя центральный световой барабан на прежнем месте в центре храма. Таковы покрытия церквей в селах Никольском-Урюшине и Маркове под Москвой. В коробовом своде *а*, перекрывающем центральное пространство храма, сделано большое отверстие; расположенный над ним венчающий барабан опирается частью основания на центральную подпружную арку *с*, а весь остальной периметр его стоит на коробовом своде. Продольная устойчивость свода обеспечена полуарками *б*, перекинутыми со свода на стены храма (рис. 4). Опирание барабана на свод мы видим и в другом сооружении — Преображенском соборе города Галича Костромского. Все помещение здесь перекрыто системой пересекающихся коробовых сводов, поддерживаемых двумя колоннами без подпружных арок. Над световым отверстием в своде установлен венчающий всю композицию высокий барабан. Он поставлен по оси двух колонн и опирается прямо на свод.

В приведенных примерах вертикальная композиция строилась путем опирания завершающего барабана на внутренние колонны. Однако ряд подобных сооружений осуществлялся также и на бесстолпном плане путем постановки друг на друга ряда постепенно уменьшающихся объемов. Такой прием позволял создавать сооружения, имеющие значительно большую высоту по сравнению со зданиями, где были применены первые два приема.

Поставленные друг на друга объемы, часто различные не только по своим размерам, но и по конфигурации плана, требовали от зодчего большой изобретательности для того, чтобы создать переход между отдельными элементами высотной композиции. Кроме обычно применявшихся приемов в виде опирания барабана на

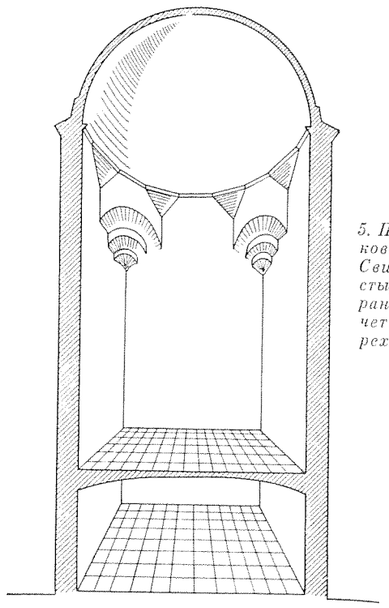
паруса различных видов и на кронштейны[1] интерес представляют с конструктивной точки зрения и другие способы опирания, хотя они и не получили в дальнейшем широкого распространения.

4. Церковь в с. Никольском-Урюпине. Венчающий барабан опирается на коробовый свод и подпружную арку

Одним из примеров может служить покрытие Покровской церкви Александро-Свирского монастыря (рис. 5), сооруженной в первой половине XVI в. Здесь на высокий четверик основного куба, имеющий в плане размеры 7×7 *м*, опирался сферический купол без устройства между ними обычного восьмигранного или круглого барабана. Для создания перехода от одного объема к другому в углах четверика устроены ступенчатые конические паруса. Образующийся при этом восьмигранник с помощью небольших плоских парусов непосредственно переходит в шестнадцатигранник и дальше в купол[1].

Близкое к этому построение вертикальной композиции мы видим в церкви Ильи на Городище (1683 г.) в Костроме. Здесь конусообразный барабан связан с центральным четвериком храма при помощи ряда ступенчатых арочных перемычек (рис. 6).

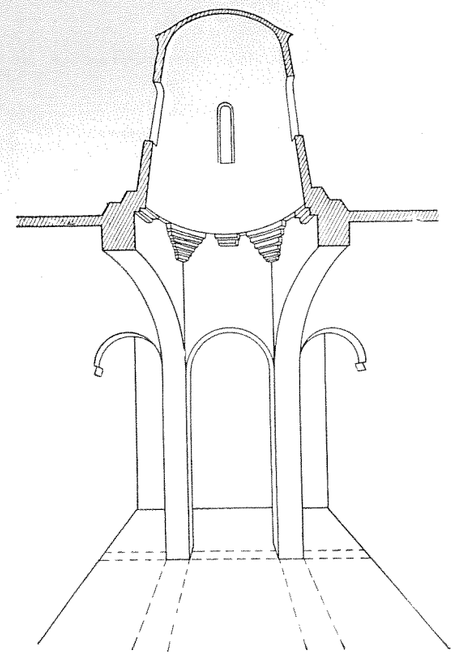

5. Покровская церковь Александро-Свирского монастыря. Схема опирания купола на четверик без переходного барабана

Во всех этих разобранных памятниках архитектуры внутреннее пространство не было разделено междуэтажными перекрытиями и было единым по высоте. Фасад такого вертикального здания соответствовал его интерьеру.

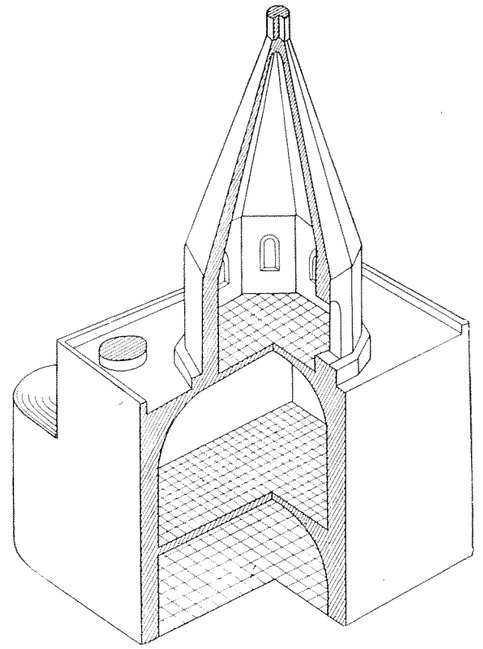
Совершенно иной прием построения вертикальных композиций видим мы в тех сооружениях, где нет соответствия внешнего образа внутреннему пространству, разделенному на изолированные части. В этом случае завершающий вертикальный элемент здания мог опираться на сплошное сводчатое перекрытие нижних этажей. Задача зодчего при этом упрощалась, так как не нужно было создавать специальные конструкции для перехода от одного объема к другому.

Широкое распространение в этой группе получил прием постановки на сомкнутом или лотковом своде одного, двух и даже трех шатров. Одним из таких примеров может служить Благовещенская церковь Антониево-Сийского монастыря (1643 г.; рис. 7)[1]. Основной объем храма, сильно вытянутый по оси север — юг, перекрыт двухлотковым сводом, на котором установлен подшатерный восьмигранный барабан с оконными проемами, покрытый очень высоким шатром. Над северо-восточным и юго-восточным углами лоткового свода сохранились основания стоявших здесь небольших главок. Первоначально под шатром помещалась небольшая церковка; лестница в западной стене соединяла ее с трапезной. В ряде других зданий на двухлотковом своде устанавливалось два или даже три шатра, обычно пустотелых.

6. Кострома. Церковь Ильи на Городище. Схема установки конусообразного покрытия над центральным четвериком

В тех случаях, когда основное помещение храма было квадратным в плане, оно перекрывалось сомкнутым, а иногда крещатым сводом. Венчающий объем в виде восьмигранного барабана с шатром ставился тогда так, что четыре лицевых грани опирались на стены четверика, а четыре диагональных, угловых грани ставились непосредственно на свод. Такое опирание шатра на сомкнутый, квадратный свод можно видеть в колокольне церкви села Тропарево (1693 г.; рис. 8, *а*) под Москвой. В соборе Флора и Лавра Молченского монастыря в Путивле (конец XVI, XVII, XVIII вв., рис. 8, *б*) шатер поставлен на крещатом своде.

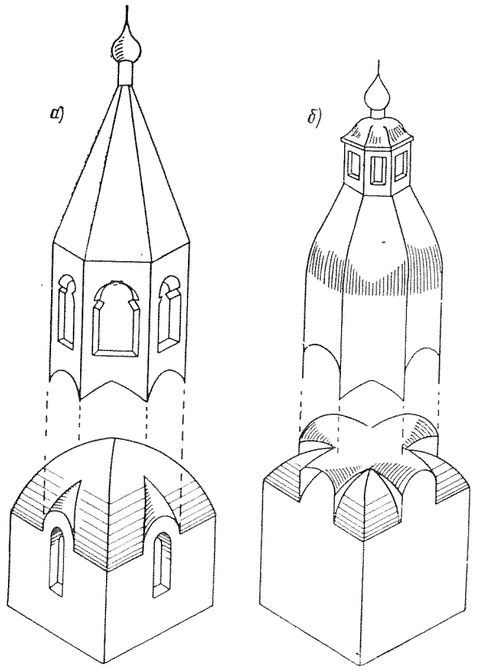
7. Церковь Благовещения Антониево-Сийского монастыря. Установка венчающего шатра на двухлотковом своде

Интересным примером конструктивного решения вертикального сооружения из различных поставленных друг на друга объемов является Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря (1534 г.; рис. 9). Основное помещение храма размером 7×7 *м* перекрыто довольно

[1] Подробно об этом см. статью автора в сб. «Архитектурное наследство», вып. 14 «Конструктивные особенности бесстолпных покрытий в памятниках архитектуры XVI—XVII веков».

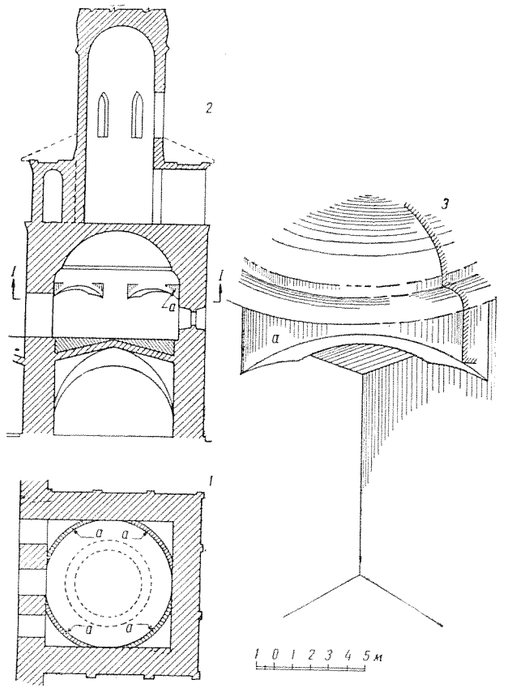
[1] Таковы же покрытия Сретенской церкви Антониева монастыря и северного придела Никитской церкви в Новгороде (XVI в.).

[1] История российской иерархии, собранная архимандритом Амвросием, ч. VI, М., 1816, стр. 124.

8. Способ постановки шатра на свод

а — колокольня села Тропарево под Москвой. Схема постановки шатра на сомкнутом своде; *б* — собор Молченского монастыря в Путивле. Конусообразное покрытие на крещатом своде

9. Церковь Благовещения Ферапонтова монастыря. Установка венчающего барабана на купол, опирающийся на криволинейные арки

1 — план покрытия первого этажа (по *I—I*); *2* — разрез; *3* — общий вид опирания купола на криволинейные арки

пологим куполом, имеющим в основании криволинейное очертание. Для опирания такого куполообразного покрытия на основной четверик вместо обычных в таких случаях парусов в углах устроены арки *а*, имеющие криволинейное очертание в плане. Замена парусов арками позволила увеличить площадь храма, освободив от наклонных парусов все четыре его угла, в которых сделано плоское покрытие. На это куполообразное покрытие и опирается центральный барабан. Стены его прорезаны рядом вертикальных проемов, соединенных криволинейными проходами с отверстиями в фасадных стенах. В одном из этих проходов, в ярусе кокошников раньше помещалась звонница.

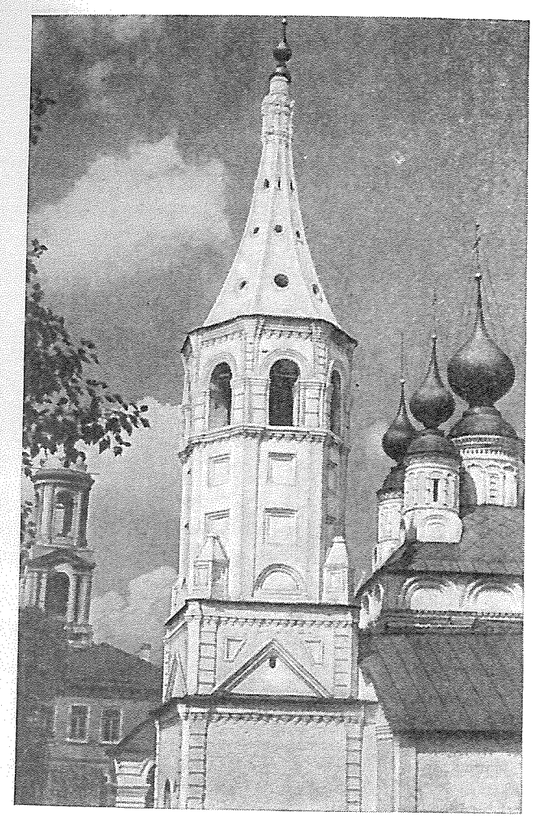
Несколько особняком в этой группе решений вертикальной композиции стоит ряд зданий, построенных по принципу постановки друг на друга постепенно уменьшающихся объемов, имеющих своеобразное завершение в виде вогнутых шатров, часто очень вытянутых пропорций. Такой прием мы находим в ряде суздальских храмов. Одним из характерных примеров может служить колокольня Лазаревской зимней церкви (рис. 10)[1] в Суздале, завершенная вогнутым шатром, украшенным круглыми «слухами». Данный прием завершения явился как бы переходной ступенью к высотным сооружениям, завершенным шпилями, получившим широкое распространение в XVIII в.

Вертикальные сооружения в старой русской архитектуре создавались не только путем постановки друг на друга нескольких различных по размерам и по конфигурации объемов. Во многих вертикальных сооружениях центральный столп, имеющий в плане квадратную, восьмигранную или круглую форму, сохранял снизу доверху свои наружные габариты. Для обеспечения устойчивости такого вертикального столпа его усиливали пилястрами, выступающими ребрами или обходящей вокруг него аркадой на высоту одного или двух этажей.

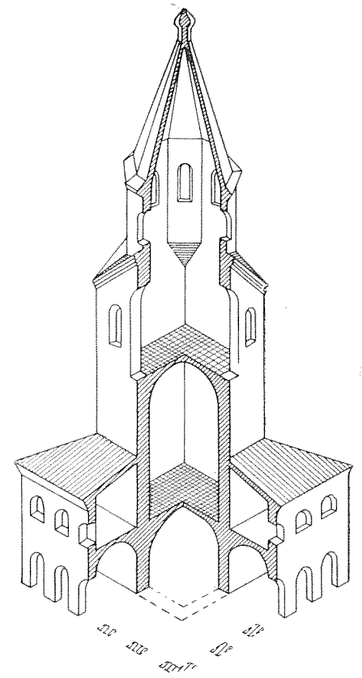
Одним из любопытных примеров такого приема может служить колокольня Антониево-Сийского монастыря (1638—1644 гг.). В настоящее время колокольня наполовину разрушена, но по сохранившимся фотоматериалам можно себе представить ее конструктивную схему (рис. 11).

Основой этого сооружения был высокий столп, почти квадратный в плане, со сторонами 8,7×8,2 *м*; каждый фасад его был усилен четырьмя пилястрами и завершался треугольным фронтоном. Выше фронтонов стены становились тоньше и четверик переходил в невысокий восьмерик, завершенный шатром хороших пропорций. Нижняя часть этого столпа была окружена со всех сторон двухэтажной обходной галереей с арочными проемами. Первый этаж этой галереи был перекрыт сводами, второй этаж, вероятно, имел деревянное покрытие. Внутри столп был разделен сводчатыми перекрытиями на три этажа: первый, невысокий этаж, перекрытий лотковым сводом, служил складочным помещением; во втором, более высоком помещалась церковь, а по сторонам ее на втором этаже галереи были устроены две палатки, где находились библиотека и архив монастыря. Третий этаж, прорезанный двумя рядами арочных проемов, служил звонницей.

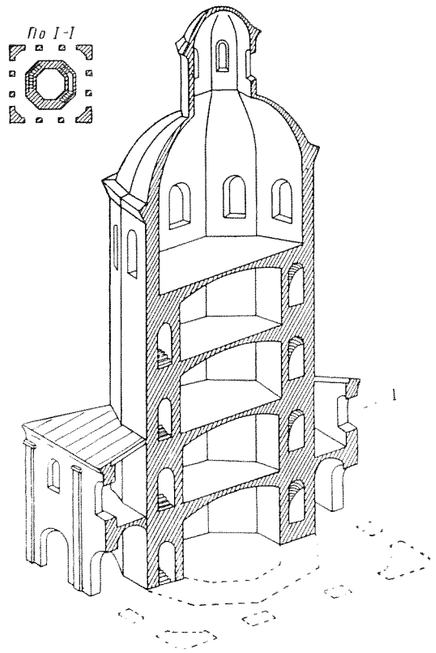
[1] Лазаревская летняя церковь построена в 1667 г., стоящая рядом колокольня сооружена несколько позже, вероятно в начале XVIII в.

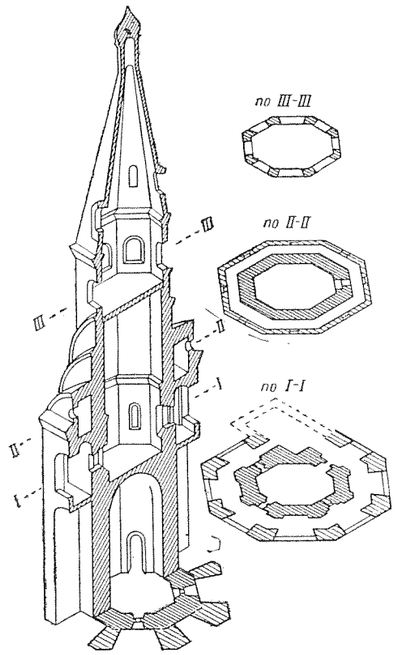
10. Суздаль. Колокольня Лазаревской зимней церкви

11. Колокольня Антониево-Сийского монастыря (Реконструкция конструктивной схемы)

12. Колокольня Николо-Гостинской церкви в Великом Устюге. Схема конструктивного решения

13. Конструктивная схема церкви-колокольни в Александровой слободе

Не меньший интерес представляет колокольня Николо-Гостинской церкви в Великом Устюге (строительство ее начато в 1682 г., закончено в начале XVIII в.). Основным объемом ее является высокий, восьмигранный в плане столп (рис. 12), покрытый сверху восьмилотковым сомкнутым сводом с отверстием, над которым стоит световой фонарь. Внутри центральный столп разделен сводчатыми купольными перекрытиями на пять этажей. В первых четырех этажах стены столпа имеют толщину от 145 до 160 *см*. В стене встроена винтовая каменная лестница, имеющая по высоте четыре полных оборота и связывающая все этажи. Вокруг центрального столпа устроена обходная двухэтажная галерея на высоту двух первых этажей. В первом этаже она перекрыта коробовыми сводами, а во втором — деревянными стропилами.

В обоих рассмотренных примерах обходная галерея, связанная со стенами сплошным кольцом сводов, увеличивала устойчивость сооружения. В других случаях устойчивость подобных вертикальных свободно стоящих зданий достигалась иными конструктивными приемами. Так, в Распятской церкви-колокольне Александровой слободы (1560-е годы; рис. 13) основной вертикальный восьмигранный столп на высоту первого этажа усилен приставленными к нему восемью мощными пилонами, связанными между собой арочным поясом. Выше, на этом арочном поясе стоит двухэтажная обходная галерея, опоясывающая сплошным кольцом основной столп. Второй этаж этой галереи находится в пределах кокошников нижнего яруса. Толщина стен нижней части столпа достигает 2 *м*; в верхней части, выше обходных галерей, стены имеют постепенно убывающую толщину.

Вариантом конструктивного решения такого свободно стоящего вертикального столпа является прием, примененный в соборной колокольне города Соликамска[1]. Здесь устойчивость сооружения, несущего восьмигранную башню, обеспечена внутренним каркасом, состоящим из двух пересекающихся под прямым углом массивных кирпичных стен, связанных сводами.

Таково было разнообразие приемов решения вертикальных сооружений, возводившихся в XVI—XVII вв. древними зодчими и удивлявших часто современников своими размерами. Этому помогали и умелый выбор под застройку участка, занимавшего обычно господствующее положение над окружающей местностью, и величавое спокойствие русского пейзажа. Все это подчеркивало уникальный характер возводимого здания и часто усиливало впечатление большой его высоты.

[1] Об этом памятнике см. статью автора в сборнике «Памятники культуры», вып. 3, М., 1961, стр. 199.

Чертежи выполнены автором

КРЕСТЬЯНСКИЕ УСАДЬБЫ XVI—XVII ВЕКОВ

(Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России)

ШЕННИКОВ А. А.

В конце XIX и начале XX вв. в бассейнах Онежского и Белого озер, во всем Беломорском бассейне и к востоку от них до Урала был распространен северно-русский тип усадьбы. С незначительными вариациями он существовал у трех народностей финно-угорской группы — у карел, вепсов и у коми-зырян. Главной особенностью этого типа усадьбы является двухэтажный крытый двор, высокие подклеты и подызбицы под жилыми помещениями.

В западной части верхнего Поволжья и севернее, в Новгородской и Петербургской губерниях, существовал тип усадьбы, похожий на северный, но отличавшийся от него одноэтажным устройством крытого двора и более низкой подызбицей. Этот тип, который мы будем условно называть новгородско-тверским, постепенно распространялся на восток и юго-восток, вытесняя среднерусский тип усадьбы с открытым «П-образным» двором.

Происхождение северно-русского типа усадьбы многие исследователи связывали с новгородской или, вообще, славянской колонизацией севера Европейской России. Одни считали, что этот тип усадьбы был принесен на север новгородцами в готовом виде, другие допускали, что он сформировался на севере, но как бы то ни было, возникновение этого типа относится к новгородскому периоду истории русского севера, к XV в. Исследователи, придерживавшиеся этой точки зрения, не разбирали детально вопрос о конкретных путях и этапах образования данного типа. Высказывались лишь самые общие предположения и главным образом о роли северных климатических условий[1].

Некоторые этнографы усматривали в северно-русском типе усадьбы более старые традиции, восходящие к древнеславянским, древнефинским, древнегерманским и даже к более ранним культурам[1]. И, наоборот, известны попытки отнести образование этого типа к XVIII в. и объяснить его «городскими влияниями»[2].

В 1920-х годах финский этнограф У. Спрелиус выдвинул гипотезу об эволюции карельской, вепсской, коми-зырянской, а также и северно-русской крестьянской усадьбы. Избу финно-угорских народностей на высокой подызбице он считал развившейся, возможно под русским влиянием, из поземной избы. Вместе с тем он допускал, что у русских такая изба могла иметь и иное происхождение: от древнейших свайных построек.

По его мнению, двухэтажный крытый двор развился из простейшего помоста на столбах, служившего для хранения сена в загонах при открытом зимнем содержании скота. Такое устройство двора еще встречалось в конце XIX в. у некоторых финно-угорских народностей, главным образом у хантов, а в отдельных случаях также у мари и мордвы. Сено на помосте было недоступно для животных. В непогоду скот мог содержаться под помостом. При кормлении скота было удобно сбрасывать сено вниз. Затем на помосте ставился сарай для сена; пространство под сараем обносилось стенами и превращалось в хлев. В дальнейшем, при усложнении этого комплекса, образовался отдельно стоящий двухэтажный крытый двор, который стали пристраивать к дому. Отдельные этапы этой эволюции прослеживаются у финнов, карел и народов среднего Поволжья. Однако материалов, касающихся русских, У. Спрелиус не приводит.

Присоединение крытого двора к жилью и окончательное формирование всего комплекса усадьбы Спрелиус относит к XVI в. и объясняет «городскими влияниями». Он высказал уверенность, что в России имела место общая тенденция к постепенному соединению разрозненных однокамерных строений крестьянской усадьбы и что это может быть подтверждено анализом архивных материалов[1].

К версии о новгородском происхождении северно-русского типа усадьбы финские исследователи в начале нашего века относились скептически, а теперь вовсе ее отрицают, они считают этот тип усадьбы местным северно-русским явлением и допускают из посторонних влияний только влияние древнерусского городского зодчества[2].

Все эти разноречивые гипотезы были созданы почти исключительно на основе ретроспективного анализа форм построек, существовавших в XIX — начале XX в. Что касается новгородско-тверского типа усадьбы, то о его происхождении до недавнего времени не было высказано вообще никаких мнений.

Лишь недавно Г. Г. Громов и М. В. Витов попытались исследовать письменные источники XVI—XVII вв. и рисунки XVII в., изображающие крестьянские постройки Московского государства, в том числе тверские и новгородские. Но выводы авторов различны: Громов считает, что типы усадеб и построек, известные в XIX в., сформировались относительно недавно, не ранее конца XVII в.; Витов склонен видеть в источниках XVI—XVII вв. подтверждение традиционных гипотез о древнем происхождении этого типа усадеб[1].

Мы используем большее количество письменных источников XVI и XVII вв. Вместе с тем, в отличие от указанных авторов, мы стараемся более осторожно привлекать материалы, не имеющие прямого отношения к крестьянству, как, например, посадские акты XVI—XVII вв. или археологические данные о поселениях городского типа.

Основной источник сведений о западной части верхнего Поволжья — это составленная в 1581 г. писцовая книга вотчины великого князя Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде[2]. Она уже исследована Н. Д. Чечулиным[3] и Г. Г. Громовым. Рассмотрим лишь некоторые подробности этого документа.

Для нашего анализа интересны сведения о 380 крестьянских усадьбах, из которых 127 описаны по отдельности, и 253 — группами с указанием числа дворов, но без разбивки количества построек по дворам[4]. Бо́льшую часть описаний можно считать достаточно полными.

В то время преобладали мелкие, иногда однодворные деревни, типичные для древней погостной системы расселения. Поэтому можно

---

[1] J. A. Siögren. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch (1821). — Gesammelte Schriften. B. I; S.-Petersburg, 1861; S. 437; T. de Pauly. Description ethnographique des peuples de la Russie. S.-Pétersbourg, 1862, p. 23;
Л. В. Даль. Материалы для истории русского гражданского зодчества. «Зодчий», 1874, № 3, стр. 31—32; № 7, стр. 93;
A. O. Heikel. Die Gebäude der Ceremissen. Mordwinen, Esten und Finnen. «Suomalais. — ugrilaisen seuran aikakauskirja», 4, Helsingissä, 1888, S. 110;
В. В. Суслов. Очерки по истории древнерусского зодчества СПб., 1889, стр. 87—89; Н. Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, стр. 90—91; В. Д. Мачинский. Крестьянское строительство в России. М., 1924, стр. 5—36;
D. Zelenin. Russische (Ostslawische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, S. 285;
Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 8 и 21; Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 31, Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 211, 237, 456.

[1] K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch — slawischen Altertumskunde. Abt. 2, T. 2, B. 1. Die altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910, S. 70—71.
Л. Нидерле. Славянские древности (1923). М., 1956, стр. 255—257; С. П. Толстов. К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России. Сб. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929, стр. 80; С. Толстов. К проблеме аккультурации. «Этнография», 1930, № 1—2; стр. 77—78; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 23, 70.

[2] А. И. Некрасов. Русское народное искусство М., 1924, стр. 68—69; его же. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII в. М., 1936, стр. 12, 18 и 338, 339.

[1] U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. 2, Helsingissä, 1921, S. 163—164; его же, Die syrjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. Eine vergleichende Untersuchung. «Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia», 18, Helsinki, 1928, S. 341—353; О том же см.: I. Manninen. Rakennukset «Suomen suku», 3, Helsingissä, 1934, S. 261—263.

[2] Например, T. Vuorela. Suomensukuiset kansat. Helsinki — Turku, 1960, s. 90—95.

[1] Г. Г. Громов. История крестьянского жилища Владимирского края в XI—XIX вв. Автореферат. М., 1954, стр. 7—9, 13; его же: Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. «Советская этнография», 1955, № 1; М. В. Витов. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища. «Вестник Московского университета». Историко-филологическая серия, 1958, № 4, стр. 134—136, 138—140.

[2] Писцовые книги Московского государства, ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд. 2, СПб., 1877, стр. 291—403. В публикации не указано точной даты, но из текста видно (стр. 354 и 402), что книга составлена в 1581 г.

[3] Н. Д. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки в XVI в. СПб., 1893, стр. 5—7.

[4] В некоторых групповых описаниях число дворов не указано, но может быть определено по количеству владельцев.

Ш11—2

предполагать, что очертания усадебных участков и дворов не отличались регулярностью, свойственной поселениям в форме улицы.

На участке стояли обычно 2—3 строения. Дворовые ограды в большинстве документов не упомянуты, но по ряду деталей видно, что какие-то ограды все же были. В описании одного села сказано: «а которые дворы добрые и огорожены, и те дворы довати из оброку». В другом случае сказано, что из группы пустых дворов свезли «городбу около дворов и ворота».

В большинстве дворов было по одной избе. Размеры изб не указаны. Нет сведений о каких-либо помещениях под избами и о пристройке к избам других строений, хотя другие виды помещений и построек все тщательно отмечены.

Кроме изб упоминаются клети и сенники, которые Г. Г. Громов не без основания считает близкими по назначению и взаимозаменяемыми. Эта догадка подтверждается тем, что среди 127 дворов было 46 дворов с одной клетью и 43 двора с одним сенником (13 дворов — вовсе без клетей и сенников, и 25 — с двумя или тремя клетями и сенниками). В восьми дворах указаны клети и сенники одновременно, что свидетельствует о каких-то различиях между этими постройками. При одном сеннике имелись сени, при другом — пристен (скорее всего, пристроенный навес), прочие сенники и все клети были отдельно стоящими однокамерными постройками. Упомянуто 11 сенниц — отдельных построек, отличавшихся от сенников.

Описаны 22 хлева и 25 конюшен — отдельные строения, иногда «рубленые». Из этого следует, что встречались и не рубленые хлевы, вероятно с тыновыми или плетневыми стенами. Других специальных животноводческих помещений не отмечено. Если даже допустить, что для зимнего содержания скота могли использоваться, кроме хлевов и конюшен, все подклеты и 12 мшаников, то общее количество пригодных для скота помещений остается все же незначительным.

То же видно и из нескольких актов конца XVI и начала XVII в. по районам Красного Холма и Бежецка.[1] В одном дворе указан размер избы: «трех сажен».

[1] А. К. Жизневский. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. «Древности. Труды Московского Археологического общества», т. 3; М., 1880, стр. 28; С. Шумаков. Обзор «грамот Коллегии экономии». Вып. 1. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1889, кн. 3; ч. 1, разд. А., акт № 4; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. Л., 1955, стр. 62, 63, 65, 72, 81, 83 и 85.

Мы здесь не рассматриваем редко встречающиеся виды строений (упоминаемые в тверской писцовой книге и в актах): житницы, погреба, бани, овины и др. Не исследуем также особо богатые усадьбы, похожие более на помещичьи, чем на крестьянские.

К концу XVI и началу XVII в. относятся акты, содержащие сведения о 22 крестьянских усадьбах в новгородских землях (районы Луги, Тихвина и др.).[1] Из них видно сходство этих усадеб с рассмотренными выше верхневолжскими. Отличие их от последних заключается лишь в большем количестве хлевов. Упоминаются «хлев с сенником», клети на мшаниках. Размер избы, как правило, равен 3 саженям. В нескольких актах описаны более богатые усадьбы с несколькими группами взаимосвязанных помещений. Но не ясно, были ли это лишь единичные усадьбы, или это уже общая тенденция к усложнению.[2]

Можно констатировать, что в тверской части верхнего Поволжья и на основной новгородской территории в конце XVI — начале XVII в. существовал, в общем, единый тип крестьянской усадьбы.

Дальнейшая эволюция тверских и новгородских крестьянских усадеб прослеживается по альбому Мейерберга 1661 г. и по плану г. Тихвина 1678 г.[3] На нем видны не только монастыри и посад, но и пригородные деревни. Оба источника неоднократно публиковались целиком и по частям; рисунки обстоятельно исследованы Г. Г. Громовым, поэтому ограничимся только некоторыми дополнениями и приведем лишь схематические изображения отдельных фрагментов (рис. 1), необходимые для пояснения наших рассуждений, но не претендующие на точность передачи графической манеры подлинников.

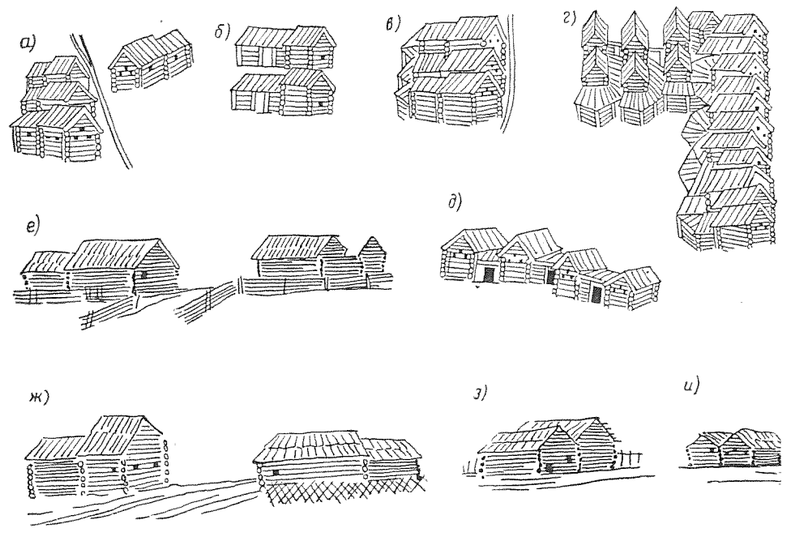
Г. Г. Громов верно отметил черты сходства между описаниями усадеб в тверской писцовой книге 1581 г. и изображениями усадеб в альбоме Мейерберга. Но имеются и отличия. Особенно заметно, что в середине XVII в. по сравнению с концом предыдущего столетия резко возросло количество связанных между собой построек, как жилых, так и хозяйственных. Это же видно и по нескольким верхневолжским актам начала XVIII в.[1]

[1] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, акты № 178, 183, 189—191, 194 и 196; Архив П. М. Строева. Русская историческая библиотека, т. 32; Пг., 1915, акты № 271 и 366.

[2] Акты юридические... акт № 186. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 2. М., 1909, разд. «Разнородные акты», акт № 60.

[3] Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903; К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951. Приложение.

Среди изображенных усадеб наиболее характерны такие, в которых изба стоит торцом к улице и имеет более низкую пристройку, примыкающую к избе обычно сзади (рис. 1, *а*, *б*, *е*, *ж*), иногда сбоку (рис. 1, *д*); в ряде случаев эту пристройку охватывает сбоку и сзади другая, еще более низкая пристройка (рис. 1, *в*, *г*). Эти пристройки М. В. Красовский и М. В. Витов считали крытыми дворами, причем последний ссылается также на раскопки в Старой Ладоге и Белоозере, где, по мнению авторов раскопок, найдены остатки крытых дворов X—XII вв.[2]

1. Фрагменты рисунков из альбома Мейерберга 1661 г. и плана г. Тихвина 1678 г.

Однако, судя по малым размерам изображенных пристроек, можно думать, что если даже в этих помещениях и держали скот (что, впрочем, еще не доказано), то это были не крытые дворы, а просто хлевы и конюшни, пристроенные к избам. Но не всякую постройку для скота, хотя бы и пристроенную к избе, можно называть крытым двором. Известные варианты русских крытых дворов отличаются от хлева или конюшни тем, что представляют сложный комплекс различных помещений с обязательным сквозным проездом, с двумя воротами и т. д. В усадьбах, показанных на тихвинском плане, помещения позади избы в некоторых случаях можно принять и просто за сени (см. рис. 1, *а*, *в*, *г*), а одна из групп построек более похожа не на избы с дворами, а на риги или овины (см. рис. 1, *б*).

Площадки, примыкавшие к избам на опубликованных чертежах староладожских и белозерских раскопок, вовсе не обязательно следует считать крытыми дворами; они более похожи на хлевы или конюшни, а может быть — и на открытые дворики.[1]

К сказанному можно добавить, что в известных описаниях посадских и феодальных усадеб

[1] Акты Угличской провинциальной канцелярии, т. 2. «Труды Ярославской ученой архивной комиссии», кн. 5, М., 1909, акты № 210 и 246; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в., М., 1951, акт № 100.

[2] М. В. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916, стр. 45; М. В. Витов. Указ. соч., стр. 136—137.

[1] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». Вып. 11. М., 1945, стр. 36; его же, Старая Ладога. «Советская археология». Вып. 11, М.—Л., 1949, стр. 24—25, рис. 6, 18; Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция. «Краткие сообщения Института археологии». Вып. 81. М., 1960, стр. 81—82, рис. 38.

XVI и XVII вв. на территории всего верхнего Поволжья и северо-запада Московского государства тоже не обнаруживается ничего похожего на крытые дворы. Нет признаков таких дворов ни среди обширных археологических материалов X—XVI вв. по Новгороду[1], ни на опубликованном плане части того же города 1695 г.[2]

Интересующие нас усадьбы с пристройками к избам, показанные в альбоме Мейерберга и на тихвинском плане, очень похожи на беднейшие посадские усадьбы, известные по изображениям на этом же плане и другим материалам и исследованиям о посадской застройке в городах Московского государства. Наличие усадеб этого типа в деревнях можно объяснить тем, что на северо-западе Московской Руси вообще имелась значительная прослойка непашенных крестьян, по своему положению приближавшихся к посадскому населению, причем эта прослойка, естественно, должна была концентрироваться вдоль больших дорог и в пригородах, т. е. как раз в таких селениях, которые и изображены на исследуемых рисунках. Поэтому можно предполагать, что такие усадьбы были вообще не типичны для основной массы крестьянства.

Что касается собственно крестьянских усадеб этой же местности, то, по аналогии со средне- и западно-русскими крестьянскими усадьбами, можно думать, что наиболее поздний новгородско-тверской тип XIX — начала XX вв. с крытым двором позади дома пришел на смену усадьбе с крытым двором сбоку дома, а последняя в свою очередь образовалась из усадьбы с открытым двором путем постепенного примыкания хозяйственных строений к дому и перекрытия двора навесами, а не путем развития хлевов или иных помещений, пристроенных к избе. Может быть, начало такой эволюции можно видеть на тех рисунках Мейерберга, где показаны, во-первых, несколько усадеб, напоминающих среднерусские с П-образными дворами[3], и, во-вторых, усадьбы с пристроенным сбоку к избе крупным строением, похожим на крытый двор (см. рис. 1, *з*, *и*).

Приведенные данные не отражают полную эволюцию тверских и новгородских крестьянских усадеб, но можно утверждать, что северно-русского типа усадьбы с двухэтажным крытым двором в этой местности не было ни в XVI, ни в XVII вв. и едва ли приходится сомневаться, что не было его там и раньше. Усадьбы с одноэтажными крытыми дворами появились в этой местности не ранее чем во второй половине XVII в., а окончательно сформировались, очевидно, лишь в следующем столетии.

* * *

Крестьянские усадьбы XVI и XVII вв. северной части Европейской России описаны главным образом по району Вологды, Великого Устюга, Холмогор и Архангельска. Есть отдельные акты и по другим местам.

К району Вологды относятся сведения о 37 крестьянских усадьбах, из которых десять — XVI в. (с 1568 г.), 26 — XVII в. и одна — начала XVIII в.[1]

До начала 1630-х годов по описаниям 19 усадеб вырисовывается довольно единообразная картина. Усадьба состояла иногда из частично связанных, но в большинстве случаев из отдельно стоящих построек, нередко обнесенных заметом, заплотом или забором, с огумennиком за двором. В каждом дворе была изба без каких-либо помещений под ней, почти в каждом — сенник, и лишь в одном — клеть (без подклета). Семь сенников из 19 имели подклеты, один был пристроен к избе. Вовсе не упоминаются ни хлевы, ни конюшни. Пригодными для скота можно считать только подклеты, один мшаник и один сарай.

Этот тип усадьбы явно близок к тверским и новгородским усадьбам того же времени, и если отличался от них, то не в сторону приближения к северно-русскому типу XIX — начала XX в., а скорее наоборот, — развитые дворовые ограды и почти полное отсутствие построек для скота напоминают южные традиции. Но один из основных признаков, отличающих тверские и новгородские усадьбы от южно-русских, а именно, наличие сенников, здесь выражен ярче, чем в тверских и новгородских усадьбах.

Иначе выглядели две усадьбы, описанные в 1599 г., — в них имелся «двор повитью покрыт». Во-первых, важно появление самого понятия «двор покрыт». Во-вторых, в XIX в. на севере повитью назывался верхний этаж крытого двухэтажного двора, и хотя неизвестно, в таком ли смысле употреблен здесь этот термин (южнее он мог обозначать и одноэтажный навес), но, во всяком случае, какие-то крытые дворы здесь уже имелись.

В 1630-х годах в некоторых крестьянских усадьбах появились «сараи на столбах». Если понимать под термином сарай целую постройку, то получается что-то похожее на сенные сараи на помостах, которые упоминает Сиелиус. Однако в XIX в. на севере сараем называли обычно либо верхний этаж крытого двора (то же, что «повить»), либо только его крышу, а в средней и южной России сараем могло называться и одноэтажное строение. В данном случае смысл термина неясен, можно только предположить, что если столбы упомянуты, в то время как конструкции других построек не указаны, то эти столбы были достаточно велики, что может служить признаком значительного пролета перекрытия. В девяти случаях из одиннадцати сарай встроен между избой и сенником, из этих девяти сенников четыре стояли на подклетах. Как и до 1630-х годов, упоминаются «заплоты» «вокруг двора», но в связи с появлением сараев неясно, имеются ли в виду все еще отдельные дворовые ограды или речь идет уже о стенах сараев, которые при столбовой конструкции должны были делаться именно в виде «заплотов» (по крайней мере, в нижнем этаже).

Избы до конца XVII в. оставались поземными. Лишь в 1699 г. впервые отмечена подызбица, а в 1705 г. — клеть над воротами, свидетельствующая о двухэтажном устройстве дома.

В целом создается впечатление, что в районе Вологды отдельные элементы будущего северно-русского типа усадьбы начали появляться на рубеже XVI и XVII вв.; более широкое их внедрение началось с 1630-х годов, но в дальнейшем тип развивался медленно и вполне оформился не ранее чем к концу XVII или началу XVIII в. В частности, неизвестно, когда именно крытый двор стал двухэтажным, когда он был пристроен к дому, и не существовал ли первоначально рядом с крытым двором также и открытый двор с оградой.

К району Великого Устюга относятся сведения о 39 крестьянских усадьбах, из которых 19—XVI в. (с 1526 г.), 19—XVII в. и одна — начала XVIII в.[1] Часть описаний этих усадеб неполные.

На протяжении почти всего XVI в. здесь прослеживается примерно тот же тип усадьбы, что и в тверских, новгородских и вологодских селениях. Дворовые ограды вовсе не упоминаются. Четыре избы названы наземными, но и под остальными тоже не указано никаких помещений. К 4 из 18 изб были пристроены «пристены», остальные представляли однокамерные строения. В 14 дворах указаны сенники, почти все на подклетах, и в 4 дворах — клети, все наземные. Трижды упомянута «конюшня с сенницей» или «сенница с конюшней», других построек для скота не указано.

Из прочих строений отмечены овины на огумennиках, житницы и бани. Как и в тверской писцовой книге, резко выделяются описанные в 1570-х годах три однодворные деревни, хотя и несомненно крестьянские, но по количеству и составу построек и помещений более похожие на помещичьи дворы среднего достатка даже с домовыми часовнями (однако без оград).

В 1596 г. описана усадьба, где еще нет ясно выраженного крытого двора, но уже почти все помещения соединены между собой, по-видимому, поставлены вплотную в два ряда. При этом наземная изба втиснута между прочими явно двухэтажными (на подклетах) помещениями. Последнее было бы затруднительно при наличии общей крыши над всем комплексом, комбинация же из нескольких двускатных крыш здесь еще менее вероятна из-за осложнений с водо- и снегоудалением. Возможно, что здесь имеется в виду комбинация из нескольких разновысотных срубов с односкатными крышами, составленных скатами врозь. Такой прием

---

[1] П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. «Материалы и исследования по археологии СССР»; № 65. М., 1959, рис. 10—16.

[2] Б. Д. Греков. План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.

[3] Подробно изучены и частично реконструированы Г. Г. Громовым («Альбом Мейерберга...», стр. 168—170).

[1] Акты юридические..., акты № 290—2, 3, 4. Опись старинного крестьянского имения в XVIII в. «Известия Археологического общества» т. 3, вып. 1. 1861, стр. 61; Променная запись 1683 г. «Русская старина», т. 39, № 8, 1883, стр. 439; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, т. 4. М., 1898, стр. 82; т. 5; М., 1899, стр. 151; И. Суворов. Шестой выпуск описания собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном древнехранилище. Вологда, 1903, акты № 651—653, 658—660, 667—669, 679, 687—691 и 421-в; В. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия. «Сборник Российской Публичной библиотеки». Петроград, 1924, акты № 11 и 24. Последний акт М. В. Витов (Указ. соч., стр. 136) цитирует по другой, более поздней публикации и ошибочно относит его к южной части Европейской России.

[1] Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. I. «Русская историческая библиотека», т. 12. СПб., 1890, разд. Б, акты № 58, 81, 90, 103, 117, 219 и 250; там же, кн. 2; там же т. 14; Спб., 1894; разд. Б, акты № 41, 46 и 67, там же, кн. 3, там же, т. 25, Спб., 1908; разд. А, акты № 57, 80, 110 и 231. Сборник... П. И. Щукина, ч. 2. М., 1897, стр. 155; М. Богословский. Земское сумоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1 .М., 1909, стр. 158 и приложение, акт № 6; В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. ч. 1, Великий Устюг, 1912, акты № 31, 56, 57, 59, 63, 64, 77, 92, 95, 99, 101, 103—105 и 148.

вплоть до начала XX в. был весьма характерен для коми-зырянских усадеб.[1]

В 1634 г. подробно описан связанный с избой через «передмостье» «сарай на 7 столбах, а столбы в отрубе десять вершков», причем пространство между столбами было забрано заплотом «до верхные повети» и эти стены в виде заплота продолжались еще выше «повети», до крыши, покрытой драницами по слегам. Это почти законченный северно-русский двухэтажный крытый двор.

Далее до конца XVII — начала XVIII в. такие сараи и различные их детали упоминаются в великоустюжских актах многократно. В ряде случаев сарай располагался между избой и сенником, в 1648 г. описана усадьба даже с двумя крытыми дворами по обе стороны избы, с сенниками в концах. За пределами этих крытых комплексов уже никаких отдельных сооружений (кроме огуменников) не упоминается. Об избах сведений мало, но в 1672 г. еще упоминается изба поземная, связанная с сенником на подклете и двухэтажным двором.

Таким образом, в этом районе северно-русский тип усадьбы сформировался в основных своих чертах довольно быстро, в течение первой трети XVII в., лишь о распространении высоких подызбиц нет сведений.

К району Холмогор и Архангельска относятся сведения о пяти усадьбах XV в., крестьянская принадлежность которых, однако, не бесспорна[2] и о 76 несомненно крестьянских усадьбах, из которых 16—XVI в. и 60—XVII в. (до 1694 г.)[3]. Документы и описания их очень разнородны, большей частью неполны, но ряд выводов по ним все же можно сделать.

В актах XV в. упоминаются избы, клети (одна из них — на подклете), сенники, овин— постройки, покупаемые и продаваемые по отдельности.

Среди усадеб, описанных в XVI и XVII вв., многие похожи на вологодские и великоустюжские, но в целом картина получается несколько иной. Если в рассмотренных выше районах на каждую усадьбу приходилось редко более одной клети или одного сенника, причем сенники встречались не реже, а местами и чаще, чем клети, то здесь клетей было в среднем столько же, сколько изб, а в отдельных дворах и значительно больше — до 6 клетей при одной избе; сенников же упомянуто всего 21— в 17 дворах из 76, причем к концу XVII в. сенники становятся редкостью.

Изба уже в начале XVI в. имела размер 3 сажени, сохранившийся и впоследствии. Нередко в избе выгораживалась комната («шеннуша», «щегнуша»). Но при этом изба оставалась поземной[1], лишь в 1669 г. отмечена изба «на подполье», а в 1693 г. — «на жилом подклете». Долгое сохранение поземных полов связано с кормлением и содержанием скота в избе, так, в 1586 г. упомянут «бычек на привязи в избе». В то же время прослеживается процесс постепенного разделения функций жилой избы и специальной скотной избы, которая в 1691 г. уже прямо названа «изба скотиная». Как известно, скотные избы существовали в северно-русских усадьбах вплоть до начала XX в.

33 клети из 63 упомянутых размещались во втором этаже, в том числе 25 — на подклетах, прочие — на хлевах, «на столбех», «на подполье»; одна названа «посемная». Из 21 сенника 10 стояли на хлевах, 7 — на «подсенничье», 2 — на подклетах, под двумя сенниками помещений не указано. Как клети, так и сенники нередко устраивались попарно (один сруб «с перерубом») над одним или двумя нижележащими помещениями.

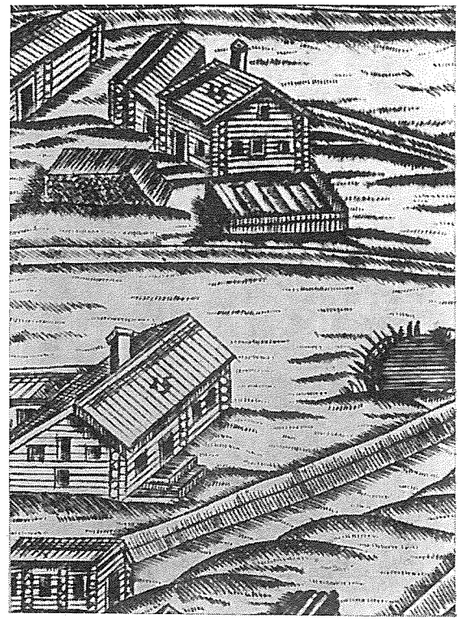
Отмечено 44 хлева, в том числе 19 так или иначе связанных с другими помещениями, чаще всего под сенниками. Упомянуты также 2 «стаи» (из них одна — «стая конюшно»), «наличной конюшник», бани, овины, житницы, амбары, «гумно крытое».

Все эти помещения в ранних актах, например в одном из актов XV в. и в акте 1532 г., описаны определенно как отдельно стоящие строения. По-видимому, до начала XVI в. крестьянская усадьба представляла собой здесь такую же группу несвязанных однокамерных построек, какие в других рассмотренных местностях сохранялись в течение всего XVI столетия. Однако в другом акте того же 1532 г. указан «сеньник и сараем» (сенник и с сараем?), а в 1541 г. «сараи на двух хлевах». Видимо, формирование крытого двора здесь в это время уже шло.

Далее постоянно упоминаются сараи, нередко большие, но не вполне ясно, когда эти сараи стали двухэтажными, когда их начали пристраивать к домам и т. д. По фрагментарным описаниям видны, например, такие детали, как «около двора заплотины и с кровлею, и с жердьем, и с поветью» (1583 г.), или «к-ызбе ж нижнои повети конец» (1586 г.; надо думать, что если поветь названа нижней, то имелась и верхняя). В 1612 г. описан «сарай на шти столбах во дворе, да и со всеми заплоты, что круг того двора», и, наконец, в 1615 г. уже вполне определенно «сараи над двором». Вместе с тем из одного акта 1585—1586 гг. довольно ясно видно, что сарай хотя и имелся, но перекрывал еще не всю площадь двора, а лишь примыкал к одной из его сторон, огороженной «заплотинами», — нечто похожее на один из вариантов коми-пермяцкой усадьбы конца XIX — начала XX вв., где имелись одновременно и крытый, и открытый дворы.[1]

После 1615 г. усадьбы с крытыми дворами встречаются часто. В 1633 г. несколько юго-западнее рассматриваемого района, в Нижмозерской волости, описана усадьба с крытым двором, пристроенным к длинной стороне жилой связи.[2] Но в большей части актов вплоть до конца XVII в. нет ясных указаний ни на соединение крытого двора с домом, ни на двухэтажное устройство этого двора.

Двухскатное покрытие двора, обычное для XIX—XX вв., по-видимому, тоже появилось не сразу. В 1674 г. оно особо упомянуто как нечто не само собой разумеющееся, и даже в середине XVIII в. около Соловецкого монастыря была зарисована крытая на два ската поземная изба с пристроенным к ней крытым двором с односкатной крышей (рис. 2)[1]. Вообще, есть основания думать, что упомянутый принцип соединения срубов, покрытых односкатными крышами, впоследствии дольше всего сохранявшийся у коми-зырян, сыграл видную роль в образовании общей двускатной крыши над всем комплексом построек северно-русской усадьбы.

2. Фрагмент панорамы Соловецкого монастыря 1744 г.

Описания крытых дворов встречаются, по актам XVI—XVII вв., и в двух северных посадах — Холмогорах и Неноксе, причем первый такой двор отмечен в Холмогорах в 1553 г. («сараи во весь двор»),[2] т. е. раньше, чем первые более или менее ясно описанные крестьянские крытые дворы в этой местности. Однако ни

---

[1] В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. «Труды Института этнографии». Новая серия, т. 45. М., 1958, стр. 179.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949, акты № 175, 234, 262 и 271.

[3] В. И. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в севере. Спб., 1785, стр. 23 и акты № 25, 29 и 45; Акты юридические... акт № 19. Акты Холмогорской и Устюжской епархий... кн. I, разд. А, акт № 15; кн. 2, разд. А, акты № 38, 114, 140 и 168; кн. 3, приложение, акты № 269, 270 и 272; Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1, Петроград, 1922, акты № 68, 94, 173, 176, 177, 185, 186, 211, 236, 268, 289, 292, 395, 398, 420, 429, 430, 446, 451, 456, 458, 467, 478, 510, 518 и 527; т. 2, Л., 1929; акты № 29, 114 и 118; М. В. Клочков. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам. «Ростовский-на-Дону университет. Труды историко-филологического факультета». Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1945, стр. 71—74; Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. «Исторический архив», т. 8. М., 1953; акты № 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 23, 28—30, 32, 34, 48, 58, 67 и 76.

[1] Поземное устройство избы XVII в. подтверждается и археологическими данными по этому району: А. Брюсов. Селище XVII века «Верхняя Лоншенга» на Летнем берегу Белого моря. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. Т. 4. М., 1928, стр. 109—110, 117.

[1] М. Е. Успенская. Народное деревянное зодчество коми-пермяков. «Научные труды Ленинградского Инженерно-строительного института». Вып. 10. Л., 1950, стр. 82, 85.

[2] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 228.

[1] Д. Ровинский. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок... Спб., 1884, л. 3.

[2] Сборник грамот Коллегии экономии, т. 1, акт № 136.

в одном другом северно-русском городе или посаде, даже в Архангельске, судя по многим актам, крытых дворов ни в XVI, ни в XVII в. не было. Поэтому раннее появление таких дворов в Холмогорах и Пенксе свидетельствует, на наш взгляд, не о посадском происхождении дворов этого типа, а скорее о том, что эти дворы в середине XVI в. уже имелись у крестьян окрестных селений (хотя это и не нашло достаточно ясного отражения в крестьянских актах) и были заимствованы жителями названных посадов. Это тем более возможно, что оба этих посада были поселениями полусельского типа, развившимися из сел, с соответствующим характером занятий населения.

Законченный, классический северно-русский тип усадьбы с двухэтажным домом на жилом подклете и с двухэтажным крытым двором, охватывающим дом сзади и сбоку, впервые описан в 1693 г.

Из прочих известных нам северно-русских актов XVI—XVII вв. отметим акты, содержащие сведения о 20 крестьянских усадьбах в бассейне Ваги, почти все — XVII в. и большей частью неполные.[1] По трем описаниям, из которых самое раннее — 1612 г., видны крытые дворы неизвестной этажности. В некоторых избах имелись «шемнуши».

Единственное известное нам описание крестьянской усадьбы из бассейна Онеги относится к 1568 г. и изображает усадьбу в пригородном селении близ Каргополя, еще не имеющую крытого двора и похожую на великоустюжские усадьбы того же времени.[2] В трех актах второй половины XVII в. из района Тотьмы и одном из района Лальска крытые дворы уже отмечены[3]. Еще несколько актов, изданных без точного указания района, но относящихся к северной части Европейской России, в общем, подтверждают содержание остальных рассмотренных документов[1].

Остается разобрать некоторые материалы, касающиеся территорий, населенных карелами и коми-зырянами (о районе, населенном вепсами, материалов XVI—XVII вв. нет).

К неизвестному району Обонежской пятины относится акт XV в., из которого видно, что несколько смежных дворов были огорожены тынами[2].

В 1571 г. составлен «обыск» 82 запустевших и сильно пострадавших от военных действий крестьянских усадеб на Карельском перешейке в районе города Корелы (позже Кексгольм, ныне Приозерск)[3]. Хотя национальность крестьян не указана, а их русские имена говорят лишь о православном вероисповедании, но географическое положение района и почти исключительно финские названия селений позволяют считать, что перед нами — карелы, в то время еще не полностью вытесненные из этой местности. Усадьбы похожи на тверские, описанные в 1581 г. (немногочисленные разрозненные строения, без упоминаний о дворовых оградах), и отличаются от них отсутствием сенников (клети упомянуты), несколько бо́льшим распространением хлевов и наличием рига.

Далее, имеются сведения о 28 крестьянских усадьбах на территории современной Карелии (вероятно, как карельских, так и русских), из которых 8—XVI в. и 20—XVII в[4]. В пяти актах, с 1500 по 1578 гг., видим описания уже знакомого нам типа усадьбы с рассредоточенными строениями, с сенниками на хлевах и на подклетах, и без каких-либо признаков крытых дворов. Местная особенность — несколько более раннее появление жилых связей (изба, сени и клеть), в остальном усадьбы не отличаются от великоустюжских XVI в. В 1578 г. в Кемской волости, т. е. в сфере влияния русского Поморья, описана усадьба с большим крытым двором («сарай на 9 столбах»), но затем следует еще ряд актов, где опять нет упоминаний о крытых дворах. Только с 1600-х годов в карельских актах систематически отмечаются усадьбы с крытыми дворами, несколько упрощенные по сравнению с северно-русскими.

Об эволюции крестьянской усадьбы у коми-зырян мы имеем пока мало сведений. В нескольких актах начала XVIII в. из района Яренска, опубликованных лишь фрагментарно, содержатся описания усадеб с разрозненными или, во всяком случае, не полностью связанными строениями без ясных упоминаний о крытых дворах[1]. Лишь в 1771 г. И. Лепехин описал в районе Усть-Сысольска усадьбы с крытыми дворами северно-русского типа, но и он сообщал, что в этом районе дома были «отменнее пред другими селами», где еще господствовало «худое зырянское домостроительство»[2].

* * *

Итак, на всем обширном пространстве русского севера, на новгородских и на тверских землях до конца XVI в., а местами и дольше, существовал единый тип крестьянской усадьбы, с некоторыми местными вариациями. Только в низовьях Северной Двины в начале XVI в. уже шло формирование нового типа.

Этот общий для всей северной половины Европейской России тип усадьбы XVI в. был во многом близок к тому типу, который мы проследили по источникам конца XVII—начала XVIII в. в бассейне Оки и к югу от него[3]. Мы находим здесь такое же рассредоточенное размещение однокамерных и большей частью поземных строений и незначительное количество помещений для скота. Однако в северных, новгородских и тверских усадьбах в отличие от южных реже встречались дворовые ограды, наблюдалось иное количественное соотношение между избами и клетями, имелись сенники, для юга не характерные.

Слабое развитие дворовых оград объясняется, вероятно, особенностями политической и военной обстановки. В бассейне Северной Двины опасность внешнего военного нападения была меньше, чем в любом другом месте. На тверских и новгородских землях, и особенно в Карелии, внешняя военная угроза была более реальной, к тому же в верхнем Поволжье и на северо-западе существовало помещичье землевладение. Однако здесь надо учитывать, во-первых, иной, чем на юге, характер военной опасности: самодельные крестьянские тыны и заборы, эффективные против плохо вооруженных степных кочевников, были, конечно, бесполезны против польско-литовских, немецких и шведских регулярных войск. Во-вторых, закрепощенное крестьянство верхнего Поволжья и северо-запада Московского государства было, надо думать, экономически гораздо менее способно к возведению укрепленных дворов, чем южно-русское военно-служилое сельское население, самооборона которого поощрялась правительством.

Наличие дворовых оград у вологодских крестьян легко объясняется переходным характером этого района, где черносошное крестьянство северного типа существовало в соседстве с мелкими помещиками.

Причины различий в составе основных помещений между обоими типами усадеб пока не вполне ясны. Очевидно, в верхнем Поволжье и к северу от него в XVI в. уже не было того характерного соответствия между числом жилых построек и числом супружеских пар в семье, которое на юге сохранялось даже в начале XVIII в. Единственная клеть или единственный сенник — наиболее обычные постройки для исследуемых районов, вероятно, использовались подобно южно-русским клетям в качестве неотапливаемых жилых помещений, — это практиковалось повсеместно и в XIX в. Но это делалось, видимо, не столь систематически, как на юге, и главным жилым помещением (по крайней мере, зимой) здесь уже в XVI в. была изба. Это подтверждается и ее бо́льшими, чем на юге, размерами (3 сажени против 2—2,5 саженей, обычных для юга).

Пока неизвестно, когда появилось это различие в составе помещений между обоими типами усадеб. Не исключено, что раньше и на севере имелись усадьбы с большими группами клетей, может быть, пережитком именно этого явления было упомянутое увеличение числа клетей в низовьях Северной Двины по сравнению с другими районами.

Увеличение размеров избы и расширение ее жилых функций не означало, что из избы был удален скот. Помимо обязательного зимнего содержания молодняка, в избе не только ежедневно кормили вообще весь скот, но и постоянно держали зимой часть взрослых крупных животных. Это видно не только из приведенного упо-

---

[1] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. Спб., 1864, акт № 147—32; Акты XVII в. о Шеговарском приходе Шенкурского уезда. «Чтения в Обществе истории...» 1879, кн. 1, акт № 3; Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. 2, разд. А, акты № 208, 210, 220, 242, 243, 305, 313, 326, 368 и 369; К. Любарский. Крестьяне Архангельской губернии в XVII столетии. Архангельск, 1919, ч. 1, стр. 4; М. Романов. История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925, приложение, акт № 7. Сборник грамот Коллегии экономии, т. 2, акты № 225—5, 234, 244 и 256.

[2] Акты юридические... акт № 86.

[3] Акты, относящиеся до юридического быта..., т. 2, акт № 147—30; Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. 1, разд. Б, акты № 272, 274 и 291.

[1] М. Богословский, 1909, стр. 147—148; Архив П. М. Строева, акт № 374. К. Любарский, 1919, ч. 1, стр. 10; ч. 2, стр. 5, 9.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, акт № 289.

[3] Д. Я. Самоквасов, 1909, т. 2; разд. «Акты местного делопроизводства», акт № 28.

[4] Н. С. Шайжин. Старая Пудога с XIV по XVIII век. Петрозаводск, 1906, стр. 18, 35; В. Г. Гейман. Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941; акты № 43, 89, 110, 116, 188, 189 и 247; Р. Б. Мюллер, Карелия в XVII в. Петрозаводск, 1948, акты № 4, 11, 58, 116, 130, 202 и 204.

[1] Л. Н. Жеребцов. Опыты изучения крестьянского жилища народа коми. «Историко-филологический сборник», вып. 3; Сыктывкар, 1956, стр. 45—46.

[2] И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Ч. 3, Спб., 1780, стр. 239, 241, 272 и 275.

[3] А. А. Шенников. Крестьянские усадьбы XVI—XVII веков (средняя и южная части Европейской России). Сб. «Архитектурное наследство». вып. 14. М., 1962.

минания про «бычка», но и из того, что, например, в верховьях Пинеги так держали скот еще в 1870-х годах[1]. Несколько ранее это же отмечалось на севере Карелии[2], а в первой половине XIX в. такая же картина наблюдалась и в центральной Финляндии, где крестьянские усадьбы в то время были вообще похожи на русский тип усадеб XVI в.[3] Поземный пол и отсутствие сеней были, конечно, прямыми следствиями содержания скота в избе.

Независимо от того, в какой степени клеть использовалась в качестве жилья, основной ее хозяйственной функцией было, вероятнее всего, хранение зерна[4]. Назначение и происхождение сенника не совсем ясно, так как в XIX — начале XX в. не только назначение, но и местное произношение названия этого помещения успели измениться: в верхнем Поволжье имелись «сельники» или «спльники», служившие, как и клети, кладовыми и летними спальнями (а также спальнями для новобрачных), на севере же «сенник», как и слова «сарай» и «повить», обозначало верхний этаж крытого двора[5].

Но из рассмотренных источников не видно какой-либо существенной разницы между верхневолжскими, новгородскими и северными сенниками XVI в. Частое их размещение над помещениями для скота позволяет думать, что сенники, в соответствии с названием, служили прежде всего для хранения сена. Не исключено, что сенники на хлевах уже могли иметь взвозы, а также люки для сбрасывания сена как впоследствии в северно-русских дворах. В крупных феодальных усадьбах в центре и на северо-западе Московского государства сенники тоже располагались над конюшнями и хлевами[6].

[1] П. С. Ефименко. Материалы для этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 30. М., 1877, стр. 34.

[2] И. Поромов. Описание бывшего Кольского уезда. «Архангельский сборник», ч. 1, кн. 2. Архангельск, 1865, стр. 287—288.

[3] Например, G. Retzius. Finnland. Schilderungen aus seiner Natur, seiner alten Kultur und seinem heutigen Volksleben. Berlin, 1885; S. 76—79.

[4] Г. Г. Громов. Указ. раб., 1954 г., стр. 8.

[5] Отсюда — разноречивые гипотезы: Г. Г. Громов считает сенники XVI—XVII вв. пристройками к избам, что, однако, источниками не подтверждается; Е. Э. Бломквист сомневалась насчет единого происхождения «сельников» и «сенников» (указ. раб., стр. 178).

[6] На упомянутом плане Тихвина виден большой монастырский конюшенный двор, открытый сверху и обстроенный по периметру, причем над конюшнями надстроены сенники со взвозами.

Тверской «сельник» в конце XVIII в. назывался «сенником»[1] и даже в начале XX в. он устраивался, как и подобает именно сеннику, над помещением для скота[2], так что его происхождение от сенника не подлежит сомнению. Что касается северного «сенника», «сарая», «повити», то из рассмотренных актов достаточно ясно видно, что это помещение образовалось путем слияния одного или нескольких сенников над хлевами с «повитью» двухэтажного «сарая на столбах» при соединении этих построек и образовании крытого двора.

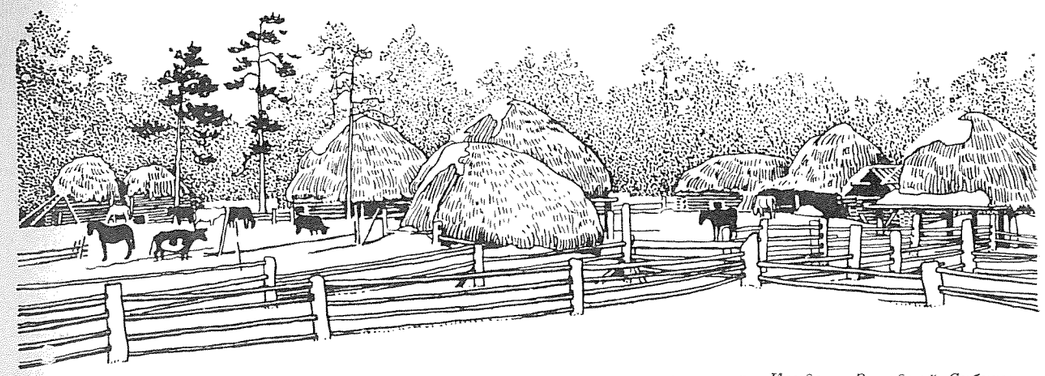
Как видим, вторая часть упомянутой гипотезы Сирелиуса об образовании двухэтажного крытого двора из сенного сарая, поставленного на хлев, в общем, подтверждается. Надо добавить, что, во-первых, наряду с этим путем формирования двухэтажного двора, существовал, возможно, и другой путь — от одноэтажного навеса, через одноэтажный крытый двор к двухэтажному двору (во всяком случае, рассмотренные материалы этого не исключают); во-вторых, процесс шел не только у финно-угорских народов, но и у русских, и, более того, данный этап эволюции от сенника на хлеве до крытого двора происходил у русских раньше, чем у финно-угров.

Первая часть гипотезы Сирелиуса — о развитии сенного сарая на хлеве из помоста для сена—более спорна, особенно в отношении русских. Однако некоторые факты заставляют отнестись к этому вопросу со вниманием. Прежде всего, малое распространение животноводческих построек ясно показывает, что на значительной части рассмотренной территории до конца XVI в. (а несколько ранее, вероятно, на всей Руси вообще) у русских крестьян еще было широко распространено открытое зимнее содержание скота, а следовательно, были нужны и соответствующие устройства вроде упомянутых помостов.

Далее, выясняется, что в Западной Сибири до начала нынешнего столетия скот содержался зимой открыто не только и не столько у хантов (у которых скотоводство было вообще очень слабо развито), но главным образом у русских крестьян-старожилов, предки которых пересе-

[1] Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 г. Тверь, 1873; стр. 27, 87, 122 и 132.

[2] М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, стр. 46; Л. И. Песселеп. Постройки Бежецкого уезда. Тот же сборник, стр. 113.

3. Помосты для сена и хлевы с сеном на плоских крышах у хантов на р. Конде в Западной Сибири

лялись в Сибирь в XVI—XVII в., притом главным образом именно с севера Европейской России. У них имелись сооружения, представлявшие различные стадии развития животноводческого строительства, в том числе и просто загоны, и помосты, и простейшие хлевы с плоскими крышами, на которые, как и на помосты, накладывали сено[1].

Наконец, есть основания думать, что сенницы, упоминаемые в тверских и великоустюжских актах, представляли собой промежуточную форму между помостом и сенником на хлеве. Слово «сенница» употреблялось, вообще, в смысле «сеновал», но вместе с тем это было отдельное сооружение[2] (рис. 3, 4, 5, 6, 7, 8)[3].

[1] O. Finsch. Reise nach West-Sibirien im Jahre, 1876. Berlin, 1879; S. 353, 357, 573—574; Н. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края. «Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества», кн. 1, Омск, 1879, стр. 6—7; С. Швецов. Очерк Сургутского края. Тот же сборник, кн. 9, Омск, 1887; стр. 18—19, 53 и 64; С. Патканов. По Демьянке. Тот же сборник, кн. 16; вып. 2—3, Омск, 1894, стр. 24; Х. Лопарев. Самарово, село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896, стр. 137; K. F. Karjalainen. Ostjakkeja oppimassa. — «Suomalais — ugrilaisen seuran aikakauskirja», XVII; Helsingissä, 1900; S. 61—62; Л. Шульц. Салымские остяки. «Записки Тюменского общества научного изучения местного края». Вып. 1. Тюмень, 1924, стр. 173—175.

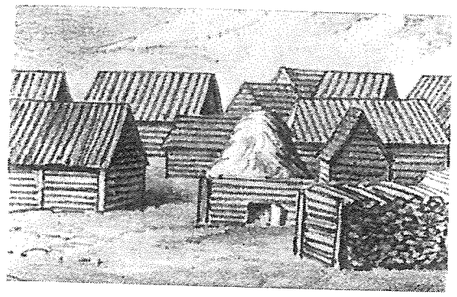
[2] Так изображена сенница в «Домострое». В одном из поздних списков этого сочинения сенница в переводе на язык XVIII в. названа «сеновалом» («Домострой» по Коншинскому списку и подобным. Кн. 1. М., 1908. стр. 54 и 61; кн. 2, М., 1910. стр. 89). До начала XX в. в Бежецком уезде сеновал над одноэтажным крытым двором назывался «сильницей» (Л. И. Песселеп, 1926, стр. 113).

[3] Рис. 3 — из K. F. Karjalainen, указ. соч., 1900; Рис. 4 — из O. Finsch, указ. соч., 1879; Рис. 5 — из кн. Y. Blomstedt, V. Sucksdorff. Kereliche Gebäude und ornamentale Formen..., т. 1, Helsingfors, 1902, Abb. 11; Рис. 6 и 7 — из кн. U. Ullberg, A Tavastjërna, J. Kekkonen. Kansanomaisia rakennustapoja ja koristemuotoja Karjalasta... Helsingissä, 1929, kuva 39, 114; Рис. 8 — из T. Vuorela, указ. соч., 1960, kuva 79.

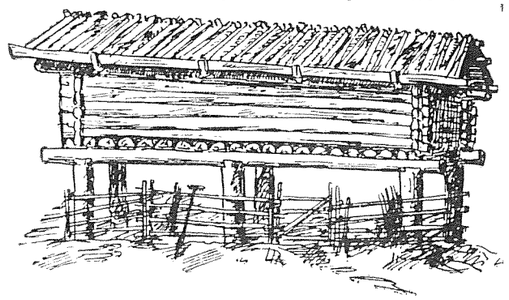
Северная, новгородская и тверская крестьянские усадьбы XVI в., за исключением лишь усадеб в районе Холмогор и Архангельска, представляется как группа отдельных невысоких строений на участке, обнесенном лишь легкой изгородью, иногда с овином и другими постройками на огуменнике позади двора. Поземная изба без сеней, по-видимому, мало выделялась среди прочих строений, зато сенник на подклете или хлеве был самым высоким и заметным сооружением в усадьбе. Для графической реконструкции этой усадьбы у нас, к сожалению, еще недостаточно данных.

Из этого типа усадьбы в начале XVI в. стал формироваться новый тип, ставший в конце концов северно-русским типом XIX—начала XX в. За отсутствием сведений по ряду районов мы пока не утверждаем категорически, что новый тип распространился именно из низовьев Северной Двины, но, по имеющимся данным, это кажется вполне вероятным.

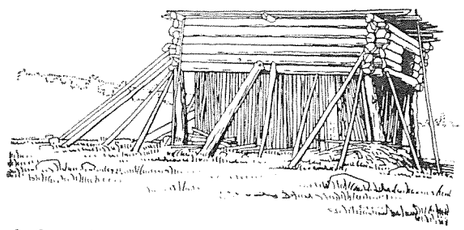
Общие предпосылки и причины развития нового типа довольно ясны. Во-первых, огромное значение должна была иметь произведенная в конце XV в. ликвидация новгородского боярского землевладения на севере, вследствие чего северно-русское крестьянство оказалось во многих отношениях в более благоприятных условиях, чем крестьянство других областей. Этим же обстоятельством, а также географическим положением местности было обусловлено и ослабление военной опасности, что тоже способ-

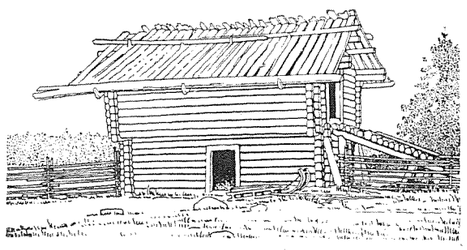
4. Фрагмент панорамы г. Обдорска 1876 г.

5. Сенной сарай на столбах в западной части Карелии, конец XIX в.

6. Сенной сарай на столбах в западной части Карелии, конец XIX в.

7. Сенной сарай на конюшне в западной части Карелии, конец XIX в.

ствовало развитию самого сложного и совершенного из всех типов русской крестьянской усадьбы.

Во-вторых, важнейшим фактором было сильное развитие животноводства в хозяйстве северно-русских крестьян, потребовавшее больших помещений для скота.

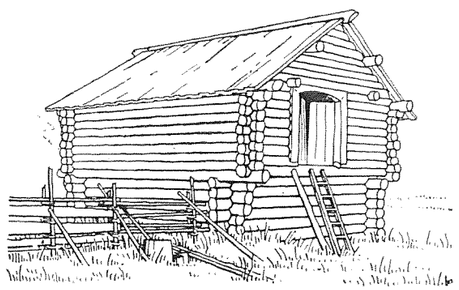
В-третьих, сыграли свою роль и климатические условия, на что уже обращали внимание многие авторы.

Этапы формирования двухэтажного крытого двора уже рассмотрены выше. Остается подчеркнуть, что жилая часть усадьбы в течение XVI—XVII вв. оставалась очень простой, развитие избы в ширину шло не далее выделения «шемнуши», высокие подызбицы появились лишь к концу XVII в. Более того, даже в конце XVIII в., по статистическим данным, в Архангельской губернии крестьянские дома с количеством жилых помещений более двух (не считая «шемнуши») составляли всего 2,4% от общего числа домов[1].

Очевидно, огромные многокомнатные двухэтажные дома, которые принято считать как характерные для северно-русского типа усадьбы, относятся большей частью уже к эпохе быстрого развития капиталистических отношений в северной русской деревне, и следовательно, несостоятельны попытки усматривать в этих домах влияние посадского и феодального зодчества донетровского времени. В XVI—XVII вв. такие влияния могли иметь место только в очень малочисленных усадьбах богатейшей верхушки крестьянства (что мы и видели в тверских и великоустюжских актах XVI в.).

Не выдерживают критики и все версии о новгородском или еще более раннем происхождении северно-русского типа усадьбы в целом.

[1] Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (Итоги подворной переписи). Архангельск, 1916, таблицы.

8. Вепсский сарай для сена, начало XX в.

Этот тип не имел с Новгородом ничего общего, кроме единого первоисточника — описанного выше типа усадьбы XVI в. Но и последний тоже еще нельзя назвать новгородским, ибо его ареал простирался далеко за пределы новгородских земель, и точные границы его распространения пока еще не ясны.

В целом северно-русский тип усадьбы по своему происхождению является именно северно-русским и крестьянским, сложившимся в эпоху Московского государства, в эпоху расцвета самобытной культуры северно-русского крестьянства, освобожденного от новгородской боярщины[1].

[1] Сказанное относится лишь к общей композиции всей усадьбы, из чего не следует, что в формах отдельных построек, в конструкциях или в украшениях не могло быть разнообразных древних традиций или сторонних влияний.

* * *

В заключение следует отметить, что до сих пор гипотезы о древности типов крестьянских усадеб и построек основывались на предположении о некоей исключительной консервативности всякого крестьянского зодчества вообще, в том числе и русского. Г. Г. Громов подверг эту концепцию критике, но его материалы были еще недостаточны для решения вопроса. Теперь мы видим, что Г. Г. Громов, при спорности отдельных его мнений о деталях, прав в главном: русское крестьянское зодчество не было столь косным и застойным, каким его принято считать. В XVI и XVII вв. формы этого зодчества изменялись столь же непрерывно и быстро, как и впоследствии. Нет оснований сомневаться, что подобное же развитие происходило и до XVI в.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО ЗОДЧЕСТВА

ХАРЛАМОВА А. М.

В конце XVIII в. интенсивное сельское строительство в России, а также растущая убыль леса вызвали поиски новых строительных материалов и конструктивных приемов для создания в сельской местности прочных, теплых, дешевых и огнестойких зданий. В этой области много потрудился архитектор Н. А. Львов[1]. Его многолетний опыт, приобретенный в процессе строительства усадеб, помог ему создать в 1797 г. проект первой в России школы «казенных» сельскохозяйственных кадров, в том числе и строителей.

На протяжении XVIII в. сельское хозяйство в стране прогрессировало главным образом на основе опытов отдельных лиц в собственных имениях. Эта деятельность отчасти направлялась Вольно-Экономическим Обществом (с 1765 г.) постановкой различных задач по улучшению сельского хозяйства и выдачей за их решения премий[2]. По «казенной» линии тоже кое-что предпринималось в этом направлении: в 1760-х годах «...Екатерина II возымела мысль, чтобы сельские священники, изучив рациональное земледелие, распространили свои познания между народом: для этой цели она предписала выбрать лучших учеников из Киевской духовной академии и послать их в Англию изучать агрономию»[3]. В числе их был отправлен в Англию некий А. А. Самборский. На рубеже XVIII—XIX вв. назрела потребность иметь более крупные опытные базы (опытные участки Вольно-Экономического общества). В этом же плане начинала вести работы Экспедиция Государственного Хозяйства.

Под Петербургом, близ деревни Тярлевой на земле «ведомства города Павловского»[1] основывается «Практическая школа земледелия и сельского хозяйства... для поправления и усовершенствования оных во всем пространстве империи»[2]. Руководство школой было возложено на члена «Экспедиции Государственного Хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства» А. А. Самборского, дом которого находился на территории школы[3] (рис. 1). В разработке опытных зданий сельскохозяйственного назначения, как свидетельствуют их чертежи[4], живое участие принимал архитектор Н. А. Львов[5]. Близкие деловые связи между Самборским и Львовым (тоже членом Экспедиции Государственного хозяйства), установившиеся еще в начале 80-х годов в процессе создания Александровой дачи[6], расположенной невдалеке от школьного участка, делают понятным их сотрудничество и в этом случае. В 1797 г. Н. А. Львов длительное время живет в Павловске[7], что очевидно связано с работами по устройству школы.

В конце лета 1797 г. (Указ от 21 августа)

[1] М. В. Будылина, О. И. Брайцева, А. М. Харламова. «Архитектор Н. А. Львов». М., 1961.

[2] А. И. Ходнев. История Имп. Вольно-Экономического общества с 1765 по 1865 год. Спб., 1865.

[3] Н. К. Шильдер. Император Александр Первый... т. 1, Спб., 1897, примечание 74, стр. 228.

[1] ПСЗ, т. XXIV, № 18039 (10 июля 1797 г.) — о приписке деревень Софийского уезда Тярлевой и Липецы в ведомство г. Павловска.

[2] Положение практической школы земледелия и сельского хозяйства. Спб., 1798, стр. 2.

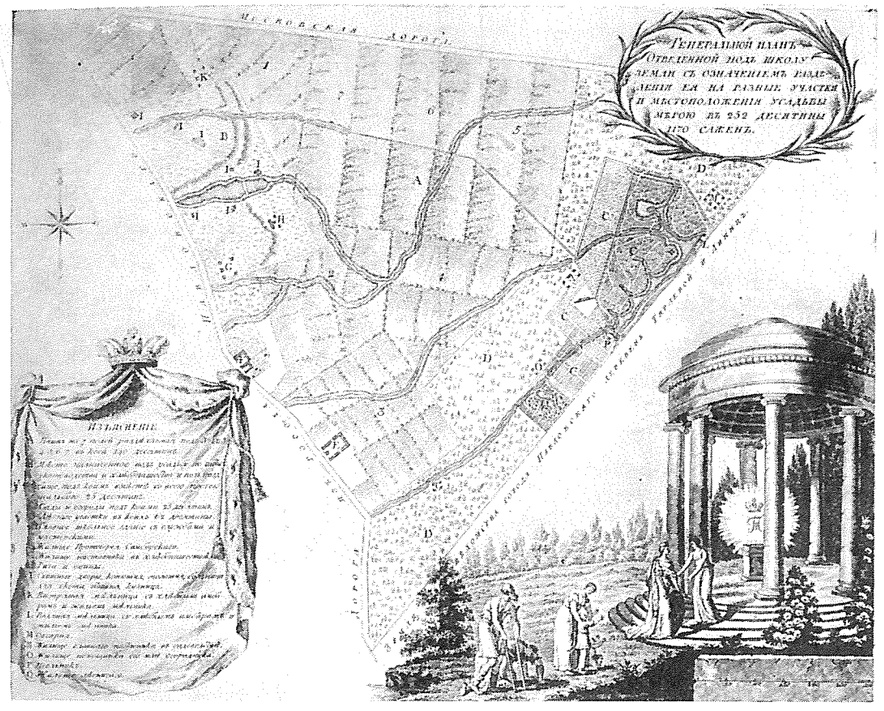
[3] Указ. «Положение...» табл. 1, под буквой *F* жилище протоиерея Самборского; по плану можно заключить, что это уже существующий комплекс. Его нет в числе вновь учреждаемых зданий.

[4] Приложение к выше указанной книге «Положение практической школы...», двадцать таблиц чертежей.

[5] Кроме Львова здесь проектировал Бакунин (проект опытной деревни и изб) См. Бакунин, Модест «Правила руководствующие к новому разделу и обрабатыванию полей с показанием нужных сельских заведений». Спб. 1800.

[6] «Архитектор Н. А. Львов». Указ. соч., стр. 17, 18 и стр. 91—94.

[7] Это обстоятельство дважды отмечает Державин в письмах к Капнисту. Первый раз в июне, в связи с устройством Львовым праздника в Павловске (Соч. Державина, т. VI, стр. 63) и затем в августе Державин пишет, что Львовы живут в Павловске.

1. Генеральный план школы практического земледелия и сельского хозяйства

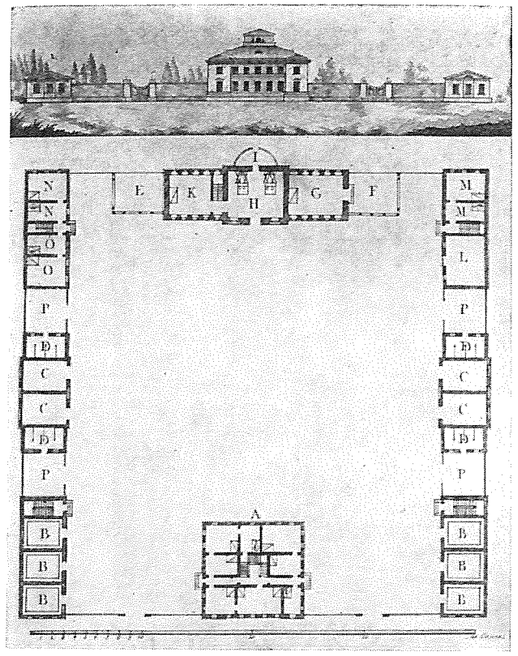
A — пашня, разделенная на 7 полей; *B* — место, назначенное под усадьбы скотоводства и хлебопашества; *C* — сады и огороды; *E* — главное школьное здание; *F* — жилище А. Самборского; *H* — рига и овины; *I* — скотные дворы, конюшня, „молошня“, больница для скота, „птишня“, кузница; *K* — ветряная мельница с хлебным амбаром и жильем мельника; *L* — водяная мельница с хлебным амбаром и жильем мельника; *M* — овчарня; *N* — жилище главного наставника в садоводстве; *O* — жилище огородника; *P* — пчельник; *Q* — жилище лесничего

Львов создает «казенное училище землебитного строения» в собственном имении Никольском[1] (б. Новоторжский уезд, Тверской губ.). Такое училище, видимо, первоначально намечалось и в самой школе в Тярлеве[2]. В «Положении» школы говорится, что «кроме деревянного строения яко обыкновенного в России, учинены будут различные опыты для показания как строить и из земли и глины не только скотные сараи[1], но и домы крестьянские; дабы сей образ строения введен был в употребление не только в тех губерниях, где не достает камня и лесу, но и там, где лес находится для нужного его сбережения. Також преподадутся надлежащие

[1] ПСЗ, т. XXIV, 1797, стр. 688.

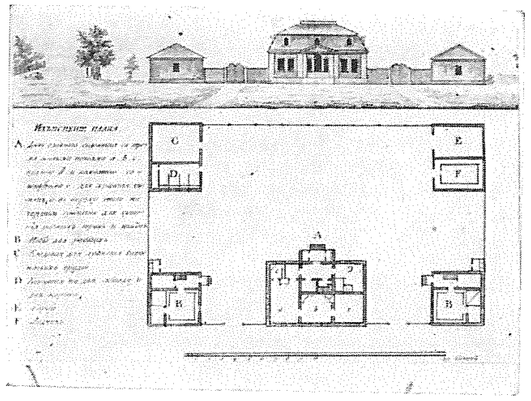
[2] В литературе есть указание на то, что Павел I предполагал учредить в 1798 г. в Павловске «государственное училище земляного строения под дирекцией самого Н. А. Львова» (Земляное строение в приоратском парке в Гатчине. «Строитель», 1895, № 24, стр. 7). Но изображение Екатерины II в аллегорической сцене на заглавном листе чертежей школы позволяет предположить, что школа была задумана еще во время ее царствования. Изображенная здесь же семиколонная ионического ордера ротонда перекликается с архитектурными мотивами Александровой дачи.

[1] Особое выделение скотных дворов можно считать указанием на то, что они уже были выстроены в Тярлеве и может быть являются тем отмеченным в указе об учреждении училища в Никольском землебитным комплексом, посредством которого Львов «испытав на деле представил нам (Павлу I) опыт оного в городе Павловском». ПСЗ, т. XXIV, 1797, стр. 689 (21 августа 1797 г.). Это подтверждают и чертежи самих зданий.

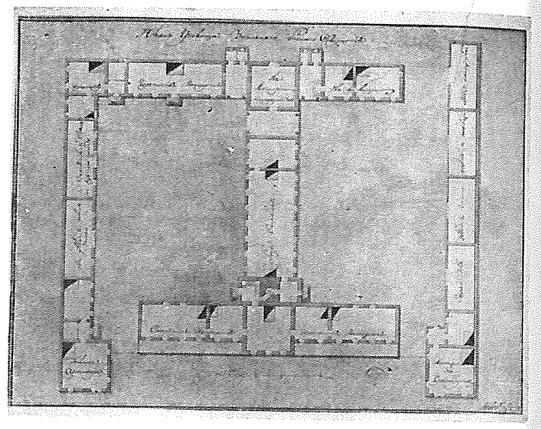

2. Главное школьное здание со службами и мастерскими

A — главный корпус, включающий жилища наставника по сельской архитектуре и механике, земского лекаря, переводчика; студентов и контору; *B* — шесть ледников; *C* — четыре сарая; *D* — четыре конюшни; *E* — лесной сарай; *F* — пильный сарай; *P* — столярная; *H* — кузница; *J* — чулан для углей; *K* — слесарная; *M*, *N*, *O* — жилища столяра, слесаря и кузнеца; *P* — сараи

3. Двор главного наставника в садоводстве

4. План училища земляного битого строения. Чертеж Н. А. Львова

практические и теоретические наставления относительно строения дорог, каналов и мостов...»[1] В этой части «Положение» почти дословно совпадает с текстом указа об училище «землебитного строения» в Никольском.

Основываясь на общности архитектурных приемов этих чертежей и проекта здания училища «земляного битого строения»[2], сделанного Львовым без указания предполагаемого места строительства, можно считать, что последний предназначался для школы в Тярлеве (рис. 2, 3, 4).

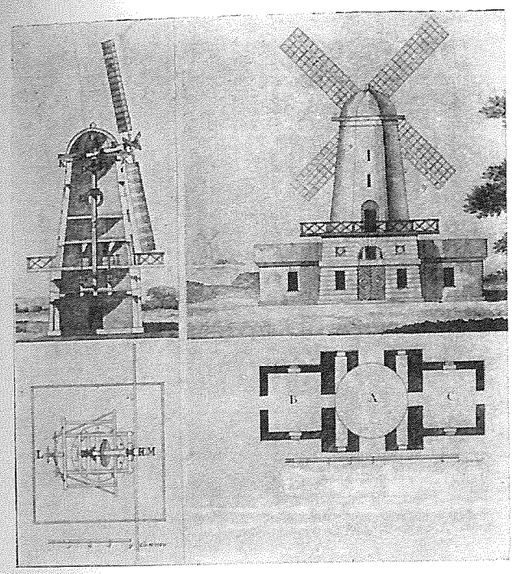
О сходстве школы в Тярлеве и училища в Никольском свидетельствует однаковый, основанный на опытном строительстве практический метод обучения, а также состав учащихся, которых предписывалось набирать главным образом из крестьян казенного ведомства, попеременно из разных губерний.[3]

Школа в Тярлеве была рассчитана на обучение подростков по трехлетней программе, которая включала опыты в хлебопашестве, садоводстве, лесоводстве, скотоводстве, сельской архитектуре и механике, «ограничивая сии последние науки на то, только, сколько крестьянину и приказчику необходимо знать должно для разного сельского построения». Таким образом, здесь должны были готовиться кадры специалистов в области сельского хозяйства,

[1] Указ. «Положение...», стр. 12.

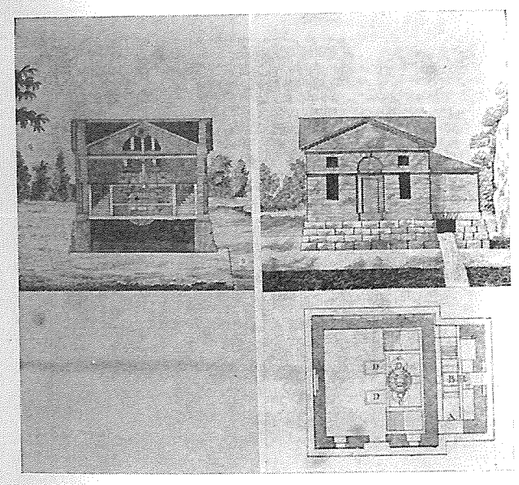
[2] Опубликовано в кн. «Архитектор Н. А. Львов», стр. 159.

[3] Могли быть приняты и ученики из господских людей с оплатой помещиком их содержания.

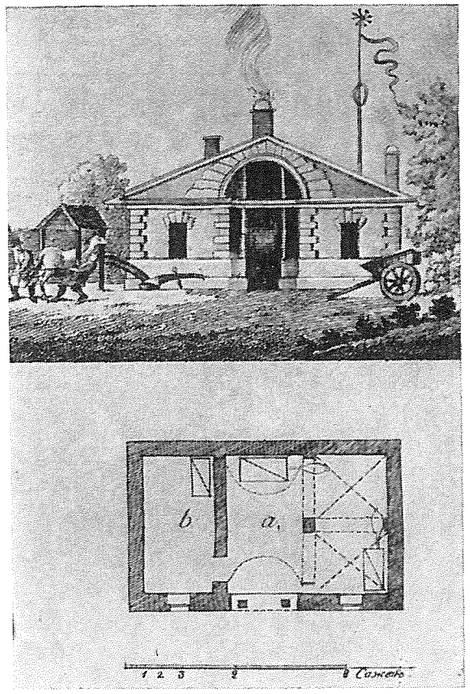
5. Ветряная мельница

A — помещение, из которого подается зерно для перемола; *B* — амбар для зерна; *C* — амбар для муки

6. Водяная мельница.

A — окно, через которое вода идет на колесо; *B* — водяное колесо, которое два постава камней приводят в действие; *C* — чугунная шестерня; *D* — ящик, в который просеивается мука

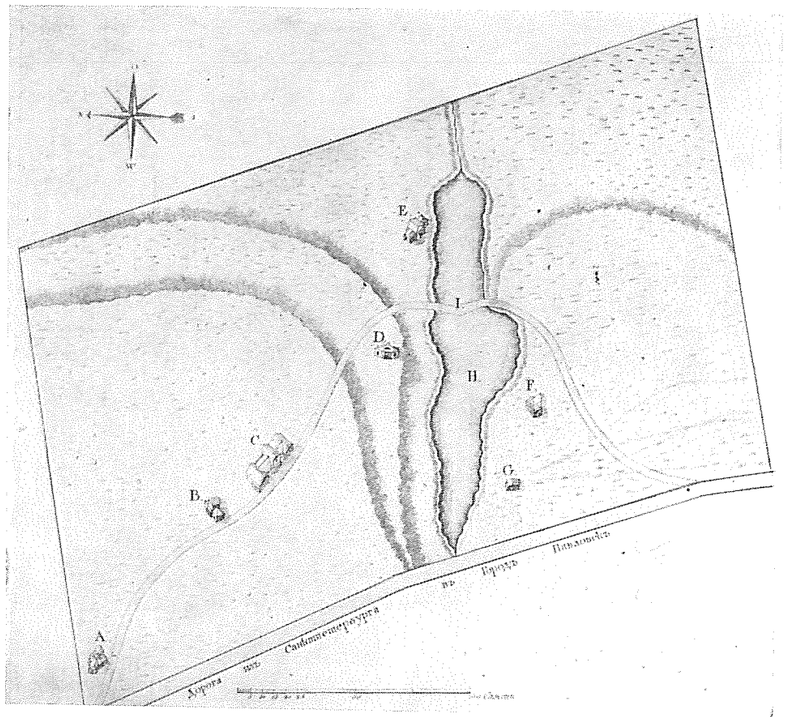

7. Кузница

a — кузница; *b* — мастерская

потребность в которых вызывалась развивающимися капиталистическими отношениями в деревне. Помещик все чаще стал пользоваться услугами приказчика.

Программа школы по объединенному разделу сельской архитектуры и механики основывалась на достижениях в строительстве усадеб последних двух-трех десятилетий XVIII в. Здесь предусматривались новые виды построек, такие, как больница для скота, сушило для семян, совмещенное с домом садовника, и др. Преподавание сельской архитектуры и механики одним наставником, как и распол жение при его доме кузницы, слесарной и столярных мастерских (см. рис. 3), указывают на широкий профиль сельского зодчего. Значительное место в «Положении» занимают близкие Львову вопросы гидротехники и пиростатики, а именно, «построение ветряных и водяных мельниц... искусство как делать прочные плотины и слюзы...» (рис. 5, 6). Удачное и часто оригинальное в функциональном отношении решение

8. Участок для строений по части скотоводства

A — конюшня; *B* — крестьянский скотный двор; *C* — дворянский скотный двор; *D* — «молошня»; *E* — больница для скота; *F* — «птишня»; *G* — кузница; *H* — пруд; *I* — плотина

опытных построек, их целесообразное размещение на территории школы (рис. 8) указывают на большие познания в этих вопросах автора. Особенно близки к известным нам усадебным постройкам Львова проекты кузницы (рис. 7) и конюшни (рис. 9), комплекс зданий водяной мельницы с зернохранилищем, подобным его собственному в Никольском[1] (рис. 10). Главный корпус школьного здания (см. рис. 2) задуман двухэтажным, «кубовидным», усадебного типа домом со световым фонарем в центре и в обычных для Львова размерах (9×8,5 саж. в плане). Чертежи выполнены гравером, но сохраняют манеру Львова.

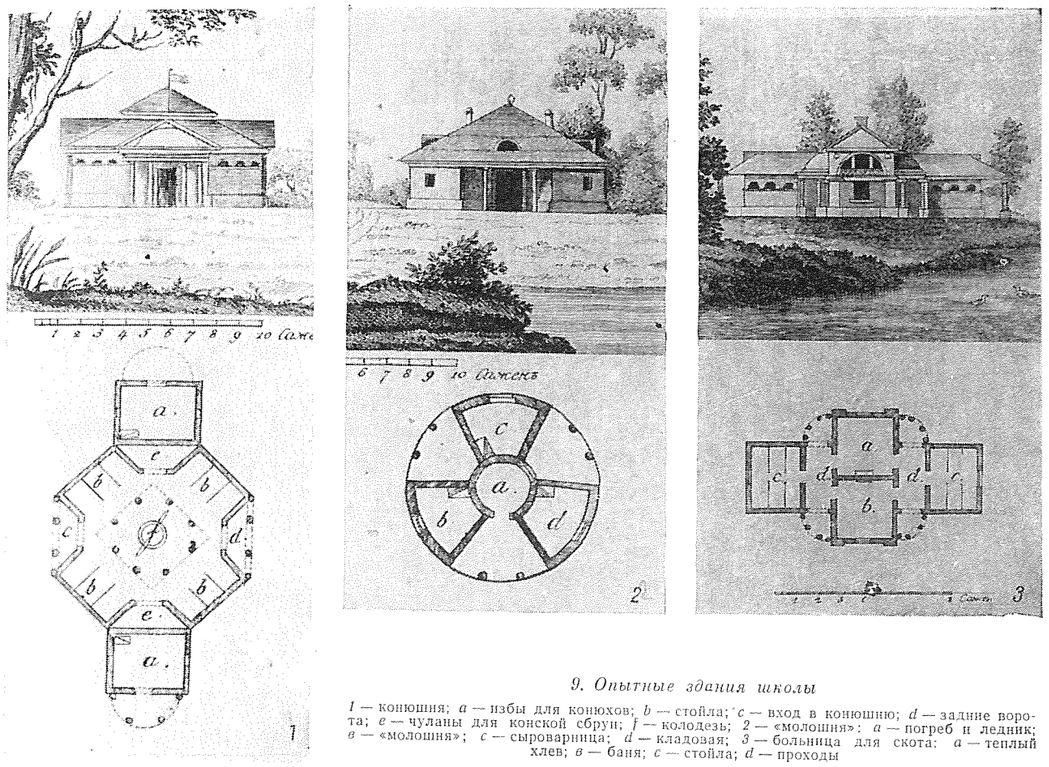
Отдельные звенья школьного комплекса были спроектированы на значительной по площади (252 десятины 1170 сажен) территории, пересеченной ручьями и оврагами. Генеральный план школы, планы участков, назначенных под пашню (140 дес.), под «усадьбу по части скотоводства (см. рис. 7) и хлебопашества» (25 дес.), под сады и огороды (25 дес.), под лес (62 дес.), а также чертежи отдельных зданий, выполненные с большим мастерством, дают представление об уровне развития сельского строительства на рубеже XVIII—XIX вв. — о приемах планировки, архитектурных формах, строительной технике и технологии сельских зданий.

Основной строительный материал учреждаемых зданий школы — дерево — в облике зданий не выявлен. Классические архитектурные формы, пришедшие в сельское строительство со строительством дворянских усадеб, часто нивелировали различие строительных материалов, оштукатуренных и обработанных под камень. Разрыв с традициями русского деревянного зодчества привел к тому, что попытки решить ряд сооружений в деревянных формах, например «Птишню», были неудачны. Более выразительными были чисто утилитарные деревянные постройки, такие как рига или овчарня (рис. 11).

Цельны и архитектурно выразительны проекты каменных и землебитных построек школы, таких, как кузница, больница для скота (см. рис. 9), комплекс зданий водяной мельницы. Ряд архитектурных элементов зданий школы указывает на новые стилистические приемы, развившиеся позже — в классицизме начала XIX в.

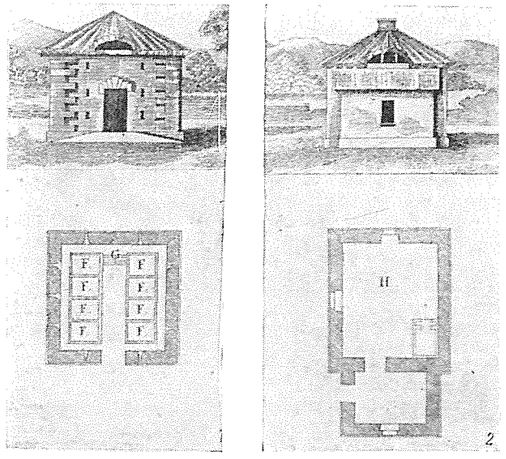
Архитектурному единству построек школы способствовал контраст строго симметричных, пространственно законченных зданий с общей живописной планировкой участка. Это наблю-

[1] См. в указ. книге «Архитектор Н. А. Львов», стр. 66.

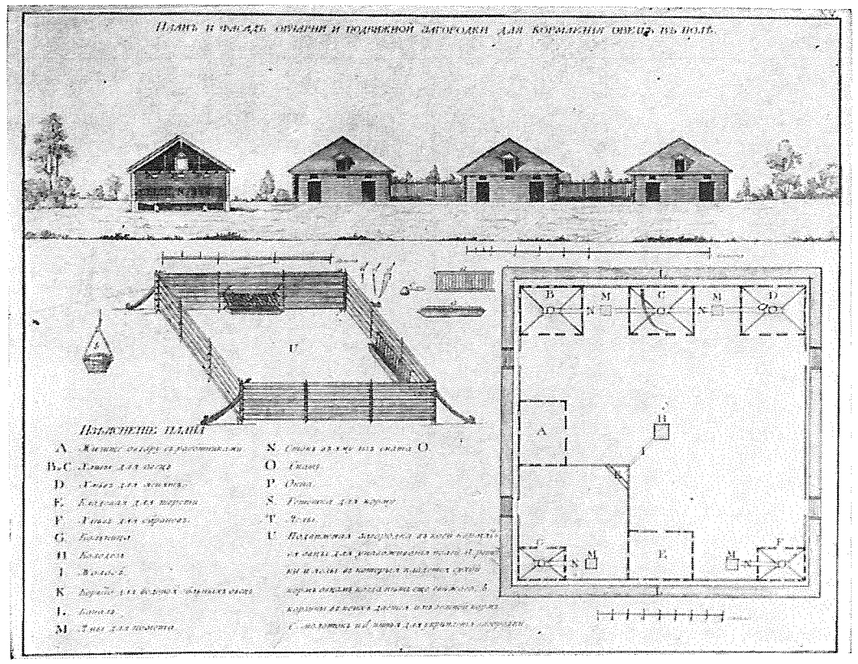
9. Опытные здания школы

1 — конюшня; *a* — избы для конюхов; *b* — стойла; *c* — вход в конюшню; *d* — задние ворота; *e* — чуланы для конской сбруи; *f* — колодезь; *2* — «молошня»: *a* — погреб и ледник; *в* — «молошня»; *c* — сыроварница; *d* — кладовая; *3* — больница для скота: *a* — теплый хлев; *в* — баня; *c* — стойла; *d* — проходы

10. Опытные здания школы

1 — зернохранилище: *F* — «закромы» для засыпки хлеба; *G* — лестница для входа на верх «закром» при сыпке в них хлеба; *2* — жилье для мельника

11. Овчарня

дается как в крупных элементах комплекса школы — замкнутых дворах с выделенным центральным корпусом, застроенных по периметру служебными зданиями (принцип центрального ядра дворянской усадьбы), так и в отдельных постройках, вплоть до классических павильонов живописного парка. В «Положении» давались указания, как «делать дорожки, пруды, каналы, мосты, беседки и пр. к увеселительным садам принадлежащие, которых достоинство и совершенство состоит в искусном подражании красотам и приятностям природы»[1], что характерно для усадебных парков конца XVIII в.

Очень широко задуманная школа практического земледелия в Тярлеве, видимо, не получила полного осуществления: первые шаги на пути перехода от экспериментов в отдельных хозяйствах к разрешению ряда сельскохозяйственных вопросов в общегосударственном масштабе сопровождались рядом трудностей и неудач, как, например, в создании опытных участков В. Э. О.[1] Эти трудности в создании школы и побудили Н. А. Львова создать на базе опытного участка своего имения в Никольском[2] казенное училище земляного битого строения. За трехлетнее существование училища через него прошло 815 учеников.

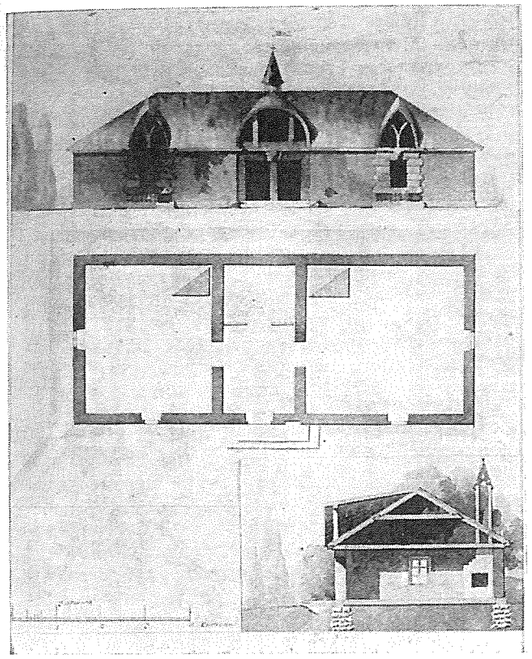
Живо интересовавшийся улучшением сельских зданий и крестьянского жилища — вопросом, стоявшим в это время и в Западной Европе[3], Н. А. Львов большие надежды возлагал на

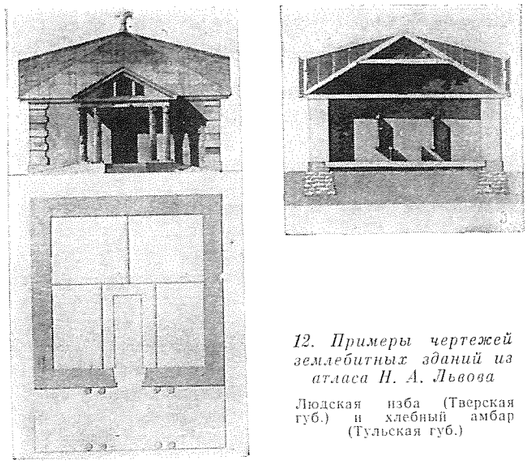
[1] Указ. «Положение...», стр. 9

[1] А. И. Ходнев. Указ. соч., стр. 273.

[2] В это время Никольское представляло собой прекрасный дворцово-хозяйственный комплекс, созданный в течение 80—90-х годов XVIII в. Здесь существовали постройки из всевозможных огнестойких материалов и в различных между собой сочетаниях. (См. в указ. книге «Архитектор Н. А. Львов», гл. III).

[3] M. Bohusz. Obudowli wlosciankiey Warszawa, 1811. В 1778 г. Петербургская академия объявила конкурс на самый простой и экономичный способ строительства огнестойких крестьянских домов. В 1788 г. Парижское общество сельского хозяйства поставило тот же вопрос. Во Франции в 1789 г. получило премию предложение архитектора Ф. Коантеро, который обстоятельно описал возведение землебитных домов. В 1790 г. он издал книгу, переведенную

12. Примеры чертежей землебитных зданий из атласа Н. А. Львова

Людская изба (Тверская губ.) и хлебный амбар (Тульская губ.)

строительство из грунта[1]. В период существования училища землебитного строения (1797—1803 гг.) в Никольском и на опытном участке училища — Тюхольской даче в Москве — было возведено большое количество землебитных зданий, в том числе земляная колоннада длиной около 50 сажен, землебитная башня, различные парковые сооружения, жилые и хозяйственные постройки. Вызывает интерес разноречивость в оценке этого вида строительства современниками, а также причины долговечности[1] или быстрой гибели[2] самих построек. Львов писал: «Земляное битое строение, как для удобности в постройке, так и для прочности своей требует почти особого рода архитектуры, хотя простой, но в простоте своей довольно красивой и прочной; почему опасаясь, чтобы господа губернские архитекторы, хотя впрочем искусные люди, не имея опыта в сем роде постройки, не прожектировали бы чего-нибудь такого, которое из сего грубого материала и выполнено быть не может, а тем самым не подвергнули бы неизвестного начала сомнительному концу, и не подали бы худого мнения желающим распространить сие художество о такой постройке, которая будучи с *точностью совершена* (подчеркнуто нами — А. Х.), целые века безвредно в целости пробыть определяется...»[3]. Тщательное выполнение ленточных фундаментов и цокольных рядов каменной кладки, исключавших перекос стен и обеспечивавших гидроизоляцию[4] *земли стен от земли,* было важным

на русский язык в 1794 г. («Школа деревенской архитектуры или наставление, как строить прочные дома о многих жильях из одной только земли или из других обыкновенных и дешевых материалов». Перевод А. Барсова. М., 1794). В книге Бокуша — разбор девяти ответов, полученных на подобный вопрос Обществом сельского хозяйства в Варшаве. Ответ под № 3 — о землебитном строительстве — мог быть сделан Львовым; анонимный автор, развивая идеи Коантеро, иллюстрирует работу своими рисунками (10 табл. чертежей с приложением чертежа печи для избы, удерживающей зимой тепло, а летом холодок) и показывает в себе писателя, не только основательно знающего материал, о котором пишет, но и литератора... Автор описывает способ определения годности земли, как ее готовить и трамбовать в формах и пр. (стр. 6).

[1] См. гл. «Землебитное строительство» выше указ. книги «Архитектор Н. А. Львов».

[1] Приоратский дворец в Гатчине, где работами руководил сам Львов.

[2] Строительство землебитных зданий в Литве, производимое учениками Львова. Bohusz. Указ. соч., стр. 8.

[3] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 11, д. 117, л. 257, об. 258. См. диссертацию Никулиной «Н. А. Львов — прогрессивный деятель русской культуры конца XVIII — начала XIX в.». Л., 1952, Приложение, стр. 223.

[4] Гидроизоляционным слоем мог быть слой бересты, как это было сделано в кирпичных зданиях в Никольском.

условием прочности землебитного строения. Насколько большое значение придавал Н. А. Львов этой части здания, свидетельствуют сохранившиеся до наших дней в Никольском основания землебитных построек, а также чертежи разрезов из атласа землебитных зданий, выполненного Львовым (рис. 12)[1]. В коротких аннотациях атласа отмечено, что постройка делается «из земли на каменном основании и под соломенною англицкою кровлею». Примечание к «реестру» атласа уточняет процесс строительства, указывая, что «большая часть означенных строений покрыты временными деревянными крышками, кои по осадке стен и по оштукатурке оных имеют быть перекрыты соломою, как изображены оныя в атласе». Толщина стен, выполненных при помощи переносных деревянных щитов, должна была быть не слишком большой, чтобы до наступления морозов стены могли совершенно просохнуть. Львов определил ее в 1 аршин.

Широкий объем знаний, который получали «земляного битого строения мастера»[2], был необходим при возведении стен из специфического материала, требовавшего определенного режима как в процессе строительства, так и при дальнейшей эксплуатации постройки.

Землебитные здания, несмотря на несомненные положительные стороны «жилья здорового и удобного»[1], чему способствовали равномерная температура внутри здания, доступность и дешевизна материала, огнестойкость, а при благоприятных условиях и быстрота постройки, периодически возрождаясь, не получили в России большого распространения. Этому препятствовали подверженность материала порче от сырости и перемены температуры, плохая работа материала стен на внецентренное сжатие, слабое сцепление с другими материалами, входящими в состав конструкций здания и, в частности, со штукатуркой, трудность ремонта, доступность «усилиям крыс и мышей» и, что самое важное, — это возможность катастрофы при незначительных погрешностях в производстве работ[2]. Приоратский дворец в Гатчине[3], в основном возведенный в три самых благоприятных месяца (с 15 июня по 12 сентября 1798 г.)[4] и при непосредственном участии самого зодчего, является, безусловно, произведением уникальным. И все же разработка методов землебитного строительства, связанная с поисками общедоступного , дешевого и огнестойкого строительного материала, и попытки расширения области его распространения являются одной из интересных страниц в истории сельского строительства в России.

[1] ГПБ О. Р. Эрмит, собрание, № 262. Атлас был сделан для преподнесения Александру I и заключал в себе 42 землебитные постройки, строившиеся в этот период в разных губерниях учениками Львова.

[2] В училище «земляного битого строения мастера» кроме возведения непосредственно построек из «земли» были выучены также:

«1-е. Делать сельские мосты по каналам из корней, кои не возвышают переезда, свободно пропускают воду и долгое время не требуют починки.

2-е. Подземныя водоводы для осушения мест не требующие поправки и сверх коих не только сенокосы, но и пашня быть может.

3-е. Крыть всякие строения соломою двумя образами с глиной и без глины.

4-е. Делать стропила, полы, а некоторые и печи.

5-е. Проводить каналы, слать дерном, делать дороги и сельские ворота, закрывающиеся сами собой».

ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 11, д. 120, л. 111, Записки 2 от 1801 г. о том, чему выучены ученики земляного строения. См. в указ. диссертации Никулиной. Приложение, стр. 137.

[1] Сельский архитектор, под ред. Заберковского А. Варшава, 1868, стр. 2.

[2] «Если бы случайно где и попала вода, терпеливое ожидание пока совсем не высохнет». Бохуш М., Указ. соч., стр. 7.

[3] См. в гл. «Землебитное строительство» в кн. «Архитектор Н. А. Львов».

[4] Земляное строение в Приоратском парке в Гатчине. «Строитель», 1895, № 24, стр. 7.

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАМЕННОМ ПРИКАЗЕ (1775—1782)

БУДЫЛИНА М. В.

Вопрос подготовки отечественных кадров, в том числе строителей, для удовлетворения основных потребностей государства был поставлен Петром I, но специальной архитектурной школы тогда не было создано. Подготовка кадров строителей велась в «архитектурных командах», где архитекторские помощники, гезели и ученики, состоя на службе, практически обучались на производстве под наблюдением архитектора.

Вопросы архитектурного образования были разработаны зодчими Еропкиным, Коробовым, Земцовым в известном трактате-кодексе 1737—1741 гг.[1] Их идеи начали отчасти практически осуществляться в Петербурге в архитектурной школе при Канцелярии от строений. Эта школа, возникшая в середине 40-х годов XVIII в., использовала опыт обучения в команде Земцова и его учеников[2]. Несколько позднее Д. В. Ухтомский создал в Москве правильно организованную школу, дававшую не только профессиональные навыки, но и теоретические познания по архитектуре. Школа Ухтомского, воспитавшая М. Ф. Казакова, А. Ф. Кокоринова и многих других, была закрыта в 1764 г.[3]

Недостаток в квалифицированных архитекторах и мастерах и необходимость создания национальных кадров в этой области особенно остро почувствовались в период больших градостроительных работ, развернувшихся по всей стране с 70-х годов XVIII столетия и возглавленных Комиссией строения Санкт-Петербурга и Москвы.

К этому периоду относится учреждение в 1775 г. Каменного Приказа в Москве, в обязанность которого входило: руководство застройкой Москвы согласно генеральному плану 1775 г.; заготовление и снабжение строительными материалами, главным образом кирпичом; подготовка архитектурных кадров в школе и штате Приказа; очистка рек для снабжения Москвы чистой водой и улучшения водного транспорта[1]. С первого же года существования в Каменном Приказе была организована подготовительная архитектурная школа с точной программой преподавания, со строго установленным регламентом, с определенным составом учащихся и преподавателей.

Хотя школа существовала всего семь лет и была упразднена вместе с Приказом в конце 1782 г., она оставила определенный след в подготовке отечественных архитектурных кадров и поэтому заслуживает внимания.

Школа Каменного Приказа состояла из двух классов: младшего и старшего. Воспитанники школы были в возрасте от девяти до шестнадцати лет и имели различную подготовку: одни были переведены из московской гарнизонной школы, другие из самоучек были обучены грамоте и письму и «по охоте своей» рисовали, наконец, в школу поступали и не окончившие разночинную гимназию при московском университете. По своему социальному составу большинство учащихся было из разночинцев: детей мелких канцелярских служителей и солдат, изредка из обер-офицерских детей, недорослей из дворян и лиц духовного звания. Этим школа Приказа отличалась от школы Д. В. Ухтомского, которая по преимуществу была дворянской.

По окончании курса наиболее способные школьники зачислялись в штат Приказа в ка-

[1] Д. Аркин. Должность архитектурной экспедиции. «Архитектурный Архив». I. М., 1946.

[2] Е. А. Борисова. Архитектурное образование в Канцелярии от строений во второй четверти XVIII в. Ежегодник Института истории искусств 1960 г. М., 1961.

[3] А. И. Михайлов. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954.

[1] О деятельности Каменного Приказа см. статью В. В. Шереметевского «Каменный Приказ и его дела», в кн.: «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции», т. VIII. М., 1891 г., рукописную работу М. В. Будылиной «Архитектурно-градостроительная деятельность в Москве в последней четверти XVIII — начала XIX в.», ч. I. М., 1951, хранящуюся в Институте теории и истории архитектуры и строительной техники.

честве архитекторских учеников, а затем производились в архитекторские помощники.

Некоторые документы фонда Каменного Приказа дают возможность судить о программе и объеме курса. Так, школьники младшего класса проходили русскую грамматику, арифметику, катехизис, рисование. В старших классах заканчивали русскую грамоту, письмо и грамматику, арифметику, обучались геометрии, продолжали рисование и прочерчивали «архитектуры пять орденов». Кроме того, школьники обучались истории, географии и прочим «словесным наукам». С течением времени программа занятий расширялась: были введены тригонометрия, французский язык, а к рисованию прибавлено гравирование. С 1780 г. в курс обучения было введено еще и пение.

Теоретическое обучение сочеталось с практическими занятиями. С весны 1780 г., когда развернулась строительная деятельность Каменного Приказа, потребовавшая мобилизации всех его сил, при выдаче разрешений на постройку и исправление частных домов, к обмерам и составлению планов были привлечены и некоторые старшие школьники[1]. Учащиеся проходили практику на казенных кирпичных заводах. Так, в документе от 16 июня 1780 г. говорится, что предписано школьников, состоящих в Приказе в количестве 33 человек, в текущее лето «обучать практике, а по удобности к тому оную производить большей частью на Усть-Сетунском каменном кирпичном заводе и в других местах»[2].

Учебный день в школе начинался с 6 часов утра и кончался иногда в 7 ч. вечера. Он протекал по строго установленному расписанию. По одному из сохранившихся расписаний уроков за 1778 г. узнаем, что главный архитектор Приказа Легран должен был обучать школьников старшего класса по 9 часов в неделю «рисовать орнаменты и барельефы и прочего, что относится до внешних и внутренних украшений»[3]. Капитан Розберг (в должности за архитектора) преподавал им «курс правил архитектуры со изъяснением оных на чертежах» также по 9 часов в неделю. Геометрию (по 9 часов младшим и по 24 часа старшим), историю, географию, грамматику и катехизис (по 6 часов в неделю на каждый предмет) преподавал бывший студент Костромской духовной семинарии Клериков. Архитекторский помощник И. Крылов должен был ежедневно обучать старших и младших школьников рисованию (по 18 часов в неделю).

Программа показывает, что школа Приказа стремилась дать не только узкопрофессиональное, но и общее образование, что характерно для второй половины XVIII в. в отличие от Петровского времени и середины столетия. Однако количество часов, отведенных на каждый предмет, говорит о преобладании математики (особенно геометрии) над гуманитарными науками, о большом внимании к рисованию, а также о введении в старшем классе специального курса по архитектуре.

Одной из мер к повышению успеваемости учащихся было учреждение для них общежития. Вопрос организации общежитий при учебных заведениях с зачислением воспитанников на казенное содержание и введение особого устава с твердым расписанием уроков и строгой дисциплиной для учащих и учащихся был выдвинут еще в 60-х годах XVIII в. М. В. Ломоносовым и являлся прогрессивным шагом в учебной практике того времени. Общежитие для учащихся, организованное при Приказе с весны 1777 г., постепенно расширялось и с приобретением Приказом собственного дома в 1778 г. и оборудованием специального флигеля для общежития число пансионеров было увеличено. В 1780 г. их значилось 33 человека.

Дом, в котором поместился Приказ со своей школой, представляет значительный интерес как памятник архитектуры XVII в. Он находится в Сверчковом переулке (№ 8) близ Покровских ворот, и в XVII в. принадлежал купцу Сверчкову, от которого перешел в начале XVIII в. к другим владельцам, а в конце 1778 г. был куплен Каменным Приказом и приспособлен в 1779 и 1780 гг. для его нужд[1].

День школьников Приказа был строго регулирован. Они вставали в 5 ч. утра и по удару колокола шли в классы в 6 ч. В 10 ч. всем учащимся (также и приходящим) выдавалось в классах по булке, обед в 12 ч., ужин — в 8 ч. вечера; спать ложились в 10 час. вечера.

В свободные часы им разрешались прогулки, но чтобы отнюдь не было «непристойных резвостей и непорядков, кроме позволительных увеселений»[2]. Домой разрешалось отлучаться лишь по билетам.

Введение особого обмундирования также должно было в известной степени подтягивать и дисциплинировать школьников, особенно за пределами учреждения.

Но школьная жизнь в Приказе имела и свои недостатки. Преподаватели, совмещавшие штатную службу в Приказе с учебной деятельностью, иногда пренебрегали своими педагогическими обязанностями. Главной же бедой была текучесть штатов Приказа. С уходом архитекторов Леграна и Розберга и их помощников состав преподавателей мельчал. Так, нанятый для обучения рисованию живописец Сердюков был «усмотрен в разных продерзостях, драках и других непорядочных поступках, особенно в пьянстве»[1] и был уволен. Этим пороком страдали и некоторые учащиеся, за что исключались из школы.

Случались и более серьезные проступки, вызывавшие суровые наказания. Так, один из школьников был обвинен полицией в написании фальшивых паспортов и, хотя он уверял, что снял копии с двух паспортов без всякого умысла, его приговорили жестоко наказать плетьми «в страх другим при собрании всех школьников», но ввиду несовершеннолетия провинившегося, он был высечен розгами и отослан в военную контору для зачисления в солдаты[2]. Другой школьник, недавно произведенный за хорошие успехи в архитекторские ученики, был исключен за кражу 18 руб. и также высечен и отправлен в солдаты[3].

* * *

Как указывалось выше, подготовка архитектурных кадров велась не только в школе, но и среди состоявших в штате Приказа архитекторских учеников и младших помощников, которые под руководством старших специалистов продолжали повышать свою квалификацию. Так, капитан Розберг, руководивший работами в чертежной Приказа, кроме наблюдения за исполнением текущих дел, обязан был «обучать архитектурной науке» прикрепленных к нему учеников. Трое учеников, состоявших «при сочинении прожектов у г. директора», должны были продолжать обучаться архитектуре у Леграна, возглавлявшего «сочинение фасадов и проспектов», наряду с другими приписанными к группе Леграна помощниками и учениками. У него же обучались архитектуре некоторые школьные преподаватели, например Алексей Клериков.

Следует сказать вкратце об основном педагогическом составе Каменного Приказа, чтобы иметь представление, что он мог дать ученикам.

Директор Приказа Петр Никитич Кожин, управлявший им с самого начала до его закрытия, проявил себя энергичным членом еще в Комиссии строения Исаакиевского собора, где он состоял с 1762 г. и сделал многое по отысканию строительных материалов близ Ладожского и Онежского озер; им были открыты некоторые ранее неизвестные в России породы[1]. С 1772 г. он был назначен членом Комиссии строения Москвы и Санкт-Петербурга, а с учреждением при ней в 1774 г. Отделенного департамента руководил его работой по составлению генерального плана Москвы и разработке проекта о кирпичных заводах и строительных материалах.

Не успев осуществить основную задачу Каменного Приказа по регулированию застройки Москвы согласно проекту 1775 г., Кожин сумел провести за последние три года существования Приказа огромную работу по снятию множества планов частных городских участков и целых улиц с указанием всех строений, что было необходимо при выдаче разрешений на переделку или на постройку зданий вновь[2]. Это дало ученикам Приказа большой практический опыт для их будущей деятельности. После прекращения строительства Кремлевского дворца Баженова П. Н. Кожин предложил свой проект «приведения Кремля в лучшее состояние». Учитывая неудачу с грандиозным замыслом Баженова, он предлагал скромный план переустройства Кремля с сохранением древних строений.

П. Н. Кожин уделял большое внимание вопросу обеспечения столицы строительным материалом, главным образом огнестойким кирпичом и камнем. В деятельности Каменного Приказа в этом отношении можно проследить, наряду с устаревшей политикой надзора над

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 14, л. 113.
[2] Там же, кн. 94, л. 21.
[3] Там же, кн. 8, л. 520.

[1] М. Будылина и Т. Козина. Дом Сверчкова в Москве. «Архитектурное Наследство», 10, стр .179—193.
[2] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 10, л. 492.

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 25, л. 106 об.
[2] Там же, кн. 25, лл. 23, 32; кн. 13, лл. 522, 545.
[3] Там же, кн. 25, л. 123; кн. 14, л. 121.

[1] Русский биографический словарь, изд. Половцевым, Спб., 1903, т. Кнапне-Кюхельбекер, стр. 35.
[2] Множество этих планов, хранящихся в фонде Приказа, являются лишь копиями, оригиналы которых выдавались владельцам. Эти черновые чертежи выполнены большею частью руками еще неопытных учеников. Графика их, за немногими исключениями, очень слаба, но они дают ценный материал для суждения о приемах планировки и застройки Москвы во второй половине XVIII в.

Изображения фасадов встречаются там весьма редко, но те немногие образцы, которые выдавались из Приказа, характеризуют не только уровень культуры его архитектурных кадров, но и свидетельствуют о смене архитектурного направления в эту эпоху.

Внутренняя планировка домов в делах Приказа почти полностью отсутствует.

частной промышленостью, ряд передовых мероприятий. Так, при учреждении в ведомстве Приказа казенного кирпичного завода, которому надлежало служить образцом для частных заводов и конкурировать с ними, были сделаны попытки механизации производства (введена машина для мятья глины), были рационализированы планировка завода и устройство печей, введен по всем заводам единообразный размер кирпича. Наряду с этим, Кожин организовал обследование с точной фиксацией залежей белого и прочего камня близ судоходных рек в московской и прилегающих к ней губерниях и сам участвовал в ряде экспедиций[1]. Результаты этих обследований использовались при дальнейшем строительстве Москвы.

Так широкая постановка градостроительных вопросов в Каменном Приказе и практическое участие архитекторских помощников и учеников и старших школьников в его работах поднимала уровень их знаний.

После закрытия Каменного Приказа с 1783 г. до своей смерти в 1805 г. П. Н. Кожин весьма активно работал в возглавляемой им Мастерской и Оружейной палате в Московском Кремле.

Разноречивые суждения вызывал у исследователей мало изученный зодчий Н. Н. Легран, занявший с января 1777 г. вакантную должность старшего архитектора при Каменном Приказе. Возвеличенный академиком И. Э. Грабарем[2], Легран был впоследствии им же развенчан во второстепенные мастера, которому отводилась уже роль только «подручного» исполнителя проектов Баженова[3]. Это обязывает нас сугубо осторожно подойти к характеристике этого зодчего и больше считаться с неоспоримыми фактами, чем это делал И. Э. Грабарь.

Николай Николаевич Легран родился в Париже. Год его рождения трудно точно установить, так как в различных документах он колеблется между 1738 и 1741 гг.[4]. В 1768 г. он был произведен Петербургской Академией Художеств в «назначенные по представленной архитектурной работе»[1]. Вся его дальнейшая деятельность протекала в Москве. Он состоял архитектором и преподавателем архитектуры при Московском университете[2] и в то же время в 1774 г. был зачислен главным архитектором Отделенного департамента в Москве, где участвовал в составлении «прожектированного» плана Москвы 1775 г. и проектировал «прошпекты и фасады» для нового архитектурного оформления города. По отзыву Кожина его проекты были сделаны «с отменным искусством и знанием»[3]. В 1779 г. по рекомендации В. И. Баженова и К. И. Бланка, давшими ему высокую оценку, Легран был утвержден Академией Художеств в звании академика. По словам Баженова, Леграном созданы «многие строения в Москве в лутчих почитаемых пропорциях разными Академиями, подражая вкусу древнего Витрувия и Палладия»[4]... К сожалению, эти строения остаются нам неизвестными.

Несомненным произведением Н. Н. Леграна, вопреки утверждению И. Э. Грабаря, является здание Криге-Комиссариата в Садовниках. С опровержением точки зрения И. Э. Грабаря выступил в свое время А. И. Михайлов[5], подтверждая авторство Леграна в отношении комиссариатского здания документами Каменного Приказа. Но кроме свидетельства Приказа «о сочиненных архитектором Легранам» планах и фасадах Криге-Комиссариата в Москве, на авторство Леграна указывает сам зодчий в письме к ректору Академии Художеств Жиллэ от 2 ноября 1776 г.: «Я также сделал проект Военного комиссариата, который только что представлен е. и. в. и который она соблаговолила одобрить»[6]. Думается, что все эти документы достаточно убедительно опровергают гипотезу об авторстве Баженова.

Хотя оригиналы чертежей Леграна, утвержденные Екатериной II в начале 1777 г., пока не обнаружены, но копии 1830 г. с чертежей

[1] Среди чертежей, фиксировавших места рождения разных сортов камня по берегам Оки от Каширы до Алексина, интересен чертеж с изображением залежей камня около Алексина с видом части города (ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 36, л. 107).

[2] Доклад, прочитанный в сентябре 1947 г. на заседании Отделения истории и философии АН СССР.

[3] И. Грабарь. В поисках неизвестных построек В. И. Баженова. В кн.: «Неизвестные и предполагаемые постройки В. И. Баженова». М., 1951, стр. 25—44.

[4] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 4, л. 618 и др., МОГИА, ф. Управа благочиния. Вяз. № 2/754, оп. 11, д. 132/234633, л. 3 об., 4.

[1] ЦГИАЛ, ф. 789, т. 1, д. 27, л. 1.

[2] В делах Правит. Сената 3-го департамента имеются подписные чертежи Леграна здания Московского университета у Воскресенских ворот (б. Антеки), составленные в 1775 г. (ЦГАДА, ф. 261, кн. 5565).

[3] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 19, л. 39.

[4] ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 19, отд. VIII, д. 10, л. 108 и оп. 1 д. 27, л. 15.

[5] А. И. Михайлов. Баженов. М., 1951. стр. 231—239.

[6] ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, д. 27, л. 2 об. Письмо Леграна к Жиллэ (на франц. яз).

XVIII в. этого здания[1] при сравнении с описаниями и сметами, сохранившимися в делах Каменного Приказа, говорят об их близости к проекту Леграна.

Здание Криге-Комиссариата включалось в архитектурный ансамбль берега Москвы-реки. Со стороны Садовников оно увязывалось с вновь проектируемой по плану 1775 г. центральной торговой площадью речного порта[2]. Его планировка и богатая обработка фасадов главного корпуса свидетельствуют о мастерстве зодчего и его стремлении подчеркнуть значение здания Криге-Комиссариата в ансамбле набережной. Но при его строительстве обнаружились ошибки в расчетах, что повлекло за собой обследование всего строения, все нижние этажи которого со сводами были уже отстроены к февралю 1780 г. На достройку требовалась гораздо более крупная сумма, чем просил в сметах Легран[3]. Отсутствие Баженова при экспертизе здания также косвенно указывает на его непричастность к этому делу.

Обострившиеся отношения Леграна с директором Каменного Приказа привели к его отставке в августе 1778 г. и вызвали попытку Кожина отстранить его и от строительства комиссариатского здания. Однако дискредитация Кожиным Леграна очевидно не имела успеха, так как Легран упоминается при этом строительстве и в дальнейшем. Здание было закончено в 1784 г.

Очевидно, Легран пользовался в архитектурных кругах достаточным авторитетом и позднее, об этом говорит следующий факт. При перестройке Кремлевского дворца по проекту Н. А. Львова в 1797 г. статскому советнику Казакову и коллежскому ассесору Казакову было предложено осмотреть фундамент верхних зданий на Сытном дворе и по горе от церкви Уара до Сретенского собора. Когда Львов попросил доставить ему подробные рапорты, чтобы получить высочайшее повеление строить запроектированный им дворец по новому основанию, Казаковы не взяли на себя эту ответственность. Они просили пригласить архитектора Назарова, работавшего при Правительствующем Сенате, Леграна из Управы Благочиния и Старова «для соображения тяжести нового строения на старом фундаменте», чтобы «сообща сделать надлежащее положение и представить общее мнение в экспедицию[1].

В бытность в Каменном Приказе летом 1778 г. Легран был командирован с двумя сотрудниками и с учениками в Саввино-Сторожевский монастырь для составления подробных планов монастыря со всеми строениями и с показанием их ветхостей. Генеральный план Саввино-Сторожевского монастыря за подписью Антона Крылова от 23 июля 1778 г. вместе с пятью другими чертежами, подписанными Леграном, хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве[2]. Среди них два чертежа являются проектом Леграна переустройства части ветхой восточной стены и башен, которые он предлагал сломать вместе со святыми воротами и ветхой церковью. На их месте в общую композицию включалась новая церковь со своеобразными и необычными для русского зодчества двумя большими палатами с северной и южной стороны церкви, «служить имеющими как для входа, так и для помещения большого для службы церковной собрания людей». Проект был по-видимому, утвержден Приказом, так как он подписан не только Леграном, но и директором Кожиным. Но, к счастью, он не был осуществлен, ибо к сломке и перестройке предназначались и многие другие монастырские сооружения, что совершенно нарушило бы весь ансамбль монастыря.

По выходе из Приказа Легран продолжал архитектурную деятельность. Последние годы жизни (по формулярным спискам с 1791 г.)[3] он был московским городским архитектором при Московской Управе благочиния, где через его руки проходило утверждение проектов на постройку и исправление домов.

В указанной выше статье И. Э. Грабарь атрибутировал Баженову и приписывавшуюся им ранее Леграну церковь Успения на Могильцах (строилась с 1791 по 1799 г.), ссылаясь на

[1] ЦГВИА, ф. № 349, оп. 19, дд. 3546—3550. Опубликованы в вышеуказанной статье И. Грабаря, стр. 18, 19, 21 и в кн. «История русской архитектуры». М., 1956, стр. 388.

[2] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 13, л. 308—310 об. В документе между прочим говорится о предположении исподволь скупать обывательские дворы на противоположной стороне улицы Нижние Садовники, «чтоб очистить место и вид открыть Комиссариата к каналу».

[3] В делах Приказа имеются интересные подробности постройки этого здания.

[1] ЦГАДА, Дворц. отд., ф. 1233, оп. 26, д. 46819, л. 34—34 об.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, № 62445, 62466. Часть этих чертежей опубликована в статье В. В. Косточкина. Саввино-Сторожевский монастырь в XVII—XVIII вв. Сообщения Института истории искусств, вып. 12, М., 1958.

[3] МОГИА, ф. Управа благочиния, вяз. 2/754, оп. 11, д. 132/234633, л. 3 об., 4.

то, что подпись Леграна на виденных им и ныне утраченных чертежах этой церкви является лишь грифом, утверждающим постройку. Это не совсем вяжется с тем, что писал настоятель церкви, хранивший эти чертежи: «Построен храм сей французским архитектором Легранom. Это видно из планов и чертежей по сей церкви, оставшихся по смерти этого архитектора и присланных в сию церковь графом Бобринским, которые совершенно сходны с планами и чертежами, имеющимися при сей церкви»[1]. Если бы Легран не являлся автором проекта, зачем бы он держал при себе до своей кончины чертежи церкви, храмоздательная грамота на которую была дана в начале 1791 г. Всего вероятнее, что он действительно проектировал этот храм.

Н. Н. Легран умер, очевидно, в 1799 г., как это можно заключить из прошения его вдовы от июля 1799 г.[2]

Творчество Леграна остается во многом загадочным. Может быть в дальнейшем удастся обнаружить его подлинные чертежи и документы, которые позволят установить хотя бы некоторые из его многочисленных, по словам Баженова, построек в Москве, что вместе с их обследованием в натуре даст возможность точно характеризовать его творчество и определить его место в истории русской архитектуры.

Преподавателем, которому был поручен в Приказе курс архитектуры, являлся капитан Розберг, которого, очевидно, там ценили за его стаж практической работы. Христиан Иванович Розберг (род. в 1740 г.) начал службу в 1757 г. архитекторским учеником Главной полицмейстерской канцелярии, откуда был переведен в 1764 г. в Московскую полицмейстерскую контору. В этом году ему был выдан аттестат архитекторами Чевакинским, Вистом и Кнобелем, что он «весьма достоин награждения в за архитектуры и ранга капитана»[3]. В Москве Розберг находился при строении Коломенского и Пречистенского дворцов, а в 1767 г. ректировал Гостиный двор по заданию Сената (проект был им пересмотрен в 1776 г. в связи с новым генеральным планом Москвы). В 1769 г. он получил особую благодарность за исправление Каменного Троицкого моста через реку Неглинную, а после «чумного бунта» исправлял здания в Кремле. Вскоре после определения в феврале 1776 г. в Каменный Приказ капитан Розберг, получив аттестат, что по экзамену он оказался в теории и в практике «довольно знающим» и достойным быть архитектором[1], занял в Приказе место младшего архитетора. Но, как и все специалисты, он не удержался там долго и летом 1778 г. уволился оттуда. В 1782 г. он руководил починкой Китайгородской стены и постройкой мостов, а также проектировал и построил кордегардии на Красной площади[2].

После увольнения из Приказа Розберг состоял некоторое время губернским архитектором Московского губернского управления[3], а с января 1787 г. был в ведомстве Конторы строений е. и. в. домов и садов, но по болезни был уволен[4]. Более всего Х. И. Розберг известен как автор и строитель Петровского театра Меддокса в Москве (на месте будущего Большого театра)[5].

С уходом из Каменного Приказа Леграна и Розберга школа потеряла основных преподавателей, но практические работы продолжали давать архитекторским помощникам и ученикам, а также школьникам известные профессиональным навыки. Повышению их квалификации способствовало и знакомство с литературой.

* * *

Многие документы фонда Каменного Приказа говорят о стремлении создать образованные отечественные архитектурные кадры. Особенно показательны в этом отношении списки научных трудов, учебной литературы и наглядных пособий, приобретавшихся и хранившихся в библиотеке Приказа. Среди обилия руководств по разным наукам в каталоге библиотеки поражает незначительное количество специальной литературы по архитектуре и строительству. Это объясняется, очевидно, тем, что в то время было мало подобных изданий на русском языке. Мы находим лишь несколько названий *книг по архитектуре* и то частью на латинском и французском языках, причем в библиотечных списках Приказа их заглавия даны в русском

[1] Ф. М. Ловцов. Исторические сведения о церкви Успения пресвятой богородицы, что на Могильцах. М., 1899, стр. 25.
[2] МОГИА, ф. № 4, вяз. 1320, д. 193, л. 12.
[3] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 4, л. 638.

[1] Там же, л. 639.
[2] Материалы опубликованы В. Шереметевским в приложении к его указанной выше статье в кн. «Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск. Архиве Министерства Юстиции», VIII, М., 1891.
[3] МОГИА, ф. Управа благочиния, д. 200123/507.
[4] ЦГАДА, Дворц, отдел., оп. 9, д. 33758.
[5] «Планы и фасады театра и Маскарадной залы Москве». М., 1797; О. Чаянова. Театр Маддокса в Москве (1776—1805). М., 1927 (Труды Гос. театр. музея имени Бахрушина, т. 1).

переводе, без указания года и места издания, а иногда и без автора или с искаженным именем, которое приходится расшифровывать.

Так, интересным приобретением была книга «Архитектуры перспектива Андреа Путеа, в коей преподается легчайший способ чертить по оптически все то, что к архитектуре принадлежит»[1]. Здесь речь идет об известном трактате Андреа Поццо (по латыни: Puteus «Perspectiva pictorum et architectorum»), первая часть которого вышла на латинском языке в 1693 г., вторая в 1698 г.[2] Труд Поццо о перспективе, суммировавший то, что было создано в науке до него, являлся ценным руководством при обучении архитектуре.

Архитектура изучалась в Приказе по капитальному и широко распространенному в XVIII в. увражу Неформа[3], издававшемуся в Париже между 1757—1772 гг. Многочисленные таблицы увража отражают черты французской архитектуры того времени. Имя автора было неправильно прочитано и внесено в список книг Приказа как «Архитектура сочинения г. Денсоформа, состоящая из 4-х томов в двух книгах с французским переплетом»[4], она была куплена в 1780 г. за 35 руб., что показывает, что в Приказе не скупились на приобретение столь дорогих учебных пособий.

В библиотеке Приказа имелась и книга известного ученого инженера Белидора «Архитектура гидраулическая или наука проводить, возвышать и сберегать для различных житейских нужд воды, сочинение г. Белидора в 4-х томах с фигурами на французском языке»[5], стоившая 48 руб. Возможно его же труд[6] числился в списке Приказа под названием: «Военная архитектура или фортификация с планами» (без указания автора и даты).

Кроме книг среди пособий при изучении архитектуры имелось много отдельных листов (может быть из разрозненных увражей) рисунков и гравюр с изображением «фасадов разных орденов», «с разными видами строений», «с древними зданиями» и т. п.

В качестве наглядных пособий были сделаны под наблюдением капитана Розберга модели пяти ордеров — «модели столбопорядков»[1].

Как мы отмечали выше, большое внимание уделялось в Приказе преподаванию *рисования*. Характерно, что среди руководств по этому предмету встречаем «Наставление к рисовальной науке» Некрасова[2]. Руководство Некрасова отличалось от иностранных самоучителей рисования XVIII в. своим познавательным методом, оно стремилось объяснить построение сложного тела из простого и являлось интересным и новым для своего времени опытом обучения рисованию[3].

Наряду с отечественным руководством, там же находим и западноевропейские издания, как «Рисовальное искусство или способ самому собою научиться рисовать, состоящий в 30-ти таблицах из примеров славных художников Карла Лебруна и Роберта» [Шарля Лебрена и Робера — *М. Б.*].

Особенно многочисленны были отдельные листы для обучения рисованию, как, например, «30 листов в подробности о частях тела человеческого, сочинения Аннибала Каррата [Аннибале Каррачи? — М. Б.] «6 начал намерения для живописи, сочинения Моннета», «12 листов физиономий различных качеств У. В. Грейза» (Жана — Баптиста Грёза)[4].

В 1780 г. было сразу куплено «разных эстампов и курфштиков числом 100 листов по 20 коп. каждый, итого 20 рублей».

Гораздо обильнее представлены учебные пособия по всем прочим наукам, и особенно по *математике* и *естествознанию*. При просмотре обширного каталога библиотеки Каменного Приказа обращает на себя внимание обилие книг по математике и физико-математическим наукам. Это преобладание литературы точных наук объясняется не только их ролью при изучении архитектуры и строительства, но и большим подъемом интереса к естествознанию в России во второй половине XVIII в. и ростом книжной продукции в 1770—1780 гг. именно в этой области знания[5]. В списках книг Прика-

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 94, л. 11.
[2] Первый русский перевод этой книги издан Академией архитектуры СССР в 1936 г.
[3] Neufforge, J.—F. de, «Recueil elémentaire d'architecture», Paris, 1757—1772, 9 vol.
[4] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 94, л. 20.
[5] Belidor. Architecture hydraulique ou l'art de conduire d'élever et de ménager les eaux pour les differens besoins de la vie. Paris, 1737—1753, 4 vol. перезд. в 1780 и в 1835—1840 гг.
[6] Belidor. La science des ingénieurs dans les travaux de fortification et d'architecture militaire. Paris, 1729, перезд. в 1749 и в 1813 гг.

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 8, л. 642.
[2] Некрасов Михайла. Краткое наставление к рисовальной науке, в пользу Российского юношества сочиненное Московского Университета рисовальным мастером. М., 1760.
[3] А. А. Сидоров. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956, стр. 140.
[4] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 8, л. 621.
[5] Г. И. Райнов, Русское естествознание 2-й половины XVIII в. В сб.: «Ломоносов». М.—Л., 1940, т. 1, стр. 318—388.

за оказывается много отечественных трудов — результат последних научных исследований Петербургской академии наук и главным образом трудов передовых русских ученых во главе с М. В. Ломоносовым. Это указывает на определенную направленность при подборе книг и желание внедрить в среде Приказа передовые достижения науки. Новое направление, данное русской науке Ломоносовым, базировалось в естествознании на опыте и материалистически толковало явления природы. Это прогрессивное течение было широко представлено в библиотеке Приказа.

Среди многочисленных книг Приказа по арифметике, геометрии и тригонометрии (большею частью без наименования автора, места и года издания) имеются труды учеников Ломоносова — Котельникова и Румовского[1], также «Универсальная арифметика» Эйлера и перевод с латинского математики Христиана Вольфа, учителя Ломоносова[2]. Наряду с академическими изданиями, Приказ приобрел в 1780 г. и «Теоретическую и практическую геометрию» профессора Московского университета Аничкова.

Успехи естествознания во 2-й половине XVIII в. сказались и в русской учебной литературе по физике. За основу исследований «в натуральных науках» был принят опыт, о роли которого впервые на русском языке рассказал Ломоносов в предисловии к своему переводу «Вольфианской экспериментальной физики», изданному в 1746 г. Знаменательны известные слова Ломоносова о том, что «мыслительные рассуждения только тогда верны, когда произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов»[3]. Эксперимент, поставленный в основу научных исследований, начал входить и в учебную практику. Академик Крафт, сопровождавший свои лекции по физике опытами, дал их описание в учебнике, изданном на латинском языке в 1740 г. (переведен на русский язык в 1779 г.). Среди руководств Приказа имеется «Начертание открытого прохождения опытной физики академика Крафта». Там же находим «Вольфианскую теоретическую физику» и работу по механике: «Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел, сочинения г-на профессора Котельникова».

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 8, л. 621 и далее.
[2] Там же, кн. 94.
[3] Пекарский. История Имп. Академии наук, т. II. Спб., 1873, стр. 363, 364.

Большое внимание уделялось в библиотеке Каменного Приказа науке о земле, особенно *географии*. Наряду с многочисленными руководствами по изучению европейских и азиатских стран, следует отметить особый интерес к отечественной географии, в развитии которой большое значение имели академические экспедиции 1768—1774 гг. Путевые планы и инструкции, разработанные передовыми учеными Академии, обусловили общую направленность и необычную многосторонность научных интересов участников экспедиции.

О результатах этих экспедиций сообщалось в научных трудах ее главных участников; в них были не только ценные материалы о русской природе и хозяйстве страны в XVIII в., но они давали и научное истолкование различных явлений природы. Таких рассуждений особенно много в трудах И. И. Лепехина — представителя младшего поколения ломоносовских последователей. «Дневные записки путешествия академика Лепехина по разным провинциям Российского Государства в 1768 и 1769 гг.» (в двух частях), только что изданные в Петербурге в 1771 и 1772 гг., находились среди книг Каменного Приказа. Здесь же видим труды других участников экспедиций: «Путешествие по разным провинциям Российской империи» Палласа[1], обследовавшего восточную часть Европейской России и Сибирь, «Путешествие по России в 1768—1769 гг., ч. 1. Гмелина», изданное в Петербурге в 1776 г. и включающее исследование южных окраин России, наконец, «Дневные записки капитана Рычкова» (ч. I и II 1770 г. и ч. III 1776 г.) участника экспедиции Палласа, совершившего несколько самостоятельных маршрутов по степному Заволжью.

Так новейшие только что опубликованные достижения науки попадали в библиотеку Каменного Приказа.

Зарождавшиеся в XVIII в. науки *геологии* и *минералогии* были представлены среди книг Приказа трудом: «Металлургия или описание рудных тел статского советника г-на Ломоносова»[2]. «Первые основания металлургии» М. В. Ломоносова, подготовленные к печати еще в 1742—1743 гг., были изданы в 1763 г. с прибавлением его главного сочинения по геологии «О слоях земных». Оно заключало ряд глубоких и новых высказываний, далеко опережающих его время, как, например, представление о постоянных изменениях в земной коре, положенное в основу его геологических исследований[1]. Так передовые высказывания Ломоносова проникали в среду специалистов Каменного Приказа. Литература по *всеобщей и русской истории* была представлена многочисленными руководствами, начиная с Геродота и «Известий византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен и правления народов» в 4 частях; всеобщей историей «Боссюета» и прочими трудами по истории отдельных европейских и азиатских государств (вплоть до Японии и Китая) и кончая только что вышедшими из печати тремя томами «Истории Российской» князя Щербатова.

[1] Пятитомный труд Палласа в 3 частях выходил в русском переводе с 1778 по 1788 г.
[2] Все указанные труды приведены по списку книг Приказа (ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 8. л. 621 и далее).

В библиотеке Приказа числилось несколько диссертаций (без указания имен авторов и дат, возможно, что эти работы принадлежат Ломоносову)[2] на исторические темы: «Диссертация о варягах» или «О истории Российской».

Среди книг, приобретенных Приказом в 1779 г., имелось «Сочинение три тома»[3] Ломоносова. Судя по программе прохождения русского языка в школе Приказа, в основу его изучения была положена «Российская грамматика» Ломоносова, вышедшая первым изданием в 1755 г. и являвшаяся одной из самых передовых грамматик своего времени и первой научной грамматикой русского языка.

Интересно наличие в библиотеке Приказа французской просветительной литературы, например труда Монтескье «L'esprit des lois» (в списке он именовался «Монтескиоя о разуме законов») и публицистического сочинения Вольтера «Человек в 40 талеров»[4]. В нем Вольтер резко осуждал налоговое угнетение французского крестьянства правительством, обличая неправедный суд, жестокость церкви и богатых монастырей, говорил о тяжести подневольного труда и т. п.

Тщательный анализ книг и руководств, находившихся в распоряжении Приказа, заставляет предполагать, что книги там подбирались не случайно. Во-первых, обзор научной и учебной литературы по самым различным специальностям показывает стремление дать кадрам Приказа не только профессиональные знания, но поднять общий уровень развития. Этим школа Каменного Приказа отличалась от школы Ухтомского, которая давала только профессиональное образование. Во-вторых, анализ этой литературы приводит к выводу о некоторой направленности в подборе книг. В списке научной литературы, наряду с самыми разнообразными произведениями, большое место занимают научные и учебные труды Академии наук, притом представлявшие главным образом передовое направление, которое возглавлялось Ломоносовым и его ближайшими преемниками. Это указывает на наличие прогрессивных тенденций в Приказе.

Серьезное отношение к постановке общего образования явствует и из приобретения Приказом таких дорогих учебных пособий, как «телескоп английский разборный — 80 руб., микроскоп полный самой большой величины» — 60 руб., купленные в Петербурге в 1776 г.[1]

* * *

Кратковременное существование Каменного Приказа не прошло бесследно в подготовке отечественных архитектурных кадров, о чем свидетельствует судьба некоторых его бывших школьников и членов «архитектурного класса». Правда, многие из них, перейдя по упразднении Приказа в Кремлевскую экспедицию, с течением времени отсеялись, но были и такие, которые принимали участие в строительстве Москвы под руководством крупнейших московских зодчих и продолжали архитектурную деятельность и в дальнейшем как в столице, так и в провинции.

Бывшие воспитанники Каменного Приказа братья Иван и Николай Урюпины, Семен Арфанов и Николай Кузмин, поступив в Кремлевскую экспедицию, находились в команде В. И. Баженова при строительстве Царицынского ансамбля; при своей отставке Баженов позаботился о том, чтобы их оставили в экспедиции ввиду оказанных ими успехов в архитектурной науке, и они перешли в команду М. Ф. Казакова[2]. В начале XIX в. Николай Урюпин уже упоминается как архитектор Тульской губернии[3]. Мы не знаем дальнейшей судьбы его младшего брата Ивана Урюпина,

[1] С. И. Вавилов. Ломоносов и русская наука. М., 1947; В. И. Вернадский. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900.
[2] Б. Н. Греков. Ломоносов — историк. «Историк-марксист». М., 1940, № 11.
[3] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ. кн. 14, л. 284 об.
[4] Там же, кн. 104, л. 12 об., 13.

[1] Там же, кн. 4, л. 345.
[2] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 8, л. 431 и 434 и фонд. Моск. Дворц. конторы, оп. 9, д. 33956, л. 1; В. Гамбурцев. Архитекторская команда.... М., 1894, стр. 40; В. А. Снегирев. Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов. М., 1950, стр. 162.
[3] ЦГАДА, Дворц. Отдел. оп. 187, л. 5588, л. 49, 50.

проработавшего в Кремлевской экспедиции 14 лет и уволившегося оттуда в 1797 г. с награждением «за долговременную и беспорочную службу»[1]. Возможно, что он, как и другие питомцы Каменного Приказа, работал впоследствии в провинции. Например, известно, что Андрей Меленский, обучавшийся в Каменном Приказе с 1775 г., а затем перешедший в Кремлевскую экспедицию, был одно время волынским губернским архитектором, а с 1799 г. архитектором Киева, где находился до конца 1820-х годов. Он работал над составлением генерального плана Киева, определившего схему современного плана города, проектировал и строил там многие сооружения[2]. Не только школьники, но и некоторые штатные сотрудники, получившие архитектурную квалификацию в Каменном Приказе, нашли применение своим знаниям в провинции. Так, Антон Иванович Крылов, один из немногих сотрудников Приказа, продержавшийся там от основания и до его закрытия, в 1780 г. назначенный на вакансию младшего архитектора, был поставлен во главе дела по выдаче обывателям планов и билетов на починку и постройку домов. Он работал впоследствии губернским архитектором в Ярославской губернии, как это видно по одному из подписанных им чертежей в 1800 г.[3]

Некоторые воспитанники Каменного Приказа работали в Москве. Прочно связал всю свою деятельность с Кремлевской Экспедицией Николай Ипатьевич Кузмин (1769—1820), пройдя там все служебные стадии от ученика до архитектора. После ухода Баженова, находясь «под смотрением» М. Ф. Казакова, он был при исправлении строений Воскресенского монастыря, Слободского и Лефортовского дворцов; с 1802 г. работал по устройству Пресненских прудов в Москве, превращенных в место гуляния и оформленных архитектурным ансамблем в «готическом вкусе». В 1812 г. он находился при строении церкви великомученицы Екатерины в Кремле и был представлен в Академию Художеств на получение звания архитектора за проект публичного театра. Наряду с практической деятельностью, он преподавал в школе Кремлевской экспедиции, где прослужил до своей смерти[4].

[1] ЦГАДА, Дворц. Отдел, оп. 26, д. 46817, л. 94.

[2] История архитектуры Украинской ССР. Киев, 1952 г. стр. 416—418 (стеклограф. оттиск); Нариси історії архітектури Українскої РСР. Київ, 1957, стр. 168, 174, 176, 184.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1285, оп. 2, д. 43, 1797.

[4] ЦГАДА. Дворец. Отд., оп. 100, д. 9288, л. 31 об., 32; оп. 187, д. 5558, л. 9; д. 5612, л. 13 об., 14.

Известным московским архитектором сделался в начале XIX столетия Илья Данилович Жуков (род. в 1763 г., год смерти неизвестен), бывший школьник Приказа (с 1779 г. до его закрытия), зачисленный затем в штат архитектурной экспедиции Московской Управы Благочиния, которая влилась в 1813 г. в Комиссию для строений в Москве. Он был одним из ведущих архитекторов Комиссии и восстанавливал после пожара в 1812 г. Сретенскую, Мещанскую, Басманную, Покровскую и Сущевскую части города[1].

Незаслуженно мало изученным зодчим остается Федор Кириллович Соколов (1760—1824), которому принадлежала значительная роль в застройке Москвы после пожара 1812 г. Получив опыт в градостроительной работе в качестве архитекторского помощника в Каменном Приказе, он затем служил секретарем при Московском Главнокомандующем Я. А. Брюсе и участвовал в переработке генерального плана Москвы 1775 г. (вариант, предложенный Брюсом в 1786 г.).

Состоя архитектором Московской Управы Благочиния, а потом Комитета по уравнению городских повинностей, Ф. К. Соколов был привлечен М. Ф. Казаковым к крупной градостроительной работе по изготовлению «фасадического» плана Москвы. Сохранился составленный Соколовым (к нивеллирному плану Москвы 1806—1808 гг.) перспективный вид столицы с показанием высоких зданий. После организации Комиссии для строений в Москве с 5 июня 1813 г. Соколов проработал там старшим архитектором до ноября 1821 г. Он восстановил кремлевские башни, московские церкви, монастыри и постройкой множества частных домов (в возглавлявшихся им Пятницкой, Якиманской, Серпуховской, Пречистенской и Хамовнической частях города) способствовал созданию нового облика столицы, осуществляя передовые архитектурные задачи в построении ансамбля города[2].

Этот далеко не полный перечень зодчих, вышедших из недр Каменного Приказа, показывает, что опыт, полученный ими в этом учреждении и развитый далее, дал плодотворные результаты, несмотря на кратковременность его существования.

[1] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 10, л. 223; МОГИА, ф. Моск. Управа Благочиния, вяз. 2/754, оп. 11, приб. 2, д. 132/234633, л. 6 об., 7; ф. 163; Журналы Комиссии для строений в Москве.

[2] ЦГАДА, ф. Каменный Приказ, кн. 14, л., 27 об., МОГИА, ф. 163, Журналы Комиссии строений, № 107, л. 277, 278 и др.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22174.

ПЕРВЫЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ НА АЛТАЕ

(Материалы по истории промышленного строительства)

ПРИБЫТКОВА А. М.

Горнозаводская промышленность Алтая в XVIII и первой половине XIX в. занимала в экономике России того времени одно из первых мест по выплавке цветных металлов.

Расположенные вдоль границы русских владений с казахскими степями горные заводы и рудники вызвали строительство укрепленных линий. Некоторые из крепостей этих оборонных линий и некоторые заводы развились в дальнейшем в города (Омск, Семипалатинск, Барнаул, Бийск и др.).

В то время как социально-экономическая история возникновения и развития уральских заводов изучена весьма капитально[1] и может служить базой для изучения истории строительства населенных мест Урала, алтайские заводы не описаны с такой полнотой, как первые. Хотя в настоящее время те или иные работы[2], касающиеся металлургических заводов Алтая, вскрывают отдельные вопросы, проблемы, связанные с этими заводами, все еще недостает работ, обобщающих всю историю заводов[3]. Подобные работы чрезвычайно облегчили бы исследования истории архитектуры, являясь для них необходимой базой.

Данная работа представляет собой попытку выявить материалы о планировке заводов, типах зданий, конструкциях, развитии заводской архитектуры.

[1] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1. Опыт исследования по уральской металлургии. М.—Л., 1949.

[2] Н. Я. Савельев. Козьма Дмитриевич Фролов. Свердловск, 1960; Его же, Петр Козьмич Фролов. Новосибирск, 1951; В. С. Виргинский. Замечательные русские изобретатели Фроловы. М., Машгиз, 1952; Его же. Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962.

[3] Отдавая должное работе И. Германа (Сочинения о сибирских рудниках и заводах ч. 1—3. Спб., 1797, 1801), мы должны отметить подробное, фактическое изложение истории возникновения и действия заводов, однако оно касается лишь XVIII в. и, кроме того, лишено какой-либо интерпретации фактов.

Исторический обзор строительства заводов[1]. При Петре I произошел большой сдвиг в развитии металлургии. Металлургическая промышленность была сосредоточена в Туле и на Урале. Деятельное участие в строительстве заводов принимал Н. Демидов, в первой четверти XVIII в. построивший несколько заводов на Урале.

Деятельность его сына Акинфия Никитича Демидова не ограничилась уральскими заводами. Он посылал доверенных людей в Сибирь «к отысканию рудосодержащих мест».

В 1723 г. на Алтае, близ Колыванского озера, была открыта медная руда, о чем А. Демидов сообщил в Берг-коллегию и, получив разрешение, построил в 1726 г. близ Колыванского рудника, при речке Локтевке, небольшой медеплавильный завод с двумя плавильными печами и ручными кожаными мехами. Завод был назван Колывано-Воскресенским. Выплавленная медь отправлялась по Иртышу в Невьянский завод — резиденцию Демидова.

По просьбе Демидова указом Правительствующего Сената ему были предоставлены для горных и заводских работ из Кузнецкого и Томского уездов крестьяне, а для защиты от набегов азиатских кочевников — казаки.

Плавка руды на заводе с ручным производством была невыгодной, а по маловодности реки Локтевки нельзя было завод сделать «вододействующим». Было выбрано место на реке Белой, притоке Локтевки, в 3 верстах от первоначального, куда и перенесли завод, построив четыре плавильные печи и 9 сентября 1729 г. пустили его в действие.

Количество медной руды, добываемой на Колыванском руднике, превышало производственные возможности Колывано-Воскресенского завода, поэтому Демидов, получив разрешение у Берг-коллегии, в 1739 г. при впадении речки Барнаулки в Обь начал постройку второго завода — Барнаульского.

[1] См. указ. соч. И. Германа, раб. Н. Я. Савельева; Б. Б. Кафенгауза.

Указом Сената по просьбе Демидова для горных заводских работ в 1740 г. были дополнительно приписаны к Колыванскому заводу крестьяне Кузнецкого и Томского уездов Сибирской губернии (по административному делению того времени).

В 1742 г. был открыт Змеиногорский серебросодержащий рудник, с которого руду возили в Барнаул. Так как колыванская руда содержала, кроме меди, серебро и даже золото, то в 1743 г. Демидов пригласил «искусных в разделении меди, свинца и серебра» мастеров, которые построили на Колыванском заводе две плавильные печи и другие специальные сооружения. В январе 1745 г. на Барнаульском заводе была освидетельствована руда (выплавка серебра являлась монополией государства). Выплавленное на пробу серебро в количестве 44 пудов было употреблено на сооружение раки для «мощей» Александра Невского в Александро-Невской лавре.

В 1744 г. была начата постройка третьего завода на реке Шульбинке (приток Иртыша) — Шульбинского.

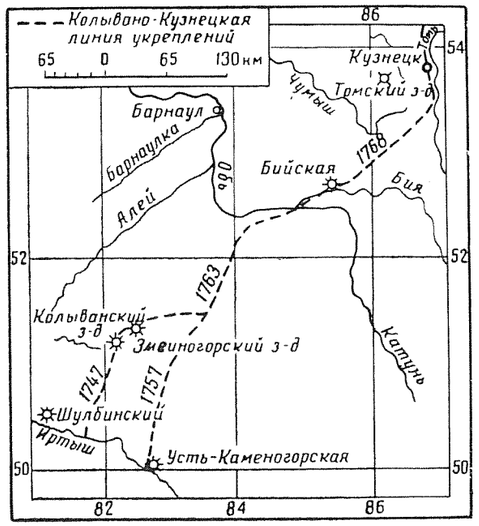
В феврале 1744 г. Демидов просил императрицу Елизавету взять его заводы в ведение «Кабинета Ея величества», так как он тяготился контролем Берг-коллегии в лице екатеринбургского горного начальника В. Н. Татищева[1].

Все заводы и рудники между Иртышом и Обью сделались собственностью Кабинета. Было также дано распоряжение для охраны заводов от набегов неприятеля построить в некоторых местах крепости. В числе других была построена в 1747—1768 гг. для защиты горнопромышленного района Алтая от набегов кочевников (джунгар) Колывано-Кузнецкая укрепленная линия[2] (рис. 1).

По мере расширения государственных границ Колывано-Кузнецкая линия потеряла свое значение. Некоторые заводы, как сказано, входили в оборонную линию и представляли собой заводы-крепости, имея укрепленные стены с башнями, окруженные рвами, надолбами.

Для управления алтайскими заводами, называемыми общим именем Колывано-Воскресенских, была учреждена Канцелярия Колывано-Воскресенского Горного начальства. До 60-х годов XVIII столетия работали только заводы и рудники, основанные Демидовым.

Вследствие вырубки лесов для обжига на уголь в районе Колывано-Воскресенского завода в 1763 г. был построен другой сереброплавильный завод — Павловский — на реке Косматле, притоке Оби, а Колыванский завод в 1766 г. был закрыт.

1. Колывано-Кузнецкая линия укреплений

Все необходимые для алтайских заводов железные и чугунные изделия получались с уральских заводов. Для сокращения издержек был построен в 1769 г. в Кузнецком уезде, богатом железом, железоделательный завод на реке Томь-Чумыш, недалеко от Кузнецка, и пущен в действие в 1771 г. (Томский завод).

В 1763 г. возник вопрос об использовании меди, получаемой при плавке руд, содержащих серебро. В этих целях во избежание перегрузки существовавших заводов было предложено Горным начальством построить новый завод с монетным двором. В мае 1763 г. началась постройка на реке Нижнем Сузуне нового завода — Сузунского. Таким образом возникло тиснение «сибирской» монеты с изображением герба Сибирского царства[1], имевшей хождение только в пределах Сибири. Указом Сената от 7 июля 1781 г. повелено делать на Сузунском монетном дворе общегосударственную монету.

Открытие свинцовой руды на реке Алее

[1] В. Н. Татищев (1686—1750) — историк и государственный деятель.

[2] Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. ч. III Спб. 1865.

[1] Официальный термин, употреблявшийся для обозначения территории Сибири.

близ Змеиногорска освободило от сложного транспортирования свинцовых руд, необходимых для выплавки серебра, из Нерчинска. В 1774 г. был построен свинцовоплавильный завод на Алее[1]. В 1783 г. пущен в действие Локтевский на р. Алее медеплавильный завод для переплавки руды Локтевского рудника.

В 1785 г. были открыты рудники Риддерский, Салаирский и другие, а также каменоломни Коргонская и Ревневская, снабжавшие материалом организованную в последующем Колыванскую шлифовальную фабрику.

В 1789 г. возобновлен Колыванский завод, так как за 20 лет его бездействия лес снова вырос, и продолжал работать до 1800 г., когда он был перестроен в Колыванскую шлифовальную фабрику, завоевавшую славу своими художественными изделиями из яшмы и порфира. В 1792 г. был построен Змеиногорский также сереброплавильный завод, а в 1814—1815 гг. — Гурьевский сереброплавильный, а позже железоделательный завод. В первой половине XIX в. горная промышленность Алтая достигла наибольшего расцвета.

Уничтожение крепостной зависимости лишило заводское и рудничное производство дешевой рабочей силы. Истощение рудников, неплановмерная вырубка леса снизили эффективность добычи цветных металлов на Алтае. В 90-х годах прошлого столетия большинство заводов было закрыто. Сохранился Гурьевский завод, реконструированный в советское время и в период строительства Кузнецкого металлургического завода послуживший его подсобным предприятием.

Производство горных работ, технологическая и механическая характеристика заводов. Руда добывалась буреннем и «рваньем пороха». и размельчалась ломами и молотами. Подъем руды с места разработки наверх производился посредством конной, водяной и человеческой силы. Далее происходила сортировка руды — отделение от пустых пород. Эта работа производилась летом в сараях с навесом, зимой—в особых помещениях. Доставка руды на заводы осуществлялась почти исключительно конным транспортом и реже — водой.

Сначала руда переплавлялась в «штейн» — вчерне выплавленный металл с минеральными и земляными примесями. «Штейны» подвергались обжигу (в «кальцинирофенах») для отделения минеральных частей. Далее на извлекательных горнах серебро извлекалось свинцом. Весь процесс плавки занимал до восьми суток. В последние два месяца года накопленное серебро еще раз переплавлялось, производилась проба и серебро отправлялось в Кабинет. Остающиеся в результате обжига и плавки медистые «штейны» на медеочистительных печах (шплейз-офенах) переплавлялись на ковкую медь, которая поступала «на денежное дело». Описанный производственный процесс требовал силовой энергии для приведения в действие воздуходувных мехов плавильных печей, «пильной мельницы» (лесопилка)[1], «толчей» для размельчения руды и т. д. Алтайские заводы, подобно уральским, были вододействующими.

Обыкновенно завод размещался возле реки, которая перегораживалась плотиной (земляной, иногда облицованной камнем). В плотине делали два прореза: один основной («ларь»), второй — на случай весеннего половодья («вешняк»). Плотина со стороны течения была защищена от ледохода группами свай. Вода из прореза попадала на водоналивное колесо, близ которого размещались «плавильная фабрика» (так назывался цех) и лесопилка. Кроме основных цехов (плавильная фабрика, обжигальные) в состав заводских сооружений входили слесарные, плотничные, кузницы, «меховые фабрики» (в которых изготовлялись воздуходувные меха), конюшни.

При выборе места под завод основными условиями были: наличие достаточного количества леса, так как плавка руды производилась на древесном угле, местонахождение рудников у реки, которую можно было бы перегородить плотиной и управлять ее течением для приведения в действие водяного колеса.

Указанные выше элементы производственного процесса диктовали строительство сооружений определенного назначения и их взаимное размещение. А так как технология производства и механическая часть заводов были одинаковыми на всех металлургических заводах, то установился определенный ассортимент заводских построек. Большая или меньшая производительность заводов обусловливала количество плавильных печей и других специальных устройств.

«Работные люди», техники, инженеры. Подобно тому, как это было на Уральских заводах, «работных людей», «мастеров», «горных служителей» на Колывано-Воскресенских заводах составляли приписные крестьяне. По све-

[1] Н. Я. Савельев. Петр Кузьмич Фролов. Новосибирск, 1951.

[1] Цехи, механизмы которых работали от водяного колеса, назывались мельницами.

дениям, представленным начальником Алтайских заводов П. К. Фроловым губернатору Сибири Сперанскому, в 1820 г. было 87 тыс. приписных к заводам крестьян.

Пополнение «горных и заводских служителей» происходило в порядке рекрутских наборов, т. е. вместо военной службы. Дети горных и заводских рабочих также в обязательном порядке становились заводскими или горными служителями. Мальчики с семи лет начинали работать, преимущественно на разборке руды на заводах, а с 18 лет переходили на основную работу, которую продолжали, пока тяжелая болезнь или смерть не прерывали ее.

На заводах осуществлялась военная дисциплина, наказания устанавливались по военному уставу, военным судом. За всякие упущения применялись телесные наказания. Побеги были частым явлением. Архивные дела изобилуют материалами по сыскам беглых, судам и наказаниям за побеги. Количество шпицрутенов, применяемых в таких случаях, часто приводило к смерти[1].

Продолжительность рабочего дня, условия труда, подневольное положение делали существование горных и заводских рабочих непомерно тяжелым.

Одни из приписных крестьян использовались как горнозаводские рабочие на рудниках и заводах, другие, «урочные» крестьяне отбывали повинность по рубке дров, перевозке их, обжигу древесного угля, выделке кирпича, перевозке руды с рудников.

Горное и заводское производство, широко развернутое в 60-х годах XVIII столетия на рудниках и заводах Алтая, выдвигало многочисленные технические проблемы.

Поднятие руды из углубляющихся по мере выработки рудников и откачка воды с большой глубины без механизации этих работ делали невозможным дальнейшее увеличение производительности рудников и заводов. Низкий уровень техники грозил их закрытием.

Для подъема руды и откачки воды первоначально применялись ручные и конные приводы, в последующее время — водяные двигатели.

Известно, что И. И. Ползунов, в возрасте 20 лет приехавший в качестве «механического ученика» с Урала на Колывано-Воскресенские заводы, занялся вододействующими устройствами и заменой водяного двигателя тепловым. Его работа в этом направлении была закончена в 1766 г. изобретением первого в мире теплового двигателя.

Блестящие результаты дали работы по механизации основного рудника Колывано-Воскресенских заводов — Змеиногорского — в период 1785—1790 гг., проведенные изобретателем К. Д. Фроловым, «талантами, подобным Ползунову» как он характеризовался в официальном документе. В последующем он механизировал работы и на других рудниках.

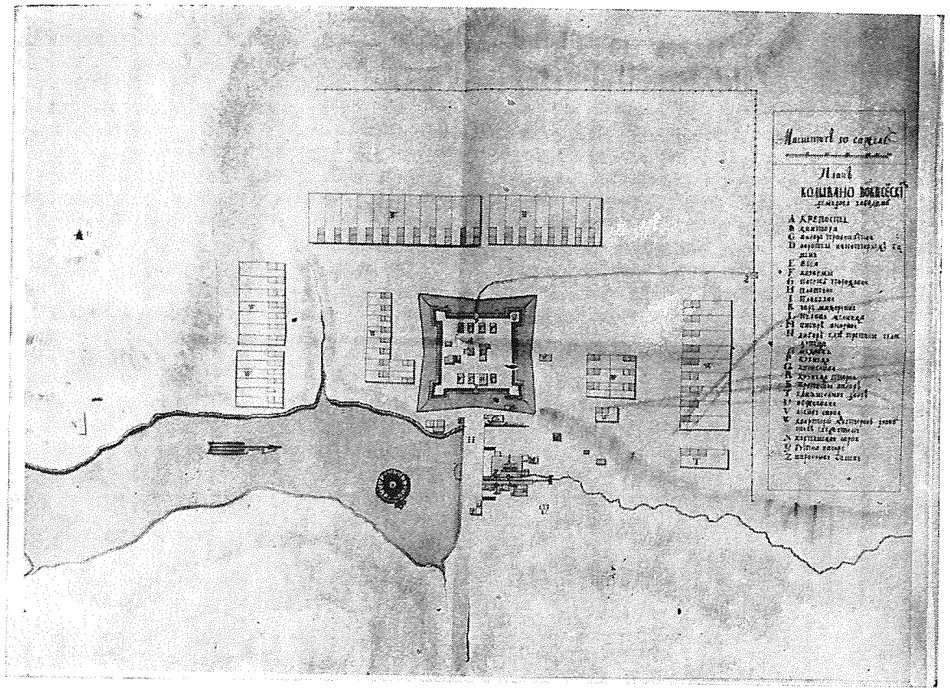
Возникли дальнейшие задачи, как транспортирование руды с рудников на заводы или предварительно обожженной руды для плавки на Барнаульский или Павловский заводы. Для их разрешения изыскивались водные магистрали, и П. К. Фроловым запроектированы суда с малой осадкой для транспорта руды. В 1806 г. им же спроектирована чугунная рельсовая дорога (первый пример подобного транспорта в России) от Змеиногорского рудника к построенному близ него заводу (чугун доставлялся с Томского железоделательного завода). Строительство первой рельсовой дороги было завершено в 1809 г. Длина ее достигала 1880 *м*[1]. Таким образом, на алтайских заводах уже в XVIII — начале XIX в. произошли огромные сдвиги в технике горнозаводской промышленности.

Первоначально в горнозаводском производстве заимствовались приемы и методы зарубежной техники, на что указывают иностранные названия цехов, специальных устройств — печей, горнов, инструментов, металлургических процессов, должностей и званий в горном производстве. Иностранные мастера приглашались на Колывано-Воскресенские заводы. Однако технический прогресс в горнозаводской промышленности, обусловленный внедрением новой техники, был связан с именами русских техников и инженеров, получивших первоначальную выучку на Уральских и Колывано-Воскресенских заводах: в горнозаводских школах этих заводов и непосредственно на производстве.

Алтайские заводы представляли собой важнейший в России по добыче цветных металлов район. Было бы ошибочным считать из-за большой отдаленности города Барнаула от столицы (караваны с серебром преодолевали это

[1] В Государственном архиве Алтайского края имеется дело с описанием суда над беглым, добровольно вернувшимся на завод. Присуждено было, учитывая добровольную явку и отсутсвие каких-либо штрафов и взысканий за прошлую работу, прогнать шпицрутенами «только один раз» сквозь строй в пятьсот человек.

[1] Работая в Петербурге в Экспедиции горных и соляных дел, Фролов проектировал в 1812 г. чугунную дорогу Эльтон—Волга.

2. План Колывано-Воскресенского завода, 1732 г.

расстояние около 2,5 месяцев) Колывано-Воскресенские заводы глухим захолустьем: на заводах и рудниках работала огромная трудовая армия, исчисляемая десятками тысяч людей, значительное количество инженерно-технического персонала и неустанно пульсировала творческая мысль.

В управлении заводами принимали участие такие крупные инженеры того времени, как П. К. Фролов — сын знаменитого изобретателя К. Д. Фролова.

В 1811 г. П. К. Фролов был переведен на службу в Петербург, а в 1817 г. назначен начальником Колывано-Воскресенских заводов.

Деятельность его имела исключительное значение для производственной жизни заводов и для развития Барнаула как населенного места. Одновременно с выполнением обязанностей начальника алтайских заводов Фролов являлся губернатором Томской губернии, значительную часть территории которой составлял заводской округ.

Он сыграл исключительную, благотворную роль и в насаждении культуры. При участии П. К. Фролова основан Барнаульский музей (ныне Алтайский краевой музей), типография, магнитная обсерватория, библиотека. П. К. Фролов добился в течение 20-х годов XIX столетия разрешения Кабинета на открытие рисовальной школы на Колыванской шлифовальной фабрике[1].

Заводы. Описания, архивные документы, чертежи с пояснениями и экспликациями дают достаточно обширный материал, чтобы представить состав заводских построек и планировку заводов в ее общей схеме и конкретно на различных заводах.

В целом заводские комплексы состояли из собственно заводских построек, группирующихся близ плотины, и жилых домов заводских рабочих с прилегающими к ним огородами. Вся

[1] О П. К. Фролове см. «Русский биографический словарь», т. XIX, 1901, стр. 241.

территория была защищена тем или иным видом укреплений (деревянная стена, вал, ров, надолбы, рогатки). Кроме того, на территории некоторых заводов размещалась внутренняя крепость, также защищенная укреплениями той или иной системы. Такая крепость служила центром военного и административного управления и включала в своих пределах комендантский дом, дома офицеров, гауптвахту, казармы, пороховой склад, контору, денежную кладовую и т. п. Причиной наличия оборонительных укреплений служила, с одной стороны, близость границы русских владений в Сибири, опасность нападения кочевников, с другой, — опасность внутренних волнений.

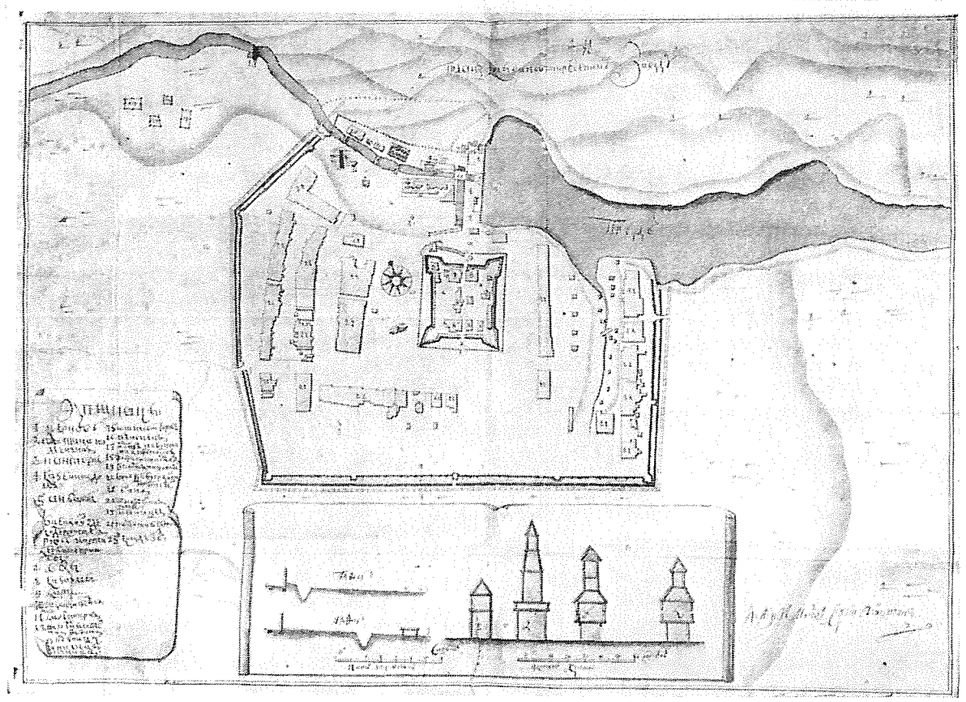
Большой интерес представляет изучение материалов по наиболее ранним, к тому же просуществовавшим длительное время заводам — Колывано-Воскресенскому и Барнаульскому, которые иллюстрируют развитие технологического процесса и строительства.

Первый по времени основания Колывано-Воскресенский завод представлен в архивных материалах наибольшим количеством планов. Один из планов (рис. 2) представляется наиболее ранним проектом по той схематичности, с которой размещены и очерчены здания, особенно квартиры мастеров[1]. В центре территории завода находится внутренняя крепость с ограждением и бастионами по углам. В крепости сосредоточены: контора, амбар провиантский, «ворота, на которых башни», весы, казармы, пороховой погреб.

На самом чертеже нет даты, но вне рамки чертежа, в верхнем правом углу, надпись на немецком языке с подписью и датой — 1732 год.

Территория завода была защищена с двух сторон рогатками, с третьей — естественным рельефом, с четвертой — рекой Белой и прудом. Основным зданием является плавильня. Кроме того, в составе заводских зданий числятся: гармахерская, пильная мельница, котельная, кузница, амбар «где припасы кладутся», меховая, конюшенный двор, выжигальня, лесной и кирпичный сараи. Все основные здания размещены очень компактно у плотины для использования энергии водяного колеса.

[1] ЦГВИА, ф. 349 (Л), д. 3408.

3. План Колывано-Воскресенского завода, 40-е годы XVIII в.

На другом плане постройки завода показаны схематично, но подробно — существующая оборонительная стена с башнями, новая проектная линия укреплений с бастионами[1]. Возможно, назначением плана было показать систему обороны завода как элемента Колывано-Кузнецкой укрепленной линии. План не датирован, но подпись «инженер-капитан Сергей Плаутин» дает ключ к определению даты. Подпись того же Плаутина, но в чине инженер-майора имеется на плане Томска 1748 г.[2]. Следовательно, рассматриваемый план — несколько более раннего времени. Инженер-майор Плаутин (т. е. в конце 40-х годов XVIII в.) подписывает и следующий план завода (рис. 3)[3]. На этом чертеже вся территория завода на левом берегу реки и пруда показана огороженной вертикально поставленными бревнами, рвом и надолбами (см. профиль *а—в*). Непосредственно за плотиной, по обоим берегам реки расположены собственно заводские постройки. Для сообщения между ними через реку перекинуты три моста. Группа этих построек по правую сторону реки огорожена рогатками.

Из заводских сооружений показаны: каменная плотина, за прорезом в плотине поставлена пильная мельница; на левом берегу реки, возле плотины, располагается плавильня и близ нее «амбар для содержания припасов». На правом берегу из заводских построек указаны: «каменные котельные фабрики», кузница, «фабрика каменная», слесарная, сарай, «где содержатся припасы». Лаборатория поставлена близ внутренней крепости, баня у реки. Вне ограждения территории значатся: кирпичные сараи и мельница.

В центре всей территории расположена внутренняя крепость с четырьмя бастионами по углам и двумя воротами, одни из которых ведут в сторону группы заводских построек, вторые — в противоположную. Ограждение крепости состоит из вертикально поставленных бревен, рва в линии рогаток (на рис. 3 профиль). Внутри крепости находились: цейхгауз, «где содержится ружье и артиллерийские припасы», весы, казармы (4 здания), контора, амбары.

[1] ЦГВИА, ф. 421, д. 36.
[2] ЦГВИА, ф. 349, оп. 39, д. 2218.
[3] ЦГВИА, ф. 349 (Л), д. 3409.

Эта крепость по абрису, числу ворот и составу зданий почти повторяет изображенную на чертеже 1732 г. То же можно сказать и относительно группы заводских зданий. Основные из них стоят на тех же местах, как и на плане 1732 г., а в целом их ассортимент несколько расширен.

По периметру внешнего ограждения располагались жилые дома рабочих. Отсутствие строгой геометричности в контуре домов и схеме взаимного расположения дает основание предполагать, что этот чертеж, в противоположность плану 1732 г., является не проектным планом, а съемкой с натуры. Чертеж интересен тем, что он показывает планировку завода, ассортимент зданий, устройство оборонительных стен и башен. Плотина помечена как каменная[1].

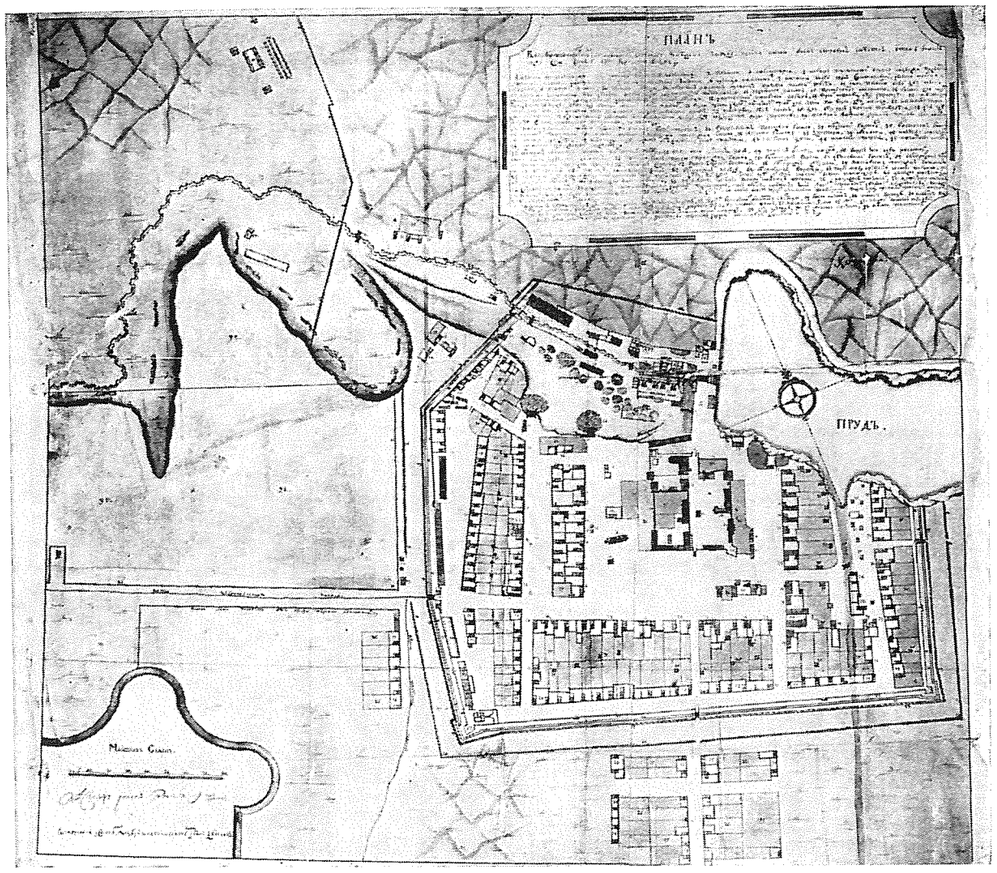
План 1753 г., который «размеривал и сочинял ундер шихтмейстер Иван Денисов» (рис. 4)[2], отличается от предыдущих схем большими подробностями. Всякое изображение пронумеровано и объяснено в экспликации, которая отличается большой полнотой и позволяет составить описание завода и его сооружений. На чертеже показаны даже угольные и рудные кучи. Новые проектируемые постройки не упоминаются. По-видимому, завод достиг наибольшего развития (как сказано выше, вопрос о закрытии завода возник в 1759 г.). Основные заводские здания стоят на тех же местах, где они показаны на первоначальных планах.

Территория завода с трех сторон ограждена «заплотом в столбы», окружена рвом, надолбами и рогатками. С южной стороны в двух углах устроены бастионы. В стенах три проезжих башни и одни ворота. На правом берегу реки расположены только заводские строения. С внешней стороны они ограждены рогатками.

Внутренняя крепость претерпела большие изменения. Частично сохранились стены «забранные заплотом в столбы», четыре башни, некоторые здания внутри крепости. К стенам и с внутренней, и с наружной стороны примы-

[1] Эта плотина единственная каменная на Алтайских заводах. Она представляет собой значительное для того времени гидротехническое сооружение. По сведениям А. Д. Крячкова (см. Труды Новосибирского инженерно-строительного института, № 1, 1937), плотина в длину имеет 50 *м* при ширине поверху до 12 *м* и высоту около 8 *м*. Сложена грубой циклопической кладкой, первоначально, вероятно, на мху (гидравлические растворы в начале XVIII в. были неизвестны). Водослив шириной 5,5 *м*. Общий вид плотины см. иллюстрацию в кн. Н. С. Гуляева и П. А. Ивачева. Колыванская шлифовальная фабрика, Барнаул, 1902.

[2] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 6333.

4. План Колывано-Воскресенского завода, 1753 г.

кают огороды. Можно предположить, что крепость потеряла свое значение. Солдатские казармы расположены теперь у заводского ограждения, у Московской проезжей башни, от которой идет дорога на Барнаул. Вероятно, причиной отживания внутренней крепости послужило продвижение государственной границы к востоку. В 1757 г. оборонная линия была передвинута также к востоку и уже не проходила через Колывано-Воскресенский завод (см. рис. 1).

Окончательно закрытый в 1800 г., завод был переоборудован в шлифовальную фабрику.

Усилиями Фролова на фабрике была организована школа, подготовлявшая художников для фабрики. Наличие превосходного сырья и соответствующих кадров художников и механиков обеспечило высокохудожественную продукцию фабрики, многие изделия которой и по настоящее время украшают залы Эрмитажа[1].

Барнаульский завод плавил руду Колыванского и Змеиногородского рудников.

План завода 1748 г. (рис. 5) — наиболее ранний из известных нам — показывает, что за

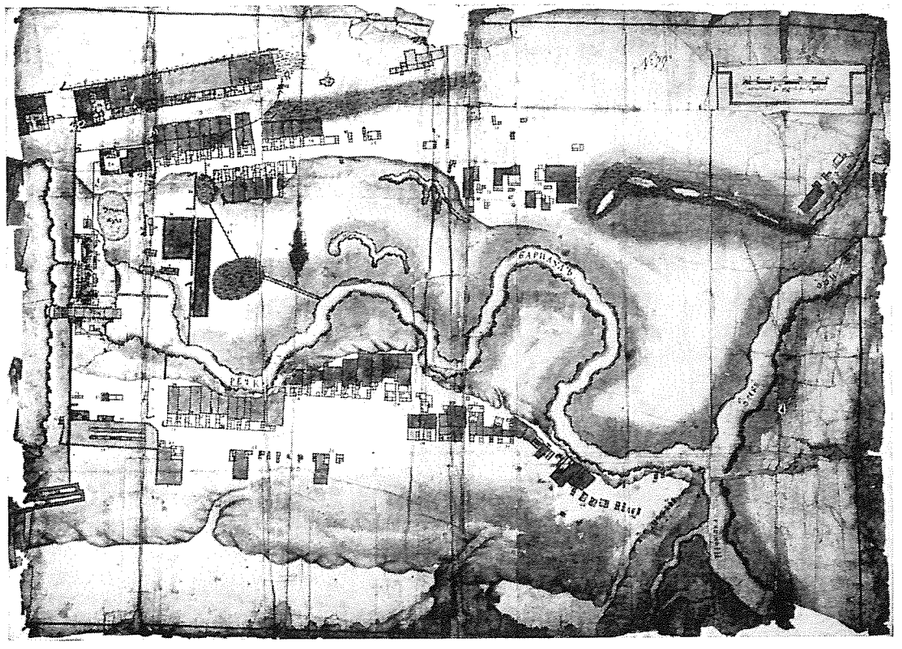
[1] В. К. Макаров. Цветной камень в собрании Эрмитажа. Л., 1938; Н. Я. Савельев. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956; Е. М. Ефимова. Русский резной камень, Л., 1961.

несколько лет существования завода его территория была застроена многочисленными зданиями, среди которых на чертеже условной окраской различаются принятые «от партикулярного содержания» и «казенным коштом переправленные или построенные» и «вновь построенные». Первые из них, вероятно, те, которые перешли в 1747 г. от Демидова в Кабинет[1]. Экспликация перечисляет до 50 зданий и различного рода сооружений. Чертеж подписан «геодезии прапорщиком» Пименом Старцевым, имя которого нередко встречается на планах Алтайских заводов середины XVIII в.

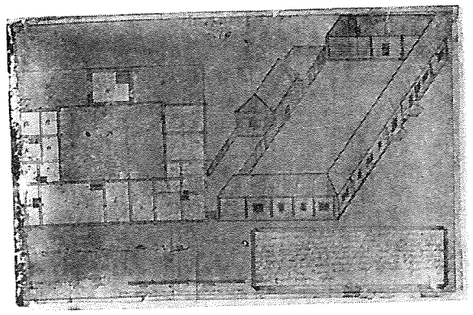
Чертеж очень плохой сохранности. Левая его часть с экспликацией оторвана и не могла быть заснята для данной работы. На чертеже территория завода с запада (план ориентирован по правилам географических карт) ограничена прудом, созданным плотиной через реку Барнаулку.

Завод просуществовал около девяти лет к моменту составления плана. Многочисленность производственных и жилых зданий показывает, что производительность завода была высокой. По сравнению с планами Колывано-Воскресенского и других заводов этот план отличается отсутствием четко выявленных укреплений. Более удаленный от границ, чем другие заводы, Барнаульский менее нуждался в укреплениях. Под № 32 значится «стена обнесенная забором кругом всех фабрик конюшны и амбаров в той стене две башни». Отдельными участками протянуты рогатки. Основные производственные здания внутри забора и, во всяком случае, в пределах рогаток. Ближе других к прорезу в плотине (ларю) примыкают: плавильный цех, пильная мельница, и близ них группируются другие производственные здания — обжигательные печи, лаборатория, «меховая фабрика» (т. е. цех для призводства воздуходувных мехов), конюшни, хлебная мельница, «проезжая башня, на которой для отдачи часов колокол»; гауптвахта, комендантский дом, офицерские дома; «башня на плотине, в которой содержится ружье».

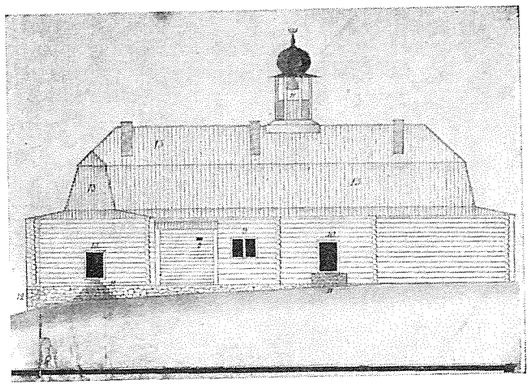
[1] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 6396.

5. План Барнаульского завода, 1748 г.

6. Госпиталь Змеиногорского рудника, чертеж 1761 г.

7. Контора Змеиногорского рудника, чертеж 1798 г.

В 1752 г. завод был расширен[1]. В 1797 годовая выплавка руды достигала 700 000 пудов.

Большая производительность завода, его относительно других заводов раннее основание и, очевидно, географическое положение — Барнаульский завод расположен на большой водной магистрали — реке Оби и был несколько удален от степных границ — послужили причиной того, что он сделался центром алтайских горных заводов. Здесь была сосредоточена высшая администрация и орган управления заводами — Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства.

Менее жизненным оказался третий Демидовский завод — Шульбинский на реке Шульбинке, где была открыта медная руда. Постройка Шульбинского завода была начата в 1744 г., но строительство его не было закончено. В числе трех алтайских демидовских заводов он был взят в казну в 1747 г. Его план, подписанный тем же Плаутиным до 1747 г., т. е. до взятия в казну[1], весьма схематичен и не дает нового материала по сравнению с двумя предыдущими для представления о планировке и ассортименте зданий металлургического завода того времени. Существует более подробный чертеж плана, характеризующий его как один из форпостов Иртышской линии укреплений[2].

К 70-м годам XVIII в. кроме Колывано-Воскресенского и Барнаульского действовали Сузунский меденлавильный, Павловский сереброплавильный и Томский железоделательный заводы. Нет необходимости для общего представления о планировочных принципах заводской территории рассматривать планы всех заводов. Те из них, которые не находились на оборонной линии, не имели крепостей и других элементов укреплений. Планы их отражают технологическую схему и функциональную связь нескольких основных сооружений.

На всех заводах и рудниках строились производственные, вспомогательные и жилые здания. Постройки осуществлялись почти исключительно деревянными из сосны и пихты, простейших конструкций (рис. 6)[3]. Лишь в отдельных случаях назначение здания обязывало к некоторой нарочитой композиции (контора Змеиногорского рудника по чертежу 1798 г., рис. 7)[4].

В архивных делах можно найти полный список построек того или иного рудника или завода, описание материалов и конструкций и даже размеры.

Например, имеется очень подробное описа-

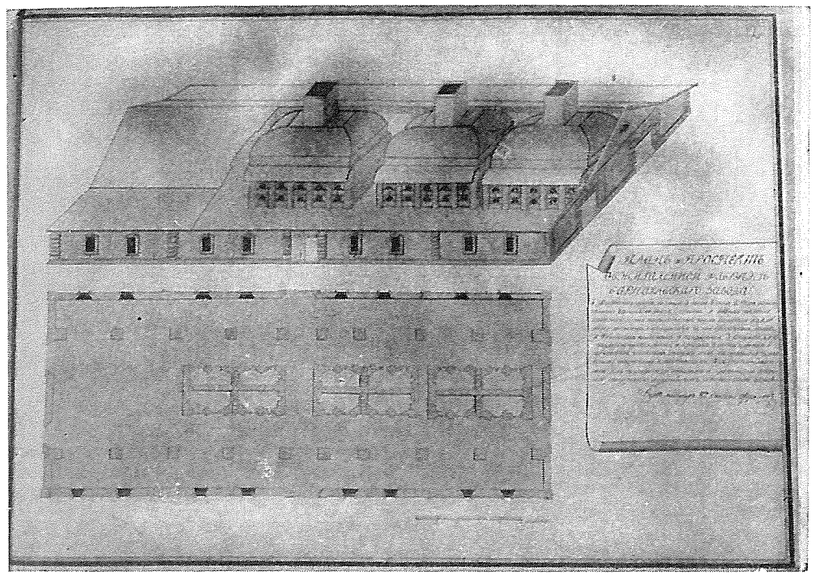
[1] Н. Я. Савельев. Козьма Дмитриевич Фролов. Свердловск, 1950. Очень показателен чертеж — «Преспект» Барнаульского завода, собственноручно выполненный И. И. Ползуновым в 1751 г. Опубликован в книге В. В. Данилевского. «И. И. Ползунов». М.—Л., 1940, рис. 11. Также большой подробностью отличается план завода 1751 г. (см. там же, рис. 12), подписанный Ползуновым, который в период 1748—1753 гг. работал на Барнаульском заводе. На обоих чертежах показаны как существующие, так и проектируемые здания.

[1] ЦГВИА, ф. 421, д. 80.

[2] См. указ. раб. Ф. Ф. Ласковского, стр. 151. Вероятно, этот чертеж выполнен после сенатского указа (ПСЗРИ, т. XIV, № 10705, 1757 г., стр. 742—743, пр. № 43) по представлению фельдцейхмейстера графа Шувалова в 1757 г. об учреждении Комиссии для рассмотрения российских крепостей.

[3] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 1317.

[4] Чертеж конторы подписан изобретателем К. Фроловым, управляющим рудником.

8. Обжигательная фабрика Барнаульского завода, чертеж 1803 г.

ние Салаирского рудника. Вспомогательные постройки: конюшня, кузница, сарай — не рубились «в углы», а забирались «из плашнику» или «из горбин» в столбы и покрывались дранью. Более значительные здания — магазинный амбар, «дом для житья командующего» — иногда покрывались «тесом в три ряда подобно гонту»[1]. Подобный характер построек выявляется и из других описаний, чертежей и экспликаций.

В архивных фондах хранятся многочисленные чертежи Алтайских заводов, дающие представление о конструкциях и архитектуре заводских зданий второй половины XVIII и начала XIX в. Очевидно, такие чертежи прилагались к отчетам, отправлявшимся в Кабинет, и выполнялись периодически. Одни подписаны бергмейстером Фроловым (Петром, сыном Козьмы Фролова), который в звании бергмейстера был в 1801—1805 гг. В эти годы Фролов ведал «чертежной Барнаульского завода», которая выполнила в 1803 г. большое количество чертежей технологического, планировочного и строительного характера по Колывано-Воскресенским заводам и рудникам[1]. Другие чертежи подписаны Бером, временно «правящим должность начальника заводов» с 1807 по 1809 г. За срок, отделяющий один чертежи от других, изменений в зданиях не произошло.

Все производственные здания строились из дерева, за исключением некоторых цехов, как обжигальни (рис. 8)[2], или отдельных помещений плавилен, стены которых выкладывались из кирпича. Характерны цеха Барнаульского завода. На плане первой плавильни Барнаульского завода (рис. 9)[3] подробно показано все технологическое и механическое оборудование плавильни. Шестнадцать плавильных печей, разделительные печи, отделяющие медь от серебра, сереброразливательный горн; воздуходующие машины, работающие от водяных колес, к которым вода подается из «водосодержащего ларя», проходящего вне здания. Освещается здание главным образом продольным фонарем,

[1] По-видимому, чертежная являлась своего рода проектным отделом завода.

[2] ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 5, д. 841, л. 12. Часть здания показана без крыши. Как следует из экспликации, по продольной оси здания поставлены три обжигательные (для руды) печи, каждая в два яруса. Пол выстлан чугунными плитами .

[3] ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 5, д. 841, л. 5.

[1] Гос. архив Новосибирска, ф. 12, опись 1, д. 1, лл. 2—8.

так как глубина здания значительна. Во всех зданиях деревянные стропила, конструкция которых позволяет перекрывать большие пролеты. На одном из рисунков показана конструкция стропил второй плавильни Барнаульского завода при пролете 14,5 *м*. Стропила открыты снизу, так что, несмотря на невысокие стены, внутренний объем просторный. По всей длине конька устроен фонарь (рис. 10).

На основании архивных чертежей можно констатировать, что с начала XIX в. появляется стремление к систематизации проектного материала и его типизации, как можно видеть из альбома «Планы и фасады казенным строениям Колывано-Воскресенских заводов»[1]. Альбом не датирован. На флюгере одного здания имеется дата «1808 год». Общий характер архитектуры, техника черчения позволяют считать это время возможной датой и для других проектов. В альбоме представлены проекты квартир чиновников, лазаретов, контор и главным образом производственных зданий, как-то: пильных мельниц, рудоразборных, плавилен, провиантских магазинов.

Проектируемые здания свидетельствуют о несомненном архитектурном прогрессе. Теперь на фасадах уже нет случайного размещения оконных и дверных проемов. Композиция зданий при всей простоте отличается симметрией не только в отношении основных элементов, но и второстепенных — слуховые окна, дымовые трубы.

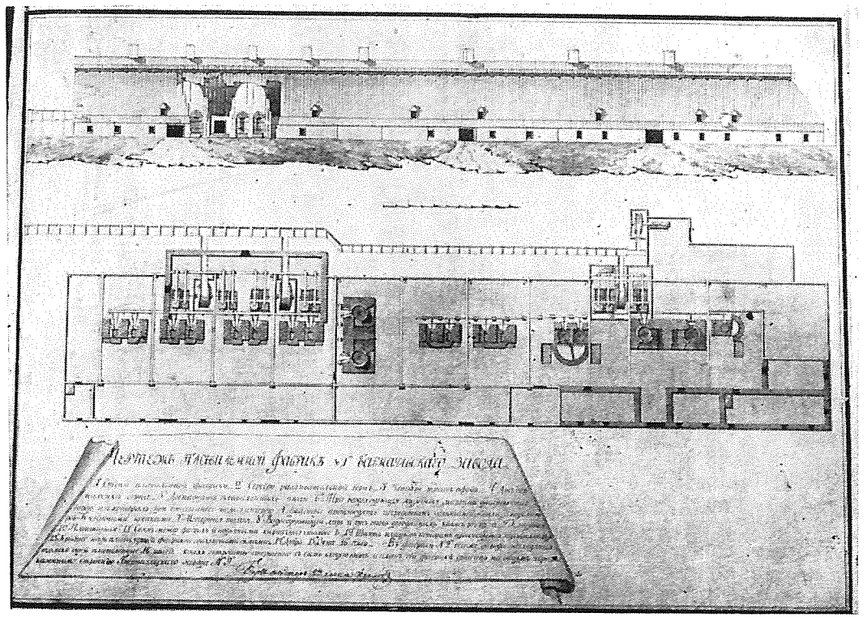
К указанной группе чертежей принадлежат генеральные планы Барнаульского завода, представляющие размещение не только заводских построек, но и всего населенного места, прилежащего к заводу. Один из них подписан П. Фроловым (рис. 11)[1], другой, весьма схожий с ним, — Бером. Это наиболее ранние планы города Барнаула.

В 1771 г. Барнаул, центр горной промышленности Алтая, был «учрежден горным городом».

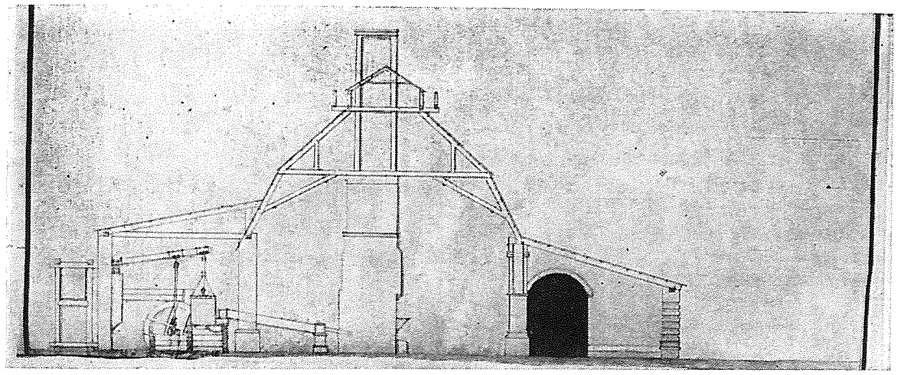
В конце XVIII в. застройка вокруг Барнаульского завода происходила по обоим берегам реки Барнаулки, преимущественно на левом. Вне заводской территории располагались многие вспомогательные заводские постройки — со-

[1] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 4788.

[1] ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 5, д. 840, л. 4. Рис. 8, 9, 10, 11 можно датировать 1803 годом, основываясь на том, что в этом году чертежная Барнаульского завода выпустила большое количество чертежей и все они подписаны П. Фроловым.

9. Плавильня № 1 Барнаульского завода, чертеж 1803 г.

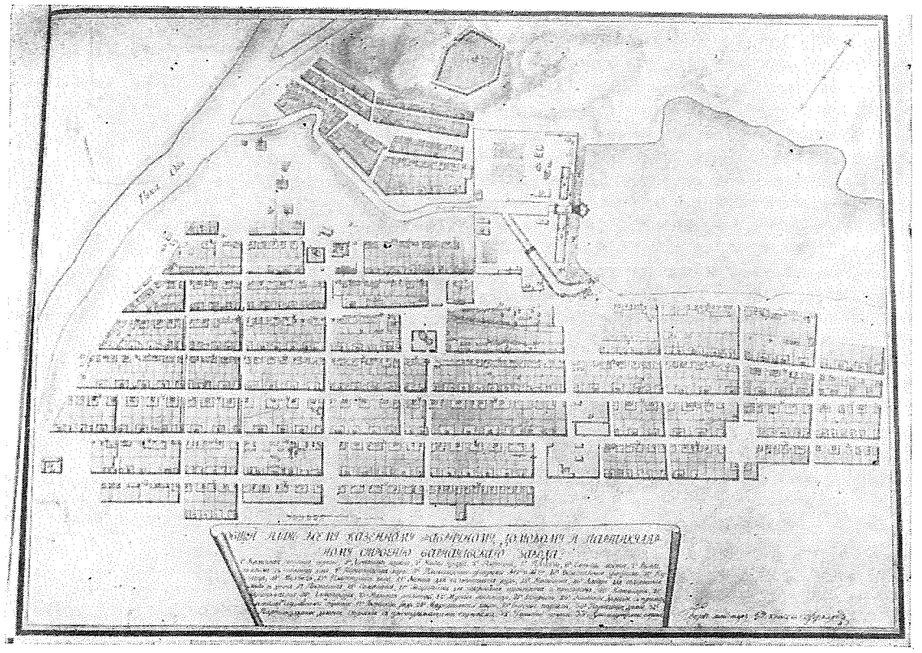

10. Плавильня № 2 Барнаульского завода. Разрез, чертеж 1803 г.

ляные и хлебные амбары, конюшня, кирпичный завод, архив, госпиталь, аптека, заводская канцелярия, жилые дома для офицеров, чиновников, мастеровых.

Еще в первые годы существования Барнаульского завода, кроме собственно заводских корпусов, началось строительство зданий другого назначения. Из архивных документов известно о постройке первой церкви в Барнауле в 1748 г. Она показана и на плане Барнаульского завода этого года (см. рис. 5).

В 70-х годах XVIII в. возникает вопрос о строительстве каменной церкви Петра и Павла в Барнауле, когда по высочайшему указу «ве-

11. План Барнаула, чертеж 1803 г.

лено знающих каменное дело выбрав определить из мастеровых людей здешнего завода двадцать, да прислать с Новопавловского двадцать, с Змеиногорска десять, итого пятьдесят человек, но того числа при таком строении будет недостаточно...» Предлагается далее привлечь отставных мастеровых, принимавших

12. Петропавловский собор в Барнауле, 1771 г. Снимок начала XX в.

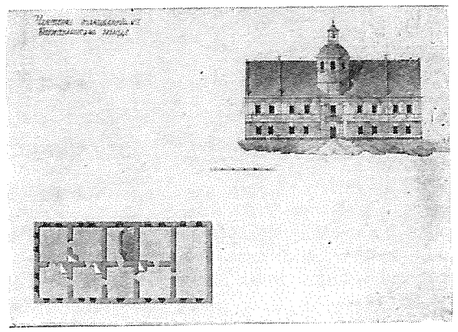
участие в строительстве печей Новопавловского и Сузунского заводов. В июле 1771 г. сообщается о строительстве церкви[1].

Каменное здание Петропавловской церкви еще существовало в первой четверти XX в. Старые фотографии показывают здание с массивным барабаном, увенчанным луковичной формы главой. Трехъярусная колокольня завершается шатром (рис. 12).

В 90-х годах XVIII в. на Петропавловской улице, проходившей от Соборной площади перед заводом, возникают первые кирпичные постройки — аптека, канцелярия, материальный магазин.

Бесспорно, в создании альбома проектов начала XIX в. и в возведении первых монументальных зданий возле заводской территории на Петропавловской улице принимали участие лица (или лицо), обладавшие специальными знаниями.

В Государственном архиве Алтайского края есть формулярный список 1820 г.: «...Шихтмейстер 14-го класса Андрей Иванов Молчанов. В Барнаульском заводе при разных постройках. 55 лет. Из солдатских детей». Далее сообщается, что он начал свою работу плотинным учеником в 1781 г. Работал при барнаульской чертежной. «С 1786 по 1790 гг. в С-Петербурге для изучения Архитектуры по возвращении в Барнаул при Каменном и деревянном строении и при чертежной...» Далее перечисляются заводы, в которых он работал «при исправлении фабричного строения» и при постройках[1].

13. Канцелярия Барнаульского завода, конец XVIII в.

В Барнауле на Петропавловской улице, перед заводом, Молчанов проектировал и построил здания аптеки в 1793—1794 гг. и канцелярии завода (рис. 13)[2]. Последняя осуществлена без вышки для часового боя, показанной в проекте и, возможно, с последующим изменением средней части (здание существует).

Мощность заводов увеличивалась, и в старых обветшалых зданиях становилось тесно. Основывались новые заводы. Предстояло большое строительство производственных построек; требовались здания для горного училища, госпиталя и богадельни (инвалидный дом).

Место для этих построек было выбрано на прилежащей к заводскому пруду Конюшенной площади, по трем сторонам которой предполагалось поставить эти здания, а четвертая ограждалась от водоотводного канала гранитной стеной с чугунной решеткой.

[1] ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 599, л. 3, 28.

[1] ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 2563, л. 158, 159. Сообщено нам сотрудником Краевого алтайского музея Н. Я. Савельевым, которому выражаем глубокую благодарность.

[2] ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 5, д. 841, л. 16.

На чертеже нет подписи Молчанова. Подпись П. Фролова в чине бергмейстера, т. е. в период 1801—1805 гг. Следовательно, чертеж является копией. Авторство Молчанова утверждается в книге А. П. Уманского, Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959.

Кому принадлежала идея этого ансамбля — Молчанову, единственному архитектору, о котором известно по архивным документам этого времени, или Фролову, — неизвестно. П. Фролов был идейным вдохновителем и гражданского строительства и общего благоустройства Барнаула, поскольку в его обязанности входили и функции гражданского управления. Гражданские здания предназначались для работающих на заводах. То обстоятельство, что заводской архитектор был и городским, способствовало единству архитектурных принципов в производственных и гражданских постройках.

Проекты этих зданий создавались в 20-е годы XIX в. Вначале в них принимал участие Молчанов. План госпиталя (который не соответствует построенному зданию) подписан им в 1819 г.[1] В 1824 г., когда были возведены стены на высоту первого этажа, он по старости уволился[2]. Строительство госпиталя прекратилось.

Фролов понимал необходимость иметь квалифицированных специалистов по строительству. Еще в 1820 г. он направил в Академию художеств для обучения архитектуре «маркшейдерского ученика» Я. Н. Попова, работавшего на Колыванских заводах с 1816 г. Попов пробыл продолжительное время в Петербурге, обучаясь в Академии художеств и совершенствуясь на практической работе. Но в Барнаул он прибыл лишь в 1829 г.

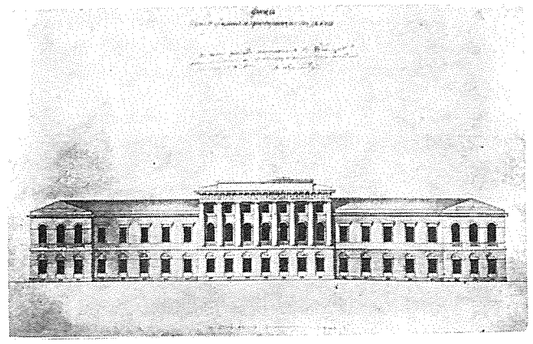
В Барнаульском архиве имеются планы этажей горного училища, нижний из которых визирован Фроловым в августе 1828 г.[3] Чертеж фасада в настоящее время в архиве не найден, но в Краевом музее есть фотография с него (рис. 14) с визой Фролова от августа 1828 г. В это время Молчанов уже не работал. Попов еще не вернулся из Петербурга. Кто же был автором проекта? Из всех проектов зданий, намеченных для строительства на этой площади, проект этого здания обладает наибольшими художественными достоинствами. Можно допустить предположение, что проект фасада горного училища был прислан из Петербурга, где его выполнил кто-либо из архитекторов Кабинета. Проект третьего здания — богадельни в архиве не имеется.

[1] См. указ. раб. А. П. Уманского.

[2] О частичном возведении стен госпиталя сообщается в книге ботаника, профессора Дерптского университета Ледебура, побывавшего в Барнауле в 1826 г., см. K. F. Ledebur. Reise durch das Altai — gebirge und die soongorischen Kirgisensteppe, t. I, Berlin, 1829.

[3] ГААК, ф. 50. доп. опись, д. 2.

Немецкий ботаник Ледебур, в 1826 г. путешествовавший по Алтаю, получил в Барнауле от Фролова сведения по предполагаемой застройке площади. В своей работе, посвященной этому путешествию, он пишет, что эти здания

14. Проект Горного училища. Чертеж 1828 г.

послужат украшением города, и сообщает их размеры[1]. Следовательно, если проекты и не были еще закончены в 1826 г., то размеры зданий были определены. Книга Ледебура опубликована в 1829 г. Может быть, эти сведения или даже самые проекты, как утверждают некоторые авторы[2], были высланы ему дополнительно.

По-видимому, в первые годы (т. е. после 1817 г.) управления заводами Фролов приступил к составлению того плана Барнаула, чертеж которого датирован 1820 годом.

По существу этот план не отличается от плана 1803 г. Но в очертаниях заводской территории, улиц, площадей, их сопряжений наблюдаются большее упорядочение, стремление к геометрической правильности, увязка общей планировки города с планом завода. Последний занимал центральное место в городе.

Планировка города в границах того времени сохранилась почти полностью и определила собой дальнейшую планировку городской территории. От торговой площади к северу была направлена самая широкая, главная улица —

[1] См. указан. раб. K. F. Ledebur.

[2] А. Д. Крячков. Указ. раб. Автор говорит о четырех гравюрах с проектов барнаульских зданий в книге Ледебура. Указанная книга Ледебура просмотрена нами в Библиотеке имени В. И. Ленина. Гравюр в ней не имеется. Может быть существует другое издание книги нам неизвестное. О гравюрах говорится также в книге А. П. Уманского.

ШШ—2

Московская, переходящая в дорогу на Санкт-Петербург. С этого времени (1820 г.) планировка города осуществлялась по плану.

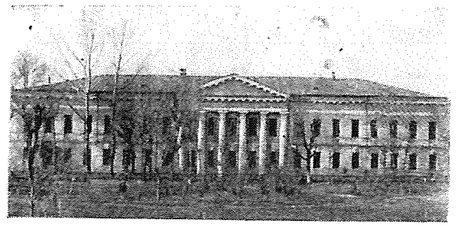
Градостроительное упорядочивание Барнаула Фролов связывал с общим ростом горной промышленности на Алтае. Истекало столетие существования алтайских заводов. Фролов предполагал ознаменовать это событие постановкой монумента и добивался на это разрешения в Кабинете в 1824—1825 гг.: «настоящее время нахожу к тому приличнейшим как для ознаменования начала сего важнейшего в России заведения...»[1]. На что от Фролова требовали, чтобы он доставил «предварительный рисунок оному с означением подписи и из каких материалов предполагаете его сделать»[2]. Представляя управляющему Кабинетом эскиз монумента, Фролов сообщал: «Впрочем ежели представляемый ныне проект памятника по благоусмотрению Вашего сиятельства найден будет не соответствующим предположению, то покорнейше прошу Ваше сиятельство приказать сделать и доставить ко мне другой приличнейший; здесь же по неимению в заводах архитектора, за коим остановилась постройка вышеозначенных училища и богадельни, не можно было составить лучше»[3]. Следует отметить замечание Фролова об отсутствии в 1825 г. архитектора в Барнауле. Проект монумента подписан только Фроловым[4]. В юбилейный год памятник был только заложен.

Архитектор Попов приехал в Барнаул в августе 1829 г. Фролов оставил пост начальника Алтайских заводов в апреле 1831 г. Совместная работа их продолжалась около двух лет, в течение которых Попов познакомился с планами Фролова относительно застройки Барнаула и постройки новых заводских и других зданий.

«Шихтмейстер» Попов в это время представлял собой очень квалифицированного специалиста, как это можно видеть из его формуляра на 1831 г. «Яков Николаевич Попов в Барнаульском заводе архитектором от роду 28 годов из офицерских детей».

«В службу поступил на Колыванские заводы маркшейдерским учеником в 1816 г.

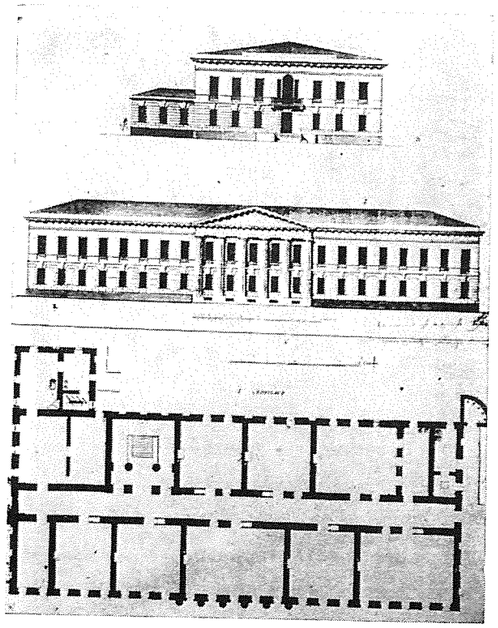
В 1820 году из помянутых заводов начальником оных прислан в Санкт-Петербург к обучению Архитектуры, для чего Кабинетом Его Величества определен был в Императорскую Академию Художеств 20 апреля 1820 г.

15. Здание госпиталя. Снимок 1955 г.

Из оной Академии по распоряжению Кабинета уволен для практических занятий и усовершенствованию в Архитектуре и отдан Г. Архитектору Росси 1 декабря 1822 года, где находясь по поручениям г. Росси, занимаясь по построению Михайловского дворца, Главного Штаба Его Императорского Величества, нового каменного театра и других каменных зданий — за усердную и ревностную службу и приобретенных познаний в Архитектуре произведен Кабинетом в шихтмейстеры 13-го класса 19 марта 1828 года.

За усердное отправление должности по строению нового каменного театра выдано ему по

16. Проект госпиталя

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 315/476, д. 726, л. 6.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же, л. 3, 5.
[4] Там же, л. 4.

высочайшему повелению в награждение 600 рублей 14 ноября 1828 года.

При отправлении в Колыванские заводы по предложению Архитектора Росси в вознаграждение усердной и ревностной службы и в поощрение к дальнейшим успехам выдано единовременно 600 рублей 29 марта 1829 года.

По прибытии в заводы, с 27 августа 1829 года определен при Барнаульском заводе архитектором»[1].

Дальнейшие записи в формуляре очень краткие, отмечают лишь получение званий и знаков отличия за беспорочную пятнадцати-, а потом двадцатилетнюю службу. В 1852 г. Попов ушел по болезни в отставку «с горным мундиром».

Сохранившиеся с его подписью проекты отмечают отдельные этапы его работ. В 1831 г. Попов продолжил строительство госпиталя, который за отсутствием денег был закончен только в 1845 г. Но Попов следовал своему проекту, отличающемуся от плана Молчанова наличием трехчетвертных колонн в средней части и, возможно, другими деталями (рис. 15, 16).

Одновременно Попов составил проект богадельни с церковью, которые были закончены в период 1833—1840 гг. По своему назначению здание не использовалось. Сначала в нем разместили горное училище, а затем с 1872 г. — Алтайское Горное Правление (рис. 17). Первоначальный чертеж здания в архиве не найден.

Монумент в ознаменование столетия существования заводов, заложенный в 1825 г., возведен с сохранением основной идеи композиции, но с коррективами его пропорций. Уменьшена общая высота памятника, повышен против проекта пьедестал и уменьшен самый обелиск (рис. 18). Более соразмерными по отношению к боковым граням были сделаны чугунные доски с надписями (в настоящее время не существуют). В 1837 г. монумент был почти закончен. В ведомости «О построении новых зданий и поправке старых» за вторую половину 1844 г. он упоминается как совершенно законченный. Указана и стоимость его — 1428 р. $5^1/_4$ коп[2].

Проект горного училища был визирован Фроловым в 1828 г., но строительство не производилось. При возобновлении его в 1846 г. Попов должен был составить проект и смету[3].

[1] ГААК, ф. 2, оп. 5, д. 422.
[2] ГААК, ф. 2 оп. 3, д. 2721, л. 19, 20.
[3] Нами в Алтайском архиве не найден материал об авторстве Попова в отношении проектов богадельни и горного училища. См. указ. раб. А. П. Уманского.

17. Здание Алтайского горного правления. Снимок 1912 г.

Попов оставлял с некоторыми изменениями первоначальный замысел. Проект не был утвержден в Петербурге, а когда в 1851 г. Попов заболел, работа над проектом была передана архитектору Шрейберу, работавшему в департаменте горных и соляных дел.

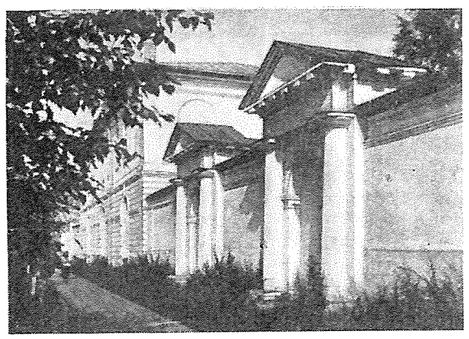
По новому проекту строительство производилось в период 1854—1861 гг. после ухода Попова в отставку. Этим была закончена застройка площади, которая получила название Демидовской (в надписях на монументе упоминалась фамилия основателя заводов).

В планировке и застройке площади сохранилась первоначальная идея. Одна из осей симметрии ансамбля отмечается центральной частью госпиталя с трехчетвертными колоннами и фронтоном, а также портиков здания, проектированного как богадельня и использованного для Алтайского горного правления (в XX в. здание Алтайского горного правления перестроено: надстроен второй этаж, переделана центральная часть, перестроена примыкавшая к зданию церковь).

Вторая ось площади отмечается средним ризалитом главного фасада училища и монументом. Фасад горного училища, построенного

18. Монумент в ознаменование столетия заводов. Снимок 1955 г.

19. Ограда Барнаульского завода. Снимок 1912 г.

через 32 года после составления первого проекта, потерял выразительность и пластичность средней части. Он отличается в своем осуществленном облике сухостью, характерной для времени последней стадии разработки его проекта (50-е годы XIX в.). Хотя здание горного училища много потеряло в связи с изменением фасада, оно осталось соразмерным двум другим и всей площади. Обелиск из серого гранита, отделенный от постамента чугунными квадрами, отличается легкостью пропорций. Монумент поставлен на пересечении двух осей симметрии площади. Он является центром площади. Площадь не потеряла своего градостроительного значения и в настоящее время. (Неудачны сделанные за последнее время посадки деревьев.)

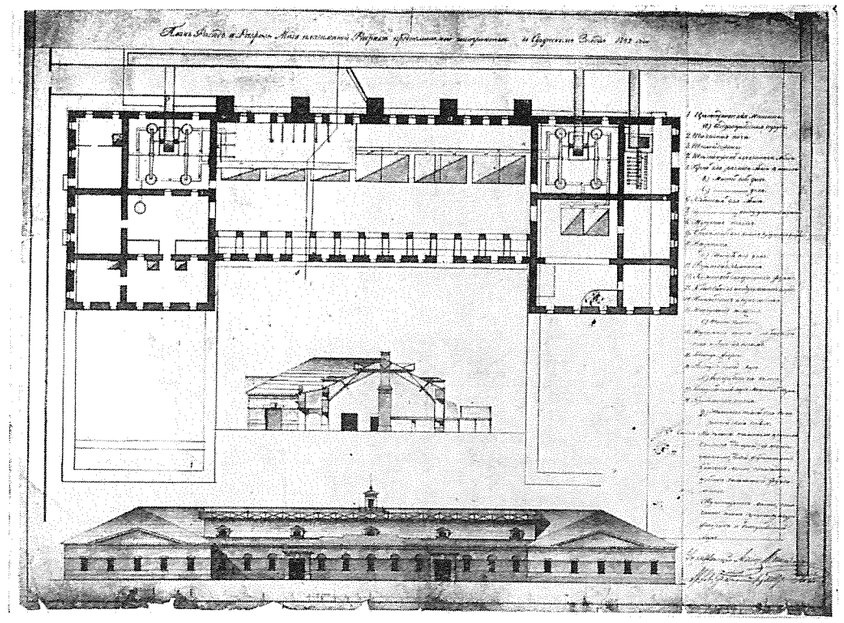
На Петропавловской улице, одна сторона которой граничит с заводской территорией, еще в конце XVIII в. началась застройка. Архитектором Молчановым было построено здание аптеки. На углу противоположной, заводской стороны улицы был разбит сад для лекарственных растений и сооружены здания канцелярии, инструментального магазина (склад) и гауптвахты. В XIX в. Поповым был составлен проект «главной аптеки, предполагаемой к переустройству в г. Барнауле»[1]. Перестроенное здание аптеки существует до настоящего времени. Близ него в 40-е годы XIX в. была построена химическая лаборатория вместо ставшей тесной «пробирни», с 1770 г. находившейся на территории завода. В 1848 г. к зданию лаборатории с обеих его сторон были пристроены каменные ограды с воротами, которые со зданиями лаборатории и аптеки архитектурно оформили северную сторону квартала[2]. В 1913 г. здание лаборатории (ненужной ввиду закрытия заводов) было перестроено под музей.

Между зданиями канцелярии, инструментального магазина и гауптвахты возвели каменные ограды с воротами, одни из которых теперь заделаны (рис. 19).

В 40-е годы XIX в. площадь и улица перед заводом были застроены с большим вниманием. Застройка «горного города» Барнаула происходила одновременно и в полном соответствии с масштабами строительства производственных зданий.

Одной из ранних работ Попова по приезде в Барнаул был план вновь предполагаемой меденлавильной фабрики (цеха) в Сузунском заводе, на котором имеется виза: «по сему плану построить плавильную фабрику в Сузунском заводе. 24 марта 1830 г. П. Фролов». Попов подписывает этот проект в самом низшем звании горных специалистов — «шихтмейстер»[1]. Однако строительство плавильни задержалось.

[1] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 5196.
[2] Там же.

20. Проект плавильного цеха Сузунского завода, чертеж 1842 г.

В 1842 г. создается новый проект плавильного цеха Сузунского завода, подписанный уже «гиттенфервальтером» Поповым (рис. 20)[2]. Из ведомости «О построении новых зданий и поправке старых» явствует, что строительство плавильни продолжалось и в 1845—1847 гг.[3] Планы плавильни отличаются четкостью, симметрией в конфигурации. Большое плавильное помещение длиной около 60 *м*, пролетом около 19 *м* перекрыто деревянными стропилами типичной для заводов шпренгельной системы.

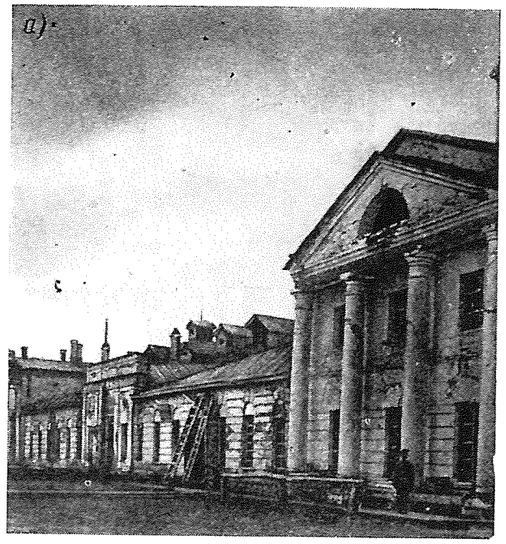
Можно предполагать, что когда в 1835 г. составляется альбом «Планы горных заводов, рудников и всего состоящего при оных устройствах Округа Алтайских заводов»[4], Попов принимал участие в составлении этого альбома. Можно также предполагать, что автором многих зданий, показанных на планах как проектируемые, являлся Попов.

На плане «Горного города Барнаула», находящегося в альбоме 1835 г. среди заводских построек, показаны каменные здания: канцелярии, горного правления, гауптвахты, двух плавильных корпусов, воздуходувной, обжигальной, важни, заводской аптеки. Некоторые из этих зданий, возможно, не были закончены строительством.

К настоящему времени из зданий Барнаульского завода (в начале XX в. — лесопильный завод), сохранились здания первой и второй плавилен. Их история как наиболее крупных зданий особенно интересна. Архитектура этих зданий даже при их плохой сохранности дает основание интересоваться их автором (рис. 21, *а*; снимок 1912 г.). В Алтайском архиве найдены только чертежи первой плавильни без подписей (рис. 21, *б*).

Два архивных чертежа второй плавильни мало отличаются один от другого. На одном из них, «предполагаемом к перестройке», есть

[1] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 5189.
[2] Там же.
[3] ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 2721.
[4] ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 88д.

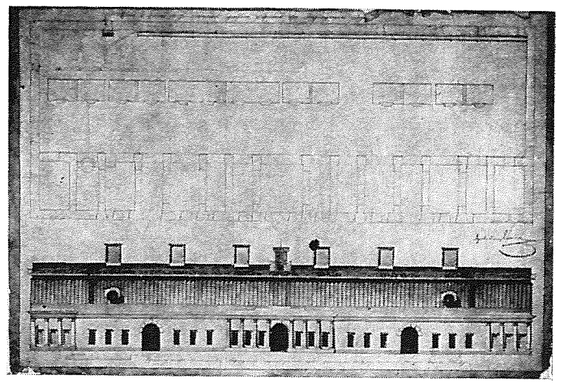

21. Первая плавильня Барнаульского завода
а — фасад; б — план (архивный чертеж)

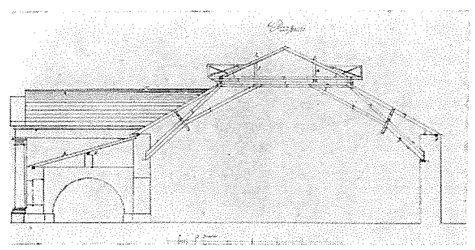
подпись «горный начальник полковник Злобин», а в правом нижнем углу подпись: (слово неразборчиво) коллежский ассесор И. Турский». Эта фамилия нам известна, как фамилия одного из томских губернских архитекторов (до 1840 г.)[1].

На другом чертеже второй плавильни есть указание: «чертил с натуры воспитанник Барнаульского окружного училища — первого практического заводского отделения Василий Зенков 1843 года» (рис. 23). Следовательно, в начале 40-х годов здание существовало[2].

[1] Алтайский краевой музей.
[2] ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 71.

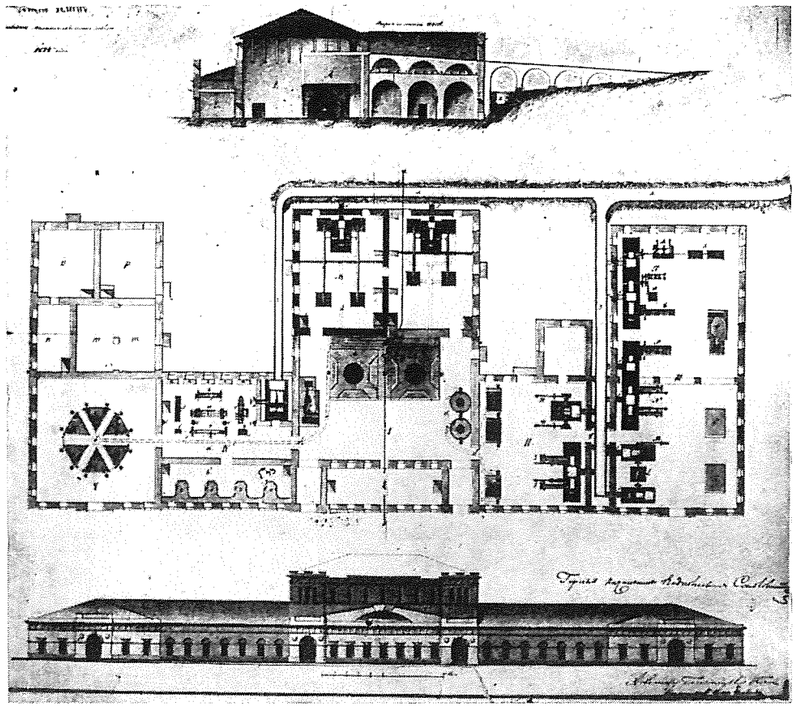
22. Вторая плавильня Барнаульского завода, чертеж 1843 г.

23. Конструкция стропил первой плавильни Барнаульского завода

Нам представляется наиболее вероятной датой проектирования обеих плавилен 30-е годы XIX века. На плане «Горного города Барнаула» 1835 г. обе плавильни показаны каменными. Строительство их еще не было закончено.

Оба чертежа (см. рис. 21 и 22) вычерчены, вероятно, для отчетов, поэтому тщательностью вычерчивания деталей они не отличаются. Логично предположить авторство Попова в отношении этих двух зданий, тем более что других архитекторов в это время не было. Трудно предполагать, чтобы «заводской архитектор», как назывался в документах Попов, не участвовал в проектировании и строительстве основных производственных зданий Барнаульского завода. Анализ архитектурно-конструктивных приемов — общая композиция здания, формы, членение фасадов, система стропил (конструкция стропил основного помещения первой плавильни, рис. 23, абсолютно аналогичная строительному устройству плавильни Сузунского завода, см. рис. 20, проектированной Поповым) освещение повышенной части здания дает основание сближать архитектуру плавилен Сузунского и Барнаульского заводов. Можно думать, что их автором было одно лицо.

24. Проект Гурьевского завода, чертеж 1844 г.

Корпуса обеих плавилен Барнаульского завода в основном сохранились и в настоящее время, однако носят следы больших разрушений и переделок. Обращают внимание чугунные капители колонн второй плавильни. Этот материал, несмотря на длительное существование здания, позволил сохранить четкость профилей. Выступающая часть карниза поддерживается железной плитой. Металлические элементы здания, без сомнения, составляют продукцию бывшего Томского железоделательного завода.

Здания в плане представляют собой прямоугольники, лишенные каких-либо выступов. Портик средней части и боковые ризалиты образованы лишь примыкающими к стене колоннами. Ризалиты с фронтонами или парапетами над ними разбивают монотонное чередование одинаковых по пролету оконных проемов и равных простенков между ними на длинных фасадах (первая плавильня длиной около 140 *м*, вторая — около 80 *м*). Оконные проемы прямоугольной, дверные — арочной формы. Нижняя часть здания первой плавильни до верха окон рустована. Фасадные плоскости второй плавильни гладкие, рустованы лишь архивольты входных проемов. Колонны дорического ордера. Детали просты, и в целом архитектура зданий строга и монументальна.

Основное помещение первой плавильни пролетом 25 *м* было перекрыто деревянными стропилами шпренгельной системы (рис. 23). Они были выполнены из сосны и кедра, обработаны топором с необыкновенной тщательно-

стью врубок и просуществовали до 1915 г., когда были уничтожены пожаром[1].

Стропила были открыты внутрь помещения, что повышало внутренний объем. Такая же конструкция стропил, кроме перекрытия плавилен Сузунского и Барнаульского заводов, использована в Павловском заводе, что говорит о том, что была разработана конструкция перекрытий, которая сделалась типовой для заводских зданий.

Гурьевский, вначале серебро-, а потом железоделательный завод основан в 1814—1815 гг. Проект Гурьевского завода от 1844 г. подписан «архитектором-гиттенфервальтером» Поповым (рис. 24).

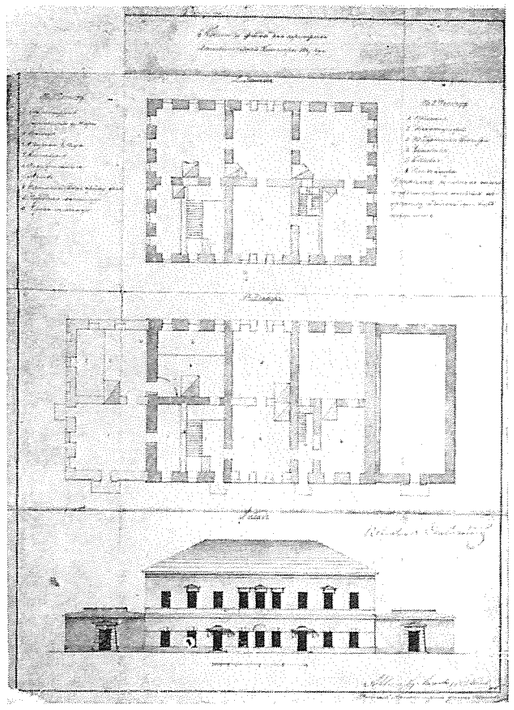
В 1845 г. по предложению главного начальника Алтайских горных заводов «к завершению постройки Гурьевского завода определен» И.М. Злобин[2].

Архитектура существующего здания Гурьевского завода свидетельствует о том, что оно было выстроено по проекту Попова. Злобин ведал лишь производством работ.

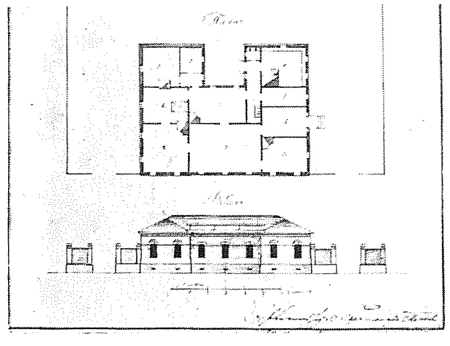
Здание симметрично как в плане, так и в фасаде. Композиция фасада следует тому же приему, какой отмечен в архитектуре плавилен Сузунского, Барнаульского и Павловского заводов, т. е. средний и боковые выступы расчленяют протяженный фасад, достигающий в длину (по масштабу на чертеже) до 120 *м*. Отдельные приемы, как арочные завершения окон, оформление входных проемов, напоминают Сузунскую и Барнаульскую плавильни. Архитектура этих зданий монументальна и проста. Здесь впервые на Алтайских заводах применили металлические стропила бесшарнирной арочной системы при пролете в 21 *м*. Конструкция выполнена на болтах, без заклепок[3].

По-видимому, Попов, проработавший на Алтайских заводах 23 года, касался всех строительных начинаний. Он проектирует (1832) два флигеля при окружном училище[4], «вновь предполагаемые устройства для разных мастерских в Барнаульском заводе» (1841)[5], склад судоходного каталажа на Усть-каменогорской пристани[6], приют для малолетних рудоразборщиков и горного училища в Змеиногорском руднике[7], квартиры для холостых чиновников в

[1] См. указ. раб. А. Д. Крячкова.
[2] ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4003, л. 183.
[3] См. указ. раб. А. Д. Крячкова.
[4] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 5181.
[5] Там же, д. 5203.
[6] Там же, д. 4513.
[7] Там же, д. 4493.

25. Горная контора Локтевского рудника, чертеж 1847 г.

26. Казенная квартира в Барнауле, чертеж 1848 г.

Барнауле (1842)[1], проект перестройки главной аптеки в Барнауле (судя по званию автора «гиттенфервальтер», — первая половина 40-х годов[2]), казенная квартира в г. Барнауле (1848)[3], флигель при Барнаульском госпитале для квартиры медика (1848)[4], другой флигель при госпитале для помещения кухни, пекарни и других служб (1848)[5]; проект ограды и ворот возле здания химической лаборатории (1848)[6].

Заслуживают внимания такие работы Попова, как Локтевская горная контора (рис. 25)[7], казенная квартира в Барнауле 1848 г. (рис. 26), квартира для холостых чиновников.

В архивных материалах имеются эскизы и законченные проекты деревянных и каменных церквей (Локтевский, Сузунский заводы), автором которых во многих случаях является Попов.

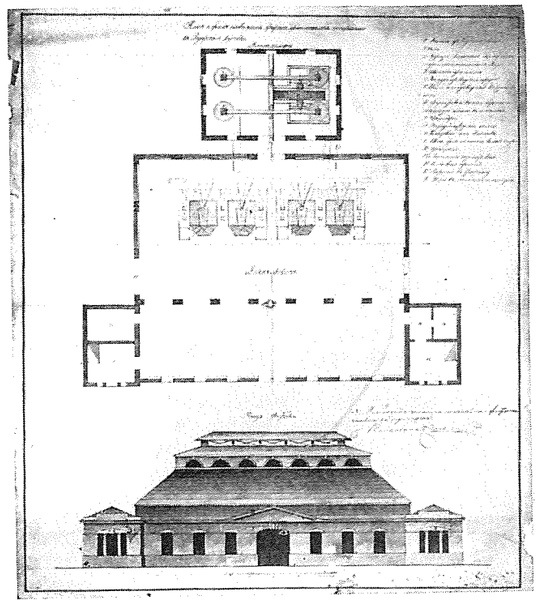
Как показывает ведомость «О построении новых зданий и поправке старых», многие из зданий заводских и городских, задуманных еще Фроловым, достраивались в 40-х годах. Степень участия в их архитектурном оформлении Попова трудно выяснить, но несомненно, что «заводской архитектор», как он называется в документах, не оставался в стороне от этого вопроса.

К числу проектов производственных зданий, созданных в 40-е годы XIX столетия, принадлежит и проект плавильной фабрики Риддерского рудника (рис. 27), подписанный полковником Злобиным[8].

С 40-х годов XIX столетия в письменных документах и на чертежах встречается фамилия Злобина. Мы уже упоминали его как строителя Гурьевского завода.

Из его формуляра известно, что по окончании Горного института он по распоряжению Главноуправляющего корпусом горных инженеров с 1830 г. посещал «учебные и художественные классы Академии художеств» для приготовления в «горные архитекторы». Затем Злобин был определен на службу в Колывано-Воскресенские заводы «для употребления по строительной части»[9].

В архивных материалах находим сведения о его работе в Локтевском заводе, на Змеиногорском руднике, где он руководил постройками. Он ведал постройкой Гурьевского завода, периодически прерывая эту работу командировками и снова возвращаясь, в 1848, 1850 гг. Работал главным измерителем в Змеиногорской чертежной (1850).

27. Проект плавильни Риддерского рудника, 40-е годы XIX в.

В его формуляре за 1852 г. значится: «Определен к исправлению должности архитектора впредь до назначения сего лица»...[1]

В 1852 г. возникает вопрос о строительстве Введенской церкви в Павловском заводе, для которой Злобин составил план и смету[2].

Местные проекты не были утверждены в Кабинете, почему «действительный статский советник Тон» сочинил новые планы церквей Павловского и Томского заводов[3].

Помимо Попова и Злобина работали и другие архитекторы в Барнауле. Некоторые проек-

[1] ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 27.
[2] ГААК, ф. 50, оп. 18, д. 5196.
[3] Там же, д. 30.
[4] Там же, д. 5200.
[5] Там же, д. 5197.
[6] Там же, д. 5189.
[7] Там же, д. 4636.
[8] Там же, д. 4503.
[9] ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4003, л. 183.

[1] ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4176.
[2] ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 2564, л. 16, 17.
[3] ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 2564, л. 32, 33.
В биографии Тона сообщается, что он в 60-е годы XIX в. составил проекты нескольких церквей для казенных заводов в Сибири. См. П. Н. Петров. Ректор архитектор И. А. Х. К. А. Тон. Спб., 1865, стр. 31.

ты заводских построек создавались и в Петербурге. Вопрос установления авторства имеет значение для определения тех посредников, при помощи которых распространялись архитектурные идеи. Требуется еще очень большая архивная работа для нахождения если не всех, то многих чертежей и документов.

Наибольший расцвет строительства падает на 30—40-е годы XIX столетия. Этот период связан с деятельностью «заводского архитектора» Попова.

Питомец Академии Художеств, работавший у Росси на строительстве таких зданий, как Михайловский дворец, Главный штаб, Александринский театр, Попов внес значительный вклад в дело застройки Барнаула и строительства производственных зданий.

Показателен тип основных цехов Алтайских металлургических заводов, которые, по-видимому, в 30-х годах создаются на Барнаульском, затем на Сузунском, Гурьевском и других заводах.

Планы этих зданий, четкие по внутренним членениям, простые по конфигурации, решены с учетом композиции фасадов. Значительные пролеты перекрыты усовершенствованными системами стропил, освобождающими от опор внутреннее пространство. Глубокие основные помещения, к одной стороне которых (частично иногда и ко второй) примыкают подсобные комнаты, освещаются продольным фонарем.

Заслуживают внимания те архитектурно-художественные приемы, которыми Попов увязывал архитектуру гражданских построек на площади, прилежащей к заводскому пруду, и ближайших к плотине основных производственных построек — первой и второй плавилен, открытых к площади, сохраняя в них общность композиционных приемов и архитектурных форм. Эта общность благодаря простым деталям и отсутствию декоративных элементов на производственных зданиях не противоречит специфическому облику последних (световые фонари, широкие входные проемы, трубы специальных печей и пр.).

Наблюдается типизация конструкций, планировок, композиционных приемов, т. е. развитие и обобщение вопроса проектирования горнозаводских зданий.

ДАЧА КУШЕЛЁВА-БЕЗБОРОДКО НА НЕВЕ

ГЛЕЗЕР Е. Н.

Дача Безбородко относится ко времени большого дворцового строительства в последней четверти XVIII в. Строительство новых дворцовых резиденций в Павловске, Гатчине, Петергофе (ансамбль Английского парка), Пелле сопровождалось быстрым ростом помещичьих усадеб на территории Петербурга и в его окрестностях, по размаху строительства и затрате средств не уступающих подчас царским дворцам.

Одной из первых загородных усадеб того времени явилась дача А. А. Безбородко. Она принадлежит к немногим памятникам русского усадебного зодчества конца XVIII в., сохранившимся в архитектурном наследии Ленинграда.

Документальные данные о ранней поре существования усадьбы не сохранились. Однако многочисленные литературные источники и большой иконографический материал, обнаруженный в архивах и музейных собраниях Ленинграда, открывают возможность восстановить основные моменты строительства дачи и ряд последовательных изменений ее архитектурного облика[1].

* * *

Дача Безбородко расположена на Выборгской стороне, на берегу Невы.

С основания Петербурга Выборгская сторона, отдаленная от центра, долгое время оставалась малозаселенной и незастроенной. Между Казачьей и Охтенской слободами на Большой Неве, где впоследствии возникла дача Безбородко, простирался обширный «Казенный сад», который в 1770 г. был пожалован Екатериной II сенатору Г. Н. Теплову[2].

В 1773 г. ему было пожаловано 30 тыс. руб. на построение дома, с выплатою «оных... из Кабинета в 3 года, по равным частям, начиная с будущего 1774-го года»[1]. На полученном участке Теплов устраивает усадьбу: разводит сад, хозяйство и строит каменный дом. На территории усадьбы находился источник железистых минеральных вод, открытый еще при Петре I. По характеру местности воды назывались «болотными» (Polustus), и вся мыза получила название Полюстрово.

Проект дома Теплова не обнаружен[2]. Однако по кратким газетным объявлениям, сделанным в связи с окончанием строительных работ в 1777 г., удалось впервые определить, какова была архитектура дома Теплова. Здание было построено в три этажа, с двумя круглыми башнями по сторонам и с двумя балконами в среднем этаже[3].

После смерти Г. Н. Теплова усадьба Полюстрово была продана его сыном в феврале 1782 г. графу А. А. Безбородко за 22 500 руб. «с господским домом, с людьми и пашнями»[4].

Существующий ныне дом усадьбы Безбородко сооружен по проекту Д. Кваренги. Об этом говорит последний в письме к Луиджи Маркези от 1 марта 1785 г. Это положение подтверж-

[1] Работа «Дача Кушелева-Безбородко» написана в 1947 г. в виде исторической справки; рукопись хранится в архиве Гос. инспекции по охране памятников Ленинграда. Настоящая статья составлена по материалам «Исторической справки» с некоторыми дополнениями.

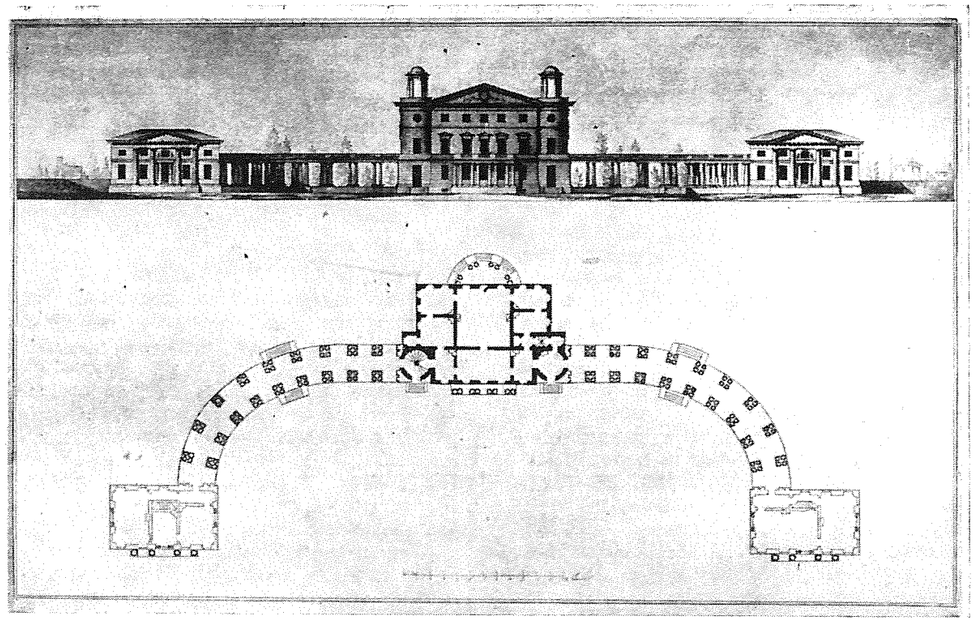
[2] Музей истории Ленинграда, Архив Майера, Атлас III, ч. II, отд. II, № 7020/2, план сада 1762 г.

[1] Объявление о межевании сада «пожалованного ныне Теплову». Спб., Ведомости 1770 г., № 87; общий Архив Мин. двора, опись 352/1343, т. 35, Указ. 173 от 28/X 1773 г.

[2] Высказанное («Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958, стр. 225) предположение о том, что автором проекта был Баженов, требует подтверждения. Это предположение основано на существовании обнаруженного А. Н. Петровым письма Баженова к Теплову, в котором он просит прислать программу для дома Теплова. Но у последнего было два дома: городской на Фонтанке у Аничкова моста и загородный на Выборгской стороне. Чтобы установить, о котором доме пишет Баженов, нужно дополнительное исследование.

[3] Спб. Ведомости 1777 г., № 70; № 100.

[4] ЦГАДА, ф. Кушелевых-Безбородко, д. 378, 1859, л. 2.

1. Проект дачи Безбородко. План и фасад. Д. Кваренги. 1780-е годы

дает и биограф Д. Кваренги — Ф. М. Тасси[1]. Чертеж проекта дачи Безбородко хранится в Музее истории Ленинграда (рис. 1).

Чертеж исполнен в два цвета. План центрального корпуса здания с круглыми башнями покрыт черной тушью; колонны портиков главного и паркового фасадов, закругленные сквозные колоннады по сторонам здания и планы боковых павильонов покрыты бледно-розовой акварельной краской. Кваренги, проектируя дом Безбородко, включил дом Теплова в центральную часть нового здания, отмеченную на плане черной тушью. Таким образом, подтверждается высказанное академиком И. Э. Грабарем предположение. «...Сомнительно, чтобы круглые башни главного корпуса принадлежали Кваренги, и надо думать, что последний лишь перестроил существовавший здесь уже ранее дом Теплова»[1].

Для установления даты начала работ по устройству усадьбы Безбородко и окончания осуществления проекта Кваренги необходимо привлечь некоторые литературные материалы.

Относительно сада дачи Безбородко узнаем из объявления в газетах от 9 мая 1785 г., в котором вызывают желающих «исправить на даче графа А. А. Безбородко разные земляные в саду работы»[2]. В своих «Записках» М. Гарновский отмечает за август 1787 г.: «Граф Александр Андреевич живет теперь на своей даче; всякое утро приезжает во дворец, а к обеду возвращается паки на дачу»[3]. О времени завершения работ по сооружению дачи говорит сам Безбородко в письме графу С. Р. Воронцову от 3 августа 1787 г.: «Здешняя моя дача переме-

[1] В письме Кваренги, перечисляя выполненные им проекты до 1 марта 1785 г. в России, называет: «Дом в деревне для брата графа Безбородко». Ф. М. Тасси, комментируя переписку Кваренги, отмечает некоторые особенности, характерные для существующей дачи Безбородко: «Перестройка домика в деревне Безбородко с небольшим рвом в саду, с открытым храмом, в котором помещена статуя Императрицы». Надо полагать, что вначале Безбородко намерен был подарить будущую дачу своему брату, но впоследствии передумал и выстроил дачу для себя лично. Tassi Francesco Maria «Vite de pittori Scultori e architettri Bergamaschi», т. II, 1793, стр. 149, 152.

[1] И. Грабарь. История русского искусства М., б/г., т. III, стр. 401.

[2] Спб. Ведомости 1785 г., № 37, стр. 379; № 38 стр. 393; № 39, стр. 404.

[3] Русская старина 1876 г., т. 15, «Записки Михаила Гарновского», стр. 242.

нила вид и домом и садом, который у всех верх взял»[1]. Итак, совокупность материалов дает возможность отнести дату составления проекта дачи Безбородко к 1783—1784 гг., а время окончания всех работ по переустройству дома и парка — к 1787 г.

На проекте Кваренги здание состоит из центрального корпуса в виде трехэтажного каменного прямоугольного в плане дома с расходящимися от него в обе стороны закругленными сквозными галереями. Галереи оканчиваются двумя небольшими павильонами, образуя перед домом парадную площадь.

Центральный корпус состоит из восьми комнат и двух круглых в плане помещений по углам, в местах примыкания галерей. Его средняя часть завершается фронтоном, а боковые башни — небольшими бельведерами.

Во втором этаже главного фасада в центре здания — открытый балкон. Снизу балкон поддерживают четыре пары колонн. Со стороны садового фасада такой же открытый балкон полукруглой формы. Два входа в здание с главного фасада устроены через помещения круглых башен.

За зданием в глубине участка расположен огромный парк, спроектированный в пейзажном стиле.

Из садовых сооружений усадьбы известны два павильона работы Кваренги: «Руины» — двухэтажный павильон с помещением для библиотеки[2] (рис. 2) и двенадцатиколонный круглый павильон-храм, в котором стояла бронзовая статуя Екатерины II в виде богини Цереры работы скульптора Д. И. Рашет (рис. 3). Оба павильона видны в перспективе сада на чертеже проекта дачи Кваренги.

В законченном виде дача Безбородко изображена на акварели художника А. А. Сергеева, исполненной в 1800 г.[3]

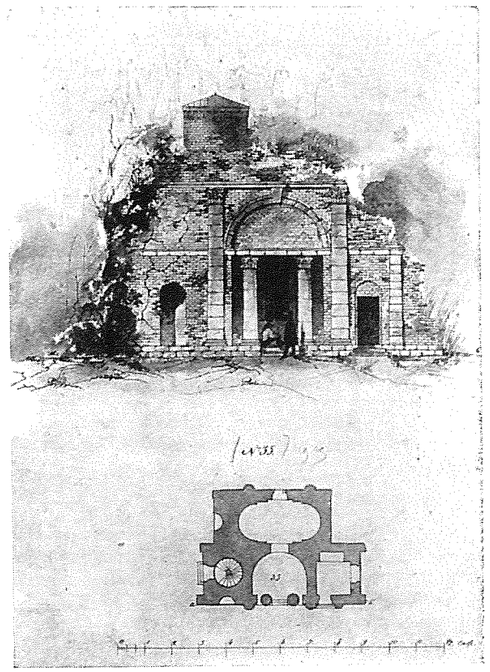
Сравнение акварели Сергеева и проекта дачи Безбородко дает возможность установить, что проект Кваренги получил свое полное осуществление в натуре.

Лишь одна деталь фасада здания на акваре-

[1] Н. Григорович, Канцлер князь А. А. Безбородко. Сб. Русского Истор. Общ., т. 26, стр. 307.

[2] « Руины», Проект (план, фасад), Музей истории Ленинграда, № 174, 175. Гравюра «Руины» выполнена самим Кваренги с четырьмя фигурами, в числе которых находится и он сам. Словарь русских граверов, т. I, стр. 219—222, 1895 г. Чертеж обмера «Храма» (план и фасад) в Музее истории Ленинграда. Альбом № 72280, д. 18.

[3] Русский музей. Отдел графики № 14705/15. Историческая выставка архитектуры, 1913, стр. 178.

2. Павильон «Руины» в саду Безбородко (обмер середины XIV в.)

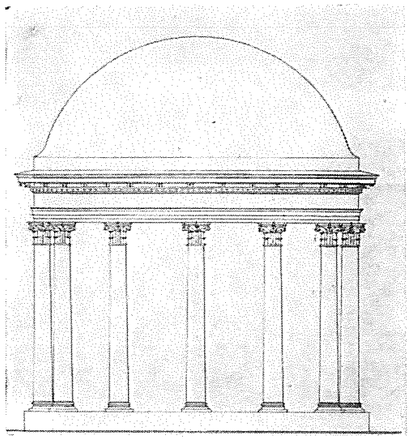
ли отличается от изображения ее на проекте Кваренги: дверь на балкон во втором этаже на акварели имеет полукруглое завершение; окна по сторонам двери — прямоугольные. На проекте все окна и дверь — прямоугольной формы.

* * *

Усадьба Безбородко впервые появляется на планах Петербурга 1790-х годов. План дачи Безбородко, изображенный на детальном (Аракчеевском) плане 1797 г., совершенно идентичен по форме с планом дачи на проекте Кваренги. На плане обозначены двое ворот-въездов в усадьбу с набережной и крытая галерея, идущая от пристани к саду[1] (рис. 4).

Подобное же изображение плана усадьбы находится на плане Боуера 1790-х годов. План 1806 г. (Строгановский) и другие, более поздние, представляют усадьбу с большим количе-

[1] Музей истории Ленинграда. Архив Майера. Атлас IV, ч. II, отд. II, № 7032/3.

3. Павильон «Храм» Д. Кваренги (обмер середины XIX в. Фасад)

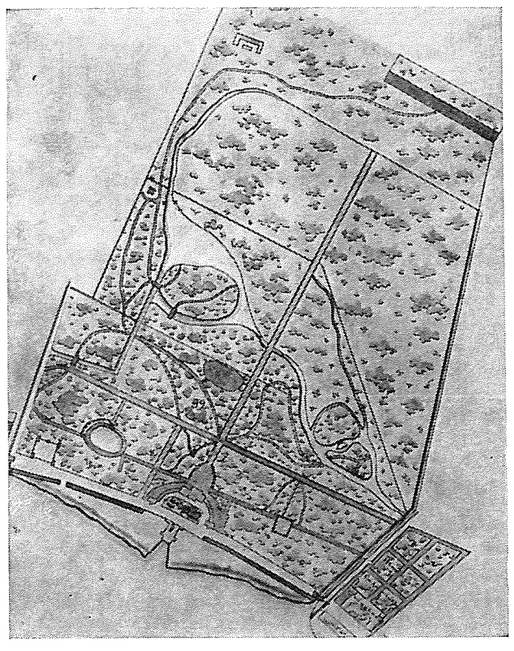
ством хозяйственных построек и несколько иной планировкой сада.

Наиболее раннее описание усадьбы Безбородко находим в официальных материалах архива Сената в «Атласе С.-Петербургской губернии, с географическими и экономическими примечаниями», составленном в 1794 г.[1]

В «Атласе» описываются «Примечания достойные предметы» Выборгской части города и среди них: «Загородный величественный дом Безбородко лежит на Неве, на 1 версту пониже Охтенской слободы, заведен тайным советником Тепловым обще с домом готического вкуса; нынешний дом невелик, но построен с изящным вкусом на набережной улице в 2 этажа с обоих концов имеет по покрытой прекрасной колоннаде, отчего площадь перед домом Невы получает вид амфитеатра. Берег на Неву выкладен диким камнем и на оном стоят медные пушки для увеселения. Сад в длину и ширину около 250 сажень, в Английском вкусе, с кустарниками, излучистыми дорожками, каналами, островками, беседками и пр. В одном леску сего сада встречается круглый, особо стоящий прекрасный храм из 12 столбов, поддерживающий купол. В сем храме стоит статуя монархини с символом богини Цибелы, коея модель сочинена г. Рашетовым, литье же из меди произведено в Академии Художеств. Статуя, в коей весом 200 пудов, вышиною в $9^1/_2$ футов, в греческом одеянии в кафедральной короне; в правой руке держит пук колосьев, а в левой ключ. На стороне есть в саду высокие развалины в 2 этажа, похожие на обветшалый замок. Всходить удобно и весьма хорошо можно оттуда видеть город и окрестности оного, также и сей сад по похвальному обычаю наших знатных господ отворен во всякое время, всем порядочно одетым людям».

И. Г. Георги в своем труде «Описание столичного города Санкт-Петербурга» повторяет вышеприведенный текст описания сада Безбородко. В литературе начала XIX в. приводится тот же краткий текст с некоторыми добавлениями об убранстве парка[1].

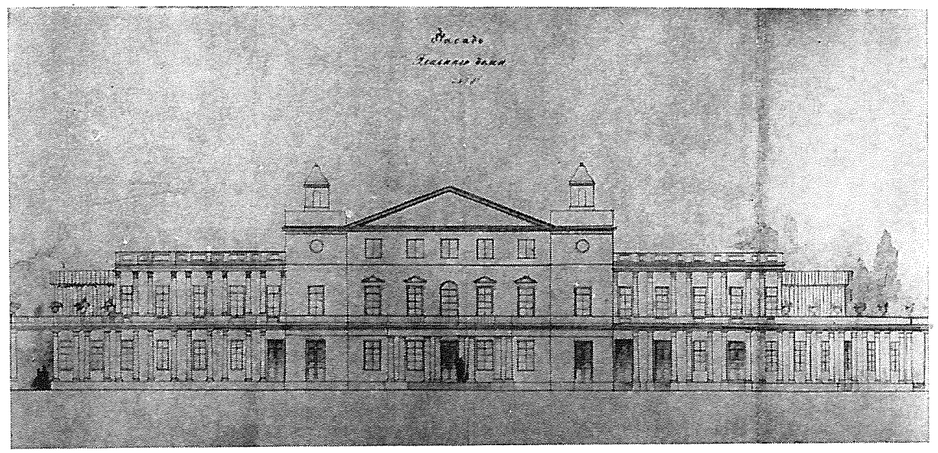
После смерти А. А. Безбородко в 1799 г. усадьба Полюстрово переходит к брату его

4. Генеральный план дачи Безбородко, 1797 г.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас С.-Петербургской губернии, стр. 66 об. Копия 1843 г.

[1] И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. 1794, стр. 159; М. Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. III, стр. 1224.

5. Фрагмент главного фасада (обмер середины XIX в.)

И. Л. Безбородко, во владении которого она остается до 1815 г. После его смерти дачу наследует сын дочери Безбородко А. Г. Кушелев, которому в 1816 г. специальным указом разрешено «впредь именоваться Кушелевым-Безбородко».

Новый владелец обращает большое внимание как на усадьбу, так и на источник минеральных вод, стараясь извлечь из них доход. Производятся работы по осушению местности, прокладываются трубы для подвода целебных вод в специально устроенный бассейн, сооружается здание ванн, открывается Полюстровский курорт минеральных вод[1].

Деревня Полюстрово застраивается небольшими дачками, которые начинают появляться и на территории усадебного парка. Предприимчивые арендаторы устраивают в Полюстрове отели, танцевальный зал, трактир. В парке строятся театр с особым проездом к Неве и вокзал с пристанью. Увеселительная часть парка получает название Тиволи. Газетные рекламные объявления с 20-х годов приглашают желающих развлечься — «на гулянья, имеющим быть на даче Безбородко по воскресеньям и четвергам с музыкой, иллюминацией и фейерверком», который «будет сожжен на воде и на суше». В «Северной пчеле» систематически печатают отчёты о больших гуляньях и празднествах, устраиваемых на даче Кушелева-Безбородко, которая в 40-х годах XIX в. является центром летних музыкальных концертов и гуляний.

Между тем картина Выборгской стороны меняется. С развитием промышленности города в начале XIX в. на окраинах возникают новые заводы и фабрики, поглощая частновладельческие земли и дачи. В связи с этим необходимо отметить одно важное для истории памятника обстоятельство: начиная с 30-х годов XIX в. территория усадьбы заметно уменьшается. В «С.-Петербургских Ведомостях» 1832 и последующих годов ежегодно появляются объявления о продаже на даче Кушелева-Безбородко участков земли под постройку «жилья домов, фабрик и дач»[1].

Новая обстановка в усадьбе — все более возрастающие потребности в увеличении ее доходности, оказывают свое действие и на состояние здания дачи.

Иконографические материалы по даче Безбородко, относящиеся к середине XIX в., рисуют здание уже в измененном виде. Гравированный рисунок дачи 1848 г. дает возможность рассмотреть за деревьями неясные очертания дома с двухэтажными пристройками, примыкающими непосредственно к боковым башням здания[2]. На гравюре 1858 г. рисунок выполнен

[1] А. А. Менельсон. Полюстрово как курорт. Спб., 1897 стр. 1—6.

[1] Спб. Ведомости — 1832 г. прибавл. к. № 98, стр. 1049; к № 170, стр. 1742; 1833 г., прибавл. к № 302, стр. 3092; 1834 г., № 371, стр. 5.

[2] «Иллюстрация», 1848, № 27, стр. 45.

6. Центральная часть главного фасада, конец XIX в.

значительно лучше, с показанием всего здания в перестроенном виде[1].

В старых описаниях Архива Департамента искусственных дел Министерства внутренних дел указан ряд дел о даче Кушелева-Безбородко, возникших в 1840-х годах в связи с ремонтом и другими изменениями в здании. Самые же дела были уничтожены в Архиве еще в XIX веке[2].

По данным старых архивных описей в совокупности с изобразительными материалами, следует отнести время основной перестройки дачи Безбородко к 40-м годам XIX в.

Исключительное значение для определения характера перестройки дачи Безбородко представляет большой альбом чертежей: «Планы строений в имении графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко», заключающий в себе планы, фасады и разрезы главного дома и всех строений усадьбы. Альбом был представлен в С.-Петербургское Гор. Кредитное Общество в связи с закладом Полюстровской усадьбы в 1862 г. (рис. 5).

Как видно из чертежей, боковые галереи застроены жилыми помещениями, оставлены лишь пролеты для проезда на территорию парка. Над галереями по сторонам главного корпуса сделаны деревянные надстройки по пять окон каждая. Открытым остается вопрос о датировке ограды дачи из чередующихся фигур чугунных львов. Вероятно, ее следует отнести ко второй половине XIX в., когда устраивались заборы около загородных дач.

В июне 1868 г. в Полюстрове произошел большой пожар, уничтоживший много дач и все увеселительные заведения парка и курорта. Можно предполагать, что пожаром уничтожены были «Руины», находившиеся в части парка, охваченной огнем. Постройки парка и курорта не возобновлялись, и Полюстрово пришло в упадок и запустело.

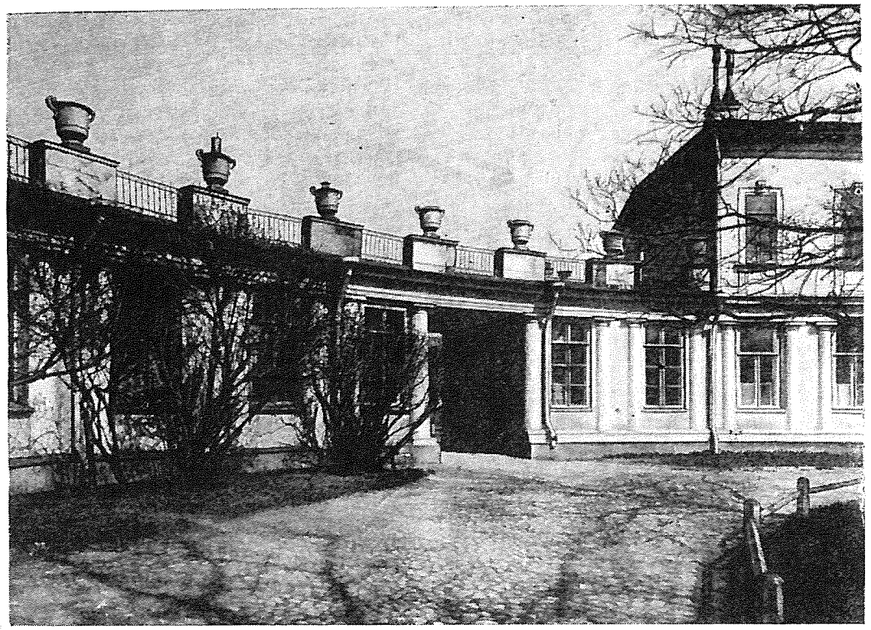
В конце 1880-х годов усадьба Безбородко была окончательно продана наследниками. Переходя от одного владельца к другому, дача Безбородко с оставшимся участком земли в 7100 кв. сажень была приобретена в 1896 г. Обществом Красного Креста для вновь учрежденной Елизаветинской общины сестер милосердия. Для размещения общины здание дачи было капитально перестроено, изменена планировка первого и второго этажей. В части здания, выходящей в сад справа, сооружена вновь внутренняя квадратная каменная лестница. Боковые павильоны также были перестроены[1]. Фасад здания был заново отделан: центральный корпус рустован в двух нижних этажах; в третьем этаже рустованы только углы. Окна получили новые наличники. Детали новой отделки фасада: русты, наличники окон, тяги, филенки — имеют измельченные формы, характерные для отделки фасадов городских доходных домов конца XIX — начала XX в. (рис. 6, 7).

В 1917 г. после Великой Октябрьской социалистической революции здание дачи Безбородко перешло в ведение Губздрава и было отдано для устройства в нем больницы имени К. Либкнехта. В 1927 г. при перестройке больницы был снят балкон второго этажа здания со стороны паркового фасада. Сняты вазы у балюстрады над бывшими колоннадами, а в пролетах между колоннами устроены жилые помещения[1]. С тех пор значительных перестроек в здании не производилось, и оно сохраняет вид, который получило в конце XIX в.

Если обратиться к плану здания на проекте Кваренги и сличить его с планом первого этажа на чертеже обмера 1946 г., то можно констатировать, что основной массив центрального корпуса дачи сохранен в своем первоначальном виде. Все капитальные стены корпуса остались незатронутыми перестройкой, сняты лишь две внутренние поперечные стенки в части здания, выходящей в парк. То же можно сказать и отно-

[1] «Иллюстрация», 1858, № 28, стр. 37.

[2] ЦГИАЛ, ф. Технического-строительного комитета, оп. 28, д. 1423, 1844; д. 1656, д. 1807, 1844; д. 1016, 1846.

7. Фрагмент галереи главного фасада, конец XIX в.

[1] «Неделя строителя», 1896, № 49, стр. 242; ЦГВИАЛ, ф. 277, д. 2969, стр. 12.

[1] Архив Октябрьской революции в Ленинграде, ф. 639, оп. 1/2, св. 118, д. 3126.

сительно боковых павильонов, в планах которых перестройка дачи не внесла существенных изменений.

Новая архитектурная отделка фасадов дачи конца XIX в., изменившая внешний вид здания и павильонов, коснулась главным образом поверхностей стен и обрамлений окон, оставив в прежнем виде основные элементы наружного убранства дачи: классические портики, фронтоны, карниз.

Кроме главного дома, от всего ансамбля дачи Безбородко сохранилась гранитная пристань на набережной Невы, устроенная в виде грота, входная арка которого украшена в замке львиной головой.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX вв.

(От отдельного дома к комплексу)

КИРИЧЕНКО Е. И.

История отдельного городского многоквартирного доходного дома в дореволюционной России является историей его зарождения, расцвета и первых попыток перейти к строительству жилых комплексов. При этом следует оговориться, что объективные условия в царской России (частная собственность на землю) были главным препятствием для их широкого осуществления на практике.

Основные этапы развития доходного дома (этим термином почти полностью определяется основной тип петербургского и отчасти московского жилого дома начиная с конца XVIII в., а в остальных крупных городах России со второй половины XIX в.) сравнительно точно соответствуют основным этапам развития капитализма: времени зарождения капиталистического базиса и промышленного переворота, эпохе промышленного капитализма и периоду империализма. Наибольший размах строительства многоквартирных домов приходится на вторую половину XIX и начало XX столетий, когда после отмены крепостного права в стране начался быстрый рост промышленности, в свою очередь вызвавший огромный приток населения в города.

Самой общей причиной появления доходных домов следует считать дифференциацию производства и превращение строительства жилых домов в такую же статью дохода, как и любая предпринимательская деятельность. Всецело отданный на откуп отдельным предпринимателям доходный дом наиболее отчетливо воплотил одно из основных противоречий архитектуры капитализма — повышение культуры быта и комфорт, с одной стороны, и недостатки планировки и санитарных условий дома в целом, вызванные погоней за прибылью, — с другой.

С точки зрения требований, предъявлявшихся во второй половине XIX в. к жилому дому, показательна конкурсная программа на составление проекта доходного дома императорского Человеколюбивого общества, где было сказано, что на «доходность и удобства квартир должно быть обращено особое внимание, так как эти достоинства будут служить главным критерием при оценке»[1]. Однако факты показали, что степень удобства квартир практически не принималась во внимание. Хотя первая премия и была присуждена И. Н. Ропету, а вторая А. И. Бржезинскому, однако решив, что участок может быть застроен «более выгодно относительно доходности», жюри поручило Ф. С. Харламову составить новый проект, по которому в 1881 г. и было осуществлено строительство дома. Все строительные работы обошлись обществу в 451,076 р. 4,5 к., а доход от сдачи квартир в первые же годы эксплуатации дома достиг 53 тыс. руб. (т. е. 11,7%)[2]. Такая высокая доходность объясняется огромным спросом на квартиры. «Нужно заметить, — писал о жилищном строительстве 70-х годов А. Даль, — что дома эти (доходные) будь они выстроены хорошо или худо, тотчас после окончания переполняются жильцами и дают огромные барыши»[3].

Характерное для капитализма подчинение строительной деятельности целям наживы ни в одном другом типе зданий не проявилось так ярко и определенно, как в доходных домах. Оно оказало решающее влияние на характер городской застройки и явилось непосредственной причиной возникновения тех уродливых сторон доходного дома, которые стали символом уродливых сторон капиталистической архитектуры в целом. Хотя многие особенности доходного дома: периметральная застройка участка и вызванная ею индивидуализированная планировка зданий, внутренние замкнутые дворы, высокая этажность, контраст между дворовым и лицевым фасадами, — в основном сложились в Пе-

[1] «Зодчий», 1878, № 5, стр. 55.
[2] «Зодчий», 1882, № 5, стр. 84.
[3] «Зодчий», 1876, № 4, стр. 40. А. Даль. Строительная деятельность Москвы.

тербурге к 30-м годам XIX в., в условиях строительной горячки, охватившей во второй половине XIX в. крупные города России, эти особенности, многократно повторенные и усиленные, приобрели более определенные, резкие, а во многом и качественно новые черты.

Больше того, исподволь сложившиеся на протяжении второй половины XVIII — первой трети XIX в. приемы, вызванные к жизни превращением жилого дома в объект предпринимательства, во второй половине XIX в. не только получили всеобщее признание, но и нашли отражение в соответствующих статьях строительного устава, приобретя обязательность и силу закона. В это время наблюдается обратный процесс влияния строительного законодательства на характер городской застройки. Приемы, стихийно сложившиеся на протяжении конца XVIII — первой половины XIX в., стали общепринятой нормой не только фактически, но и юридически. Дальнейшее строительство ведется согласно этим нормам. Но поскольку они вырабатывались в процессе формирования доходного дома, закономерным является и тот факт, что Строительный устав, отражая и представляя интересы предпринимателей от строительства, не только не препятствует, но, напротив, стимулирует увеличение плотности застройки участков.

Хотя статья 298 Строительного устава гласила, что «города строятся не иначе, как по утвержденным планам»[1], во второй половине XIX в. она превратилась в пустую формальность. Москва в годы своего капиталистического развития вплоть до 1889 г. застраивалась, не имея официально утвержденного плана[2]. Эпоха промышленного капитализма узаконила порядок, по которому архитектор мог распоряжаться лишь застройкой отдельного участка, рассматривая его как совершенно самостоятельный и не связанный с другими объектами.

Во второй половине XIX в. не только фактически, но и юридически строительство было передоверено отдельным предпринимателям, благодаря чему вопрос о прибыльности отдельного здания полностью заслонил общие градостроительные проблемы. Все параграфы строительного устава посвящены и рассматривают застройку отдельного владения, не касаясь вопросов застройки города в целом, планировки кварталов, распределения в них сооружений различного назначения и т. д. Составители устава, исходя из факта существования периметральной застройки, сосредоточили внимание на установлении минимальной величины внутренних световых дворов[1], максимальной высоты дворовых и лицевых корпусов, наименьшей высоты этажа[2], обязательности устройства глухих стен

[1] Устав строительный (Свод законов, т. XII, ч. I, изд. 1857), изм. и доп. по сводному продолжению. Киев—Харьков, 1893, стр. 94.

[2] Н. Ф. Хомутецкий. Русская архитектура средины XIX в. до 1917 г. 1955, стр. 184 (докт. диссертация, библиотека им. В. И. Ленина, шифр Дд $\frac{56—17}{2}$).

[1] «Во всяком отдельном участке должен быть по крайней мере один двор, пространством не менее 30 кв. саж., причем наименьшая ширина его должна быть не менее 3-х саж., остальные дворы могут быть и менее 30 кв. саж., но должны сообщаться проездами не менее 4,5 арш. с улицей или другими дворами.

Кроме обыкновенных дворов дозволяется устраивать исключительно для освещения лестниц, коридоров, отхожих мест, чуланов и т. п. помещений световые дворики.

Наименьший размер световых двориков, какой бы формы проектированы они ни были, должен быть таков, чтобы в площадь его можно было вписать квадрат в сажень.

Со световых двориков должны быть устроены открытые проходы на другие дворы для очистки могущих попадать на них нечистот, грязи, снега и т. п.» [По пересмотру строительного устава. Устав строительный издания 1857 г. с продолжением 1876 и 1879 гг. Б. м. 188, — стр. 436, § 358, стр. Устав, ноябрь 1844 (18398)].

Не трудно догадаться, что издатели указа № 359, гласившего, что: «Постройка каменных близких одно к другому зданий внутри дворов дозволяется но с тем, чтобы такие строения располагались одно от другого не ближе 2-х сажен» руководствовались отнюдь не соображениями о гигиеничности застройки (там же, стр. 436, § 359, 1857 г., мая 20, высочайшее повеление).

[2] «Высочайше утвержденым в 1844 г. мнением Государственного Совета об ограничении постройки в Санкт-Петербурге высоких зданий и надстроенных этажей на существующих зданиях, постановлены следующие правила:

1) Высота вновь возводимых в Санкт-Петербурге частных домов, во сколько этажей бы они ни были, не должна превышать ширину улиц и переулков, где они строятся, измеряя высоту от тротуара до начала крыши. На площадях же и других открытых местах, а равно на таких улицах, которые имеют в ширину более 11 сажен, не допускать постройки зданий выше сей меры, т. е. 11 сажен.

2) Если здание строится на углу 2-х улиц, имеющих различную ширину, то оно может быть возведено в обе улицы одинаковой высоты, хотя бы и высота сия превосходила ширину одной из улиц».

«В Спб. при возведении домов, устройство жилых этажей высотою менее 3,5 аршин не допускается» (т. е. 2,45 *м*) (там же, стр. 436).

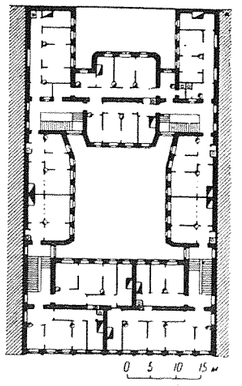
«Высота надворных строений не должна превышать 11 сажен, измеряя сию высоту от поверхности двора до начала крыши; кроме того, если двор имеет

вдоль границ участка, а также официального разрешения дробить участки по разумению владельца[1], что в условиях периметральной застройки обусловило разнобой и индивидуализацию планов и размеров жилых зданий.

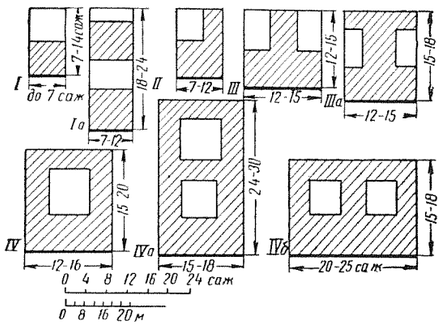
О том, насколько сильны и всеобъемлющи были узаконенные строительным уставом приемы штучного проектирования, свидетельствует пример застройки доходными домами большого участка близ Обводного канала, принадлежавшего тайному советнику Сивкову. Для него архитектором Д. Н. Федюшкиным было запроектировано девять одинаковых зданий, построенных вплотную одно подле другого. Каждое из этих зданий отделено от соседних глухими брандмауэрами и решено как изолированный блок с внутренним замкнутым двором без всякой связи с остальными (рис. 1).

Но даже при таком программно-индивидуалистическом подходе к проектированию на протяжении второй половины XIX в. были стихийно выработаны четыре основных планировочных схемы доходного дома (рис. 2). Особенности каждой определялись размерами участка[2] или, вернее, возможностью наиболее выгодного расположения корпусов на участках определенного размера. Анализ проектов доходных домов второй половины XIX в. показывает, что каждое из вновь возводимых сооружений, несмотря на те или иные отклонения, вызванные особенностями конфигурации участков, тяготеет к одной из этих схем или является комбинацией из них.

Простейший тип планировки небольшого участка[1] (15—20×20—40 *м*) сводится к постановке одного или двух корпусов, параллельных

1. Петербург. Дом Сивкова по Обводному каналу. 1876 г., арх. Н. Д. Федюшкин. План 2—5-го этажей

2. Основные варианты планировки доходных домов в зависимости от размеров участка

границам участка. Участки большей ширины, но неглубокие (20—25×20—30 *м*) застраивались корпусами Г- или П-образной формы. При увеличении глубины и ширины участков — 25—32×25—40 *м* — здание приобретает форму буквы Т или Н. И, наконец, четвертый вариант планировки участка примерно такого же и большего размеров (25—42×32—64 *м*) предусматривает периметральную застройку участка с одним или несколькими внутренними дворами.

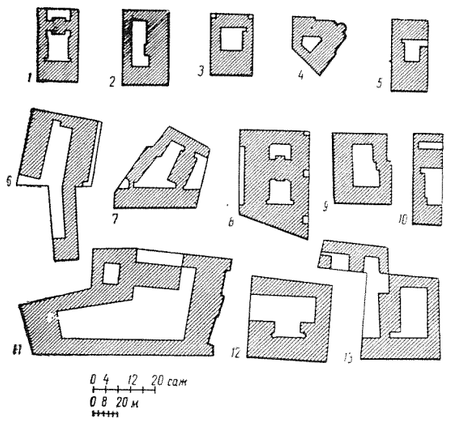
форму правильного прямоугольника, она не должна превышать более как в 1,5 раза линейной меры расстояния от наружной стены этого строения до ближайшего противоположного строения соседней межи; если двор имеет неправильную форму, то для определения предельной высоты надворного строения берется 1,5 средняя ширина сего двора, впрочем, если домовладелец желает возвести надворныя строения разной высоты, то для определения высоты каждого из этих строений берется не вышеупомянутая 1,5 ширина всего двора, а только той части, против которой предположено возвести строение. Строения, выходящие более чем на один двор относительно высоты подчиняются размеру наибольшего из этих дворов» (там же, стр. 440).

[1] ... владельцам «незастроенных дворовых мест... делить их участки вполне по своему усмотрению, с тем лишь условием, чтобы каждый участок имел выезд на улицу не менее как 6 аршин. Владельцы уже застроенных дворовых мест могут делить их на участки также вполне по своему усмотрению, но с тем условием, чтобы каждый участок имел выезд на улицу шириною не менее 6 аршин» (там же, стр. 380).

[2] Ю. Ф. Купфер. Жилой дом. Руководство для проектирования и возведения современных жилищ. М.—Спб., б. г., стр. 310, табл. VII.

[1] В условиях плотной застройки капиталистического периода план доходного дома является одновременно и планом застройки участка в целом.

ми. Однако при возведении доходных домов наибольшей популярностью пользовалась периметральная застройка участков с одним или несколькими световыми дворами, так как этот вариант допускал наиболее интенсивное использование площади участка (рис. 3). В среднем процент застройки участков в центральных

3. Характерные примеры планировки доходных домов второй половины XIX в.

1 — Петербург. Дом Сивкова по Обзодному каналу, 1876 г., арх. Н. Д. Федюшкин; *2* — Петербург. Дом Гуна по Офицерской ул., 1875 г., арх. А. Л. Гун; *3* — Петербург. Дом Вучиховского по Екатерингофскому пр., 1888 г. арх. В. А. Шретер; *4* — Петербург. Дом Яковлевой. 1878 г., арх. Ф. С. Харламов; *5* — Петербург. Дом Осоргиной, 1888 г., арх. И. И. Шапошников; *6* — Москва. Дом Денисова по Рождественке, 1891 г., арх. Карпов; *7* — Москва. Дом по Милютинскому пер. № 3, гр. инж. Н. Г. Фалеев, 1897 г.; *8* — Петербург. Дом Елисеева по Фонтанке, 1892 г., гр. инж. В. Г. Барановский; *9* — Москва. Дом по Брюсовскому пер., 1874 г.; *10* — Петербург. Дом Штрауса по 2-й линии Васильевского острова № 9, 1874 г., арх. В. А. Шретер; *11* — Москва. Дом Чернова в Колпачном пер., 1876 г., арх. А. Л. Гун; *12* — Москва. Дом по Долгоруковскому пер. № 5 а, 1894 г., арх. М. Арсеньев; *13* — Петербург. Проект дома Императорского человеколюбивого общества по Литейному пр. № 31, 1878 г., арх. А. И. Бржезинский

районах обеих столиц составлял 60—80% от общей площади владения. На окраинах он был много ниже.

При сравнительной неразвитости средств передвижения центральные районы стали местом сосредоточения торговых, деловых и государственных учреждений и местом жительства людей, обслуживающих эти учреждения. Типичная для капиталистического города интенсивность застройки его центра вызывалась не только стремлением вернуть расходы, но и выжать прибыль из очень дорогой земли. Колоссальная разница в стоимости 1 кв. сажени в центре и на окраинах Петербурга (150 руб. по Б. Морской и 15—5 руб. в Александро-Невской части) является красноречивым объяснением существования различной плотности застройки в разных частях города[1].

Индивидуальное строительство с предпринимательскими целями определяет не только особенности планировки участков, но накладывает отпечаток и на организацию внутреннего пространства доходных домов. Ко второй половине XIX в. секционная планировка почти полностью вытесняет широко распространенные в конце XVIII — первой трети XIX в. галерейную и коридорную планировки. Это объясняется сравнительной легкостью приспособления секционной планировки к участкам самой различной величины и формы.

Схематически структуру доходного дома второй половины XIX в. можно представить в виде двух параллельных рядов комнат, соединенных коридором и членených через определенные промежутки лестничными клетками. Число секций, число лестничных клеток, конфигурация и размеры секций всецело определяются формой земельного участка и вписанного в него здания. Отсюда часто проистекают неправильные и индивидуальные даже в пределах одного здания размеры и форма секций. Эта особенность, всецело определяемая общим методом проектирования доходных домов, когда в заданную форму

[1] В журнале «Зодчий» за 1872 г. (№ 7—8, стр. 149) была помещена «Ведомость нормальным ценам земли в различных частях города Спб» с характерным замечанием: «.... в последнее время цены на землю поднялись на 10 и 20%. Цена 1 кв. саж. по Б. Морской от Невского до Мариинской пл. — 150 р.

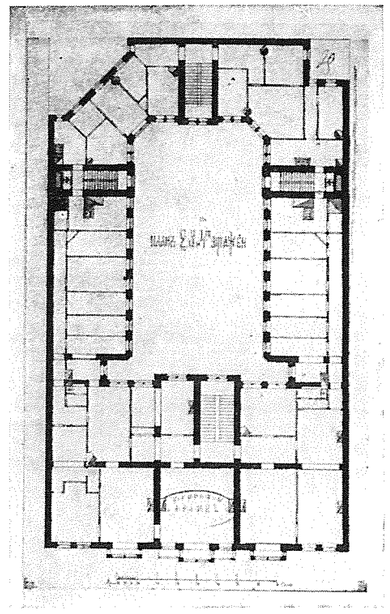
От Мариинской пл. до Поцелуева моста	100 р.
по М. Морской	100 р.
Почтамтская ул.	70 р.
Новоисаакиевская ул.	60 р.
Английская наб. от Сената до Галерного о-ва	100—50 р.
Невский пр. а) от Адмиралтейства до Аничкова моста	175—100 р.
б) от Аничкова моста до Знаменья	100—30 р.
в) от Знаменья до Невского монастыря	30—5 р.
По наб. Б. Невы а) от Невского монастыря до Смольного	25 р.
б) от старого Воскресенского до Литейного моста	35 р.
в) от Литейного моста до Зимнего и по Миллионной	100 р.
по Царицыну лугу	75 р.
между Мойкой, Фонтанкой и Невским пр.	85—60 р.
Литейная ул.	85—40 р.
Александро-Невская часть по сю сторону Лиговского канала	15—7 р.„

плана вписывались секции, когда выбор той или иной формы плана самого здания имеет целью использовать под застройку наибольшее количество площади участка, сама по себе не является недостатком, так же как и индивидуализация плана и секций каждого отдельного здания. Это была единственно возможная и исторически обусловленная особенность, благодаря которой только и можно было добиться определенных удобств в планировке квартир.

Однако поскольку во второй половине XIX в. экономичность и целесообразность доходного дома определялись количеством застроенной площади и выбор той или иной конфигурации плана определялся стремлением наиболее плотной застройки участка, индивидуальная форма плана здания и случайность конфигурации секций часто приводили и к безусловным недостаткам в планировке квартир — появлению темных, не имеющих окон помещений, плохо освещенных, обычно выходивших в замкнутые внутренние дворы. С точки зрения второй половины XIX в. эти комнаты использовались разумно для прислуги и под кладовые. Обычным явлением были комнаты неудобные и случайные по форме и пропорциям (рис. 4) с соотношением сторон 1 : 2 и 1 : 2,5, и даже 1 : 3 как, например, в доме Осоргиной в Петербурге (арх. И. И. Шапошников, 1888 г.).

Уродливые стороны индивидуально-предпринимательского строительства с наибольшей определенностью выступают в крупных городах, где стоимость земли была особенно велика и где она приводила к соответственному увеличению плотности застройки. В связи с увеличением интенсивности строительства во второй половине XIX в. начинают стираться различия между застройкой Петербурга, с одной стороны, Москвы и провинциальных городов — с другой. В доходных домах центральных районов города, наряду с многокомнатными квартирами, имитировавшими в своей планировке московский особняк и располагавшимися всегда в лицевом корпусе, в дворовых флигелях устраивались небольшие квартиры. Последние обычно имели лишь одну лестницу и одностороннюю ориентацию окон, что вызывалось либо устройством узких флигелей с задней глухой стеной, либо экономическими соображениями: устройством четырехквартирных секций. Тем не менее эти квартиры с односторонней ориентацией окон помимо своей санитарной неполноценности были фактически и не экономичны, так как длинный коридор не может считаться полезной площадью.

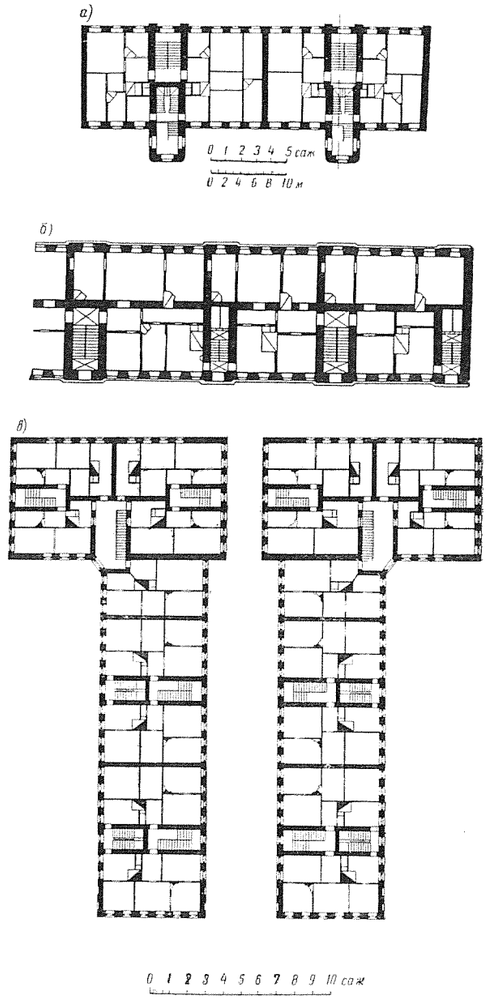
Однако в Москве, где на протяжении всего дореволюционного периода плотность застройки оставалась значительно более низкой, чем в Петербурге, чаще строились дома в виде одного

4. Петербург. Доходный дом Зайцевой. 1878 г., арх. П. С. Богомолов. План 2, 3 и 4-го этажей

свободно стоящего корпуса правильной формы. Это обусловило сравнительно более высокую степень систематичности и компактности в планировке московских квартир: отсутствие характерных для петербургских квартир резких колебаний в размерах комнат, относительно высокий процент квартир со сквозным проветриванием, комнат и секций правильной формы, бóльшую четкость планировочной структуры зданий. В них достигнута максимально возможная в условиях того времени степень стандартизации (дворовый корпус дома по Петровке № 26, арх. М. Арсеньев, 1876; рис. 5, *б*), дом по Георгиевскому пер, № 2, арх. П. Зыков, 1888 (рис. 5, *а*); дворовые корпуса дома по Петровке № 17, арх. П. Сальников, 1894 (рис. 5, *в*). Совпадения размеров и планировки секций в зданиях, построенных в Москве в разное

время и разными архитекторами, не могут быть случайными. Они свидетельствуют о наличии глубоко продуманной системы в организации секций, ведущей начало от типового проекта доходного дома 30-х годов XIX в., размеры которого были близки размерам секций московских зданий второй половины того же столетия и составляли примерно 12×19 *м*.

5. Москва. Характерные примеры планировки квартир и секций в доходных домах второй половины XIX в.

а — дом по Георгиевскому пер. № 2, 1888 г., арх. П. Зыков; *б* — дворовые корпуса дома по Петровке № 26; 1876 г., арх. М. Арсеньев; *в* — дворовые корпуса дома № 17 по Петровке. 1894 г., арх. П. Сальников

Различия в характере жилой застройки Москвы и Петербурга, а также их центральных и окраинных районов доказывают, что в условиях предпринимательского строительства к наиболее пагубным результатам приводят нехватка свободных земель и высокая стоимость участков. Как только ослабевает действие этого фактора, ослабевает и отрицательное влияние индивидуального строительства на планировку зданий.

Если социально-экономические факторы оказывают влияние на общие особенности домов и квартир — их конфигурацию, повторность размеров, степень индивидуализации, то санитарно-технические новшества приводят к изменениям в характере организации внутреннего пространства самой квартиры.

Начиная с середины 70-х годов в доходных домах появляются пассажирские и грузовые лифты, в конце века начинают строиться дома с электрическим освещением, водопроводом, пароводяным отоплением, канализацией. Наибольшее влияние на планировку квартир оказало устройство в них ванн и уборных. Жилые дома 70-х годов демонстрируют постепенное зарождение характерной для нашего времени группы санузла и поиски наиболее рационального местоположения его в плане квартиры. В одном из первых зданий, оснащенных современными видами благоустройства, — доме Штрауса (архитекторы И. С. Китнер и В. А. Шретер, 1874 г.) налицо еще полная случайность в расположении этих помещений и индивидуально-сословный подход к оснащению квартир дорогими в то время новинками. Но через несколько лет был построен целый ряд зданий, где ванные и уборные объединены в компактную группу обслуживающих помещений и определено их местоположение в квартире доходного дома. Хотя ванные были дорогими и устраивались в небольшом количестве барских квартир, само их появление весьма симптоматично для начала 70-х годов — времени быстрого развития промышленности и повышения уровня благоустройства квартир. Возникновение санузла в квартирах доходного дома было вызвано не только появлением ванных, но прежде всего изменением положения уборных в системе многоквартирного дома. В конце XVIII и первой половине XIX в. они помещались на площадках лестничных клеток или в холодных пристройках к галереям. Начало 70-х годов отмечено включением уборных в число обязательных помещений квартиры, что послужило не только причиной дальнейшего усложнения плана квартир, но и основой для создания современной секционной планировки многоквартирного дома, где повторность помещений по этажам во многом определяется местоположением санузла.

Устройство санузла явилось также решающим фактором в создании зеркально повторяющей друг друга планировки квартир одной секции — приема, характерного для наших дней. Это новшество было связано экономическими соображениями о целесообразности объединения труб или выгребов нескольких квартир (дом Ростовцевой, арх. А. И. Гун, конкурсные проекты доходного дома Человеколюбивого общества, архитекторы И. Н. Ропет и П. Штерн, дом Шретера, арх. В. А. Шретер, дома Сивкова на Обводном канале, арх. Федюшкин). Изредка объединяются и дымоходы печей двух соседних квартир [дома Сивкова по Обводному каналу (см. рис. 1)].

Однако объективные достижения в планировке и благоустройстве квартир снижаются из-за высокой плотности и хаотичности застройки — постоянных спутников погони за сверхприбылью. Кроме того, общий уровень благоустройства жилых домов оставался низким. Хроническая нехватка мелких и средних квартир и соответственно наибольший спрос именно на эти квартиры позволяли домовладельцам сокращать до минимума затраты на их благоустройство. «Более половины (52,1%) всех жилых квартир в Москве не имеет не только теплого, но и холодного помещения для сортира, жильцы их должны пользоваться отхожим местом во дворе; при 1/3 квартир есть особый сортир и только 15% московских жилых помещений имеет ветерклозет. В Петербурге и в Берлине процент последних почти вдвое выше, но и он, конечно, недостаточен»[1]. Наиболее благоустроенные квартиры чаще всего встречаются в пределах Садового кольца и за Москвой-рекой, за исключением Городской части, жилье которой было особенно неблагоустроенным[2]. По переписи 1882 г. 10,4% всех квартир в Москве и 8,3% в Петербурге составляли подвальные квартиры густозаселенных районов города. Обилие неблагоустроенных и антисанитарных квартир не являлось в то время привилегией русских городов. В Берлине подвальные квартиры составляли 9,1% от общего числа квартир[1].

Однако эта мрачная картина состояния жилищного вопроса во второй половине XIX в. никоим образом не должна отождествляться с объективными типологическими достоинствами многоквартирного дома. Напротив, для своего времени и вплоть до наших дней он является самым целесообразным типом жилого дома. Основным преимуществом многоквартирного дома в сравнении с индивидуальным является его экономичность, определяемая компактностью планировки, которая позволяет обеспечить жильем большое количество людей при одновременном сокращении расходов на строительные материалы, прокладку подземных коммуникаций, тротуаров, мостовых и достаточно высоком уровне благоустройства. Другое дело, что в условиях капитализма строительство домов и их эксплуатация не только фактически, но и принципиально считаются сферой частного предпринимательства. Этим объясняются невозможность типового проектирования и социальные контрасты в благоустройстве домов для различных слоев населения. Следует отличать типологические достоинства многоквартирных домов от недостатков, вытекающих из особенностей их эксплуатации в эпоху капитализма как домов доходных, строившихся в интересах обогащения отдельных предпринимателей.

Вторая половина XIX в. является периодом наивысшего расцвета жилищного строительства с предпринимательскими целями. Специалисты тех лет не связывали еще недостаток доходных домов и неблагополучное состояние жилищного вопроса с особенностями существующего строя земельной собственности. Напротив, передовые тенденции архитектуры начала XX в. родились одновременно с осознанием порочности штучного строительства. Общей причиной зарождения новых тенденций послужили дальнейшие изменения в структуре капиталистического строя, превращение промышленного капитализма в монополистический.

Наиболее радикальному пересмотру приемы проектирования жилых домов подверглись при попытках решить проблему дешевого рабочего жилья, которая становится в начале XX в. одной из важнейших архитектурных проблем. Самый масштаб этой проблемы определил возникновение новых приемов и решений, неведомых архитектуре второй половины XIX в. и обязан-

[1] Статический атлас города Москвы. М., 1887, вып. 2, стр. 39.
[2] Там же, стр. 40.

[1] Статистический атлас города Москвы. М., 1887, вып. 2, стр. 39.

ных своим появлением кризису общепринятого метода строительства, кризису больших городов.

Созданные капитализмом богатейшие материальные ценности, гигантские предприятия, широко развитая сеть транспорта, тысячи новых зданий не принесли городу благополучия и процветания. За внешними показателями громадного роста строительной деятельности крылись бесплановость, случайное распределение предприятий и железных дорог в системе города, переуплотнение даже самых благоустроенных районов. Но с предельной откровенностью недостатки стихийного роста городов и спекулятивного подхода к строительству определились в застройке рабочих окраин.

В начале XX в. приток населения в города не только не замедлился, но, напротив, продолжал непрерывно увеличиваться. Цифры ежегодного прироста населения в таких городах, как Москва, Петербург, Киев, достигают 40—50 тыс. человек [1]. Увеличение численности городского населения происходит в это время в основном за счет пришельцев из деревень. Статистика тех лет показывает, что население Москвы на 80% состоит из лиц, прибывших из прилегающих районов [2].

Естественным следствием быстрого роста городского населения было увеличение спроса на квартиры, особенно на небольшие дешевые квартиры. На окраинах городов вблизи промышленных предприятий выросли целые районы трущоб. Рабочие ютились в казармах, снимали углы в так называемых коечно-каморочных квартирах. В результате невероятно тяжелых условий быта средние показатели смертности в районах, населенных пролетариатом, были значительно выше показателей смертности по городу в целом. В Москве они составляли 50 человек на 1000 при средней смертности 20 человек[3]. «Вообще за немногими исключениями, — пишет о рабочем жилье крупный исследователь жилищного вопроса М. Г. Диканский, — весь этот материал характеризуется в существенных чертах следующим: недостаточность воздуха (иногда до $^1/_2$ куб. саженн на человека!), отсутствие изоляции для семейных, недостаточность освещения, отсутствие вентиляции, клозетов, хозяйственных приспособлений и пр. Мы могли бы привести образцы этих проектов, поистине образцовых в отрицательном смысле: они показали бы, как не надо строить дома для рабочего класса»[1].

В результате невероятно высокой скученности жильцов плата за 1 $м^2$ в подвальных, коечно-каморочных квартирах была значительно более высокой, чем за равное количество площади в благоустроенных квартирах центральных районов города. «По сделанным мною расчетам, — писал гр. кнж. Н. Дмитриев, — подвальные жилища приносят вдвое, а около фабрик и заводов даже втрое больший доход, чем барская квартира в лучшей части города»[2].

Разрешение жилищной проблемы становится не под силу отдельным лицам. Гигантский спрос на квартиры в среде низших слоев городского населения и пропорциональные ему трудности, возникавшие при попытках разрешения жилищного вопроса, привели специалистов к мысли о необходимости государственного решения проблемы и ограничения прав землевладельцев как о единственно возможном варианте выхода из тупика.

С осознанием социальной важности проблемы дешевого жилья непосредственно связаны попытки улучшения бытовых условий жизни рабочих. Более широкий масштаб этих мероприятий по сравнению со второй половиной XIX в. объясняется усилением рабочего движения, стремлением буржуазии предотвратить и задержать его развитие.

Вот одна из резолюций рубежа XIX—XX вв., ярко иллюстрирующая мотивы, побуждавшие буржуазию и буржуазных специалистов заняться разрешением проблемы рабочего жилья: «В прениях XVIII съезда германских союзов общественной гигиены (в 1893 г. в Вюрцбурге) было неоднократно выражено мнение, что не нужно быть социалистом, чтобы признать необходимым совершенное изменение существующего строя поземельной собственности. В особенности в больших городах и около них частная собственность в социально-политическом смысле является помехой к рациональной постановке квартирного вопроса...

Нужно признать, что реформа нынешнего

[1] «Зодчий», 1914, № 22, стр. 261. Н. Ф. Хомутецкий. Петербург—Ленинград. Историко-архитектурный очерк, 1958, стр. 147. История Москвы, т. 5, М., 1955, стр. 15.

[2] А. О. Гушка. Социальные основы жилищного вопроса. Доклад на очередном XII собрании Спб. общества архитекторов, «Зодчий», 1914, № 17, стр. 79.

[3] Колония рабочих при фабрике товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры в Спб. «Строитель», 1897, № 9—10, стб. 321.

[1] М. Г. Диканский. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. Пб. 1908, стр. 194—195.

[2] Н. Дмитриев. Товарищество устройства и улучшения жилищ для трудящихся и нуждающегося населения. «Строитель», 1903, № 19—23, стб. 723.

положения необходима вследствие громадного значения этого вопроса, особенно для рабочих классов, так как скученность населения, преимущественно в домах казарменной постройки, больших городов вредно сказывается на общественном здоровьи (разрядка моя — *Е. К.*) ухудшает условия семейной жизни и самую возможность приобретения земельной собственности, делает достоянием исключительно богатых классов»[1].

Вывод о необходимости координации и планирования жилищного строительства в общегородском масштабе, к которому пришли наиболее широко мыслящие специалисты, явился важнейшим завоеванием архитектурной науки начала XX в. С этого времени жилищный вопрос начинает рассматриваться как часть общего вопроса о путях дальнейшего развития крупного капиталистического города. К выводу о необходимости изменения существующего порядка застройки городов архитекторы приходят, пытаясь разрешить две как будто не связанные между собой проблемы, — устранить стихийность развития городов и ликвидировать жилищную нужду — один из источников беспокойств и неудовольствий пролетариата. Работая над разрешением каждой из этих проблем, идя разными путями — от общего, от необходимости создания тщательно разработанного плана застройки города в целом, и от частного, от проектирования жилого дома для неимущего населения, архитекторы приходят к выводу о пагубности индивидуального строительства в условиях бурного роста городов и о необходимости планомерной комплексной застройки кварталов и города в целом. Однако в условиях капитализма эти прогрессивные идеи могли быть осуществлены лишь частично, да и то в уродливо-ограниченной форме, ибо на их пути постоянно встречается препятствие в виде священной для капитализма частной собственности на землю.

Строительство домов с дешевыми квартирами на средства отдельных благотворителей или филантропических обществ восходит к середине XIX в. Но случайное, разрозненное и сводившееся к возведению отдельных зданий, оно не могло сколько-нибудь серьезно улучшить существующее положение.

Несколько изменилась практика строительства дешевых жилищ в начале XX в., когда была сделана попытка перейти от строительства отдельных зданий к строительству комплексов. Последнее велось в основном на средства крупных предпринимателей или промышленных объединений, а также немногочисленных акционерных обществ с ограниченным дивидендом (на средства «Т-ва устройства и улучшения жилищ для трудящегося и нуждающегося населения» в Петербурге был построен Гаванский городок, обществом «Новый Петербург» по проекту В. И. Лидваля в 1912 г. была выстроена группа домов по Железноводской ул.). В силу слабости и бесправия русской буржуазии в стране не получило распространения развитое в Англии, Германии, Голландии муниципальное строительство, из-за слабости рабочей аристократии полностью отсутствовало распространенное в Западной Европе строительство на средства кооперативных союзов. Единичное в России строительство рабочих жилищ является скорее лишь подтверждением прогрессивности новых идей и отсутствия возможности их широкого практического применения в тогдашних условиях, нежели деятельностью, могущей привести к реальному изменению существующего положения дел.

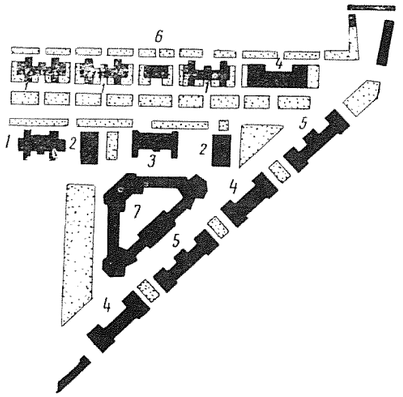
Одна из первых, но так и не получивших осуществления попыток строительства жилого комплекса для рабочих, была предпринята товариществом Невской ниточной мануфактуры в 1896 г.[1] Удостоенный первой премии проект акад. К. Н. Толвинского следует рассматривать как прообраз кварталов нового типа. В строительной практике второй половины XIX в. и вплоть до Октябрьской революции застройка кварталов осуществлялась стихийно. Они состояли из суммы владений, застраивавшихся согласно собственному разумению и выгоде хозяина. Поэтому уже сама по себе попытка решить квартал как единое целое, как комплекс была шагом вперед.

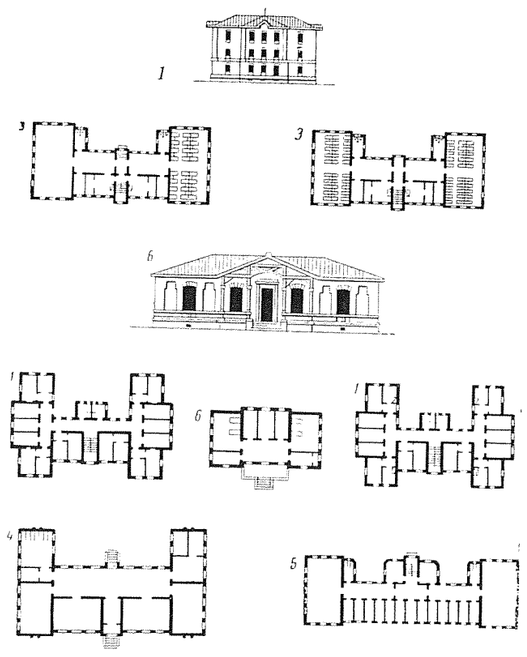
Колонию Невской мануфактуры следует рассматривать как первый в России квартал нового типа. Хозяином обширного земельного участка был лишь один застройщик. Совершенно определенными однородными и вместе с тем новыми были бытовые нужды жильцов, в семьях которых на производстве были заняты не только мужчины, но и женщины, причем о содержании домашней прислуги не могло быть и ре-

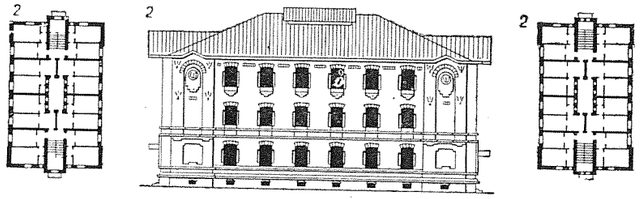
[1] Е. П. Квартирный вопрос на западе и у нас. «Строитель», 1895, № 8, стр. 10, Сравни у М. Г. Диканского ...«Жилищные условия их (пролетариев — *Е. К.*) в состоянии улучшить только демократизированное государство». Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. Спб. 1908, стр. 70.

[1] Сообщено А. И. Власюком на основании обнаруженных им архивных материалов.

чи. Это потребовало возведения в рабочих кварталах наряду с жилыми домами столовых, детских яслей, прачечных, т. е. целого ряда бытовых учреждений, которые могли бы возместить труд ушедшей на производство женщины. В проекте Невской ниточной мануфактуры мы встречаемся с первой в России попыткой организации обслуживания бытовых потребностей жителей квартала, т. е. с вполне современной идеей своего рода города в городе, идеей микрорайона[1] (рис. 6).

6. Петербург. Конкурсный проект колонии для рабочих Невской ниточной мануфактуры, 1896 г., арх. К. Н. Толвинский

Генеральный план, планы и фасады основных типов зданий

1 — жилой дом на 18 квартир и 18 комнат для одиноких; *2*—24-квартирный жилой дом; *3* — женское общежитие на 180 человек; *4* — ясли и школа; *5* — жилой дом на 156 человек; *6* — амбулатория и аптека; *7* — жилой дом (на 300 человек) с читальным залом и столовой

В разработке идеи квартала как жилищно-бытового комплекса и микрорайона и состоит основное достижение архитектуры двух предреволюционных десятилетий. Индивидуальное строительство перестает восприниматься как единственно возможный метод возведения жилых домов. Попытки борьбы с жилищной нуждой приводят к новому представлению о квартале как едином пространственном и бытовом комплексе, сочетающем в себе жилье и культурно-бытовые учреждения. Жилищная проблема перестает быть проблемой одного сооружения.

Хотя проектировщики колонии Невской ниточной мануфактуры и последующих комплексов придерживаются традиционного для застройки XVIII—XIX вв. размещения домов по красной линии улицы, их планировка исходит из совершенно иных принципов.

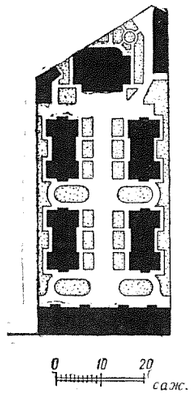
Градостроительство XVIII и XIX вв. сводилось к контролю за поддержанием определенной ширины, направления улиц и оформления уличных фасадов. Организация внутриквартального пространства, вопросы размещения и

[1] В колонии Невской ниточной мануфактуры автором предусмотрено устройство столовой, библиотеки с читальней, зала для собраний, школы с местом для игр и гимнастики, яслей, приемного покоя.

количества общественных и обслуживающих сооружений в силу недостаточной дифференциации производства, отсутствия женского труда и сравнительной неразвитости общественной жизни не входили в компетенцию архитектора-градостроителя. В лучшем случае территория квартала делилась на участки, как правило, прямоугольной формы, каждый из которых застраивался согласно нуждам и желаниям отдельного владельца.

В строительстве жилых комплексов рубежа XIX—XX вв. традиционному пониманию градостроительства была противопоставлена идея жилищно-бытового комплекса, в котором собственно планировочный прием является делом второстепенным. Главное же в том, что организация крупных массивов, комплексное решение района в целом, а не отдельное здание, становится здесь исходным моментом проектирования. Комплекс, а не отдельное здание, — так можно определить наиболее передовую тенденцию архитектуры XX в., рожденную при попытках решить проблему дешевого жилья. Прогресс архитектурной мысли становится особенно очевидным при сравнении проекта Толвинского с построенными двадцатью годами ранее домами Сивкова по Обводному каналу. Толвинский рассматривает каждое сооружение как часть общего ансамбля, и цель его сводится к рациональной застройке квартала в целом. Вместо привычных корпусов со сложной конфигурацией плана и замкнутыми внутренними дворами архитектор проектирует компактные здания правильной формы, свободно расположенные на территории участка. Это чисто внешнее отличие явилось результатом коренного изменения метода проектирования. Если при строительстве отдельного здания в заданный план вписывались секции, то теперь оно проектируется как сумма рядовых и торцовых секций. Это избавляет жилой дом от неправильностей формы, случайности в размерах помещений и других неудобств, возникающих при строительстве отдельного доходного дома.

В проектах колонии Невской ниточной (рис. 6) и Российско-Американской (рис. 7) мануфактур, равно как и в других комплексах дешевых квартир («Гаванский городок» (рис. 8, 9), дома Лидваля по Железноводской ул.), число примененных при строительстве проектов значительно меньше общего числа входящих в комплекс построек. Единоначалие заказчика позволяет повторить нужное число раз наиболее рациональный проект жилого дома для семей той или иной категории. Помимо экономической целесообразности это приводит к значительному изменению приемов художественной выразительности. Она основывается теперь не на подчеркнутой индивидуализации облика каждого здания, а на эффектах определенного пространственного соотношения нескольких типов сооружений. Централизация и планомерное ведение строительства могли бы превратить повторные проекты в типовые, так как разница этих понятий определяется лишь массовостью применения тех и других.

7. Петербург. Конкурсный проект колонии для рабочих Российско-Американской резиновой мануфактуры. 1897 г., гр. инж. И. Ф. Носович

В строительстве комплексов для рабочих происходит дальнейшая дифференциация планировочных решений. Архитекторы отказываются от обычного для XIX — начала XX в. размещения торговых и бытовых учреждений в первых этажах жилых зданий, как от приема, невыгодного экономически и ухудшающего планировку и бытовые условия обитателей дома. Первые опыты строительства дешевых жилищ дают также первые примеры новых решений, получивших широкое распространение в архитектуре 20-х годов XX в., — вынесение обслуживающих помещений в отдельно стоящие здания (колония Невской ниточной мануфактуры) или в объемы, пристроенные к торцам жилых домов («Гаванский городок», 1903 г., гр. инж. Н. Дмитриев).

Общим недостатком рабочих жилищ является излишняя экономия средств, приводящая в ряде случаев к созданию огромных залов казарменного типа при проектировании общежитий (Невская ниточная мануфактура, см. рис. 6) или узаконение квартир с покомнатным заселением. [Программой конкурса на составление проекта колонии для рабочих Российско-

Американской мануфактуры предлагалось запроектировать 3—4-комнатные квартиры с непроходными комнатами, чтобы жильцы в свою очередь могли сдавать их в наем (рис. 10, 11).]

Несмотря на эти недостатки, всецело определяемые классовой политикой предпринимателя, в дешевом[1] строительстве вырабатывается эталон квартиры по своим бытовым и планировочным качествам несравненно более высокий, чем трущобные жилища конца XIX в. Этот норматив дешевой квартиры находит аналогию в современной ему идее «Normalhaus'а», выдвинутой крупным немецким архитектором А. Месселем. Квартира в этих домах для рабочих и мелких служащих состоит, как правило, из одной или двух жилых комнат, кухни, прихожей, кладовой и клозета. В целях наиболее полного использования кубатуры в домах для рабочих устраиваются четырехквартирные секции. Высота жилых помещений в дешевых квартирах в чистоте не превышает 3,3 *м*, размеры комнат в среднем равны 20—25 *м*².

При всей своей прогрессивности строительство дешевых жилищ остается индивидуальным, штучным. Хотя рабочие колонии представляют собой комплекс сооружений, находящихся в сложном композиционно-функциональном единстве, он, как и отдельное сооружение, возводится без согласования с окружающей застройкой и без учета перспектив городского строительства, которое по-прежнему развивается стихийно, неорганизованно, без единого плана и руководящей идеи. Строительство рабочих колоний было по сути своей попыткой решить жилищный вопрос, оставляя неизменными породившие его условия.

Однако, несмотря на исключительность и классово-ограниченный характер попыток разрешения проблемы рабочего жилья, они стимулировали появление наиболее передовых планировочных приемов, явившихся отправной точкой развития массового жилищного строительства в послереволюционный период. С отменой частной собственности на землю строительство отдельных комплексов превратилось в подлинно комплексное строительство, а новые градостроительные идеи получили всеобщее распространение и признание. Больше того, не только общие принципы, а многие понятия и приемы, разработанные в предреволюционном строительстве рабочих жилищ, органически вошли в архитектуру 20-х годов. В предреволюционном строительстве были выработаны такие характерные для нашего времени понятия, как типовая секция и типовой проект, и осознана их целесообразность. Секция, принятая в 1925 г. Моссоветом в качестве типовой, полностью повторяла секции, распространенные в дешевом строительстве первых полутора десятилетий XX в.

Таким образом, история архитектуры рубежа XIX и XX столетий является блестящим подтверждением положения Ленина о том, что в эпоху империализма «...некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»[1].

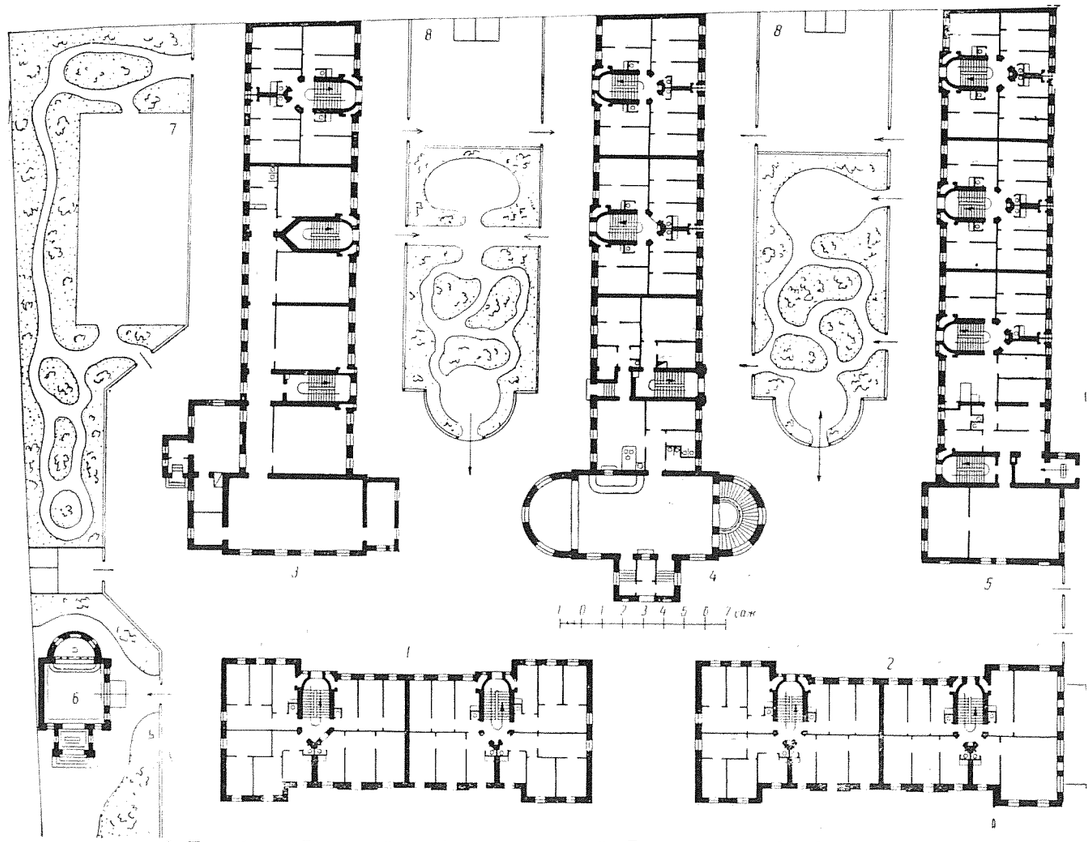
Практика строительства дешевых жилищ и новые градостроительные идеи, явившиеся их теоретическим обоснованием, оказали ощутимое влияние на планировку доходных домов, которая в начале XX в. претерпела значительные изменения.

В противоположность архитекторам второй половины XIX в. зодчие начала нынешнего столетия подвергают сомнению рациональность буквального повторения в планировке зданий особенностей конфигурации владельческого участка. Они пытаются свести на нет отрицательное влияние индивидуальных особенностей отдельного участка на планировку доходного дома и качество его квартир. Принципиально новым по отношению к архитектуре второй половины XIX в. является постоянно наблюдаемое в начале XX в. стремление запроектировать корпуса правильной конфигурации на любом участке и тем самым ослабить непосредственную зависимость планировки здания от формы участка. Это означало более продуманное и глубокое понимание доходности здания, поскольку достоинства сооружений оцениваются теперь не только по показателям плотности застройки, но и с точки зрения возможностей фактического и разумного использования каждого квадратного метра застроенной площади.

Увеличение рациональности планировок сопровождалось сознательным использованием в планировке зданий и квартир научных достижений современной санитарной техники и гигиены. Это качество, особенно наглядно проявляющееся в конкурсных программах на состав-

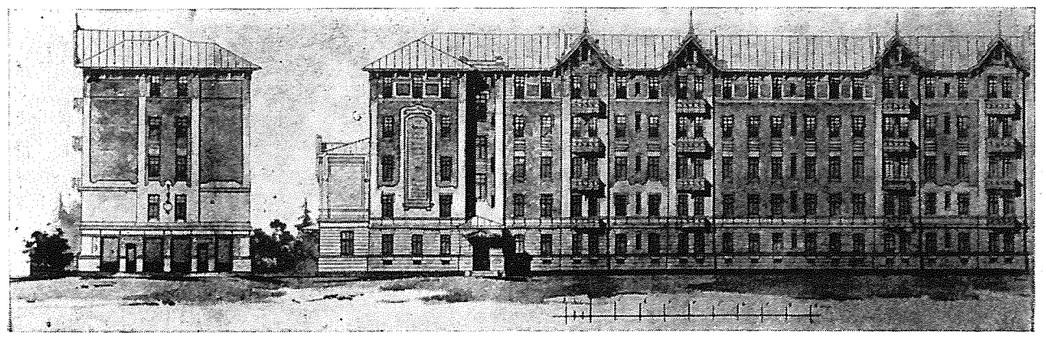
[1] Это строительство было действительно дешевым. Стоимость 1 куб. саж. в «Гаванском городке» равна 80 руб., в колонии Российско-Американской резиновой мануфактуры — 70 руб. при обычной в это время стоимости 100 руб. за 1 куб. сажень.

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 252.

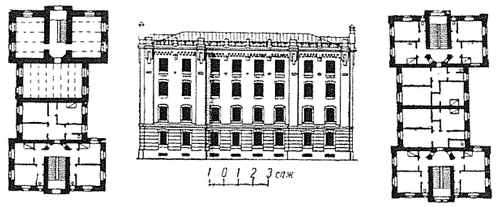

8. Петербург. «Гаванский городок», построенный «Товариществом борьбы с жилищной нуждой», Гаванская ул. № 71, 1903—1905 гг., гр. инж. Н. В. Дмитриев. План по первому этажу

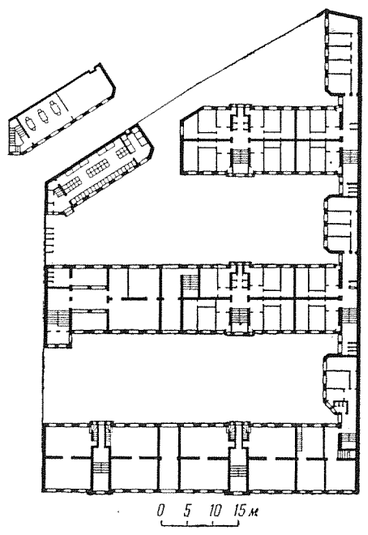
1 — жилой дом; *2* — жилой дом с двумя магазинами; *3* — жилой дом с четырехклассным училищем; *4* — жилой дом, с общественной библиотекой, читальным залом (второй) этаж, общественной столовой и чайной; *5* — жилой дом с детскими яслями; *6* — часовня; *7* — сад для учащихся; *8* — сады для жителей городка

9. Петербург. Фасады домов «Гаванского городка»

10. Петербург. Конкурсный проект колонии для рабочих Российско-Американской резиновой мануфактуры. 1897 г., гр. инж. И. Ф. Носович. План типового этажа и фасад жилого дома для рабочих

11. Петербург. Конкурсный проект колонии для рабочих Российско-Американской резиновой мануфактуры. Гражданские инженеры А. П. Максимов и Л. А. Шишко. План по первому этажу

ление проектов доходных домов, резко отличает архитектуру начала XX в. от известного эмпиризма в использовании достижений сантехники во второй половине XIX в.; что же касается гигиенических норм застройки, то их тогда просто не существовало.

Классической формулировке конкурсных программ второй половины XIX в., выдвигавших требование максимальной доходности, начало XX в. противопоставляет несколько иную: «Главное внимание составителя проекта должно быть обращено на выгодность эксплуатации, сообразуясь с требованиями современной гигиены»[1]. Иногда это требование выражается более пространно. Первый пункт программы на составление конкурсного проекта доходного дома Строгановского училища гласил: «Главное внимание при проектировании должно быть обращено на возможно удобную эксплуатацию указанного участка, не в ущерб воздуху и свету, на практичность постройки, удобоисполнимость и соответствие с заданием при условии большей экономичности постройки и большей доходности от эксплуатации, соблюдая лучшие санитарные условия, имея в виду, что на постройку может быть израсходовано не более 1 500 000 рублей»[2].

Повышение гигиеничности и большая рациональность в планировке жилых домов были продиктованы как повышением материального благосостояния общества в целом, так и необходимостью более эффективного использования площади земельных участков. На рубеже XIX—XX вв. плотность застройки достигла предельной цифры — 85—90%. Более интенсивное использование земельного участка могло быть достигнуто лишь за счет повышения качества планировок, отказа от нерационально используемых или неудобных к использованию помещений. С другой стороны, и это объясняет заинтересованность владельцев в повышении культуры проектирования — коммунальные услуги, гигиеничность квартир становятся дополнительным источником дохода.

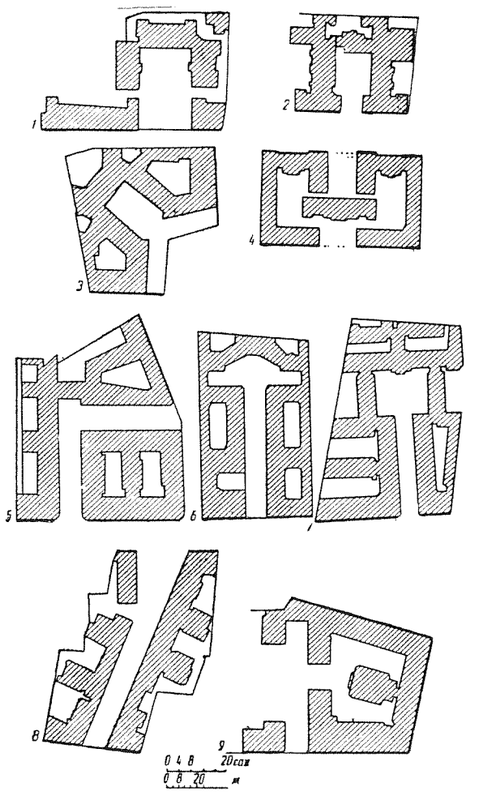
Особенно ярко проявилась тенденция к рациональному переосмыслению планировки в доходных домах, строительство которых велось на средства страховых, акционерных, купеческих обществ и обществ квартировладельцев. Обладая большими средствами, они застраивали обширные участки, иногда занимавшие целый квартал. Общая упорядоченность расположения корпусов доходного дома на участке, введение единого организующего архитектурного приема, более или менее правильные очертания зданий — вот типические черты лучших жилых домов первых десятилетий XX в.

Большие доходные дома совершенно отчетливо обнаруживают родство с современной идеей микрорайона. Это сказывается в увеличении размеров зданий, занимающих целый квартал или его значительную часть, в стремлении рационально разместить корпуса на большой площади, подчинив их единому планировочному приему, во включении в объем здания магазинов, прачечных, бань (в мелких квартирах ванн не устраивали) и даже гаражей.

Самым распространенным приемом планировки больших доходных домов, всегда решавшихся в виде единого корпуса сложной конфигурации, было создание открытого вытянутого вглубь парадного двора, который замыкают и от которого отходят многочисленные поперечные корпуса (Каменноостровский пр., № 1, 1896—1901 гг., арх. Ф. И. Лидваль; Каменноостровский пр., № 26—28, 1910—1912 гг., Л. Н. и Ю. Ю. Бенуа; Лиговка, № 42—44, гр. инж. С. Галензовский; Кузнецкий мост, № 15, 1905—1907 гг., арх. Л. Н. Бенуа и А. И. Гунст). Иногда парадный двор превращается в своего рода проезд, окруженный корпусами доходного дома [дом страхового общества «Россия» в Москве, Сретенский бульвар, № 6/1, арх. Н. М. Проскурнин, 1899—1902 гг.; доходный дом Купеческого общества на Солянке, № 1, архитекторы В. В. Шервуд, А. Е. Сергеев, И. А. Герман, 1912—1914 гг.; доходный дом Толстого по Фонтанке, № 52—54, арх. Ф. И. Лидваль, 1910—1912 гг. и т. д. (рис. 12)].

Доходные дома с открытым парадным двором в своей планировке и организации сетей обслуживания не только обнаруживают влияние принципов проектирования рабочих жилищ, но и в свою очередь оказывают влияние на их проектирование. Ряд проектов жилых комплексов для рабочих и кооперативных обществ, как и доходные дома с парадным двором, представляет собой единый и сложный по конфигурации корпус или группу корпусов сложной формы. В этом отчетливо проявляются инерция и сила традиции проектирования отдельных зданий, тем более что и комплексы рабочих жилищ были индивидуальными, по сути, проектами (конкурсные проекты жилых домов для Экспедиции заготовления государственных бумаг в Петербурге, 1914 г.; проект благотворительных учреждений и домов вспомогательного общества купеческих приказчиков в Москве, арх. А. П. Еремин, 1912 г.).

В сооружениях подобного рода парадный двор является основным звеном композиции. Он вносит упорядоченность в планировку всего комплекса. Его значение в композиции здания подчеркивалось расположением башен или других акцентов по бокам двора и оформлением глубинных фасадов с учетом замыкаемой ими перспективы. Кроме того, парадный двор позволял удлинить протяженность уличных фасадов, что в свою очередь сулило немалые выгоды домовладельцам — квартиры с окнами на улицу ценились значительно дороже, чем квартиры, выходившие во двор.

12. Характерные примеры решения планов доходных домов рубежа XIX—XX вв. с открытым парадным двором

1 — Москва, Дом Шереметева по Шереметевскому пер. № 3, 1895—1897 гг., арх. А. Ф. Мейснер; *2* — Москва. Дом по Садовой-Черногрязской № 3, 1911—1914 гг., арх. Ф. А. Ганешин; *3* — Москва. Дом 1-го Российского Страхового общества по Кузнецкому мосту № 15, 1905 г., архитекторы Л. Н. Бенуа и А. И. Гунст; *4* — Петербург. Конкурсный проект домов для рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг. 1914 г., арх. А. Д. Райлян; *5* — Москва. Дом Московского купеческого общества по Солянке № 1, 1912—1915 гг., архитекторы В. В. Шервуд, И. А. Герман, А. Е. Сергеев; *6* — Петербург. Конкурсный проект дома Перцова по Лиговке № 44, 1906 г., гр. инж. М. М. Перетяткович; *7* — Москва. Проект Дома Московского общества купеческих приказчиков по Б. Серпуховской ул., 1912 г., арх. А. П. Еремин; *8* — Москва, Дом по Трехпрудному пер. № 11—13, 1911—1913 гг. гр. инж. Э. Ниризее; *9* — Москва, Дом Строгановского училища по Мясницкой № 24, 1904—1907 гг., арх. Ф. О. Шехтель

[1] Конкурс на составление проекта доходного дома 1-го Российского страхового общества по Каменноостровскому пр., № 26—28. «Зодчий», 1910, № 30, стр. 317.

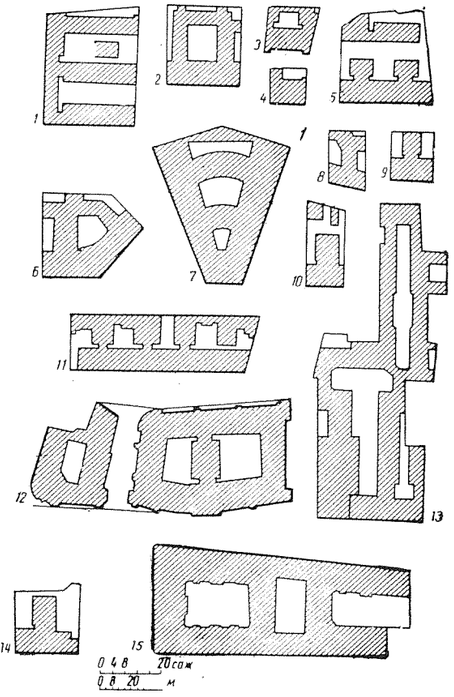
[2] «Известия общества гражданских инженеров». 1903, № 3, стр. 39.

Устройство парадного двора является приемом, почти неизвестным в практике строительства доходных домов второй половины XIX в. Это был предел рационализации планировки отдельного жилого дома, возможный в условиях индивидуального строительства и частной собственности на землю. Вместе с тем корпуса, группирующиеся вокруг парадного двора, повторяют приемы застройки участков, сформировавшиеся во второй половине XIX в., с той только разницей, что корпуса в виде букв Г, Т, П, Н, а также корпуса с замкнутым внутренним двором располагаются на одном обширном участке, тогда как в предшествующий период они размещались на отдельных, изолированных друг от друга участках.

Планировка доходного дома с открытым парадным двором была одним из проявлений характерного для архитектуры империализма пересмотра изживших себя принципов регулярной застройки, стремлением внести организующее начало в строительство, хотя бы в пределах отдельной планировочной единицы. Прогресс начинался с малого, с разрушения традиционной периметральной застройки отдельного участка, а следовательно, и улицы, с создания иной пространственной схемы планировки участка.

При застройке земельных владений меньшего размера архитекторы продолжают применять характерные для предшествующего периода четыре типа размещения корпусов на участке. Первый прием — один или два корпуса параллельных красной линии улицы — по-прежнему остается наименее распространенным, встречаясь чаще всего в слабо заселенных окраинных районах (дом Тутенберга в Петербурге по Железноводской ул., № 17). Остальные же три варианта: 1) П- или Г-образная планировка доходного дома, 2) с расположением корпусов в виде буквы Т и Н и 3) застройка участка по периметру, с внутренними корпусами или без них — применялись в строительной практике начала XX в. гораздо чаще (рис. 13). Из последних трех вариантов наибольшее распространение получили жилые дома с планами в виде букв Т и Н, так как при этом достигалась относительная независимость планировки здания от формы участка при максимальной его застройке.

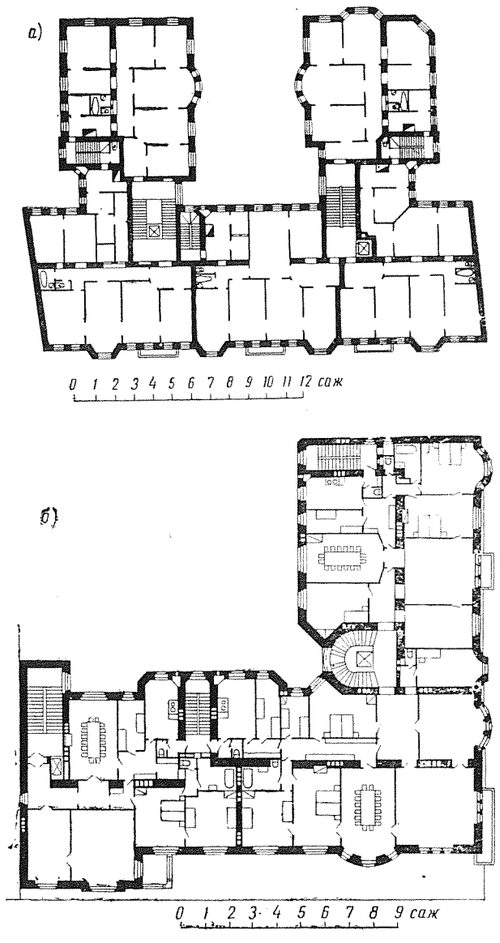
Та же тенденция наблюдается и при применении традиционной для доходного дома периметральной планировки. Несмотря на повторение конфигурации участка, внешняя граница объема здания проходила на некотором расстоянии от межи. Подобный прием обеспечивал плотность, более высокую, чем при обычной периметральной застройке: появлялась возможность отказаться от узких корпусов с односторонней ориентацией окон и устроить широкие двойные корпуса, более эффективные с точки зрения экономичности и гигиеничности.

13. Характерные примеры решения планов доходных домов начала XX в.

1 — Москва. Дом по Газетному пер. № 1, 1911 г., арх. Н. Н. Чернецов; *2* — Петербург. Дом Российского Страхового общества. 1914 г., арх. Р. И. Кригер; *3* — Петербург. Дом по Зверинской ул., 1911 г., арх. Я. Г. Гевирц; *4* — Петербург. Дом по 6-й Рождественской ул., 1911 г., арх. Я. Г. Гевирц; *5* — Москва. Дом по Волхонке № 6, 1911 г., гр. инж. И. Кондратенко; *6* — Петербург. Дом по Каменноостровскому пер. № 9, 1910 г., арх. М. С. Лялевич; *7* — Петербург. Конкурсный проект доходного дома товарищества «Согласие» по Малому пр. Петроградской стороны, 1914 г., арх. О. Р. Мунц; *8* — Петербург. Дом по 10-й Рождественской ул., 1910 г., арх. М. С. Лялевич; *9* — Москва. Дом по Брюсовскому пер. № 6, 1913 г., гр. инж. И. Кондратенко; *10* — Москва. Дом по Знаменке № 13-а, 1913 г. арх. О. Пиотрович; *11* — Москва. Дом для служащих московской конторы государственного банка по Никитскому бульвару, 1910 г., гр. инж. Б. Нилус; *12* — Москва. Дом Страхового общества «Россия» по Сретенскому бульвару № 6, 1899—1900 гг., арх. Н. М. Проскурнин; *13* — Москва. Проект доходного дома Варваринского акционерного общества. Арбатская пл. № 22, 1915 г., гр. инж. Д. В. Стерлигов; *14* — Москва. Дом Шереметева по Б. Кисловскому пер. № 4, 1911 г., арх. Н. Н. Чернецов; *15* — Москва. Дом Санктпетербургского общества страхований по Сретенке № 26, 1912 г., гр. инж. А. Г. Измиров

Квартиры начала XX в. также характеризуются общим повышением уровня благоустройства. Во вновь строящихся зданиях почти не встречаются квартиры без уборных, квартиры в четыре и более комнат обслуживаются, как правило, ванной, двумя ватерклозетами и двумя входами в квартиру — парадным и черным (рис. 14). Большинство многоэтажных домов оснащается лифтом, а квартиры — электричеством и водяным отоплением, газом.

14. Характерные примеры планировки квартир и секций в доходных домах начала XX в.

а — Москва. Доходный дом по Петровке № 26, 1911 г., арх. Г. А. Гельрих; *б* — Петербург, Доходный дом по Каменноостровскому просп. № 61, 1906 г., арх. Ф. И. Лидваль

Таким образом, в планировке доходного дома отчетливо обнаруживается тенденция к рациональной переработке сложившихся приемов, постоянное желание отойти от характерной для предшествующего периода непосредственной зависимости планировки жилых домов от конфигурации участка. Доходные дома с барскими квартирами, построенные в начале XX в., демонстрируют предельную степень благоустройства и упорядоченности, достижимую в условиях капиталистической действительности и частной собственности на землю. В труднейших условиях архитекторы проявляют поистине виртуозное мастерство, создавая комфортабельные и экономичные проекты. Но, несмотря на коррективы, внесенные в планировку доходного дома, он по-прежнему оставался громоздким организмом со случайными размерами квартир и комнат. Плотность застройки в начале XX в. продолжала увеличиваться, достигая в отдельных случаях 90%. И только в немногих доходных домах, где налицо попытки перейти к застройке открытого типа, плотность ее снижается до 65—75%. Но и здесь эффективность планировки отдельного здания значительно снижалась в связи с хаотичностью и затесненностью застройки района в целом. Следовательно, опыт строительства доходных домов неоспоримо доказывает невозможность серьезных улучшений городских домов, их планов, гигиеничности при попытках решить эту задачу локально, не выходя за пределы одного участка.

Архитектура, как ни одна другая отрасль материальной деятельности человека и как ни одно другое искусство, тесно связана с социально-экономическими особенностями эпохи. Подобно тому как укрупнение единиц и создание монополий в сфере финансов и производства, приводя к рационализации в отдельной отрасли, усугубляют хаотичность экономики в целом, так и упорядочение планировки отдельного дома или даже строительство жилищно-бытовых комплексов, обеспечивая разумную планировку отдельных участков и кварталов, не могли ликвидировать противоречий городской застройки в целом.

Малая эффективность изменений, внесенных в планировку доходных домов, свидетельствует о том, что полностью отказаться от приемов, свойственных индивидуальному строительству, сохраняя неприкосновенным самое индивидуальное строительство, оказалось невозможным. Но сам факт появления новых приемов планировки доходных домов является ярчайшим свидетельством обреченности строи-

тельства с предпринимательскими целями. Напротив, немногочисленные комплексы дешевых жилищ предвещали путь, по которому предстояло развиваться городскому строительству. И в этом отношении глубоко симптоматично влияние, оказываемое новыми приемами на планировку отдельного жилого дома.

Преимущества комплексной застройки были ясны архитекторам еще в предреволюционный период. Но широкое внедрение новых методов в реальную строительную практику стало возможным лишь после победы Октября, когда с отменой частной собственности на землю во многом еще общие идеи и положения облеклись в плоть и кровь, приобрели конкретность и получили дальнейшее развитие в широко развернувшемся строительстве новых районов, поселков и городов.

К ИСТОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛИЩ ДЛЯ РАБОЧИХ В КОНЦЕ XIX В. В РОССИИ

(Колония для рабочих при фабрике товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры в Петербурге)

ВЛАСЮК А. И.

Развитие производительных сил в России после промышленного переворота вызвало массовый приток населения в города, особенно усилившийся во второй половине XIX — начале XX в. О росте городов России пореформенного периода как об одном из типичных признаков быстрого развития капитализма В. И. Ленин писал: «...процент городского населения постоянно возрастает, т. е. происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям. Города растут вдвое быстрее, чем остальное население: с 1863 по 1897 г. все население увеличилось на 53,3%, сельское на 48,5, а городское на 97,0%.

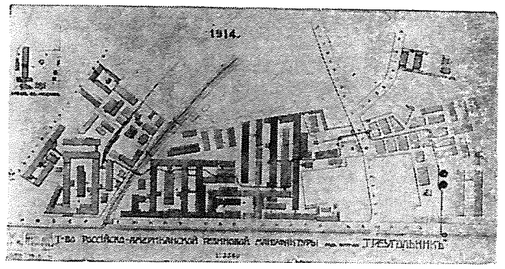
Население городов, представляющих из себя крупные индустриальные и торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще. Число городов, имеющих 50 и более тысяч жителей, более чем утроилось с 1863 по 1897 г. (13 и 44)... Население 14 городов, которые были самыми крупными в 1863 г., возросло с 1,7 млн. жителей до 4,3 млн., т. е. на 153%, тогда как все городское население увеличилось лишь на 97%»[1]. Например, население Петербурга с середины и до конца XIX в. увеличилось почти в три раза, достигнув к 1900 г. 1 248 122 чел.[2]; то же можно сказать про Москву и другие крупные индустриальные и торговые города России.

В связи с этим жилищный вопрос становится в это время одним из самых затруднительных. Природа жилищного кризиса при капитализме вскрыта в трудах классиков марксизма-ленинизма, в частности в работе Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (1872 г.), в которой указывается, что он представляет «...обострение и без того скверных жилищных условий рабочих, создавшееся вследствие внезапного прилива населения в большие города»[3]. Еще более остро эти явления выступали в больших городах России, страдавших как от капитализма, так и от недостаточного его развития. Рабочие живут в это время в ужасных условиях, о чем можно судить даже по официальным источникам[1]. В эти годы появилось много книг и статей о жилищных условиях рабочих, преимущественно фабричных инспекторов, имевших возможность непосредственно наблюдать жизнь рабочих. Крупнейшими из них являются работы Ф. Ф. Эрисмана, К. А. Пажитнова, М. С. Уварова, В. В. Святловского, Л. М. Лялина, М. Г. Диканского — все они рисуют жилищные условия фабричных рабочих в самых мрачных тонах и призывают к решительному изменению положения. Задача разработки нового типа экономичных жилых домов для рабочих начинает привлекать все больше и больше внимания.

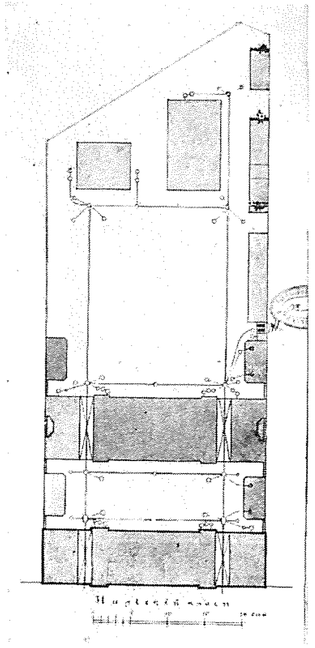
До начала 90-х годов XIX в. существовало два основных типа жилищ для рабочих, возводимых владельцами предприятий, — казарменный и усадебный. Наиболее распространенным в крупных городах был казарменный тип, представлявший собой деревянные или кирпичные одно-четырехэтажные бараки или капитальные постройки с большими помещениями, оборудованными в два-три яруса нарами для одиночек, или с отдельными комнатами (каморками) для семейных. Характерными примерами таких казарм или каморок являются четырехэтажные корпуса барачного типа, построенные в Москве для рабочих бывшей фабрики Цинделя,[2] и в г. Иваново-Вознесенске для рабочих на бывших фабриках Гарелина и Зубкова, так называемые гарелинские и зубковские каморки[3]. Такого рода сооружения были крайне затеснены и лише-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 3, стр. 560.
[2] Очерки истории Ленинграда, т. 2. Л., 1957, стр. 173.
[3] Маркс и Энгельс. Соч., изд. 2-ое, т. 18, стр. 207.

[1] И. Скворцова. Санитарный быт русских городов и международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Казань, 1877; «Вестник общественной гигиены», 1899, апрель, стр. 426—431 и др.
[2] П. и Б. Гольденберг. Планировка жилого квартала Москвы. М.—Л., 1935, стр. 143.
[3] Госархив Ивановской обл. ОДФ. ф. 366. оп. 1. д. 900.

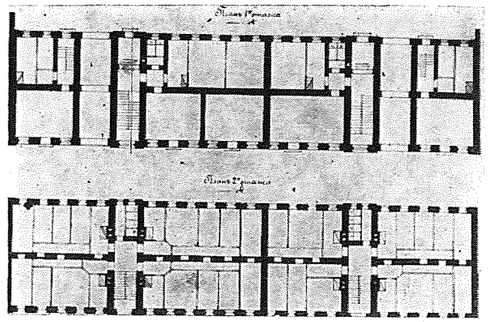

1. Схематический план расположения колонии для рабочих на территории Российско-Американской резиновой мануфактуры

2. Генеральный план участка

ны элементарных санитарных устройств. К другому, усадебному типу домов принадлежало строительство для рабочих в виде обыкновенных крестьянских изб, представлявших собой большей частью жалкие лачуги, которые густо заселялись семейными или одиночками. Такие дома образовывали обычно на окраинах городов при заводах целые поселки, как это было, например, на стекольном заводе[1] или заводе Сан-Галли[2] в Петербурге, на заводе Коновалова в Вичуге[3].

3. План 1-го и 2-го этажей корпуса А (3, 4 и 5-й этажи аналогичны 2-му)

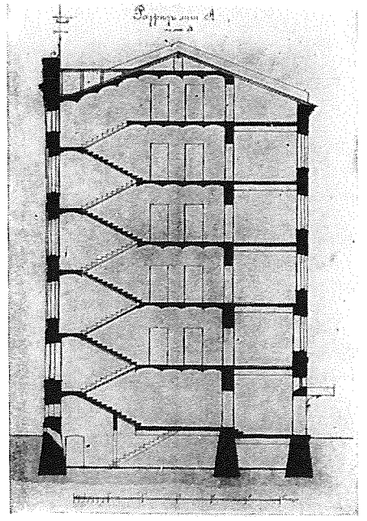
Однако с ростом промышленности в конце XIX в. эти типы домов уже не удовлетворяли новым требованиям. Барачные и каморочные типы домов при крайней скученности рабочих в антисанитарных условиях приводили к многочисленным заболеваниям, невыгодным для предпринимателей. Для создания постоянного контингента квалифицированных рабочих владельцы предприятий вынуждены были предоставлять рабочим более сносные жилищные условия хотя бы с минимальной сетью обслуживающих помещений. Что же касается домов усадебного типа, то они были к тому же маловместительны, неэкономичны и были нерентабельны для строительства в больших городах, так как занимали значительные участки земли. Все эти требования стали особенно настоятельными в 90-х годах XIX в. — в период промышленного подъема в России и усиления борьбы рабочих за свои права.

В конце XIX в. делаются попытки разработать новые типы рабочих жилищ.[4] Для разрешения этой задачи владельцами некоторых крупных предприятий объявлялись даже конкурсы.

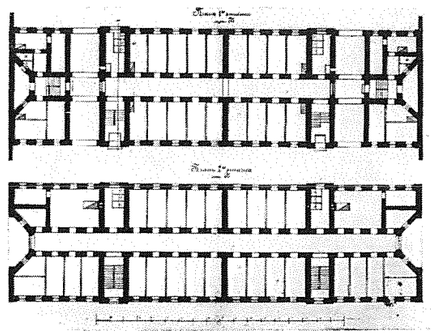
Первый конкурс был объявлен в марте 1896 г. на проект жилого квартала для рабочих товарищества Невской ниточной мануфактуры в Петербурге, так называемой колонии Невской ниточной мануфактуры.[1] На участке в 12 500 кв. саж. по условиям конкурса, кроме различных типов жилых домов для 1500 рабочих, должны были быть размещены и здания культурно-бытового назначения: общественная столовая, библиотека с читальней, зал для собраний, школа, ясли, приемный покой, баня, прачечная. Жилые дома, имеющие как коридорную, так и секционную планировку включали в себя залы общественного назначения, квартиры и общежития. Это была, по существу, первая, правда, неосуществленная попытка провести комплексное строительство для рабочих в России[2]. В этом комплексе был заложен новый подход к проектированию жилища, так как оно рассчитывалось на одинаковый контингент рабочих и это давало возможность разработать одинаковые типы жилых зданий, кроме этого, здесь впервые жилой комплекс проектировался одновременно с рядом необходимых обслуживающих его зданий, что было принципиально новым в застройке того времени и имело большое значение для дальнейшего развития архитектуры и градостроительства.

Вторым, хотя и не полностью, но осуществленным примером подобного же типа комплексной застройки квартала для рабочих и объектом, на который был объявлен открытый конкурс, второй конкурс в России на проект рабочего жилища, является постройка в 1897 — 1898 гг. колонии для рабочих товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры. Этот пример представляет интерес в истории русской архитектуры как по существу, так и по методике организации проектирования и строительства, поэтому остановимся на нем подробнее.

В декабре 1896 г. товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры, располагавшее большими капиталами, объявило через Петербургское общество архитекторов конкурс на проект дешевых квартир так называемой колонии для рабочих.[3] По программе конкурса требовалось составить проект планировки участка площадью 2062 кв. саж., расположенного рядом с фабрикой, и для его застройки разработать жилые корпуса с квартирами «только для семейных, которые уже от себя могли бы сдавать свободные комнаты другим малым семействам или холостым»[1]. Кроме того, необходимо было предусмотреть торговые помещения, расположенные в первом этаже корпуса, выходящего на Нарвский проспект; зал площадью 50—70 кв. саж. для собраний, бесед, читальни, размещенный отдельно или в одном из жилых зданий; подсобные сооружения (кладовые, сараи), помещения для обслуживающего персонала. К проекту требовалось приложить пояснительную записку с расчетом стоимости строительства (исходя из 70 руб. куб. саж.) и указанием ожидаемого дохода от жилых и торговых помещений.

4. Поперечный разрез корпуса А

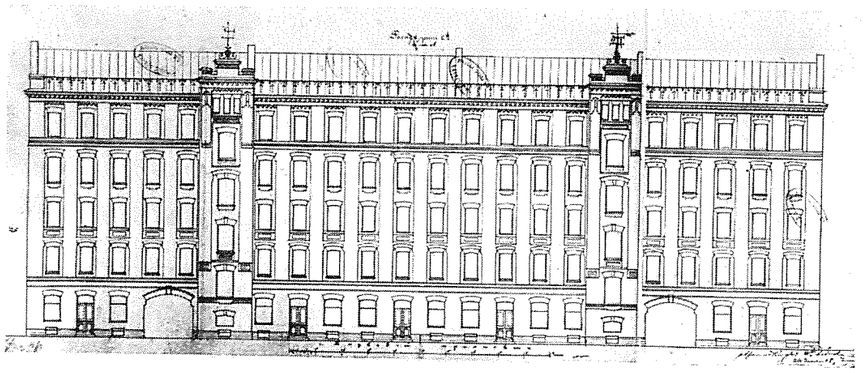

5. План 1-го и 2-го этажей корпуса Б (3, 4 и 5-й этажи аналогичны 2-му)

[1] ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 2, д. 30.
[2] ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. 60.
[3] Госархив Ивановской обл. ОДФ, ф. 366, оп. 1, д. 810.
[4] М. Г. Диканский. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. Спб., 1908, стр. 12.

[1] ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 148.
[2] На конкурс было представлено 7 проектов. Первую премию получил акад. арх. Н. К. Толвинский, вторую — арх. М. И. Сегал, третью арх. К. К. Шмидт. Однако ни один из проектов осуществлен не был. ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 126; ф. 513, оп. 102, д. 8972.
[3] ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 128.

[1] ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 128

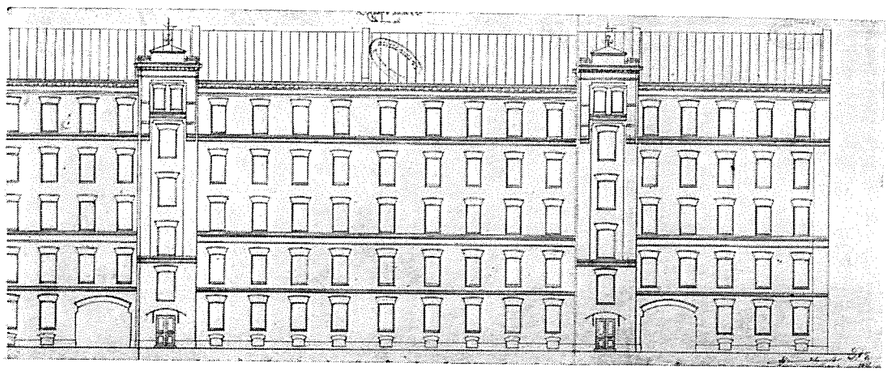
6. Фасад корпуса А

Согласно сроку, объявленному конкурсом, к 4 марта 1897 г. в Петербургское общество архитекторов поступило 18 проектов, которые были переданы на рассмотрение жюри конкурса. В состав жюри входили такие крупные архитекторы, как Р. А. Гедике, В. А. Шретер, П. Ю. Сюзор, Н. Ф. Беккер, А. К. Бруни, Д. Д. Зайцев и К. Г. Прейс. Эти же архитекторы входили в состав жюри первого конкурса на проектирование колонии Невской ниточной мануфактуры.

Рассмотрев 27 марта 1897 г. все проекты, жюри определило следующие четыре премии за относительно лучшие проекты: первую премию получили гражданские инженеры А. П. Максимов и Л. П. Шишко, вторую — арх. М. И. Сегал, третью — гражд. инж. И. Ф. Носович (Семипалатинск) и четвертую премию — академик архитектуры А. И. Фон-Гоген[1].

Наиболее экономичным был проект, получивший вторую премию (объем всех зданий составлял 9759 куб. саж., стоимость 683 тыс. руб., годовой доход 53 016 руб., или 7,7% с затраченного капитала; проект, получивший первую премию, — объем зданий 9558 куб. саж., стоимость 669 103 руб., годовой доход 40 872 руб., что составляет 6,11% с затраченного капитала). В проекте, получившем третью премию, зал собраний на 480 человек был запроектирован отдельным зданием. Во втором этаже были размещены зал с аванзалом, гостиными и эстрадой,

[1] ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 146. Арх. Толвинский, участник первого конкурса, в этом конкурсе премию не получил, но его проект под девизом «Улей» был приобретен.

7. Фасад корпуса Б

в первом этаже вестибюль, парадная лестница, читальня, библиотека и воскресные классы. В решении жюри отмечается, что такое расположение общественных помещений в отдельном здании удобно, но слишком раскошно. И не случайно годовой доход с капитала составляет в этом проекте 5,5%, т. е. меньше, чем по другим проектам[1].

Однако, несмотря на проведенный конкурс, участок был застроен не по конкурсному, а по заказному проекту. Даже рассмотренные конкурсные проекты, весьма ограниченные по составу помещений, например сравнительно с конкурсными проектами колонии Невской ниточной мануфактуры, не устраивали заказчика, и был заказан еще более упрощенный и дающий большой доход вариант арх. Р. А. Гедике (представленный 25 июля 1897 г.), по которому и было выполнено строительство[2] (рис. 1, 2).

Сравнительный анализ осуществленного проекта с конкурсными показывает, что при проектировании Гедике придерживался общей структуры проекта, получившего вторую премию[3]. Аналогично расположены главные корпуса и боковые вспомогательные постройки, одинаковы расстояния между ними; объемно-пространственное построение зданий, включая и обработку фасадов, имеет ряд общих черт. И это не случайно, так как проект, получивший вторую премию, был наиболее экономичным из всех проектов, представленных на конкурс, и давал наибольший доход — 7,7% к затраченному капиталу.

Отсутствие в осуществленном проекте ряда предусмотренных конкурсной программой общественных помещений свидетельствует о несоответствии между декларациями владельцев предприятий и истинным положением дел. Для того времени были характерны такие декларации, вызванные якобы заботой об улучшении жизни рабочих. В действительности же владельцы стремились к получению наибольшей прибыли при наименьшей затрате капитала. Это явление того же порядка, что было и в широко организованном проектировании по конкурсной программе колонии Невской ниточной мануфактуры. Там были задуманы многие общественные сооружения, но ничего не было осуществлено. Здесь было задумано значительно меньше.

Сравнение подписных чертежей проекта Гедике с существующими в настоящее время зданиями показывает, что строительство было проведено строго по проекту. Проектом предусматривались кирпичные неоштукатуренные пятиэтажные жилые корпуса с огнестойкими перекрытиями из кирпичных сводиков по металлическим балкам (рис. 4). Первый корпус *А*, выходящий на Нарвский проспект, с магазинами в первом этаже имеет планировку квартирного типа (рис. 3, 4). Второй корпус *Б* представляет общежитие каморочного типа с комнатами и кухнями (рис. 5). Кроме того, на участке расположены постройки с различного рода подсобными помещениями (кладовые, прачечная, склады для дров, помещения обслуживающего персонала). Сравнительно с конкурсными проектами проект Гедике значительно сокращен: он представляет собой не 5—7 жилых корпусов, как было в других проектах, а всего лишь 2 пятиэтажных корпуса, и в нем отсутствует ряд общественных помещений, требуемых по конкурсу: зал, читальня и т. д. Планировка 3, 4 и 5-го этажей повторяет планировку второго этажа. Значительно меньшее количество жилых корпусов на участке, к тому же расположенных в одной части территории, большая часть которой оставалась свободной от строительства, объясняется, видимо, тем, что это была первая очередь строительства (рис. 2, 6, 7).

Все же, несмотря на такие сокращения и крайне урезанный объем строительства, колония рабочих Российско-Американской резиновой мануфактуры представляет собой первый в России пример попытки комплексной застройки для рабочих, хотя и выполненной в очень малом размере. Особенно интересно то, что при выработке нового в то время типа зданий была привлечена архитектурная общественность и объявлен широкий конкурс, в котором приняли участие видные архитекторы. Проекты колонии для рабочих Российско-Американской резиновой мануфактуры, особенно конкурсные проекты, как и конкурсные проекты колонии для рабочих Невской ниточной мануфактуры, играют в истории русской архитектуры значительную роль. Их опыт учитывался в дальнейшем проектировании и строительстве.

Вместе с тем этот пример свидетельствует о том, как мало считались с конкурсными проектами в те годы.

[1] ГИАЛО, ф. 528, оп. 1, д. 146.
[2] ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. 5597; ф. 569, оп. 15, д. 1684.
[3] «Строитель», 1897, № 9—10, стр. 333—338.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХАНГЕЛЬСКОМУ СОБОРУ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Когда был построен Архангельский собор?

СИЗОВ Е. С.

Казалось бы, кому неизвестно, что Архангельский собор в Кремле строили в течение четырех лет — с 1505 по 1509 г. Так написано во многих научных исследованиях, об этом свидетельствует старая надпись на свитке, изображенном на среднем северном столпе собора, и, наконец, о том же можно прочесть в наших музейных аннотациях.

Тем не менее в многочисленной литературе по истории и архитектуре Кремля встречается пять различных дат постройки собора: 1504, 1505, 1507, 1508 и 1509 гг. причем 1509 г. наиболее часто встречается в литературе.

С различными недоразумениями можно столкнуться и в современных изданиях. Например, в одном и том же сборнике «Художественные памятники Московского Кремля» (М., 1956 г.) М. А. Ильин и Н. Е. Мнева датируют окончание строительства собора 1509 годом (стр. 55), а Д. С. Лихачев — 1505 годом (стр. 7); в двух книгах одного автора — В. Л. Снегирева (Москва на страже Родины, М., 1947, стр. 89 и Московское зодчество..., М., 1948, стр. 65 и 68) — две разные даты: 1508 и 1509 г.; Большая советская энциклопедия относит возведение собора к 1509 г. и в то же время рекомендует читателю в качестве основного пособия по изучению этого памятника книгу С. П. Бартенева «Большой Кремлевский дворец, дворцовые церкви и придворные соборы» (М., 1916), где сказано, что «собор был окончен постройкой, украшен иконописью и стенописью в 1508 году и освящен митрополитом Симоном 8-го ноября того же года».

Кстати, обозначение окончания постройки собора 1508 годом можно найти не только у Бартенева, этого большого знатока истории Кремля, но и в многотомной «Истории Москвы», изданной Институтом истории Академии наук СССР (т. I, М., 1952, стр. 110).

Таким образом, происходит редко встречающийся в хронологии своеобразный спор чисел, вводящий неискушенного читателя в заблуждение. Ясно, что в специальную литературу по истории Кремля вкрались ошибки.

Но кто же из авторов дает неверную дату, и, наоборот, кто из них прав?

В отдельных случаях можно сказать определенно, что автор ошибается. Речь идет только о двух работах, в тексте которых есть ссылки на первоисточник. М. Красовский в статье «Кремлевский собор архангела Михаила в Москве» («Зодчий», 1909, № 51, стр. 519) приводит следующую выдержку из летописи (ПСРЛ, т. VI, стр. 54):

«В лето 7017 (1509)... того же месяца ноября 8 освящена церковь святого архангела Михаила».

В круглые скобки Красовский поставил неверно переведенную им дату (с года 7017 — на 1509 г.). Как известно, в начале XVI в. календарь начинался с 1 сентября. Поэтому для точного перевода года «от сотворения мира» на наше летоисчисление от старой даты требуется вычесть число 5508, если событие относится к месяцам с января по август включительно, но если исторический факт имел место осенью (сентябрь — ноябрь) или в декабре, вычитают — 5509*. Значит, летописное 8 ноября 7017 года в современной хронологии может быть выражено только как 8 ноября 1508 года. Иначе говоря, освящение вновь отстроенного Архангельского собора, по свидетельству летописи, на которую ссылается Красовский, произошло 8 ноября 1508 года, таким образом Красовский ошибочно перенес это событие на год позднее.

* Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944.

В монографии А. Лебедева «Московский кафедральный Архангельский собор» (М., 1880) можно встретить подобную ошибку. Там на странице 40 напечатано, что за 13 месяцев до освящения собора, «которое совершено в храмовый, 8 ноября 1509 года, праздник», в собор были внесены гробницы князей. В качестве подтверждения этого автор прилагает следующее известие летописи:

«Лета 7016—1508, октября 7 дня великий князь Василий... повеле уготовати места и принести мощи прародителей своих князей русских».

В данном случае, как и в предыдущем. «1508» — это вставка в текст летописи, сделанная Лебедевым. И здесь через тире дан, как и у Красовского, неправильный перевод даты.

7 октября 7016 г. — это 7 октября 1507, а не 1508 года, как полагал Лебедев.

Итак, поправляя Лебедева, можно заключить, что мощи князей были перенесены в октябре 1507 года, а освящен собор был 13 месяцев спустя, т. е. в ноябре 1508 г. Таким образом, в обеих рассмотренных работах налицо явные ошибки.

В этой связи следует вспомнить о свитке с надписью, изображенном на среднем северном столпе собора. Содержание надписи — это краткие сведения по истории собора. В заключении ее говорится, что «совершися оной (т. е. собор — *Е. С.*) растроением и освятися при великом князе Василии Иоанновиче всеа Росии в лето от создания мира 7017, от рожества христова 1509 в 8 день месяца ноября»[1].

Опять та же неточность в переводе даты, ошибка, допущенная, очевидно, при реставрационных работах 1853 г., так как раньше этого свитка там не было[2]. Палеографически эта запись на свитке выглядит поздней. Свиток написан маслом и был оставлен при реставрации стенописи 1955 года.

Впоследствии эта ошибка, очевидно, механически (без специальной проверки) была перенесена в ряд капитальных изданий по истории русской архитектуры и истории Москвы.

[1] В подлиннике числа даны в старинных буквенных выражениях.

[2] И. Снегирев. Памятники Московской древности. М., 1841, стр. 77.

Что касается других неверных обозначений года постройки собора, то они даны авторами без ссылок на источники, и поэтому появление их в литературе необъяснимо. Впрочем, это и не столь важно. Главное в том, что все летописные своды различных редакций дают единственное и ясное указание на время окончания строительных работ, а именно, на год 7016 (который охватывал период с 1 сентября 1507 г. по 31 августа 1508 г.). Под этим годом дается следующая запись: «...совершиша церковь святаго архаангела Михаила на площади»[1]. Но ни одна из летописей не указывает даты с точностью до месяца или дня. Есть только год — 7016. Это означает, что сооружение собора было завершено («совершиша церковь») до 1 сентября 1508 г. Последующее летописное известие об Архангельском соборе относится к 8 ноября 7017 (т. е. 1508 г.), когда «священа бысть церковь на площади во имя святаго архаангела Михаила пресвященным Симоном митрополитом всеа Руси»[2]. Эта запись подтверждает, что к осени 1508 г. собор был полностью закончен, иначе в храмовый праздник 8 ноября не удалось бы провести официальную церемонию освящения.

Уточнить дату постройки, сузить рамки целого года (1 сентября 1507—31 августа 1508) позволяет известие «Софийской первой летописи» о том, что 3 октября 7016 (1507) г. Василий III велел «принести мощи прародителей своих великих князей русских» в новую церковь архангела Михаила, «бо сделана бяше тогда до верхних комар»[3]. Значит, к зиме 1507 — 1508 гг. работы по сооружению здания церкви еще не были закончены, а следовательно, строительный сезон весны — лета следующего 1508).

Из всего сказанного следует, что собор был поставлен за три года или за четыре строительных сезона (1505—1508).

Иных летописных сведений по этому вопросу нет, но все имеющиеся данные вполне определенны и не дают никаких особых оснований для обозначения даты постройки Архангельского собора каким-либо иным годом, кроме 1508.

[1] ПСРЛ, т. VI, Спб., 1853, стр. 53; т. VIII, Спб., 1859, стр. 249; т. XIII, Спб., 1904, стр. 10.

[2] Там же.

[3] ПСРЛ, т. VI, Спб., 1853, стр. 52.

О галерее Архангельского собора

ВОРОБЬЕВ А. В. И СМЫСЛОВА В. А.

За время существования Архангельский собор неоднократно ремонтировался. При ремонтах и поновлениях часто происходили и частичные перестройки его, приводившие к изменениям внешнего вида собора. Так, например, был изменен характер покрытия собора и его глав; возникли пристройки и контрфорсы с южного фасада.

Обнаруженные в архивах материалы представляют нам новые данные, помогающие восстановить первоначальный облик собора, а натурные исследования дополняют полученные сведения.

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранятся три чертежа собора (к сожалению, не имеющие точной даты): план, фасад и разрез (рис. 1, 2, 3)*, из которых два до сего времени не опубликованы[1]. Чертежи относятся к первой половине XVIII в. На плане с двух сторон — северной и западной — показана паперть или галерея.

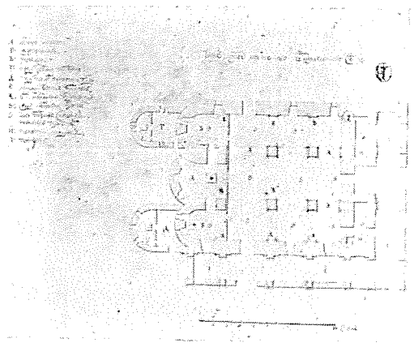
О том, что с северной стороны к собору примыкала галерея, было известно по рисунку XVII в. в книге «Избрание на царство царя Михаила Феодоровича». О существовании галереи также и с западной стороны можно было догадываться лишь по некоторым деталям на фасаде собора.

По чертежу северного фасада видно, что она представляла собой открытую аркаду на столбах, ширина арок которой строго соответствовала членениям фасадов.

В Центральном государственном архиве древних актов хранится ряд интересных документов, подтверждающих существование галереи с двух сторон и позволяющих уточнить дату ее разборки.

В делах Правительствующего Сената имеется «экстракт» с показанием ветхостей собора и их исправлений, составленный по описи 1749 г. В пункте 8 сказано: «В круг оного с двух сторон паперть длиною пятнадцать сажен две четверти поперечь тринадцать сажен три четверти крыта по железным стропилам листовым железом. Оная крышка во многих местах повредилась, а столбы и с имеющимися перемычками с настоящего перпендикуляра пошетилас которые надлежит разобрать до самой земли и сделать вновь»[1]. Против этой записи в графе «...что против той записи исправлено...», — сказано: «...разобрано, а вновь не строено, а зачем о том в вышеописанном документе представлено»[2].

Другой документ, из фонда Московской сенатской конторы говорит: «а паперть каменная, коя с западных и северных стран соборным стенам немалую к укреплению в стоянии им помочь подавала, по представлению архитектора князя Ухтомского отломана с фундаментов»[3]. Смысл примечания, почему галерея не была вновь построена сразу же после разборки, становится ясным из следующего документа в делах Правительствующего Сената: «1750 года сентября... 8 дня... по велению из Правительствующего Сената о разобрании бывшей около Архангельского собору галлереи и чтоб оной для показанных сомнений сенатской конторы резонов вновь не строить, ея императорское величество указать сопзволила оную галлерею до указу не делать, а сделать модель всей церкви и с одной стороны назначить галлерею, а с другой без галлереи и для высочайшей апробации поднесть ея императорскому величеству»[1].

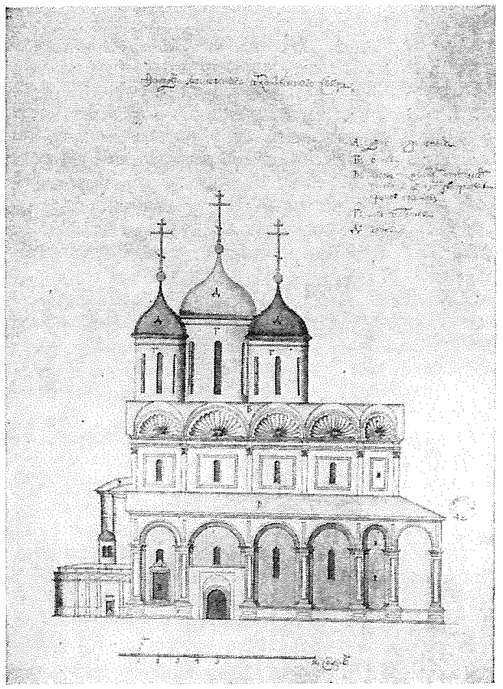

1. План собора

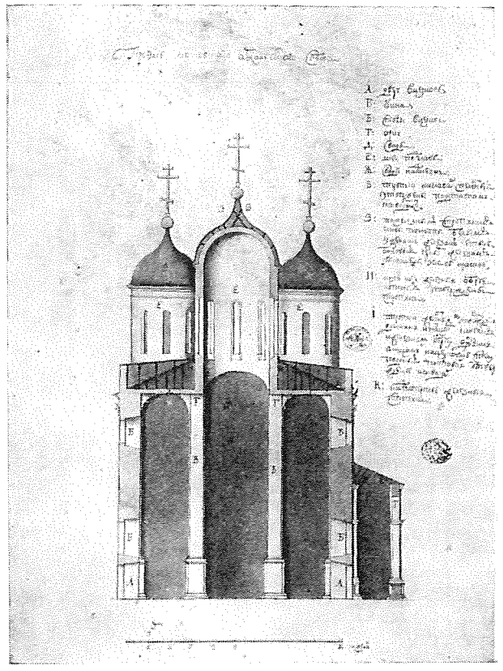
* ЦГВИА, ф. 418 д. 424.

[1] Фасад опубликован в статье А. И. Власюка «Исследование архитектуры Архангельского собора в Московском Кремле». «Архитектурное наследство», 2, стр. 118 (без указания места нахождения чертежа).

[1] ЦГАДА, ф. 254, д. 7973, л. 515.
[2] Там же.
[3] ЦГАДА, ф. 254, д. 7973, л. 519.

2. Фасад

3. Разрез

Изготовление модели было поручено архитектору Д. Ухтомскому, для этого к нему были направлены столяр и резчик из мастерской Оружейной палаты. В делах архива имеется запрос к Ухтомскому и на обороте листа его ответ о том, с какого времени находятся указанные мастера при строении модели.

В ответе Ухтомского указывается, что «...речимые столяр и резщик явились того же числа октября 12..., а в строение модели за сочинением Архангельского собору также фасадов и профилей еще не вступили, а находятца оные столяр и рещик при снятии того плана фасадов и профилей без отлучно...»[2].

Следовательно, для изготовления модели были специально сделаны чертежи собора. Из доношения архитектора Ухтомского в контору Правительствующего Сената видно, что в марте 1751 г. модель была сделана и готова к отправке в Петербург. На обороте доношения, подписанного Ухтомским, имеется «описание нумеров представленной при сем модели и о разобрании оной»[1], которое не безынтересно привести полностью: «1. Кровля с шеями и главами по корни снимается. А под оной под сим знаком Ф изобразует под настоящими нижними своды другие, на которые по стропилам железным крыта кровля железом. 2. Нижние своды каждый снимается порознь. 3. Лестница показует вниз. 4. Галлерея, которая за ветхостью разобрана оная отнимается особо. 5. Вид части покоев Камер-Коллегии. 6. Придел Иоанна Предтечи, что у Скопина гроба, оный отнимается особо. 7. Придел Покрова пресвятыя богородицы оный отнимается особо. 8. Олтари. 9. Вид Сторожевской палатки. 10. Контрфорты».

[1] ЦГАДА, ф. 254, д. 7934, л. 605.
[2] Там же, л. 611.

[1] ЦГАДА, ф. 254, д. 7934, л. 642.

4. Раскоп с северной стороны собора, виден фундамент существовавшей галереи

Натурные исследования, проведенные в 1954 г. во время рытья траншеи для устройства отопления в соборе, подтвердили существование галереи с северной стороны. Во время работ обнажились остатки фундаментов галереи (рис. 4). Фундаменты были сложены из крупных камней на прочном известковом растворе. Ширина их 2,4 *м*, глубина заложения от современного уровня площади 2,5 *м*, расстояние от стены собора 2,2 *м*.

Из переписки видно, что вопрос о восстановлении галереи долгое время оставался не решенным. В запросах духовенства Архангельского собора по этому поводу в Сенатскую контору выражалось беспокойство, куда исчезли материалы от разобранной галереи, записанные в соборных книгах.

По описанию модели можно предположить, что хранящийся в Центральном государственном военно-историческом архиве план относится к другому времени, возможно, более раннему, чем время сооружения модели, поскольку его экспликация не соответствует номерам, указанным в модели. В описании модели под пунктом 10 сказано «контрфорты», следовательно, контрфорсы, в Архангельском соборе существовали еще до начала работ по строительству Большого Кремлевского дворца Баженовым и последним были только усилены.

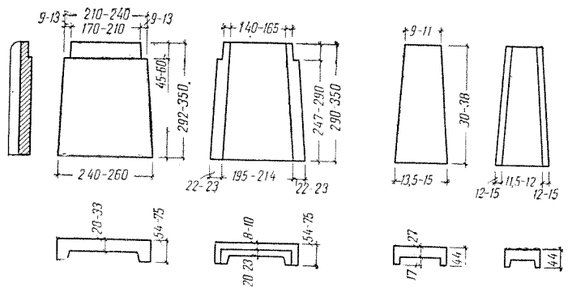
Существование контрфорсов до проекта Баженова подтверждает и другой документ, находящийся в архиве. В одном из дел о строительстве контрфорсов Благовещенского и Архангельского соборов Баженовым в период подготовки к строительству Большого Кремлевского дворца говорится о строительстве последнего восьмого контрфорса Архангельского собора рядом со старым. Пока не установлено, существовала ли уже тогда галерея с южной стороны или она была только с северной и западной, как зафиксировано это в документах 1749—1750 гг. Найденные чертежи и переписка также не отвечают на этот вопрос, в то время как в кладке контрфорсов в настоящее время видны столбы галерей.

Когда была построена галерея с южной стороны? Ссылка на кирпич XVI в. в статье А. И. Власюка[1] не является исчерпывающим доказательством, так как в документах XVIII в. есть указания, что для починок собора употреблялись кирпич, камень и известь «от разбираемых в Кремле строений»[2].

Дальнейшие исследования в архивах и в натуре, безусловно, помогут разрешить этот вопрос.

На чертежах фасада и разреза в экспликации указано, что главы собора и кровля крыты железом по железным стропилам, то же самое говорится в документах XVII в., но во время исследования собора на чердаке в нескольких местах была найдена корытообразная черепица с четвертью и без четверти красного и черного цвета (рис. 5). Среди них попадалась черепица, лощеная с одной и двух сторон. Черепицей без четверти восстановлены места утрат. Хотя черепицы различны по форме, но их можно отнести к одному времени. Черепица без четверти, очевидно, была выполнена для другого памятника. За последнее время черепица подобных размеров и формы обнаружена исследователями на многих памятниках XVI—XVII вв. в Москве и Новгороде.

По сведениям архитектора Л. Е. Красноречьева, в Новгороде в 1957—1960 гг. при реставрационных работах на церкви Михаила и церкви

5. Черепица, покрывающая своды собора

[1] А. И. Власюк. Указ. раб., стр. 112.
[2] ЦГАДА, ф. 1233, д. 29017.

Благовещения XVI в. выявлено, что подобная черепица была использована в забутовках стен и пазухах сводов. Черепица размером 21×27×35 *см*, толщиной 5,6 *см* и 12×16×35 *см*, толщиной 5,6 *см* найдена на своде гульбища XVI в., встречалась также фрагментами в строительном мусоре (XVII—XVIII вв.), в залицовках перехода, в прикладке апсиды церкви Благовещения.

В 1961 г. для прокладки инженерных сетей в северной части Новгородского кремля археологом С. Н. Орловым было подобрано большое количество черепицы с четвертью размером 11×15×31,5 *см*, толщиной 5,2 *см* и других размеров. Целые образцы подобной черепицы хранятся в Новгородском музее.

Можно предположить, что первоначально черепицей были покрыты не только кровля по сводам, но и главы Архангельского собора, так как под железной кровлей современного купола центральной главы до настоящего времени существует первоначальный кирпичный купол сферической формы с белокаменным подкрестным конусом.

Продолжающиеся изыскания в натуре могут дать много ценного материала по архитектуре собора и помогут исследователям восстановить его первоначальный облик.

О ДАТИРОВКАХ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ ПСКОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА

ТВОРОГОВ Л. А.

На территории Большого Окольного города старого Пскова, в Полонищенском конце, на некотором расстоянии друг от друга с незапамятных времен существовали два девичьих Вознесенских монастыря, носивших отличительные названия Старого и Нового. Первый из них находился в Сокольей сотне Полонищенского конца, в конце Великой улицы, на площади, расположенной при въезде в Псков по старой Новгородской дороге через Великие польские (т. е. выходившие в поле) ворота с высокой Великой башней над ними. Второй монастырь находился в Новинской сотне, в конце Романихи улицы. Соборы обоих монастырей с незначительными переделками сохранились до настоящего времени. В известных старых псковских документах, а также в псковских летописях нет никаких данных, которые говорили бы о времени основания этих монастырей и сохранившихся монастырских храмов.

Первое упоминание Старо-Вознесенского монастыря в псковских летописях относится к 1420 г.[1] В это время монастырь уже назывался Старым, что не только предполагает его давнее происхождение, но говорит также об одновременном существовании другого Вознесенского монастыря — Нового. Самые ранние известия о Ново-Вознесенском монастыре относятся к 1584—1587 гг. — времени очередного описания его земельных владений в писцовых и оброчных книгах[2].

Таким образом, в 1420 г. оба монастыря уже существовали. Находились они в то время еще не в Большом Окольном городе старого Пскова, который возник лишь в 1465 г., после ограждения его территории деревянной стеной[1], а за городом, на посаде в Поле[2].

Принято время основания Старого и Нового Вознесенских монастырей и дошедших до нас их соборных храмов относить к XV в.[3]: Старого Вознесенского монастыря — к началу XV в., а нового — к 1467 г.

Обе даты неверны. Первая взята ориентировочно, без всяких доказательств. Датировка храма Нового Вознесения 1467 годом основана на недоразумении. В тексте псковских летописей действительно имеется дата основания одного из старых псковских храмов — 1467 г., но она относится не к монастырскому храму Нового Вознесения, а к приходской церкви Воскресенской сотни Полонищенского конца Большого Окольного города старого Пскова — Воскресения с Полонища. Происхождение ошибки следующее. В 1848 г. был издан IV том Полного собрания русских летописей, в котором напечатан текст ряда псковских летописных сводов, под условным названием «Первой псковской летописи». В числе ее источников находился текст летописного свода, составленного в Пскове в середине XVII в. дьячком Богоявленской церкви с Бродов — Андрюшкою Ильиным, по прозванию Коза, для сына Псковского воеводы — стольника Василия Никифоровича Собакина. Списывая известия 1467 г. с летописного свода, составленного в середине XVI в. игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием и старцем Вассианом, он допустил описку: вместо «Воскресения» написал «Вознесения». Издатели IV тома Полного собрания русских летописей в основу своего издания положили ошибочное чтение Андрюшки Козы, а правильное

[1] Псковские летописи. II. М., 1955, стр. 37. Имеется еще более ранняя дата — 1418—1419 гг. (Псковские летописи, I. М. — Л., 1941, стр. 34), но она ошибочна, так как описываемое под ней основание Знаменской церкви произошло на месте встречи в 1420 г. Чирской иконы. Тем не менее дата 1418—1419 гг. вошла во все специальные работы, посвященные этому вопросу.

[2] Сборник Московского архива Министерства юстиции, V. М., 1913.

[1] Псковские летописи, I, стр. 72.

[2] Территория вокруг стен старого Пскова официально называлась Окологородьем.

[3] Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911, стр. 131.

написание его источника — Печерского свода — поместили в примечании. Исследователи, работавшие над текстами Псковских летописей, не обратили внимания на это примечание и отнесли дату 1467 г. к храму Нового Вознесения. В новом издании Псковских летописей 1941 и 1955 гг. эта ошибка исправлена. Таким образом, после анализа текста псковских летописей дата XV в. как время построения храмов Старого и Нового Вознесения отпала сама собою.

Дата построения этих храмов может быть установлена на основании хранящегося в Древлехранилище Псковского историко-художественного музея рукописного Синодика (Поминальной книги) Ново-Вознесенского монастыря XVII—XVIII вв. На листе 11 помещена запись об основателях этого монастыря: «Князя Евстафия, Евфимии и чад их». На обороте листа 14 помещена другая запись, говорящая уже о создателях храма Вознесения Ново-девичья монастыря тех же «Князя Евстафия, княгини Евфимии, Филиппа, Параскевы...» всего перечислено 19 имен.

В истории старого Пскова известен всего лишь один князь с именем Евстафия. Это изборский князь Евстафий, скончавшийся в 1359—1360 гг.[1] Таким образом, Ново-Вознесенский монастырь и его храм были основаны до 1359—1360 гг. Из псковских летописей также хорошо известны имена трех сыновей этого князя Евстафия, не попавших в число создателей храма Вознесения. Это — Алексей, Карп и Григорий Евстафьевичи. Первые двое умерли вместе со своим отцом во время мора 1359—1360 гг., а Григорий Евстафьевич — в 1417.[2] Они не попали в число создателей храма потому, что в момент его построения их еще не было на свете. Это отодвигает возможную дату основания Ново-Вознесенского монастыря и его храма от предельной даты «до 1359—1360 гг.» к несколько более раннему времени, которое можно определить второй четвертью XIV в. В таком случае возникновение Старого Вознесенского монастыря следует отнести еще к более раннему времени, во всяком случае за несколько десятков лет до основания Нового Вознесения. Это указывает на XIII—начало XIV в., за что говорит и определение «Старый», данное этому монастырю во второй четверти XIV в. В упоминавшемся Синодике Ново-Вознесенского монастыря имеются ценные данные о дальнейшей истории этого храма. Помещены они в конце рукописи, в особой росписи псковитина посадского человека Михаила Венедиктова сына Сарпунова (очевидно, церковного старосты или ктитора) «Строению и подаянию его в церковь Божию, в Ново-Вознесенский девичь монастырь...».

На листе 71 написано: «При игумении Анисии Евсеевой дочери Печеренки: построил на крылце перед папертию свод каменной». И дальше: «Еще построил: в церкви в болшой было четыре столпа; и те столпы выломали вон, и церковь разобрали до половины, и свод внов зделан, и окна внов зделаны в церкви и во олтаре болши старого, и решотки и закрышки все железныя болши старого. Такожде и крылосы и полки и опушки у полок и у лавок опущены внов. И во олтаре шкап и стекла зделал. И двери церковныя все выписаны. За все дано денег 162 рубли». «Еще построены тябелные образы. Дано за работу Никиты иконописцу 4 рубли...»

На листе 72 читаем: «При игумении Пелагии Гавриловой дочери Лодыженской: построил на болшей церкви главу внов, и жестью вся побита была. И та згорела. Стала в 75 рублев...» «Крест внов железной зделан и вызолочен весь, поставлен на той главе. Стал в 43 рубли...» «В 710 году, при игумении Ираиды Ерофеевой дочери: Божиим изволением церковь вся обгорела, и глава и яблоко с креста обгорело. И то яблоко я, Михаил, починил. И доски на опушки дал. И дертицы под доски подстилать дал. И за работу заплатил плотникам 40 рублев». Дальше следует описание дачи облачений. Конец текста утрачен.

Итак, перед нами церковное здание, построенное во второй четверти XIV в. и перестроенное в конце XVII в. Его перекрытие со временем было переделано на четырехскатное, с каким оно и дошло до настоящего времени.

Что же касается храма Старого Вознесения, то его дальнейшая история псковскими летописями не отмечена. Он, по-видимому, дошел до нас, во всяком случае в своей основной части, в старом виде. За это говорит прежде всего умолчание псковскими летописями таких важных моментов его истории, как гибели или разрушения первоначального храма и постройки взамен его нового. А ведь храм стоял на глав-

[1] Псковские летописи, I, стр. 23; II, стр. 103.

[2] Там же, I, стр. 34; II, стр. 120.

В рукописном Прологе псковского Снетогорского монастыря списка XV в., Мартовской половины (Гос. публ. библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собр. М. П. Погодина № 602, л. 231, в приписке XV в. уточняется день смерти князя Григория; 31 мая, а сам он назван князем Юрием Остафьевичем изборским, Витовтовичем (его отец был сыном литовского князя Витовта).

ной улице старого Пскова, перед площадью, на которой псковичи встречали приезжающих в Псков именитых гостей. При таких обстоятельствах любые существенные перемены в истории храма не могли остаться неотмеченными местными летописателями. За это говорят также археологические раскопки, произведенные в конце 1950-х годов, — на территории существующего храма никаких следов перестроек или остатков старых фундаментов найдено не было.

В процессе реставрации храма под его четырехскатным перекрытием были обнаружены следы предшествовавшего ему восьмискатного перекрытия, как полагают XV в. Однако это обстоятельство ни в коем случае не может служить основанием для датировки самого храма XV в. В свое время в Пскове старые храмы, имевшие более древние посводные перекрытия, получали восьмискатное перекрытие, которое затем было заменено четырехскатным. Предвзятая же датировка дошедшего до нас храма Старого Вознесения XV в. (на основании существующих в литературе мнений) не позволила при его реставрации искать следы более древнего перекрытия, не свойственного XV в.

Во всяком случае история существующего храма Старого Вознесения ждет своего будущего раскрытия, наподобие истории храма Ново-Вознесенского монастыря. Для этого нужно продолжить поиски документальных данных.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЛАНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК XVII в.

МИЛОСЛАВСКИЙ М. Г.

В фондах Приказа Тайных дел (ЦГАДА) сохранились несколько неопубликованных чертежей сельскохозяйственных построек XVII в. Чертежи представляют схемы (эскизные проекты), выдаваемые Приказом для производства работ. Большинство сооружений на чертежах отличается значительными размерами; конструкция каркасная с заполнением бревнами в замет (в пазы стоек). Иногда углы для жесткости рубились обычным путем в обло (с остатком).

На рис. 1 изображен план житного двора в с. Лыскове[1]. На чертеже[2] показано шесть житных амбаров по 5 сажен ширины и 30 длины. Проезды между амбарами оставлены в 5 сажен. Разрывы между забором и амбарами показаны в 9 и 10 сажен. На житном дворе имеются два въезда. Закрома расположены у стен амбаров.

Приводимый чертеж знакомит с крупнейшим зернохранилищем XVII в.

На рис. 2 представлена Гавриловская конюшня с дворами, находившаяся на дороге из Москвы в Суздаль[3].

Следует отметить, что все крупные конюшни XVII в. имели однотипную планировку. Состояли из двух сооружений в несколько десятков метров длины. В середине двора располагались ясли денниковые. Оба эти сооружения каркасной конструкции были соединены заборами с двумя воротами. Большие размеры конюшен обусловливали строительство целых слобод или сел возле них. На плане видна большая Гавриловская слобода, расположенная углом возле здания конюшен.

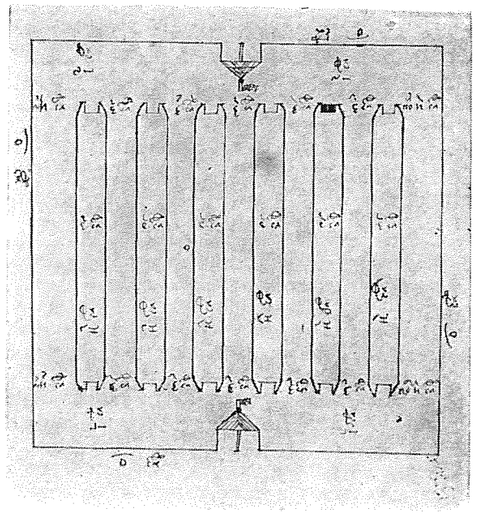
На рис. 3 приведен план двора для овец в с. Княжчине[4]. Овчарня размером 72 на 60 сажен имела трое ворот на фасаде и трое задних ворот. Каждые ворота имели в ширину 3 сажени. Все отсеки овчарни — размером 12 на 3 сажени. В каждом отделении были устроены двери. Всего в овчарне было 20 отсеков общей площадью 720 кв. сажен, или 3240 $м^2$.

На рис. 4 показан план воловенного двора[1], построенного «на пустоши Гореве от села Рюминского в 2 верстах». Двор состоит из трех основных помещений для скотины; каждое имеет трое ворот. На переднем фасаде показаны два сооружения (избы) у входа. Воловенный двор располагался невдалеке от реки Серы. Как видно из плана, на реке проектировалось строительство плотины и в 20 саженях от плотины винокурни. Воловенные дворы обычно принадлежали боярским и царским вотчинам. На Пасху в 1673 г. царь Алексей Михайлович указывал прислать: «из 4 сел с воловенных дворов скоп: сыры, яйца, масло, творог, сметану все что есть»[2].

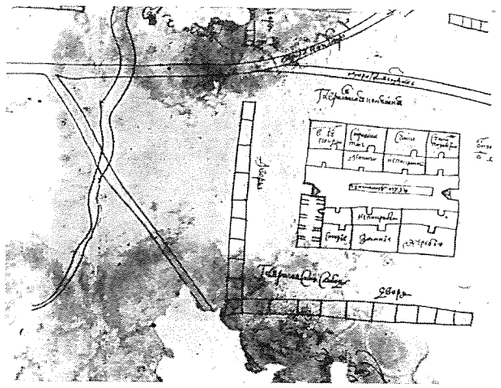
Кроме рубленых в замет (в столбы) хозяйственных построек, в XVII в. практиковалось устройство остожников или хозяйственных дворов, обнесенных легкими плетневыми загородками. Остожники имели самую разнообразную планировку. На рис. 5 изображен план остожника[3]. Передняя стена остожника равнялась 40 саженям. В этой стене были устроены проезды в 6 сажен и 2 отсека по 17 сажен. Ширина остожника «меж выпусков» равнялась 3 саженям. Боковые стены равнялись 50 саженям, в середине их были сделаны проезды в 6 сажен. По бокам ворот располагались 2 амбара по 20 сажен. Сбоку на плане указано: «телятам 2 амбара, длина по 4 сажени амбар, поперег $2^1/_2$ сажен». Длина узкой части остожника составляла 30 сажен. Затем, за узкой частью помещения располагался «остожник малой», не указанный в плане. На приведенном чертеже обращает внимание конфигурация стен остожника. Стены показаны не прямые, а с переломами, зубчатые. Есть основание думать, что это обеспечивало

[1] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 208.
[2] ЦГАДА, ф. 27, д. 474, ч. I, л. 44.
[3] То же, ч. IV, л. 2.
[4] То же, ч. II, л. 2.

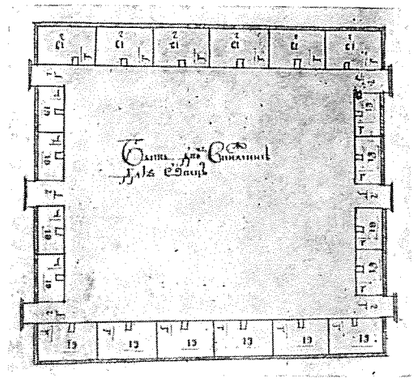
[1] ЦГАДА, ф. 27, д. 474, ч. III, л. 84.
[2] Указ. раб. А. И. Заозерского, стр. 204.
[3] ЦГАДА, ф. 27, д. 474, ч. II, л. 29.

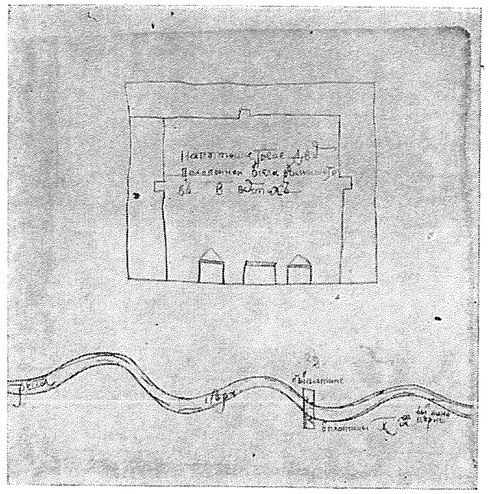
1. План житного двора в с. Лыскове

2. Конюшня Гавриловская со дворами и частью дороги в Суздаль

3. Овчарня в с. Княжчине

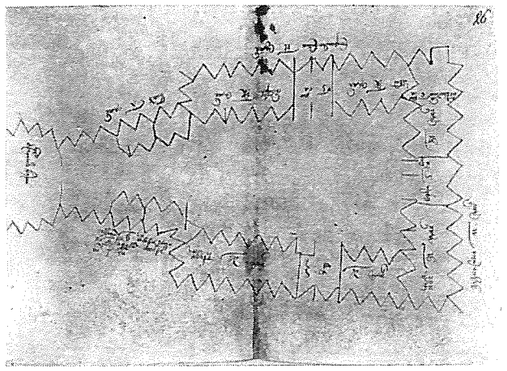
4. План воловенного двора

плетневым стенам устойчивость и позволяло перекрыть их козырьком или легкой крышей.

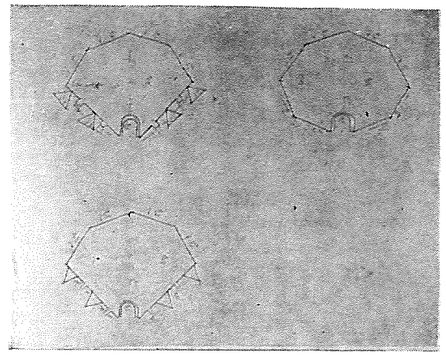
На рис. 6 изображен эскизный проект оранжереи (чердака) в земляничнике (в саду)[1].

На чертеже представлены три различных варианта чердака. Два варианта представляют шестигранный чердак (оранжерею), третий — восьмигранный. Во всех вариантах указана одна дверь в оранжерею размером в сажень. Размер оранжереи от угла до угла 6 сажен, поперек 5 сажен. Четыре стены чердака первых двух вариантов имеют по 2 сажени. В третьем варианте четыре стены также имеют по 2 сажени, а другие четыре по «2 сажени без чети аршина». В одном варианте показаны «оба прясла по 5 аршин не сполне». В другом показаны

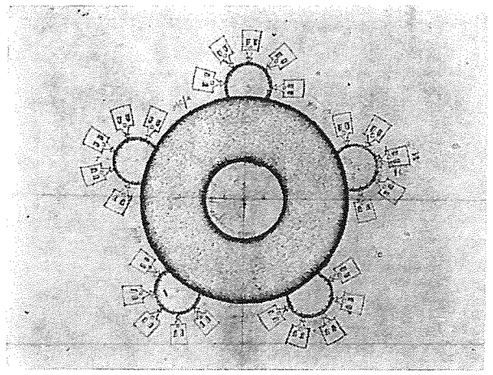
[1] ЦГАДА, ф. 27, д. 474, ч. II, л. 32.

5. План остожника

6. План чердаков (оранжерей) в земляничнике

7. Проект вольера для водоплавающей птицы в с. Измайлове

два элемента стены, каждый в сажень длины В обоих случаях треугольником обозначены проемы в стенах со стороной, равной 2 аршинам. Разница первого и второго вариантов, видимо, заключается в конфигурации проемов в двух передних стенах. Планы чердаков говорят о перекрытии их шатром.

Среди многочисленных документов об Измайловской вотчине в фондах Приказа Тайных дел сохранилось несколько вариантов вольеров для водоплавающей птицы. Один из имеющихся вариантов приводится на рис. 7*. Здесь изображен пруд с разветвленной сетью мелких прудов, или затончиков, всего их пять. Геометрически точную планировку вольера можно рассматривать как дань времени, как отзвук влияний абстрактных схем эпохи Возрождения на строительство XVII в. в России.

На плане показаны размеры окружности пруда (1080 сажен) и острова (40 сажен).

Приводимые планы сельскохозяйственных построек XVII в. не только отражают развитие вотчинного хозяйства, но и указывают на высокую строительную культуру того времени.

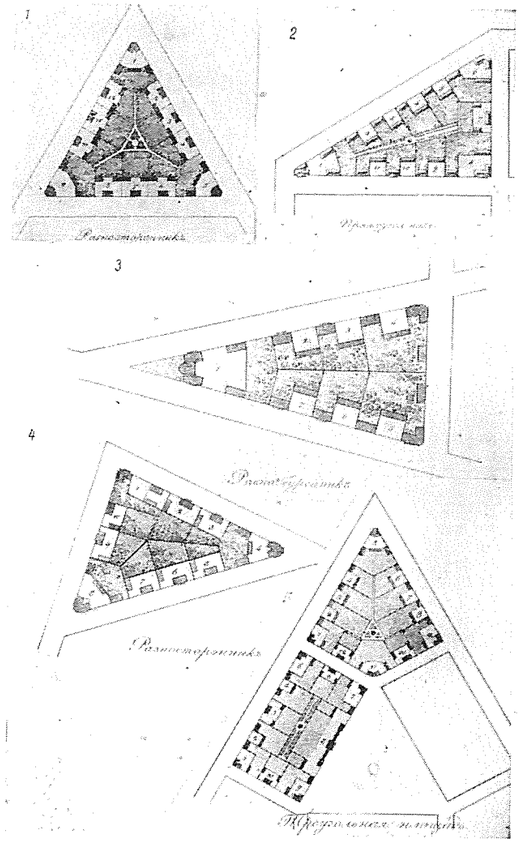
* ЦГАДА, ф. 27, д. 474, ч. II, л. 65.

ОБРАЗЦОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ И ПЛОЩАДЕЙ НАЧАЛА XIX в.

ЧЕРНОЗУБОВА Л. Е.

Публикуемые в данной работе чертежи архитектора В. И. Гесте представляют собой очень интересный и ценный документ, показывающий, что в градостроительной практике России первой половины XIX в. применялись не только образцовые проекты различных видов зданий и сооружений[1], но и образцовые проекты планировок городских кварталов и площадей. Такие чертежи были созданы архитектором Гесте в 1811 г. Они собраны в виде альбома (26 планов) под общим названием «Разделение городских кварталов на обывательские места»[2]. Необходимость в подобных чертежах была вызвана большим размахом по тому времени работ в области градостроительства. Как уже известно, к началу XIX в. были разработаны и утверждены правительством генеральные планы почти на все крупные города России, оставались не приведенными в порядок мелкие города. Этой задаче уделялось много внимания. Возглавить работу по переустройству планов русских городов было поручено архитектору Гесте. Большая практическая деятельность Гесте подсказала ему возможность использования в градостроительной практике типовых или, как их называли в то время, образцовых планировок на жилые городские кварталы.

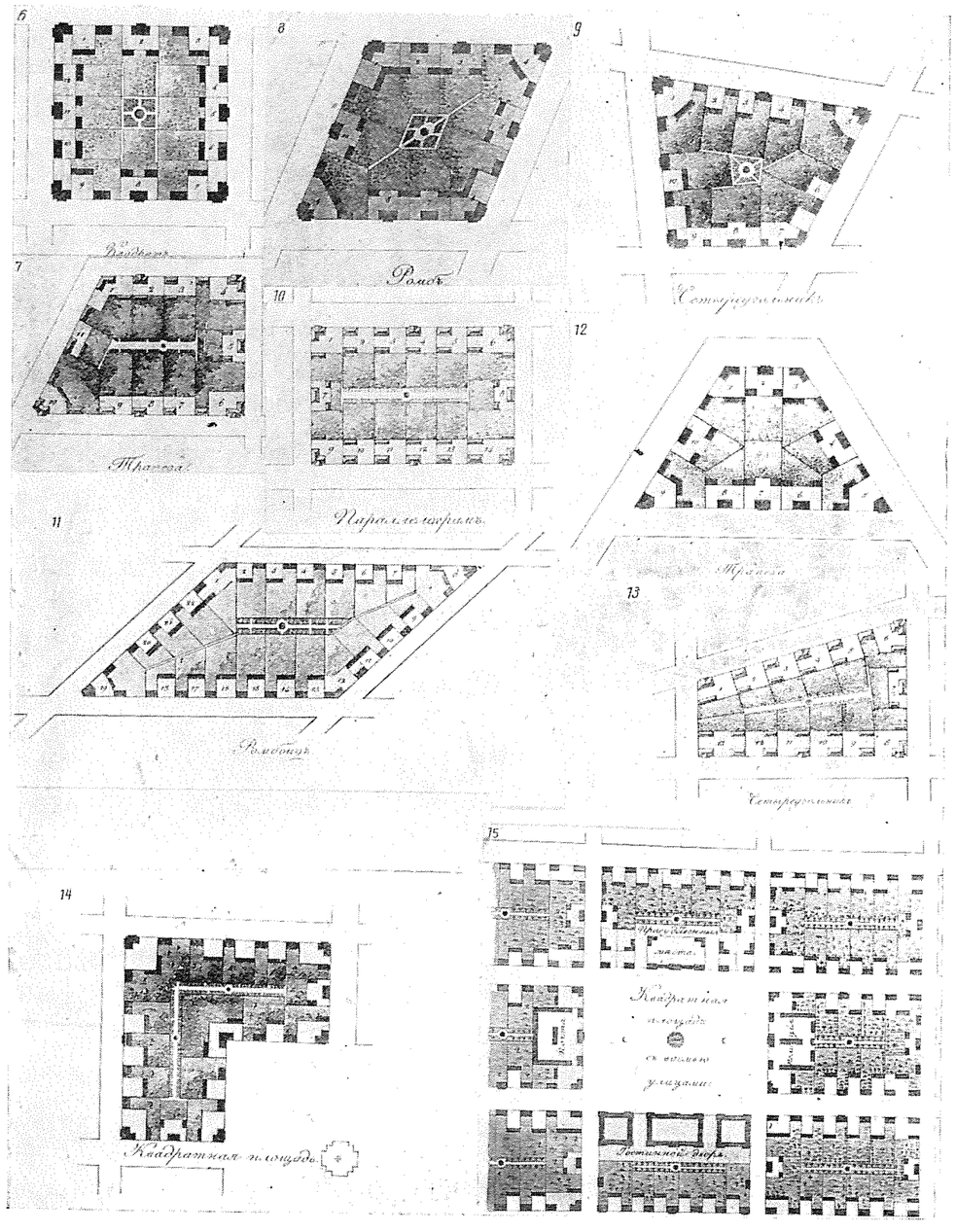
Размноженные гравировальным способом и собранные в виде альбомов чертежи кварталов, как и все образцовые проекты того периода, были направлены во все губернии России со специальным указом «впредь в случае назначения городских кварталов и разделения оных на обывательские места руководствоваться сими чер-

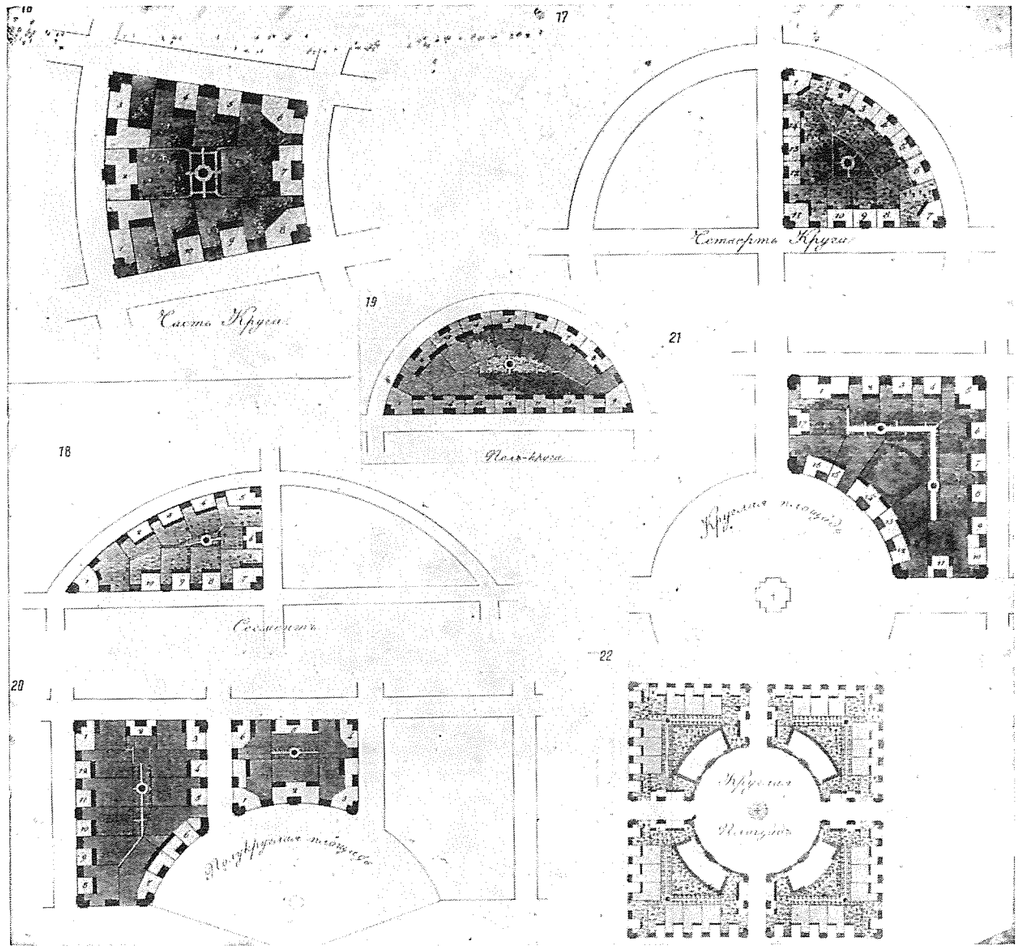
1—5. Планы кварталов и площадей «трехсторонние»

[1] Подробно о составе образцовых проектов и об их применении в строительной практике XVIII и XIX вв. изложено в кн. Е. А. Белецкой, П. Л. Крашенинниковой, Л. Е. Черноузубовой, И. В. Эрн «Образцовые проекты в застройке русских городов». М., 1961.

[2] Долгое время чертежи Гесте не были найдены, хотя об их существовании было известно из записей в книгах различных канцелярий, существовавших в начале XIX в. и сохранившихся в архивах. Часть чертежей из альбома Гесте опубликована впервые в упомянутой выше книге. В данной статье все 26 чертежей публикуются в той последовательности, в какой они собраны в альбоме, это дает возможность судить о характере документа в целом.

6—15. Планы кварталов и площадей «четырехсторонние»

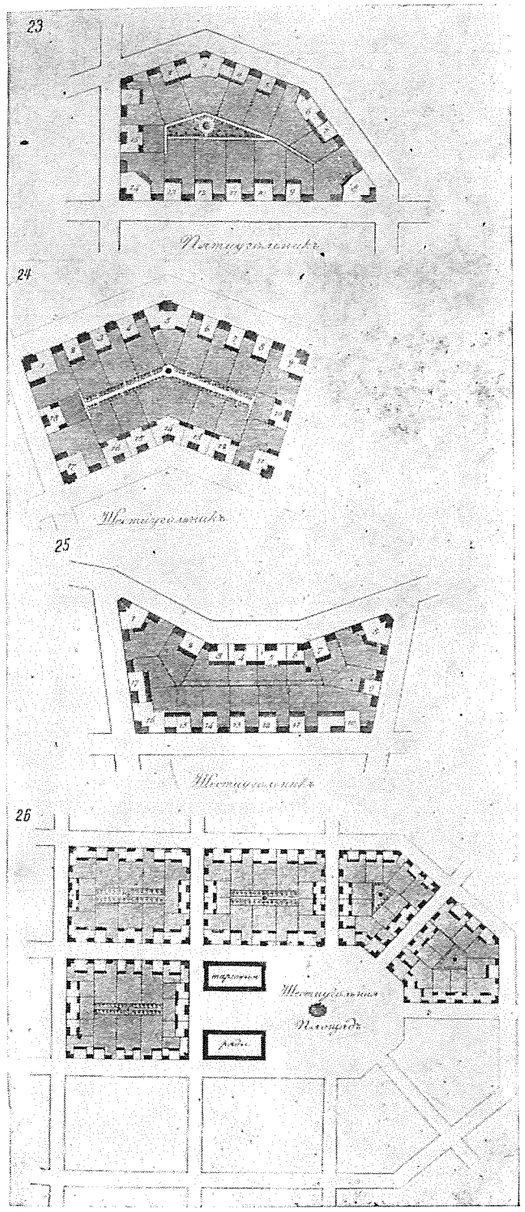

16—22. Планы кварталов и площадей «круги»

тежами, приняв за образец те из оных, которые удобностям обывателей и местному положению наиболее будут сообразны»[1]. То, что эти чертежи были необходимы на местах, подтверждают хранящиеся в архивах запросы из разных губерний о дополнительной высылке комплектов чертежей, несмотря на то что их было размножено и разослано 450 экземпляров, что по тем масштабам было весьма значительным количеством.

Каких-либо пояснений к чертежам о том, как предполагалось их использовать, в альбоме не дано, на чертежах даже нет масштаба, и это затрудняет судить о величине кварталов и отдельных владений. Однако анализ и даже беглое рассмотрение чертежей убеждает, что они построены по строго определенной системе и представляют собой своего рода серию планировочных решений. Их набор не случаен, а наличие разнообразных по форме кварталов и площадей позволяет составить из этих элементов целостную планировку различных участков города на спокойном и холмистом рельефе. Это подтверждается тем, что альбом включает проекты кварталов и площадей, различных по форме и размерам, которые можно было использовать как для застройки центра города, так и для второстепенных улиц и его окраин. Предусмотрены кварталы самой различной композиции, как симметричные, так и асимметричные по застройке, с различным количеством владельческих участков, размещенных на них. Общим для всех кварталов является единый принцип постановки зданий на линии улиц, четкое выделение угловых владений с постановкой дома на углу, единый прием планировки владений и их составных компонентов — дома, хозяйственного блока и огорода с садом. В центре каждого квартала Гесте размещает внутриквартальный сад с колодцем, к которому можно выйти из каждого владения. Этот вид благоустройства был очень важен, так как его реализация позволяла бы организовать централизованную систему водоснабжения всего квартала.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 107, ч. III. Губернаторы были обязаны представлять сведения, какие именно образцы кварталов ими использованы.

23—26. Планы кварталов и площадей «пяти- и шестисторонние»

В зависимости от форм кварталов и площадей все они скомпонованы в четыре группы. Первая группа чертежей, названная Гесте «трехсторонние» (рис. 1—5), состоит из четырех планов кварталов и плана площади треугольной формы. По такой форме могли планироваться городские территории, заключенные между улицами, расходящимися в виде лучей от площади при лучевой композиции плана города, и участки на малоудобных местах. Кроме того, эти образцы наглядно показывали, как можно размещать отдельные владения на таких малоудобных кварталах, как треугольники.

Вторая группа под названием «четырехсторонние» (рис. 6—15) включает восемь кварталов и две площади. Прямоугольные формы кварталов были самыми распространенными потому, что в основу структуры большинства городов конца XVIII — начала XIX в. была положена прямоугольная система сетки улиц. Она как нельзя лучше отвечала стремлению упорядочить застройку города и была для спокойного рельефа самой экономичной. Включенные в эту группу площади различны по назначению; квадратная площадь с собором в центре застроена обычными жилыми домами, квадратная площадь с восемью улицами представляет собой образец административной городской площади;

она застроена административными зданиями почты, присутственных мест, гостиного двора, полиции. Такая площадь часто встречается в планах городов того времени. Ее планировка взята Гесте из его проекта Царского села, выполненного им в 1809 г., и включена в альбом в качестве образцовой.

Третья группа кварталов «круги» (рис. 16—22) могла быть использована при радиально-кольцевой системе плана города, а также на малоудобных городских территориях — на бровке обрывов, склонах и т. п. К четырем кварталам полукруглой формы этой группы даны три варианта круглой площади, из которых одна решена очень парадно. Она застроена четырьмя полукруглыми в плане зданиями с курдонерами, явно административно-общественного назначения. Такая форма площади также была распространена в градостроительстве.

Четвертую группу составляют планировки кварталов многогранной формы с площадью шестигранной формы (рис. 23—26).

Таков состав чертежей образцовых кварталов. Чертежи Гесте имеют большое значение в истории архитектуры, заполняя существовавший пробел в изучении истории градостроительства. Эти чертежи, взятые из реальных проектов, проверенные в строительстве и рекомендованные в качестве образцов, возможно, во многом способствовали тому, что подавляющее большинство планировок городов, составленных в конце XVIII и начале XIX в. были полностью осуществлены на протяжении 50—70 лет после утверждения их проектов.

ШП—1

УЗОРЧАТЫЕ МОСТОВЫЕ ПЕТЕРБУРГА

ЩЕРБО Г. М.

Мостовые из различных по размерам, форме или цвету камней, уложенных в виде крупных узоров, известны в Европе на протяжении ряда веков. Наиболее удачные примеры свидетельствуют о том, что такие мостовые могут являться одним из действенных средств, способствующих достижению выразительности и композиционного единства ансамбля площади или улицы.

Простой и лаконичный рисунок узорчатой мостовой лучше всего воспринимается со стороны идущего по тротуару или едущего по улице. В качестве классического примера можно назвать орнаментику мостовой на площади св. Марка в Венеции. Традиционные приемы устройства узорчатых мостовых получили распространение также в XX столетии в ряде европейских стран: Италии, Германии и др.

Узорчатые мостовые устраивались в XVIII—XIX вв. в Петербурге, а также в Москве и некоторых других городах. Однако о них ничего не говорится в работах по истории русской архитектуры. Лишь А. В. Щусев, широко и внимательно изучавший все аспекты архитектуры, обратил однажды внимание на узорчатые мостовые в небольшой и давно забытой статье на страницах журнала «Городское дело». В ней говорится: «На старинных видах Петербурга видно, что и булыжником мостили не просто, — камень укладывали узором похожим на рисунок паркета. Такой каменный паркет придает городу нарядный и изящный вид»[1]. В статье приводился рисунок первой половины XIX в., изображающий площадь перед Михайловским дворцом с узорчатой мостовой, и подчеркивалось, что «...город только тогда может иметь изящный вид, когда улицы и площади красиво вымощены».

[1] А. В. Щусев. Городские археологи. «Городское дело», 1909, № 1, художественно-архитектурный отдел, стр. 6.

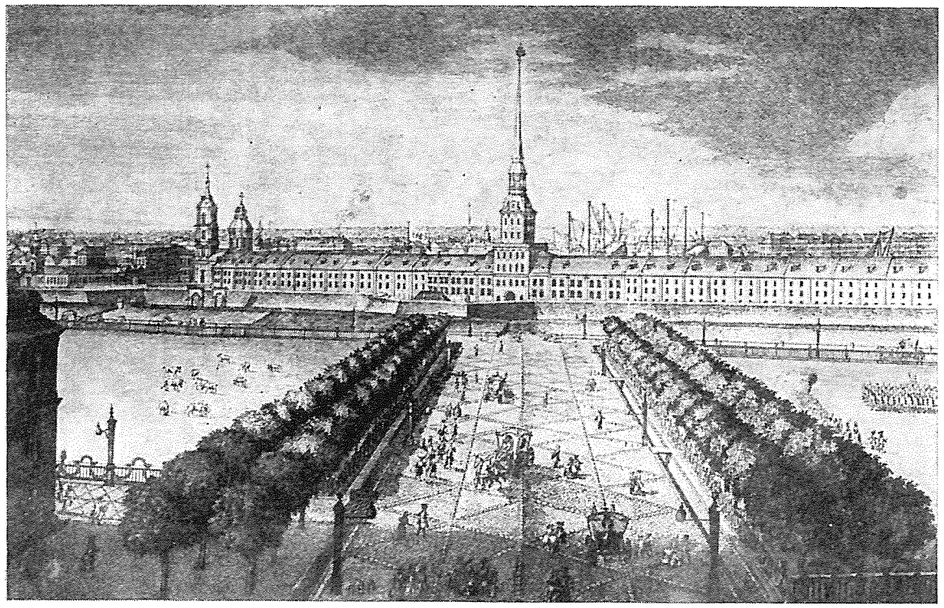
Первые узорчатые мостовые России следует отнести к первой половине XVIII в. В то время как в большинстве русских городов основным видом замощения улиц оставалась бревенчатая мостовая, в Петербурге мостовые главных улиц выкладывались из булыжного камня. Как известно, новаторский характер строительной деятельности, развернувшейся на топких берегах Невы, выражался в широких и смелых поисках новых архитектурных и технических решений. Это относится, в частности, и к мостовым. Строители сразу же столкнулись с трудностями в деле замощения улиц, связанными с большой увлажненностью грунта.

Выдвигались разнообразные проекты и предложения по устройству булыжных мостовых, в том числе узорчатых. Пробовали выписывать мостовщиков из Германии, Голландии и Англии, «однако ж и их работа на следующий год повреждалась»[1].

К середине XVIII в. еще не было выработано оптимальных в техническом и экономическом отношении решений мостовых. Однако создание исключительно пышных и нарядных архитектурных ансамблей Петербурга вызвало внимание к внешнему благоустройству центральных районов города. В этих условиях больше заботились о декоративных качествах мостовых, орнаментируя их по разнообразным рисункам.

Представление о внешнем виде узорчатых мостовых этого времени дают гравюры по рисункам художника-графика М. И. Махаева из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших перспектив», изданного в 1753 г. Академией наук. Заметим, что решение о создании альбома было принято в 1745 г., а в 1746 г. Махаев получил разрешение «снимать, где пожелает» городские пейзажи

[1] П. Е. Шретер. О мощении улиц в городах. «Новое продолжение трудов Вольного экономического общества», Спб., 1796, ч. II, стр. 185.

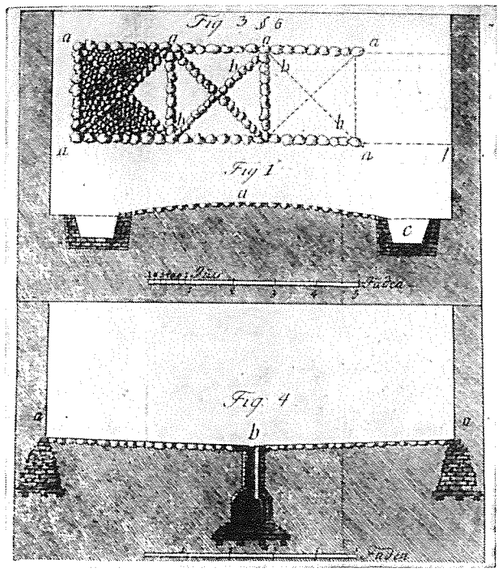
1. Деталь гравюры по рисунку М. И. Махаева

Петербурга[1]. Ознакомление с этими гравюрами позволяет отметить, что в 1746—1753 гг. мостовые в Петербурге пока еще выполнялись по индивидуальным рисункам. В качестве примера на рис. 1 показана деталь одной из этих гравюр — «Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений с частью Невской перспективной дороги на запад». На участке Невского проспекта видна мостовая, разделенная прямыми продольными рядами крупных камней на четыре полосы, каждая из которых разбита на крупные треугольники. В левой части этой же гравюры показано замощение проезда, имеющее иную орнаментику.

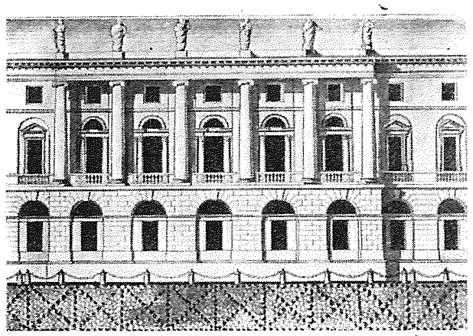
Другие гравюры упомянутого альбома свидетельствуют о наличии узорчатых мостовых почти на всех проездах, проходящих перпендикулярно к Невскому проспекту. Так, на набережной у Адмиралтейских триумфальных ворот мостовая поделена на квадраты рядами крупного камня, направленными под углом 45° к оси проезда. На одном из проездов в районе Аничкова дворца в годы постройки последнего (1741—1750) была устроена мостовая, также разделенная на квадраты, но ряды крупных камней проходили параллельно и перпендикулярно к оси улицы. Диагональными рядами камня меньших размеров квадраты разделялись на четыре треугольника, которые в свою очередь мостились булыжником еще меньшего размера.

В качестве примера кратко охарактеризуем процесс производства работ по устройству узорчатой мостовой в этот период, когда еще не было выработано общих технических рекомендаций. На набережной Невы по засыпке из смеси гранитного и известнякового щебня было уложено три ровных слоя кирпича, полученного от разборки старых зданий. Это основание заливалось жидким раствором и затем просушивалось в течение нескольких дней. Покрытие выполнялось из булыжного камня трех размеров, укладываемых на известковый раствор. Из камней в 6—7 дюймов выкладывались по шнурку квадраты со стороной в 7 английских футов (т. е. 213 *см*). На диагональные ряды шел размер камня около 5—6 дюймов. Мелкий булыжник (3—4 дюйма) втапливался острым концом в подливку из известнякового раствора. Выложенную таким образом мостовую утрамбовывали, а затем заливали жидким известковым раствором и посыпали песком. Через четыре недели по ней разрешалось движение[1]. Эта мостовая отличалась прочностью, но она неэкономична и в процессе эксплуатации выделяла много пыли.

[1] Ю. И. Герштейн. Михаил Иванович Махаев. М., 1952, стр. 9.

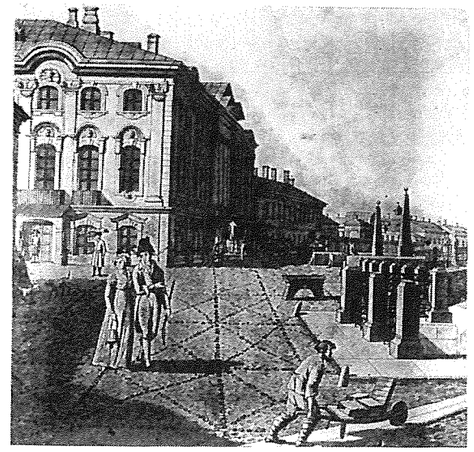

2. Конструкция узорчатой булыжной мостовой. Петербург, середина 1790-х годов

3. Часть фасада Публичной библиотеки в Петербурге

[1] П. Е. Шретер. Указ. раб., стр. 186—189.

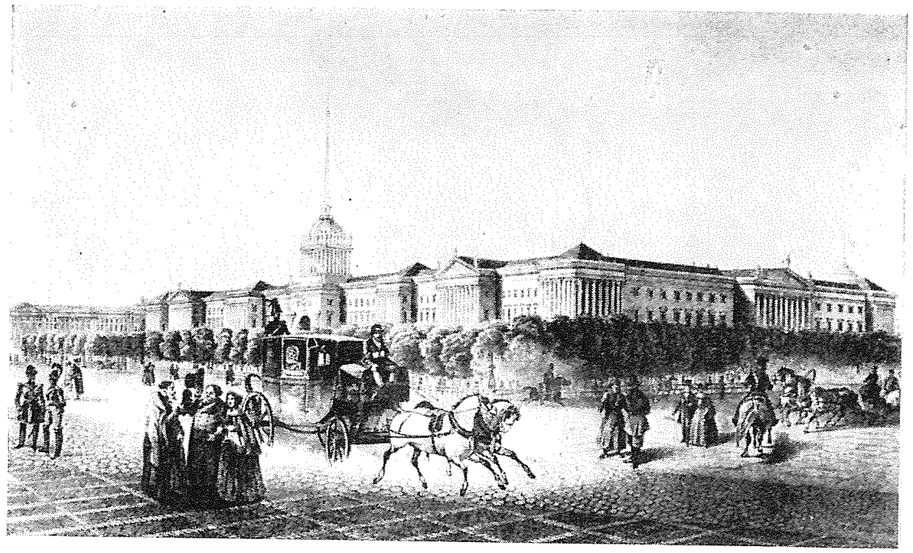
4. Фрагмент гравюры Патерсена. Мостовая набережной р. Мойки у Невского проспекта в Петербурге

Можно заметить, что рисунок описанной мостовой совпадает с тем, который существовал на проезде возле Аничкова дворца. В последующем именно этот орнамент стал основным на мостовых Петербурга. Такой выбор вызван, по-видимому, следующими обстоятельствами. Во-первых, разделение проезжей части улицы на продольные ряды способствовало лучшей организации движения. Во-вторых, следует учесть, что с 1770-х годов петербургские мостовые стали устраивать с поперечным уклоном от тротуаров к середине улицы, а по ее продольной оси устраивали колодцы, через которые дождевые и талые воды попадали в проходившую под ними ливнесточную кирпичную трубу и отводились в Неву или каналы[1]. Поэтому удобно было по оси улицы укладывать продольный ряд камней.

Однако прежде чем такой прием решения мостовой стал типовым, пришлось много поработать над ее конструктивным усовершенствованием. Накопленный практический опыт по строительству и эксплуатации мостовых позволил в последней четверти XVIII в. решить и эту задачу.

В 1780 г. при строительстве одной из узорчатых мостовых в Петербурге впервые булыжник укладывают на песчаное основание, обра-

[1] Очерки истории Ленинграда. I. Л., 1955, стр. 370.

5. Мостовая у Адмиралтейства в Петербурге. Старая литография

щая особое внимание на прочное опирание каждого камня и на уплотнение песчаной засыпки между камнями. Эксплуатация в течение 16 лет этой мостовой без громоздкого жесткого основания и заливки известковым раствором показала, что это более надежное и в то же время экономичное решение. Такое устройство было предложено П. Е. Шретером в середине 1790-х годов для петербургских мостовых и было отмечено первой премией на конкурсе, проведенном Вольным экономическим обществом[1]. На рис. 2 представлен чертеж устройства такой мостовой и видно также устройство ливнесточной канализации по оси улицы.

Песчаное основание предусмотрено в так называемом нормальном чертеже мостовой, разработанном в 1786 г. Комиссией для строения дорог в государстве[2], для дороги из Петербурга в Москву. Покрытие имело два ряда квадратов более крупных размеров (4,27 *м*). Продольные ряды, разделяющие соседние квадраты, согласно этому проекту должны выкладываться в виде двойного ряда камней. Заполнение квадратов выполнялось аналогично описанному выше[1]. Как разновидность в конце XVIII в. был разработан проект мостовой, в котором квадраты и диагональные ряды выполнены не из булыжника, а из более дешевого бутового камня.

Узорчатое замощение получило в конце XVIII в. столь широкое распространение в Петербурге, что некоторые столичные архитекторы даже охотно изображали его типовой рисунок на отмывках фасадов запроектированных зданий, а художники нередко отводили прорисовке узора такой мостовой весь передний план перспективы городского пейзажа. Это видно из рис. 3, представляющего фрагмент фасада Публичной библиотеки по проекту архитектора Е. Т. Соколова, выполненному и утвержденному в 1795 г. *. Заметим, что узорчатая мостовая показана на всех трех вариантах проекта здания. Такая мостовая действительно была устроена перед зданием библиотеки, что видно из литографий первой четверти XIX в.[1].

Типовое решение узорчатой мостовой показано в первой половине XIX в. на гравюрах Патерсена, литографиях Делабарта, на рисунках и акварелях различных художников и архитекторов (например, А. Воронихина). На рис. 4 приведен фрагмент одной из гравюр В. Патерсена. Более простое решение узорчатой мостовой, отличающееся от типового, показано на литографии, воспроизводимой на рис. 5*. Здесь квадраты выложены из небольших камней правильной формы (возможно, из клинкера) и имеют значительно меньшие размеры. О том, насколько верно воспроизведена мостовая на этой иллюстрации, судить трудно, поскольку в других графических материалах не приходилось встречать аналогичных решений.

Следует заметить, что рассмотренные узорчатые мостовые старого Петербурга являются разновидностью булыжной мостовой, которая во второй половине XIX в. начала заменяться более современными типами дорожных покрытий, соответствующими развивающемуся городскому транспорту. Однако в отдельных случаях участки старых узорчатых мостовых сохранились до начала XX века. Участок подобной мостовой существовал в самом начале XX в. на Васильеостровской университетской набережной перед бывшим дворцом Меньшикова[1].

В заключение следует отметить, что узорчатые мостовые старого Петербурга, строившиеся в XVIII и начале XIX столетия, были для своего времени прогрессивными в техническом отношении (поскольку привели к экономичной и долговечной булыжной мостовой второй половины XIX в.) и более выразительными в архитектурно-художественном отношении. В связи с тем, что имевшие широкое распространение дорожные покрытия с декоративным рисунком влияли на архитектурный облик города, о них следует упоминать в обобщающих работах по истории русской архитектуры.

---

[1] П. Е. Шретер. Указ. раб., стр. 197—201.

[2] Л. Ф. Николаи. Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России. Спб. 1898, стр. 27.

[1] А. С. Кудрявцев. Очерки истории дорожного строительства в СССР, т. I. М., 1951, стр. 120.

* М. В. Владимирова, Г. Г. Эфрос. Здание Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Архитектурная практика и история архитектуры», сб. научных трудов ЛИСИ, 21, Л., 1958, стр. 124.

[1] И. Божерянов. Невский проспект. Спб., 1903, т. II, вып. 4, стр. 369; вып. 5, стр. 448.

* Узорчатую мостовую пересекает полоса, замощенная деревянной торцовой шашкой по способу, предложенному изобретателем Гурьевым.

[1] А. В. Щусев. Указ. раб., стр. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Холостенко Н. В.
ЧЕРНИГОВСКИЕ КАМЕННЫЕ КНЯЖЕСКИЕ ТЕРЕМА XI В. 3
Вагнер Г. К.
АРХИТЕКТУРНЫЕ ФРАГМЕНТЫ СТАРОЙ РЯЗАНИ 18
Борисевич Г. В., Тюрин В. П., Чистяков Г. П.
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРЕВЯННОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА 28
Караваева Е. М.
СОБОР СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ В ЯРОСЛАВЛЕ (ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ) 39
Михайловский Е. В.
ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ ГОСТИННОГО В КОЛОМНЕ 51
Морозкина Е. И.
АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КРЫПЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ 63
Штейман Г. А.
КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ РЕШЕНИЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В КАМЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ XVI—XVII ВЕКОВ 79
Штейман Г. А.
КРЕСТЬЯНСКИЕ УСАДЬБЫ XVI—XVII ВЕКОВ (ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ, СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ) 88
Харламова А. М.
К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО ЗОДЧЕСТВА 102
Будылина М. В.
АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАМЕННОМ ПРИКАЗЕ (1775—1782) 111
Прибыткова А. М.
ПЕРВЫЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ НА АЛТАЕ (МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА) 121
Глезер Е. Н.
ДАЧА КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО НА НЕВЕ 145
Кириченко Е. И.
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ (ОТ ОТДЕЛЬНОГО ДОМА К КОМПЛЕКСУ) 153
Власюк А. И.
К ИСТОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛИЩ ДЛЯ РАБОЧИХ: В КОНЦЕ XIX В. В РОССИИ (КОЛОНИЯ ДЛЯ РАБОЧИХ ПРИ ФАБРИКЕ ТОВАРИЩЕСТВА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ) 171
Сизов Е. С.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХАНГЕЛЬСКОМУ СОБОРУ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ КОГДА БЫЛ ПОСТРОЕН АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР? 176
Воробьев А. В. и Смыслова В. А.
О ГАЛЕРЕЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА 178
Творогов Л. А.
О ДАТИРОВКАХ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ ПСКОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА 182
Милославский М. Г.
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЛАНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК XVII ВЕКА 185
Чернозубова Л. Е.
ОБРАЗЦОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ И ПЛОЩАДЕЙ НАЧАЛА XIX В. 188
Щербо Г. М.
УЗОРЧАТЫЕ МОСТОВЫЕ ПЕТЕРБУРГА 193

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАПО — Государственный архив Псковской области
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИМ, ОПИ — Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
МОГИА — Московский областной Государственный исторический архив
ОРК — Отдел редкой книги. Библиотека имени В. И. Ленина
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва)
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив (Москва)
ЦГВИАЛ — Центральный Государственный военно-исторический архив Ленинграда
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив Ленинграда
ЦНРМ — Центральные научно-реставрационные мастерские (Москва)
ЯСНРПМ — Ярославская специальная научно-реставрационная производственная мастерская

АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ СССР
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО № 15

* * *

Редактор *И. В. Киартано*
Художественная и техническая редакция *Л. Н. Брусиной*
Корректор *М. В. Иванова*

* * *

Сдано в набор 29/XI 1962 г. Подписано к печати 6/V 1963 г. Т-04760.
Бумага 84×108¹/₁₆ =6,25 бум. л. —20,5 усл. п. л (21,0 уч.-изд. л.).
Тираж 1000 экз. Заказ № 2554 Изд. № IX-7263 Цена 1 р. 89 к.

* * *

Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам
Москва, Третьяковский проезд, 1.

* * *

Типография № 1 Государственного издательства литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам,
г. Владимир

ОПЕЧАТКИ

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
38	правая	5—6 сверху	культурные	культовые
75	левая	4 снизу	собора	сбора
147	правая	Подпись под рис. 2	XIV в.	XIX в.
Содержание		18 сверху	Штейман Г. А.	Шенников А. А.

Зак. 2554